

IV

№ 2388

М Е Т О Д Ы

РАЗРАБОТКИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ПРАВА

И

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЮРИСТОВЪ

О Т Ъ

ГЛОССАТОРОВЪ ДО КОНЦА XVIII СТОЛѢТІЯ.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

19264 чсн. 17

ИЗСЛѢДОВАНИЕ А. СТОЯНОВА.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Чеховскаго и Зарина.

1 8 6 2.

И Д О В И

ВЫВОДЪ ИЛИ ПОСЛѢДСТВИИ ПРАВА

По опредѣленію юридическаго факультета печатать позволяется:
6 Іюля 1862 г. *Деканъ Паломбеикій.*

Слѣдуетъ

Му. ивн рдсе

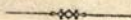
КАТЕДРА

Историческаго права

1862

Эта книга посвящается памяти Д. И. Мейера, какъ выраженіе чувствъ автора, вызванныхъ изученіемъ трудовъ покойнаго профессора и тѣмъ преданіемъ, которое живетъ о немъ едва ли не въ каждомъ университетскомъ центрѣ Россіи. У кого смилось въ одно прекрасное утро — и угадали только съ послѣднимъ движеніемъ жизни — любовь къ наукѣ, привязанность къ народу и святая вражда ко всему незаконному въ общественныхъ отношеніяхъ: тому принадлежитъ, по всемъ правамъ, названіе правоведа въ истинномъ смыслѣ слова. Съ почтеніемъ и любовію можетъ быть вписано подобное имя въ книгу о судьбахъ юристовъ, изъ которыхъ многіе умѣли быть великими учеными и добрыми гражданами въ своемъ отечествѣ.

СОДЕРЖАНИЕ

М Е Т О Д Ы
РАЗРАБОТКИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ПРАВА

И

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЮРИСТОВЪ ОТЪ ГЛОССАТОРОВЪ

ДО КОНЦА ХVIII СТОЛѢТІЯ.

Глава III. Школа Романская.

112-113

Глава IV. Школа Германская.

113-114

СОДЕРЖАНІЕ.

Введение.

О значеніи метода въ юриспруденціи. Связь между методами и школами юристовъ. Значеніе школъ въ наукѣ. Главная задача изслѣдованія

Страй.

V—XXIV.

Глава I. Глоссаторы, схоластики и первые гуманисты.

Характеристика средневѣковыхъ школъ въ смыслѣ университетскихъ корпорацій. Направленіе и методъ глоссаторовъ. Анализъ эзегезы въ ихъ методѣ. Обще-историческое значеніе, достоинства и недостатки послѣдняго. Отношеніе схоластики къ юриспруденціи. Раймундъ Луллій. Паденіе школы и метода глоссаторовъ. Юристы-схоластики. Начало гуманическаго движенія. Мафей Вергій; Полицианъ; Эверарди; Альды и книгопечатаніе. Анализъ идеи гуманической. Альціатъ и Ульрихъ Цазій—гуманисты въ юриспруденціи. Характеристика и параллель ихъ какъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей

1—27.

Глава II. Школа Французская.

Гуманическое движеніе, борьба его и окончательная побѣда надъ схоластикою. Общественное и политическое значеніе французскихъ юристовъ. Отношенія ихъ къ королямъ и народу. Ученая работы французскихъ юристовъ. Дуаренъ. Балдуинъ. Готоманъ. Куацій. Донелль. Дюмуленъ. Юристы XVII и XVIII столѣтій. Паденіе ихъ какъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Вышнія, политическія причины такого явленія. Анализъ историческаго элемента въ ученыхъ работахъ французскихъ юристовъ. Связь ихъ съ прежними школами и отношеніе къ позднѣйшимъ ученымъ явленіямъ во Франціи, Англіи и Германіи

28—111.

Глава III. Школа Голландская.

Связь этой школы съ французскою. Національное ея основаніе. Винній. Ульрихъ Губеръ. Иоаннъ Футъ. Нодтъ. Скультингъ. Бэнкерсгукъ. Была ли самостоятельна голландская школа? Анализъ мнѣнія Ганса по этому предмету. Общая характеристика голландской школы, дальнѣйшая судьба и слияніе ея съ германскою школою

112—152.

Глава IV. Школа Германская.

Замѣтка о германской юриспруденціи до второй половины XVII столѣтія. Лейбницъ. Анализъ взглядовъ его на значеніе римскаго права. «Новый методъ». Значеніе послѣдняго въ исторіи герман-

ской юриспруденціи. Параллель Томазія и Лейбница въ методологическомъ отношеніи. Элементы броженія въ германской наукѣ. Вольфіанизмъ и представитель его Неттельбладтъ въ отношеніи къ разработкѣ положительнаго права. Методъ демонстративный. Августъ Вахъ, какъ ученый противникъ этого метода. Методологическій эклектизмъ Гейнекція. Методъ аксиоматическій. Гейнекцій и его историческія работы. Близость Гейнекція къ Вейсу, учителю Савиньи, и точки соприкосновенія съ новою историческою школою. Гофакеръ. Общественное значеніе германскихъ юристовъ отъ половины XVII до конца XVIII столѣтій

Стран.

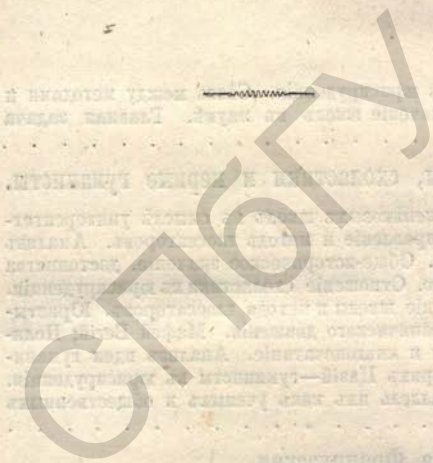
152—246.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Методологическая связь между учеными школами юристовъ отъ глоссаторовъ до Савиньи. Замятки о значеніи юристовъ, какъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей

247—275.

СОДЕРЖАНІЕ

Стран.
У—XIII

1—37

Глава II. Начало Фридриксма.

Въ первой главѣ, посвященной описанію историческаго процесса, мы увидѣли, что историческое право не есть простое отраженіе быта, а представляетъ собою продуктъ творческой дѣятельности юристовъ. Въ этой главѣ мы рассмотримъ, какъ историческое право развивалось въ Германіи въ XVIII и XIX вѣкахъ. Мы увидимъ, что историческое право не только не перестало развиваться, но достигло въ этотъ періодъ своего наиболѣе высокаго расцвѣта. Это объясняется тѣмъ, что историческое право въ этотъ періодъ стало играть все болѣе важную роль въ жизни государства. Оно стало служить основой для законодательства, а также и для судебнаго процесса. Это привело къ тому, что историческое право стало играть все болѣе важную роль въ жизни государства.

111—112

Глава III. Начало Гейнекція.

Въ этой главѣ мы рассмотримъ, какъ историческое право развивалось въ Германіи въ XIX вѣкѣ. Мы увидимъ, что историческое право не только не перестало развиваться, но достигло въ этотъ періодъ своего наиболѣе высокаго расцвѣта. Это объясняется тѣмъ, что историческое право въ этотъ періодъ стало играть все болѣе важную роль въ жизни государства. Оно стало служить основой для законодательства, а также и для судебнаго процесса. Это привело къ тому, что историческое право стало играть все болѣе важную роль въ жизни государства.

113—114

Глава IV. Начало Савиньи.

Въ этой главѣ мы рассмотримъ, какъ историческое право развивалось въ Германіи въ XIX вѣкѣ. Мы увидимъ, что историческое право не только не перестало развиваться, но достигло въ этотъ періодъ своего наиболѣе высокаго расцвѣта. Это объясняется тѣмъ, что историческое право въ этотъ періодъ стало играть все болѣе важную роль въ жизни государства. Оно стало служить основой для законодательства, а также и для судебнаго процесса. Это привело къ тому, что историческое право стало играть все болѣе важную роль въ жизни государства.

115—116

ВВЕДЕНИЕ.

Aedificium hujus universi structura sua, intellectui humano contemplanti, instar labyrinthi est... In rebus tam duris de judicio hominum ex vi propria, aut etiam de felicitate fortuita, desperandum est, neque enim ingeniorum quantacunque excellentia, neque experiendi alea, saepius repetita, ista vincere queat. Vestigia filo regenda sunt: omnisque via, usque a primis sensuum perceptionibus, certa ratione munienda. (Lord Bacon, Nov. Org. Praef. vol. IX p. 154.)

Задача настоящего труда есть чисто историческая, а именно: показать развитие и применение идей о методѣ разработки права положительнаго. Но вопросъ о методѣ имѣетъ также философское значеніе. Въ этомъ соглашаются ученые самыхъ противоположныхъ направлений. *Аренсъ*, который постоянно върнень синтезу и телеологии въ своихъ сочиненіяхъ, приводитъ ученіе о юридическомъ методѣ къ философскому вопросу объ основныхъ понятіяхъ, или категоріяхъ, Канта, Гегеля и Краузе (1). Позитивистъ *Бокль* разлагаетъ на составныя части идею науки вообще. Методъ является у него необходимымъ элементомъ научнаго

(1) Сравни. Ahrens. Juristische Encyclopädie. 1855. SS. 567 etc.

организма, и при томъ съ печатью философскаго духа по преимуществу (1). Въ настоящемъ трудѣ не можетъ быть рѣчи о такомъ философскомъ разсмотрѣніи. Здѣсь иная цѣль. Она тоже нелегка; но во всякомъ случаѣ въ ней не представляется непреодолимыхъ трудностей. Пусть другіе, болѣе сильные дѣятели, принимаютъ на себя задачи большей важности. Общая философская сторона юридическаго метода до сихъ поръ еще почти не тронута въ литературѣ. Во всякомъ случаѣ, на первыхъ страницахъ историческаго труда о методахъ можно помѣстить нѣсколько замѣчаній о сущности предмета, хотя бы съ точки зрѣнія простаго здраваго смысла. — Еще Бэконъ назвалъ методъ *логическимъ орудіемъ*, съ помощью котораго умъ человѣческой стремится къ познанію истины (2). Но сила этого стремленія встрѣчаетъ для себя первую задержку въ самомъ безпредѣльномъ богатствѣ предметовъ знанія. Какъ ослабить это препятствіе? Энергическимъ, неуклоннымъ трудомъ мысли. *Но какъ долженъ быть вѣденъ этотъ трудъ?* — Экономія времени и сила составляетъ едва ли не первое условіе для всякой человѣческой дѣятельности. Осуществить такую экономію въ научной работѣ есть назначеніе метода. Всякому извѣстна простая истина, что „взяться за дѣло, какъ слѣдуетъ“, есть лучшій задатокъ успѣшнаго его выполненія. Безъ этого умѣнья разбиваются нерѣдко энергическія усилія сдѣлать что-либо порядочное; безъ него самые сильные и зоркіе умы упускаютъ изъ виду истину. — Изъ всего этого не слѣдуетъ дѣлать преувеличенныхъ выводовъ о значеніи метода. Онъ служитъ *пособіемъ* высшей творческой силѣ, не болѣе. Но онъ не замѣняетъ творческой силы и не уравниваетъ талантовъ, какъ

(1) Buckle. History of Civilisation. V. 1.—PP. 820 821.

(2) Novum Organon. J. 2. Справ. C. Lewis. On the methods of observation and reasoning in politics. P. 4. etc. «Ut instrumenta manus motum aut cuncta aut regunt, ita et instrumenta mentis (methodus) intellectui aut suggerunt aut cavent».

думаетъ это Бэконъ (1). Просто и здраво замѣчаетъ *Корнваль Люизъ*, что доказывать такую мысль значить предполагать, будто обладаніе музыкальнымъ инструментомъ непременно обращаетъ въ артиста самого хозяина (2).

Не трудно понять, что важность метода для всякой науки вообще нисколько не ослабляется въ отношеніи къ юриспруденціи. Напротивъ, успѣхи ея, такъ же какъ вездѣ, должны идти параллельно движенію и примѣненію идей о методѣ. Способъ разработки научнаго матеріала является естественнымъ послѣдствіемъ основнаго воззрѣнія на сущность его. Идея метода есть вѣрное зеркало, гдѣ обозначается общая идея предмета знанія. Кто расходится въ послѣднемъ, тотъ необходимо разойдется въ первомъ, что можно объяснить самыми простыми и общими примѣрами. Какъ всякій свободный дѣятель въ наукѣ, юристъ воленъ имѣть различныя идеи объ объективной природѣ права. Послѣднее можетъ совершенно совпадать въ его глазахъ съ формою закона писаннаго, даннаго ближайшимъ законодателемъ, или дошедшаго по преданію. *Законъ и писанный разумъ* (*ratio scripta*) сдѣлаются для него синонимами. Съ другой стороны, *законъ* можетъ представляться одною внѣшнею формою, въ которой выражается частнымъ образомъ объективное содержаніе. Ясно, что въ обоихъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи о единствѣ и тожествѣ въ приемахъ обработки матеріала научнаго. Для одного юриста, съ данной формою слито все содержаніе; для другаго — надъ данною формою господствуетъ высшее, независимое содержаніе. Первый сосредоточитъ свою дѣятельность надъ закономъ. Понять его, раскрыть внутренній смыслъ толкованіемъ: вотъ-что будетъ казаться главнымъ дѣломъ науки. Если законы собраны въ одно

(1) «Nostra enim via inveniendi scientias exaequat fere ingenia, et non multum excellentiae eorum relinquit, cum omnia per certissimas regulas et demonstrationes transigit etc». Nov. Org. 1. 122.

(2) G. Cornw Lewis. U. S. P. 5.

цѣлое путемъ кодификаціи, юристъ будетъ экзегетомъ по преимуществу. Если этого нѣтъ; ежели законы разрознены, юристъ сдѣлается прежде всего собирателемъ и догматикомъ. Не такъ вы будутъ приемы юриста во второмъ, указанномъ нами, случаѣ. Его станеть занимать вопросъ о томъ: какъ именно объективное, высшее начало дѣлается частнымъ (конкретнымъ), положительнымъ? Экзегеза и догматика въ данномъ матеріалѣ останутся у него пока въ сторонѣ; на первомъ планѣ будетъ выводъ права изъ идеи, или изъ начала всеобщаго. Въ работѣ его обнаружатся приемы философскіе. Но здѣсь опять возникаютъ частности. Выводъ одного можетъ клониться къ разуму, какъ единственному источнику всѣхъ коренныхъ идей въ природѣ человеческой. Выводъ другаго прійдетъ къ началу органическаго образованія подъ творческимъ вліяніемъ духа народнаго. Въ первомъ случаѣ будетъ преобладать элементъ діалектическаго развитія; во второмъ — возстанеть съ особенною силою возрѣніе историческое. Въ обоихъ случаяхъ понятно, что, вмѣстѣ съ различными возрѣніями на сущность предмета, вносятся такія начала въ науку, которыя прежде всего измѣняютъ способъ обработки и затѣмъ, весьма часто, внутреннее ея *содержаніе*. Такимъ образомъ, юристу необходимо искать опредѣленнаго и правильнаго отношенія къ предмету знанія. Какъ *благочестивое желаніе* такого направленія въ юриспруденціи, можно считать слѣдующую формулу Аренса: „истинный методъ, подобно самому праву, долженъ быть выработанъ сообразно организму *дѣйствительныхъ*, „жизненныхъ отношеній. *Здѣсь*, кромѣ естественной стороны, от- „ражаются во всей цѣлости нравственный характеръ и цѣль чело- „вѣческой жизни въ обществѣ“ (1). Въ самомъ дѣлѣ, соображеніе дѣйствительныхъ, жизненныхъ отношеній, въ которыя вхо-

(1) Ahrens. Jur. Encyclop. S. 590.

дять, какъ норма, право положительное, есть условіе существенное. Оно прилагается къ обработкѣ права положительнаго, безъ отличія *дѣйствующаго* отъ *не дѣйствующаго*. Что дѣлаетъ наука въ отношеніи послѣдняго? Она старается *понять* его. Но старыя, отжившія учрежденія собственности, договоровъ, брака и пр. не могутъ быть вполне поняты въ одной отвлеченной формѣ закона. Здѣсь обобщено то, что было уже въ дѣйствительной жизни, прежде чѣмъ перешло въ формулу закона извѣстными путями право-творящей силы въ обществѣ. Такъ экономическія отношенія римлянъ должны проливать сильный свѣтъ на ученіе о собственности, владѣніи и т. д. Религіозныя и нравственныя понятія ихъ на каждомъ шагѣ высказываются въ отношеніяхъ семейственныхъ. Отсюда ясно и опредѣленно выступаетъ обязанность юриста: сводить изученіе римскаго права къ организму окружавшихъ его условій жизни дѣйствительной.

Слѣдуетъ-ли подробно доказывать необходимость того-же самаго приема относительно права дѣйствующаго? Здѣсь дѣло говорить само за себя. Если *прошедшее право* можетъ быть понято только въ силу вышеуказаннаго приведенія его къ общему знаменателю со всею жизнію даннаго народа; то нѣтъ никакого основанія отрывать отъ дѣйствительной почвы *право современное*. Послѣднее пустило корни, которые, такъ сказать, полны еще соковъ, и которые могутъ быть видимы для глаза, вооруженнаго сильнымъ аппаратомъ юридическаго анализа. Нужно только сознаться, что работа юриста въ этомъ случаѣ нѣсколько усложняется. Неизвѣстно, до какой степени процессъ наблюденія надъ живыми, современными явленіями легче изученія міра прошедшаго? Можетъ статься, трудности этихъ работъ окажутся неравномѣрными, но только въ обратномъ отношеніи. Замѣчательно, что ученая юридическая литература представляетъ множество удачныхъ воспроизведеній прошедшаго и весьма мало трудовъ, гдѣ

были бы видны самостоятельное изученіе и наблюденіе существующихъ явленій (1).

Независимость, равно чуждая страдательной воспримчивости и узкой исключительности, оказывается необходимымъ условіемъ научнаго метода. На первомъ планѣ для него должна стоять самостоятельная, историческая, національная сторона въ данномъ матеріалѣ. Тогда только можетъ быть достигнута цѣль юриспруденціи *sensu stricto*, т. е. приведеніе отдѣльныхъ частей положительнаго права въ систему, сообразно истинному духу и основнымъ началамъ его. Методика юриспруденціи требуетъ отъ ученаго дѣятеля уваженія къ тому, что существуетъ на почвѣ народной жизни, не теряя изъ виду возможной связи со всеобщимъ началомъ въ природѣ различныхъ юридическихъ установленій. Аналитическая работа юриста должна состоять въ строгомъ, внимательномъ изученіи тѣхъ жизненныхъ отношеній, которыя требуютъ юридическаго опредѣленія. Здѣсь-то придется ему принимать на себя трудную роль наблюдателя въ самыхъ разнообразныхъ ея отбѣнкахъ. „Въ учебникахъ нашихъ,“ говоритъ *Фольграфъ* (2), „обыкновенно утверждаютъ, что обязательства возникаютъ изъ договоровъ. Но нигдѣ не видно вопроса: откуда же возникаютъ самые договоры?... Каждый начинающій юристъ долженъ былъ бы взяться сперва за изученіе народной экономіи, а потомъ уже за право частное. Можно прекрасно усвоить теорію экономическихъ отношеній, не будучи юристомъ, но не на обороть.“ Синтетическая работа должна слѣдовать за анализомъ. Узнавши природу извѣстнаго отношенія, легче будетъ рѣшить: какое именно юридическое начало можетъ быть выведено изъ всей совокупности этихъ началъ и принято за норму въ данномъ случаѣ. Окончательное согласованіе юридической нор-

(1) Ср. Ahrens. Jur. Enc. S. 587.

(2) Сравн. Ahrens. Jur. Enc. S. 374.

мы съ отношеніями, которыя подлежали опредѣленію, является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого процесса логическаго. Такимъ путемъ должны примыкать новыя органическія части къ данной системѣ права положительнаго. Таковъ долженъ быть ходъ юридическаго мышленія, если методъ юриспруденціи дѣйствительно имѣетъ право называться *объективно-диалектическимъ*. (1) Бояться произвольнаго (субъективнаго) элемента въ приемахъ научныхъ: вотъ отрицательная сторона методической формулы. *Держатся объективнаго, даннаго, дѣйствительнаго*: вотъ гдѣ сторона положительная. Такимъ образомъ, наиболѣе совершенный методъ есть тотъ, который разрабатываетъ положительное право, какъ *органическое члво, образовавшееся путемъ историческимъ и состоящее въ самой близкой связи съ дѣйствительною жизнью народа*. Другими словами, въ понятіи совершеннаго метода должны заключаться элементы: систематическій, историческій и практическій.

„Юриспруденція отрѣшилась бы отъ своего существа, еслибы она упустила изъ виду постоянное, непосредственное вліяніе на жизнь,“ говоритъ Пухта (2). Прекрасно доказываетъ талантливый ученый этотъ, почему истинный юристъ, будучи *практикомъ*, не можетъ сдѣлаться *законникомъ*. По его мнѣнію, ложно понимаютъ значеніе пракческаго элемента въ юриспруденціи, когда думаютъ, „что ей слѣдуетъ заниматься однимъ перечисленіемъ тѣхъ „юридическихъ положеній, которыя должны быть непосредственно „прилагаемы къ современной жизни.“ Въ самомъ дѣлѣ, даже такое спокойное воззрѣніе не можетъ отвести естественнаго, необходимаго вопроса: да *откуда же* брать такія готовые положе-

(1) Warnkönig. Jur. Enc. SS. 78, 79. «Alles juristische Denken ein Streng logisches ist...» «Aber dies Verfahren muss überall ein objectiv-dialectisches sein: die Momente der Gegensätze müssen in dem objectiv gegebenen aufgesucht und nicht nach subjectiven in die Verhältnisse hineingetragen Jdeen wieder gegeben werden etc.

(2) Cursus der Institutionen. S. 105.

нія? Настоящій отвѣтъ на это „откуда“ приведетъ къ необходимости иныхъ элементовъ въ юриспруденціи, кромѣ механической работы законника. „Сообразно такому практическому воззрѣнію на юриспруденцію“ — продолжаетъ Пухта „можно было бы „потребовать отъ садовника, чтобы онъ сажалъ деревья съ плодами, уже созрѣвшими. Вѣдь его задача также чисто-практическая, а на вопросъ: „гдѣ взяли ихъ?“ всегда можно указать „сосѣда, въ саду котораго деревья выросли“.

Молодая наука русской юриспруденціи имѣетъ право съ гордостью указать въ этомъ отношеніи на покойнаго профессора С.-Петербургскаго Университета, *Д. И. Мейера*. Воспитанникъ Германскихъ ученыхъ, замѣчательный человѣкъ этотъ можетъ служить образцомъ для нашихъ юристовъ. Онъ показалъ, что есть средство изучать западную науку и, извлекая изъ нея здоровые соки, выходить самостоятельнымъ дѣятелемъ на своей родинѣ. Цѣлые годы жизни и громадный запасъ силъ потратилъ онъ на изученіе обычаевъ и юридическихъ воззрѣній народа. Слѣды подобной работы видны на каждомъ шагѣ въ немногихъ изданныхъ его сочиненіяхъ. „Наука гражданского права не можетъ ограничиться изученіемъ положительныхъ гражданскихъ законовъ,“ „говоритъ Мейеръ (1). „Изученіе законовъ дѣйствительности требуетъ постоянного наблюденія надъ явленіями дѣйствительности, обширнаго знакомства съ жизнью, разоблаченія многихъ юридическихъ отношеній, тайныхъ для постороннихъ лицъ—все это дѣло не легкое. Потому, если существуетъ воззрѣніе, что юриспруденція состоитъ въ изученіи положительныхъ законовъ, очень легко поддаться ему: человѣкъ очень склоненъ успокоивать совесть свою какими-бы-то ни было средствами и, видя трудность въ изученіи законовъ дѣйствительности, охотно хватается за мнѣ-

(1) См. *Русское Гражданское право*. Изданіе Вишняка. Выпускъ 1-й, стр. 15 и слѣд.

„не, что знаніе положительныхъ законовъ составляетъ науку права, вовѣдѣнія.“ — Сжато, но замѣчательно-свѣтло и полно, характеризуетъ онъ потомъ значеніе практическаго элемента, который является у него завершеніемъ идеи обработки положительнаго права, во всей ея цѣлости. Такую цѣлость видитъ онъ въ сочетаніи *исторіи, догматики и практики* въ методѣ.

Послѣ всего этого, можно точнѣе опредѣлить рамку настоящаго труда. Онъ не долженъ переходить за предѣлы ученой исторіи права положительнаго. Разнородность и масса матеріала легко могутъ ослабить самыя добросовѣстныя усилія. Предположенная цѣль естественно сосредоточила настоящее разсужденіе *на исторіи ученыхъ приемовъ въ разработкѣ права римскаго*. Что послѣднее подлежало наиболѣе правильному и методическому изученію, это признаютъ люди самаго скептическаго направленія въ наукахъ юридическихъ и политическихъ (1). Даже *Кирхманъ*, авторъ извѣстной брошюры „о научной негодности юриспруденціи,“ порицая современную германскую науку, съ похвалою отозвался о *Донелли* и *Куяциѣ*. И для него, одно настоящее нашей науки темно, а въ прошедшемъ видитъ онъ эпохи стройнаго, органическаго ея развитія (2). Такимъ образомъ, по самой сущности дѣла, исторія метода должна основываться преимущественно *на школахъ юристовъ*, которые разрабатывали въ Европѣ положительное право римскаго народа. Постоянная и близкая связь *ученыхъ школъ съ методами*, какъ орудіемъ науки, такъ очевидна, что не требуетъ доказательствъ. Исторія метода внѣ ихъ предѣловъ немыслима. Она была бы

(1) C. Lewis. Influence of Authority in matters of opinion. P. 46. «It ought not to be overlooked that municipal or positive law, among the political sciences, receives an exclusively scientific and professional treatment etc». Сравни. Ibidem. P. 155. Также Ahrens (Jur. Enc S. 565.).

(2) Kirchmann. Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft. SS. 110. 1.

лишена твердой основы, почвы, на которой главнымъ образомъ коренится изучаемое историческое явленіе. Эти краткія указанія достаточно объясняютъ, почему можно предпослать подробному изложенію вопроса о методахъ характеристику школъ, съ точки зрѣнія общаго значенія ихъ въ наукѣ. *«Истина не знаетъ школъ, и наука допускаетъ школы только какъ частныя, переходящія моменты въ своемъ развитіи,»* сказалъ Блунчли, уясняя въ одномъ изъ своихъ сочиненій новѣйшія научныя движенія въ германской юриспруденціи (1). Въ словахъ этихъ высказана мысль, принять которую можно только при дальнѣйшемъ развитіи ея нѣсколько догматически выраженного, смысла. Ясно, что Блунчли представляетъ здѣсь общій выводъ, историко-философское воззрѣніе. Наблюдая съ такого пункта, опытному и знающему глазу можно прослѣдить весь, часто длинный, путь извѣстнаго историческаго явленія, — понять внутренній смыслъ его и подвести подъ одинъ высшій законъ многія частности и уклоненія. Истина и наука въ отвлеченномъ ихъ представленіи могутъ, конечно, отдѣлять себя отъ тѣхъ, болѣе или менѣе заключенныхъ, группъ, которыя называются учеными школами. Не таково положеніе науки въ дѣйствительности, когда она еще развиваетъ свой организмъ, когда она только-что начинаетъ вырабатывать для себя истину. Здѣсь должна она сойтись лицомъ къ лицу съ жизнію, стать на извѣстномъ, точно-опредѣленномъ, пространствѣ и подчиниться на время личному влиянію своихъ представителей; словомъ, здѣсь для нея невозможно безразличное отношеніе къ школамъ ученыхъ дѣятелей. Напротивъ, между наукою и истиною съ одной стороны, и между всякою серіозною ученою школою съ другой, можетъ возникать та связь, которая видима между содержаніемъ и формою, между идеею и ея выраженіемъ. Мысль нуждается въ словѣ; наука съ истиною — въ открытіи,

(1) Bluntschli. Die neueren Schulen der deutschen Juristen. S. 67.

разработкѣ и распространѣніи. Ученая школа поднимаетъ особое знамя, потому что, отыскивая истину, всякій волею подходитъ къ ней съ различныхъ сторонъ, на которыя укажутъ изслѣдователю собственный гений его и дѣйствительныя, болѣе или менѣе ясно-сознаваемые, требованія науки. Лучшій путь къ единству ведетъ черезъ многія особенности. Потому-то ученые школы получаютъ нерѣдко значеніе необходимыхъ явленій въ сферѣ науки. Основаніе ихъ лежитъ въ ограниченности средствъ чловѣка, который теряется передъ массою предметовъ знанія (1). Отсюда существенная потребность въ *раздѣленіи труда*. Отсюда обособленіе не только въ *выборъ, но и въ самомъ методъ* занятій; Отсюда наконецъ *свободное, сознательное подчиненіе авторитету* извѣстнаго ученаго направленія, безъ чего немыслима сколько нибудь крѣпкая организація ученыхъ школъ. Преемственность идей и методовъ въ научной работѣ составляетъ необходимое условіе ихъ образованія и развитія. Незабывая той истины, что „требованія науки выше всякаго личнаго величія“, ученые школы всегда могутъ достигнуть примиренія въ своей сферѣ двухъ началъ: *авторитета и свободы*. „Есть нѣчто глубокознаменательное въ началѣ *авторитета*, когда не осуществляютъ его деспотически, говоритъ Ж. Г. Льюезъ (2), и нѣчто существенно-анархическое въ началѣ *свободы мысли*, если оно не ограничено извѣстными предѣлами. Оба они — авторитетъ и свобода — необходимыя начала, которыя становятся ослабляющими или разрушающими только отъ злоупотребленія... Свободное начало предоставляетъ полную волю умственной дѣятельности, обезпечиваетъ контроль надъ авторите-

(1) G. C. Lewis. U. S. P. 66. «In each subject, the first attempts at a scientific treatment are crude, imperfect, and alloyed with rash hypotheses and there is much hasty induction from single facts or partial phenomena. Numerous discordant opinions thus arise, and there are rival schools and sects, each with its own set of distinctive tenets etc.

(2) J. Henry Lewes. The biographical History of Philos etc. 1857. P. 312 etc.

„томъ, побуждаетъ людей къ повѣркѣ его, подвергая положенія „его тѣмъ элементарнымъ опытамъ въ силу которыхъ онъ (автори- „тетъ) установился.“

Въ такомъ согласованіи заключается одно изъ самыхъ важныхъ условій для правильнаго дѣйствія школъ въ области науки. Оно представляется осуществленіемъ мысли, которую выражалъ Бэконъ, по обыкновенію своему, немногими, но сильными, точно - награвированными словами. — Когда правильное отношеніе къ началамъ авторитета и свободы соединяется съ объективными, строго научными цѣлями, тогда школа можетъ быть смѣло названа полезнымъ органомъ. Здѣсь-то выступаетъ, во всей полнотѣ, выгодная сторона распространенія истины группою людей, крѣпко сплоченныхъ въ одно пѣлое силою общаго, горячаго убѣжденія. Здѣсь принесутъ большой процентъ всѣхъ существенныхъ условій и послѣдствій такого соединенія. Вообще, вопросъ о значеніи умственнаго авторитета, который естественно возникаетъ при изученіи общихъ свойствъ ученыхъ школъ, очень важенъ. Это едва-ли не самая щекотливая сторона въ ихъ организаціи. Сюда обыкновенно направляются нападки: въ школахъ, большею частію, хотять видѣть, во чтобы то ни стало, конецъ свободному развитію ученой дѣятельности. Воззрѣніе такое — кажется намъ — болѣе всего опредѣляется заранѣе составленнымъ и непровѣреннымъ предубѣжденіемъ противъ умственнаго авторитета. Это несправедливо. Начало авторитета въ дѣлѣ мнѣній не только не исключаетъ, а даже требуетъ самостоятельной провѣрки, т. е. свободного элемента. Безъ этого ограниченія, дѣйствительно возникаютъ слѣпой догматизмъ и рутина; но тогда уничтожается истинное значеніе умственнаго авторитета (1). Энергическіе возгласы противъ послѣдняго, которые нерѣдки въ са-

(1) «Oportet discentem credere, sed oportet edoctum judicare». —

(2) C. Lewis. U. S. P. 368, 369. „When we speak of the triumph of

мыхъ незрѣлыхъ и наименѣе самостоятельныхъ произведеніяхъ нашей литературы, заставляють приемотрѣться къ разрѣшенію этаго вопроса ученымъ и притомъ скептическимъ представителемъ вполне зрѣлой и самостоятельной литературы. По мнѣнію *Кориваля Льюиза*, начало авторитета имѣетъ весьма широкую и полезную сферу дѣйствія. Являясь въ формѣ *здраваго, основательнаго довѣрія* (Well-placed confidence), оно очень близко подходитъ къ разумному кредиту въ торговыхъ отношеніяхъ. Оно обращаетъ на пользу общую то, что могло бы остаться не производительнымъ въ головѣ ученаго дѣятеля (1). Въ этомъ отношеніи, Льюизъ признаетъ его однимъ изъ главныхъ элементовъ гражданственности. „Расположеніе къ довѣрію — въ связи съ умѣньемъ и осторожностью въ выборѣ компетентныхъ руководителей — составляетъ признакъ образованности и служитъ средствомъ къ дальнѣйшему усовершенію общественному. Съ другой стороны, общая наклонность къ недоувѣрію и подозрительность, въ связи съ слѣпымъ и случайнымъ подчиненіемъ безчестнымъ и негоднымъ руководителямъ, обнаруживаютъ отсталость и препятствуютъ прогрессивности“ (2). Послѣ этого можетъ быть яснѣе отвѣтъ на вопросъ: есть ли основаніе преслѣдовать, во что бы то ни стало, начало умственнаго авторитета въ школахъ ученыхъ дѣятелей? Въ тѣхъ нормальныхъ предѣлахъ, которые указаны выше, начало это вполне законно и можетъ быть обращено на пользу истинныхъ интересовъ знанія.

Высказывая это, мы надѣемся избѣгать упрека въ слѣпой преданности школамъ и въ безусловномъ ихъ хваленіи. Говоря о томъ, чѣмъ *должна быть* ученая школа, не опредѣляютъ еще

reason over authority... and adopt the received language on this subject, we must be careful not to confound under the name of submission to authority, two distinct intellectual defects etc..»

(1) Ibidem. P. 401.

(2) P. 399.

того, *чѣмъ были они въ действительности*. Всѣмъ и каждому извѣстно, что, на дѣлѣ, школа образуетъ часто въ своихъ членахъ духъ догматической нетерпимости;—что она навязываетъ нерѣдко страдательную роль тому, кто могъ бы остаться свободнымъ дѣятелемъ (1). Не ново ни для кого и то, что, въ тѣсныхъ предѣлахъ школы, легче всего развиться умственной ржавчинѣ, называемой педантизмомъ. „Тогда, говоритъ остроумный *Максъ Миллеръ* (2), ученой школѣ нетрудно обратиться въ отрядъ рыцарей печальнаго образа, которые полны пламеннаго обожанія къ Дульцинеѣ въ черномъ покрывалѣ и съ черствымъ сердцемъ: къ отрѣшенному отъ жизни знанію“. Мало этого: педантическая гордость и школьная исключительность дѣлали зло не въ однѣхъ книгахъ и аудиторіяхъ. Средневѣковые реалисты не довольствовались діалектическимъ оружіемъ, а искали иныхъ, болѣе существенныхъ, средствъ къ низложенію своихъ противниковъ (3). Сорбонскіе профессора начали судебный процессъ противъ знаменитаго *Рамуса* и товарищей его, дозволившихъ себѣ уклоненія отъ принятаго въ Сорбоннѣ произношенія латинскихъ буквъ (4). Бранныя анаграммы *Куяція* противъ *Г. Бодина* и другихъ, споръ о „Новеллахъ“ *Бинкертуса* съ *Паганинеллеромъ* и т. п. факты, которыми изобилуютъ ученые біографіи, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, къ какимъ страннымъ

(1) *Nec vero probare soleo id quod de Pythagoreis accepimus*, говоритъ Цицеронъ, «*quos ferunt si quid affirmarent in disputando, cum ex iis quaereretur, quare ita esset, respondere solitos; Ipse dixit—ipse autem erat Pythagoras. Tantum opinio praepjudicata poterat, ut etiam sine ratione valeret auctoritas*» (De nat. Deor. l. 5.) сравн. C. Lewis U. S. P. 388.

(2) Max Miller. The german classics from IV to the XIX cent. London. 1858.

(3) Въ этомъ отношеніи любопытны осудительные приговоры парижскаго университета (1339 г.) противъ логики номиналиста *Оккама*, а также строгіе ордонансы о конфискаціи и сожженіи книгъ этой школы Людовика XI. Подобными фактами наполнено плохое, но многотомное сочиненіе: Duc de Caraman, *Histoire des Revolutions de la philo en france etc.* ср. т. 3. стр. 274, 275.

(4) Bayle. Dictionnaire historique et critique. T. IV. p. 27. Article Ramus, N-ta 3.—

крайностямъ можетъ повести самыхъ крупныхъ людей духъ доктрины, подъ влияніемъ страстей и слабостей природы человѣческой (1). Намъ впрочемъ кажется, что, признавая дѣйствительность такихъ явленій, нужно видѣть въ нихъ уклоненія отъ нормальной природы ученыхъ школъ, какъ органовъ науки и истины. Главное дѣло въ томъ: на сколько извѣстная группа ученыхъ людей схватила живую, существенную сторону предмета,—на сколько она разъяснила его и привила къ здоровому корню положительнаго, научнаго знанія. Все остальное отпадаетъ само собою, какъ шелуха отъ зерна, которое идетъ въ ростъ или на удовлетвореніе нуждъ человѣческихъ. Многотомные *лербухи* и инныя мертворожденные дѣти педантизма останутся грѣхомъ, который вмѣстѣ съ собою несетъ свое осужденіе и наказаніе: въ общемъ равнодушіи. Увлеченія, грубыя и жолчныя нападки на противниковъ, конечно, занесутся не въ лучшія страницы ученой исторіи; но осужденіе ихъ не помѣшаетъ потомству отдѣлить полныя зерна отъ пустыхъ и глубоко уважать то, что было результатомъ честныхъ стремленій къ отысканію истины.

Въ заключеніе, не нужно забывать и того, что полемика почти необходимое оружіе ученыхъ школъ, назначеніе которыхъ—открывать и проводить въ жизнь то, что считаютъ онѣ истиной. Всякому извѣстно, какъ трудно это дѣло,—какія препятствія, со всѣхъ сторонъ встрѣчаетъ оно при своемъ выполненіи. Въ наукѣ успѣхъ безъ борьбы также невозможенъ, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ жизни. Крайнее развитіе одного направленія почти всегда вызываетъ напряженіе послѣднихъ силъ со стороны другаго, по видимому побѣжденнаго. Этимъ могутъ отчасти объясняться въ ученыхъ школахъ многія рѣзкія, исключительныя

(1) Сравн. Hugo. Lehrbuch ein. civil. cursus. 6 B. S. 264.—Jugler. Beiträge zur juristischen Biographie. Leipzig, 177. I B. SS. 27, 28.—

явленія. „Истина въ великихъ практическихъ интересахъ жизни „до такой степени зависитъ отъ примиренія и соединенія противоположностей, что весьма немногіе умы оказываются способными „и безпристрастными въ такой мѣрѣ, сколько нужно это для „справедливаго соглашенія,“ говоритъ *Милль* (1). „Къ послѣд- „нему приходится идти суровымъ путемъ борьбы въ рядахъ бой- „цовъ, которые сражаются подъ враждебными знаменами.“—Ког- да ученая школа успѣетъ добыть ту частицу истины, которая была предметомъ ея стремленій: тогда оканчивается для нея не только полемическая, но и вообще *дѣятельная роль*. *Трудъ ея становится достояніемъ общечеловѣческимъ* и долженъ быть добросовѣстно переданъ настоящему своему хозяину. Тогда сама школа дѣлается предметомъ науки, и позднѣйшая жизнь возвращается къ своему прошедшему съ одними вопросами критики и историческаго изученія.

Съ такими вопросами обращаемся мы теперь къ ученымъ школамъ въ юриспруденціи. Истины этой науки также составляютъ великій практическій интересъ въ жизни человѣческой. Любопытно взглянуть: какъ именно относились къ юридической истинѣ непосредственные ея представители. Замѣчательно, что самыя первыя школы юристовъ (у римлянъ) остались чуждыми тѣхъ яростныхъ сектаторскихъ волненій, которыя запятнали преступленіями, болѣе раннія, школы философскія. *Анттей Капитонъ* не пытался отравлять своего противника. Напротивъ, *Пухти* приводитъ отрывокъ изъ письма Капитона, гдѣ отдается полная справедливость первостепенной учености *Лабсона*. Капитонъ жалѣлъ только объ одномъ: „что человѣкомъ этимъ завладѣлъ какой-то чрезмѣрный и безумный духъ свободы, дошедшій до того, что когда уже божественный Августъ сталъ во главѣ государства и сдѣлался властителемъ, и тогда онъ считалъ незыб-

(1) Mill. On liberty. P. 86.—

лемымъ и цѣннымъ только то, что признавала священнымъ и справедливымъ старина римская“ (1). Критика эта, конечно, строга; но она далека отъ ожесточенности. Капитонъ игралъ болѣе выгодную и менѣе опасную роль въ первыхъ политическихъ процессахъ при Тиберіѣ. — Разладъ обоихъ противниковъ не ограничивался одними началами государственными. Онъ продолжался въ сферѣ права частнаго. Но здѣсь роли перемѣнились. Лабенъ, стремился къ нововведеніямъ, старался сблизить свою науку съ другими отраслями человѣческаго знанія. Капитонъ, напротивъ: „упорствовалъ въ томъ, что перешло по преданію.“ Около нихъ сгруппировались ученики и такимъ-то образомъ, какъ говоритъ Помпоній: „оба они впервые образовали ученые школы“ (2). Но не смотря на названіе сектъ у историка, спокойно и дѣльно работали другъ возлѣ друга двѣ первыя ученія школы въ юриспруденціи. „Не школами создавались ученые споры, а самыя школы, были вызваны учеными спорами“ (3). Ни сами основатели, ни первые ученики и дальнѣйшіе послѣдователи обѣихъ школъ не заявляли притязаній на исключительную правовѣрность своихъ ученыхъ взглядовъ и пріемовъ. Почтительные къ авторитету своихъ учителей, ученики защищали ихъ мнѣнія въ случаѣ нападенія. Но не было рабскаго подчиненія своихъ собственныхъ воззрѣній. Напротивъ: въ періодъ около двухсотъ лѣтъ, когда длилось существованіе школъ, не рѣдко случалось, что различіе между ихъ приверженцами (4) оставалось, по разнымъ вопросамъ, однимъ формальнымъ лозунгомъ; мнѣнія однихъ находили себѣ защиту и признаніе въ противоположномъ ученomъ лагерѣ. За-

(1) «...Agitabat hominem libertas quaedam nimia et vecors...» Ср. Puchta, Institutionen, § 48. S. 445. N-та 6. Извлеченіе изъ Авла Геллія.

(2) Hi duo primum veluti diversas sectas fecerunt.

(3) Puchta. Institutionen. S. 451.

(4) Nostri praeceptores et diversae scholae auctores.

замѣчательное и рѣдкое явленіе въ ученой исторіи! Можетъ статься, оно было осуществимо только въ сферѣ римской юриспруденціи, развитіе которой шло особеннымъ путемъ, исполненнымъ достоинства, силы и замѣчательной правильности. — И въ самомъ дѣлѣ, Лабеоны явился, какъ нельзя болѣе кстати, съ новымъ своимъ воззрѣніемъ. Старый формализмъ сидѣлъ весьма крѣпко на почвѣ римской юриспруденціи. Еще не за-долго до Лабеоны, образованнѣйшіе и разносторонніе умы не совсѣмъ благосклонно смотрѣли на эту практическую науку. Цицеронъ расхвалилъ юриста Сервія Сульпиція Руфа, но назвалъ, въ одной изъ рѣчей своихъ, юриспруденцію „легкою наукою“ (*tenuis scientia*). Но Цицеронъ былъ послѣднимъ представителемъ той эпохи, когда первенствовало искусство ораторское; оно опиралось на потрясенныя уже республиканскія учрежденія. Наступали мученическія времена римской свободы; замолкала не стѣсенная рѣчь; и тутъ-то суждено было начаться процвѣтанію науки праваримскаго. Лабеоны началъ собою и своею школою то научное движеніе, которое остановилось только съ великими классическими юристами. Тихою, ясною смертію умерли обѣ знаменитыя школы юридическія. Пухта доказываетъ, что извѣстный Гай былъ послѣднимъ представителемъ сабиніанскаго ученія (1).

Такова первая страница изъ жизни ученыхъ школъ въ юриспруденціи. Она раскрыта здѣсь, въ качествѣ пролога къ исторіи однородныхъ явленій въ другой сферѣ, на величавыхъ лицахъ и событіяхъ міра римскаго. Впечатлѣніе вполне отвѣчаетъ достоинству предмета и, на первый разъ, никакъ не приводитъ къ заключенію, чтобы истина могла безразлично относиться къ ученымъ школамъ въ юриспруденціи. Строго-нормальный характеръ только-что очерченныхъ явленій скорѣе всего подтвердить

(1) U. S. — SS. 467, 468 и 469.

собою обратное предположеніе: *Истина не может нежать школы, и наука допускает ихъ, конечно, какъ переходящія, но неизбежныя и нередко полезныя моменты въ своемъ развитіи.* Ко всякой наукѣ вполне приложима мысль, которую высказалъ Кунно-Фишеръ, начиная свои философскія лекціи. „Совершенно-невозможно, чтобы въ человѣкѣ возникало стремленіе къ истинѣ, еслибы она лежала, какъ неизвѣстная страна, внѣ предѣловъ его зрѣнія. Никогда не открылъ бы Колумбъ западнаго міра на океанѣ, не открывши его предварительно въ головѣ своей“ (1). Въ самомъ дѣлѣ, истина нигдѣ не является *готовымъ догматомъ внѣ человека*, которому стоитъ только придти и взять ее; нигдѣ не возникаетъ она также *вдругъ*, по мистическому сказанію, изъ головы ученыхъ дѣятелей. Съ одной стороны, истина *скрыта* въ глубинахъ міроваго порядка и явленій; съ другой-никакъ нельзя отдѣлять ее отъ людей и отъ того элемента въ природѣ ихъ, что называется мыслящимъ духомъ человѣческимъ. *Здѣсь* вспыхиваетъ всегда первая искра, которая можетъ горѣть чистымъ и яркимъ пламенемъ истины. Развитие научной истины есть своего рода драма, гдѣ нужны сильныя, талантливыя, неутомимыя дѣятели. Такой личный и необходимый элементъ въ исторіи нашей науки представляютъ собою школы юристовъ, о которыхъ излагается въ слѣдующихъ отдѣлахъ настоящаго разсужденія.

Еще выше сказано было вкратцѣ о томъ, что именно должно входить сюда. Предметъ науки и дѣятельность ея органовъ могутъ быть разсматриваемы съ разныхъ сторонъ. Здѣсь выбрана одна изъ нихъ: *методъ*, ученые приемы, способъ разработки научнаго матеріала юристами. Но, въ нашемъ случаѣ, матеріаль этотъ есть положительное право, которое вездѣ должно становиться въ опредѣленныя и близкія отношенія къ жизни практической. Его нельзя заключить въ тиши ученыхъ кабинетовъ,

(1) Kuno. Fischer-Geschichte der neueren Philosophie. I. B. Erste Vorlesung. S. 11.—

не нарушая тѣмъ существа его. Напротивъ, проникнувшись духомъ своихъ ученій, юристы выходили вездѣ на житейское поприще въ качествѣ судей, правителей и т. д. Они являлись частью строителями и болѣе всего охранителями гражданского и политическаго порядка. Въ этомъ отношеніи, и школы, и юристы, и самые научные методы должны служить—и на самомъ дѣлѣ всегда служили—обществу. Отсюда явилась для насъ необходимость: *выдти изъ сферы ученыхъ школъ и теоретическихъ работъ,—обратить вниманіе на общественное значеніе представителей юриспруденціи.* Здѣсь, однакоже, естественно представились соображенія особенныхъ историческихъ судебъ тѣхъ націй, среди которыхъ возникали извѣстныя ученныя школы. Не вездѣ судьбы эти сложились равно-благопріятно для вліянія юристовъ на интересы практическіе. Потому-то нужно было разсматривать вышеуказанный вопросъ подробнѣе всего въ той средѣ, гдѣ жизнь народа заготовила наиболѣе богатый матеріалъ для положительныхъ или отрицательныхъ сужденій и заключеній. Подобною средою представилось намъ прошедшее французскаго и германскаго народа, и на юристахъ этихъ націй долѣе всего оставилось настоящее изслѣдованіе.—Такимъ образомъ, въ разсужденіи этомъ искали мы отвѣта на три существенные вопроса: 1) *Что такое ученныя школы вообще, и каково значеніе ихъ въ юриспруденціи?* 2) *Какія понятія о методѣ разработки положительнаго права проявлялись и пресметвенно развивались между юристами различныхъ школъ въ западно-европейской наукѣ?* 3) *Каково было общественное значеніе юристовъ тамъ, гдѣ окружающія условія привели къ наиболее полному и послѣдовательному его установленію? —*

Г Л А В А I.

ГЛОССАТОРЫ, СХОЛАСТИКИ И ПЕРВЫЕ ГУМАНИСТЫ.

Школы глоссаторовъ пришлось раздѣлить участь всей средне-вѣковой эпохи. Съ XVI вѣка (1) большинство ученыхъ предало ее забвенію. Испанскіе юристы, французы — *Раблэ*, *Террасонъ*, и даже, болѣе умѣренный, *Берриа-С.-При* — нападаютъ на глоссаторовъ, вооружившись, ктò сарказмомъ, а ктò болѣе спокойнымъ, ученымъ оружіемъ (2). Изъ нихъ Берриа высказалъ наиболѣе ученаго такта въ своей критикѣ. Но лучшая оцѣнка достоинствъ и недостатковъ школы средне-вѣковыхъ юристовъ вышла изъ подъ пера *Савиньи*, въ его «*Исторіи Римскаго права*» (3). Глубокая ученость и особенный методъ дали *новое направление его критикѣ*, привели изслѣдованіе къ инымъ, сравнительно съ прежнимъ, взглядамъ и выводамъ. *Савиньи* видитъ въ прежней критикѣ справедливое

(1) Замѣчательно, что наиболѣе сильные люди между учеными были наименѣ строгими и рѣзкими критиками. Извѣстенъ отзывъ Куэция объ Аккурсіѣ: «*Accursius noster*,» говоритъ французскій юристъ, «*quem ego et latinis et graecis omnibus interpretibus juris facile antepono* (Observ. lib. 3. cap. II) Справ. разборъ мнѣній о средн. вѣкахъ: Laurent, *Études sur l'hist. de l'humanité*. (T. IV. PP. 1—4.).

(2) Antonii Nebrissensis. *Lexicon j. c. adversus quosdam Accursii errores*. (Salmant. 1511). — Rabelais, *Pantagruel*. (L. I. Ch. 5). Terrasson. *Mélanges d'histoire etc.* 1768. — Berriat — S. Prix. *Hist. du dr. Rom.* 1821. — Cp. Savigny. *Gesch. etc.* 5. B. S. 212. —

(3) *Geschichte des Röm. Rechts etc.* 5 B. (Ed. 1829). Kap. 41. SS. 189—233. — Во Флоренціи удалось намъ слышать (осенью 1861 года) замѣчаніе, не лишенное интереса. Директоръ Архива въ Palazzo Uffici, Кавалери Вонаини, увѣрялъ, будто въ архивахъ Луккесскаго Собора хранится много матеріаловъ, весьма важныхъ для исторіи глоссаторовъ, но до сихъ поръ еще не тронутыхъ европейскими учеными, не включая самого Савиньи. —

осужденіе *частныхъ* и *дробныхъ* недостатковъ, но совершенно основательно извлекаетъ свою собственную оцѣнку изъ путаницы частныхъ. Онъ переноситъ ее на точку высшаго, общаго и— нельзя не согласиться съ этимъ—болѣе справедливаго воззрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ люди, даже самые даровитые, бывають людьми своего вѣка, не болѣе. А въ тѣ вѣка, когда жили глоссаторы, обо многихъ вещахъ дѣйствительно «еще не снилось мудрецамъ». То было время, когда умы людскіе жадно ловили знаніе, не разбирая его внутренней цѣнности и происхожденія. Извѣстный германскій писатель Фрисъ приводитъ въ своей исторіи философіи ⁽¹⁾ свидѣтельство ученаго Епископа *Іоанна Салмсбургійскаго* († 1180) о томъ, что юноши цѣлыми толпами сидѣли, по 10 и даже 20 лѣтъ, въ школахъ. А чѣмъ занимались въ этихъ школахъ? У самаго Фриса можно найти нѣсколько замѣчательныхъ образчиковъ тѣхъ истинъ, изъ за которыхъ, въ полномъ смыслѣ слова, ратовало тогдашнее человѣчество ⁽²⁾.

Что-же представляетъ въ ту пору дѣятельность глоссаторовъ? Добросовѣстное историческое изученіе доказало, что была живая, неразрывная связь между ихъ школою и возрожденіемъ запада къ новой умственной жизни въ XII стол.—Римское право призвано было къ великой роли между европейскими народами. Итальянскіе юристы явились первыми научными его представителями. Для него образовали они тѣ свободныя ученныя корпораціи, которыя съ тѣхъ поръ имѣли и будутъ имѣть постоянное значеніе въ судьбахъ науки и цѣлаго человѣчества, подъ именемъ *университетовъ*. Возникли эти университеты просто, такъ сказать естественно,—безъ искусственныхъ поддержекъ со стороны, безъ всякихъ приказаній. Личность даровитаго учителя рѣшала все дѣло. Когда рѣчи его живили умы учениковъ, около него собиралось все болѣе и болѣе людей изъ разныхъ странъ запада. Общія школы (*studia generalia*)—такъ именовали въ средніе вѣка уни-

(1) Jac. Fr. Fries. *Geschichte der Philosophie*. Halle 1840.—

(2) *Ibidem*. 8. 207. «Alles Ernstes wird also gefragt und untersucht: wäre ein Vorhersehen Gottes möglich, wenn es keine Geschöpfe gäbe? Wo war Gott vor der Schöpfung? Kann Gott mehreres wissen als er weis?... Hätte Gott auch als Weib Mensch werden können? etc...»

верситеты — можно было, не обинуясь, назвать международными центрами тогдашней Европы. Стоя между двумя борющимися силами — папскою и императорскою — первые представители глоссаторской школы независимо держались въ своихъ университетахъ и энергически вели впередъ начатое ими дѣло науки. Болонскій университетъ также мало обязанъ своимъ возникновениемъ и процвѣтаніемъ Ронкальской привилегіи Фридриха I (1158), какъ мало пострадало его ученое значеніе отъ указа Фридриха II Гогенштауфена (1226), который объявилъ его закрытымъ, желая поднять университетъ въ Неаполь (1). Тайна жизни и процвѣтанія итальянскихъ университетовъ, вызванныхъ насущными потребностями той эпохи, заключалась въ томъ, что въ стѣнахъ ихъ сообщалось лучшее и достойнѣйшее изъ всего, что могла представить тогда наука. «Такой основной характеръ университетовъ связанъ съ ними до того неразрывно» говоритъ Савиньи — «что сила и польза ихъ неизбѣжно должны рушиться вездѣ, гдѣ будутъ ослаблены или уничтожены свобода и независимость преподаванія» (2).

Направленіе и методъ школы отличаются строго научнымъ характеромъ. Глоссаторы не простые практики. Дѣятельность ихъ имѣетъ характеръ теоретической. Если и справедливо, что поддерживая чистоту римскаго права, они предоставили практикамъ *ex professo* свободное распоряженіе тою стороною его, гдѣ требовали измѣненія новыхъ отношенія въ жизни народа (3); если такимъ образомъ вызванъ былъ разладъ между теоріею и практикою въ юриспруденціи: во всякомъ случаѣ, не здѣсь была вина сильнаго развитія и доведенія этого явленія до крайности.

(1) Savigny. *Geschichte*. 3 B. Kap. XXI.—

(2) Сравни. *Eyssel. Doneau, sa vie et ses ouvrages* (Mémoire couronné par l'Académie des Sciences etc). Dijon. M. D. CCCLX. Вотъ какъ говорить о причинахъ процвѣтанія средневѣковыхъ университетовъ авторъ превосходной книги этой, съ которою познакомились мы въ первые тогда, когда начальныя страницы настоящаго труда поступили уже въ типографію: «Les universités répondaient aux besoins du temps. Jusqu'au XII siècle, le clergé avait été le seul dépositaire des sciences échappées au naufrage de l'antiquité. Cependant... la science devint de plus en plus indispensable dans la vie civile, et dès lors le progrès des temps, amena la nécessité des écoles où l'on pût enseigner les belles-lettres et les sciences, en dehors de l'intervention exclusive du clergé, dont la suprématie était déjà contestée etc». (P. 4).

(3) Savigny. 5 B. Kap. XLI.—

Эйссель, необинуясь, высказывает мнѣніе, что господство теоретическаго направленія не вредитъ тому высокому практическому интересу, который имѣютъ работы глоссаторовъ (1).

Теоретическая сторона глоссаторской дѣятельности сосредоточивалась главнымъ образомъ на истолкованіи текста, на экзегезѣ. Юристы стремились овладѣть мыслию, духомъ законовъ, посредствомъ связнаго, логическаго и критическаго уясненія текста. Въ такомъ направленіи совершали труды свои, одно за другимъ, цѣлыя ученныя поколѣнія. Такъ обработаны были пандекты, институты и новеллы и составился *Болонскій текстъ* (*Littera Bononiensis*), имѣющій громкую извѣстность въ ученномъ мірѣ. «Методъ глоссаторовъ при этой работѣ не нужно представлять себѣ такимъ образомъ, будто одинъ человѣкъ, или даже цѣлая коллегія юристовъ, за одинъ разъ и вполне установили текстъ пандектовъ. Лучше сказать, что вообще было дано только критическое направленіе, и въ этомъ направленіи работали многіе, въ продолженіи значительнаго періода времени,» говоритъ Савиньи (2). Сосредоточенность на одной критической экзегезѣ была первымъ, естественнымъ и—нужно согласиться—самымъ разумнымъ шагомъ зарождавшейся науки. Темные вѣка, послѣ паденія Рима, механически удержали остатки права; но они дошли до XII стол. искаженные въ долгій періодъ грубаго варварства. Слѣдовало залѣчить вѣковыя раны на живыхъ еще органахъ великаго тѣла римской юриспруденціи. Такой первоначальный [уходъ, такое сбереженіе римскаго права выпали на долю глоссаторовъ. Прежде всего они объясняютъ себѣ смыслъ отдѣльныхъ законовъ. Отсюда такъ наз. *законная экзегеза* (*exegeza legalis*) (3), первый шагъ, азбука науки права положительнаго. Но, отъ объясненія отдѣльныхъ законовъ, высшія, теоретическія требованія ума повели юристовъ къ логически-связному изложенію цѣлыхъ ученій, въ тѣхъ же законныхъ предѣлахъ источниковъ. Это элементъ *догматическій*. Кромѣ того, юридическая литература на-

(1) *Ubi sup.* (Doneau etc. P. 8.)

(2) *Geschichte* etc. 3. B. Kap. XXII S. 441.—

(3) Сравни основ. для так. названія у Бинера. N. *Archiv des crim. Recht* X. (Über die histor. Methode und ihre Anwendung auf das crim. Recht.)

чала XIII стол. представляет попытку излагать учения римскаго права *самостоятельно*, не придерживаясь порядка титуловъ и книгъ свода. Здѣсь зародышъ *элемента систематическаго* (1). Такимъ образомъ глоссаторы напали на тѣ живыя стороны, которыя должны быть въ методѣ юриспруденціи, какъ науки въ истинномъ смыслѣ слова. Изученіе положительнаго права не можетъ обойтись безъ экзегезы, безъ догматической и систематической обработки. Здѣсь выражаются основные, неизмѣнные приемы человѣческаго ума, которые называются *анализомъ и синтезомъ*. «Съ ихъ только помощью»—говоритъ *Варикенизъ* (2), «можетъ быть усвоено строго—научное, полное, систематическое знаніе права положительнаго». Какъ долженъ поступать юристъ, имѣя въ виду *теоретическую* обработку положительнаго матеріала своей науки? Такой вопросъ былъ ясно обозначенъ и твердо поставленъ глоссаторами. Отсюда слѣдуетъ важное значеніе ихъ въ исторіи метода. Ими, въ первый разъ послѣ паденія римской юриспруденціи, указанъ былъ правильный ходъ для научныхъ работъ юристовъ. Безъ экзегезы Ирнерія, долго еще могли оставаться законники при машинальномъ и безсознательномъ удержаніи разрозненныхъ отрывковъ писаннаго права. Трудно рѣшить, что было бы безъ глоссаторовъ съ юриспруденціею и съ законодательствами Европы. Не безъ основанія называетъ Савиньи ученые труды Ирнерія «исходнымъ пунктомъ юридической литературы новаго міра» (3). Экзегезу можно считать върною и

(1) Вотъ мнѣніе Савиньи о сочин. юриста Плацентина «De varietate actionum»: «Merkwürdig ist diese Schrift besonders deshalb, weil sie der erste Versuch zu sein scheint, das Römische Recht in einer freien, selbstgewählten Form, also unabhängig von der Ordnung der Quellen zu bearbeiten». (Gesch. etc. 4 B. S. 232).

(2) Juristische Encyclopädie. S. 86. Hauptseiten des Rechtsstudiums.—Замѣчательно, что Винеръ высказываетъ ту же мысль, подтверждая ее исторіею науки уголовн. права въ XVIII стол. «Auf eine merkwürdige weise zeigt sich diese Stufenfolge (т. е. экзегеза sensu stricto и поз. догматико-системат. направ.) noch im 18 Jahrh. an der Art und Weise, wie das deutsche Crimin. Recht in der Lehrart sich entwickelte etc. (N. Arch. etc. X. S. 489).

(3) Излагая біографію Ирнерія, Савиньи говоритъ. «...Das wichtigste für uns... sind seine Schriften, die als Anfangspunkt unserer neueren juristischen Litteratur, die grösste Aufmerksamkeit verdienen.» (Geschichte etc. 4 B. S. 24).—Эйссель называетъ работу глоссаторовъ: «une étude qui eut pour effet necessaire de polir, de corriger et de perfectionner les legislations des principaux etats europeens.» (PP 1. 2).—

прямою дорогою юриспруденціи къ той цѣли, чтобъ органически связать и установить на высшихъ началахъ весь матеріалъ свой.

Но кромѣ *формальной*, теоретической отдѣлки, юристъ можетъ еще имѣть *матеріальное и практическое* вліяніе на внутреннее, дальнѣйшее развитіе самыхъ юридическихъ ученій. Принимая здѣсь за историческій фактъ такое, не давно еще спорное, положеніе, можно спросить: на сколько входила подобная задача въ методъ глоссаторовъ? Выше было замѣчено, что главная цѣль ихъ состояла въ *сбереженіи и очищеніи* матеріала писанныхъ законовъ. Въ этомъ замѣчаніи заключается сущность отвѣта на вопросъ, который поставленъ выше. Кто сосредоточилъ всѣ нравственныя и умственныя силы на удержаніе наслѣдства, въ тяжелую и смутную пору гражданскихъ отношеній, тотъ не можетъ думать о дальнѣйшемъ стяжаніи. Роль его останется чисто—консервативною. Удержаніе *statu quo* будетъ геркулесовыми столбами его желаній. Такъ было и съ глоссаторами. Съ глубокимъ уваженіемъ и даже (да позволено будетъ, во имя истины, сказать это въ юридической диссертациі!) *съ поэтическимъ чувствомъ*, подходятъ итальянскіе юристы къ матеріалу римскаго права ⁽¹⁾. Неудивительно, если методъ ихъ неотли-

(1.) *Примѣчаніе.* Можно привести нѣсколько характерныхъ возрѣній средневѣковыхъ людей на право римское. У Савинья есть одно извлеченіе изъ книги французск. юриста Петра (Exceptiones), гдѣ римскіе законы именуются священными: «*omnis haec solemnitas . . . necessaria est his partibus in quibus juris legisque prudentia viget, alis vero partibus, ubi sacratissimae leges incognitae sunt, sufficit sola oblatio etc.*»—У Тролона (Troplong, *De l'infl. du Christ.* etc.) встрѣчаемъ слѣдующее: Saint-Augustin a dit: *Leges Romanorum divinitus per ora principum emanarunt. Balde croyait même que l'édit du préteur sur la rescission des obligations arrachées par la violence n'avait été rien moins que dicté par le Saint-Esprit.* Въ приложенияхъ къ 4-му Т. Ист. Римск. Прав. Савинья находится интересное извлеченіе изъ выше указаннаго сочиненія глоссатора Плацентина (*De varietate actionum*, см. 5-ю стр.). Во введеніи къ своему трактату излагаетъ онъ легенду—настоящую легенду! о томъ, по какому поводу начато имъ было сочиненіе. Разсказъ этотъ очень характеренъ. Позволяемъ себѣ перевести его съ нѣкоторыми сокращеніями. «Когда былъ я въ Мантуѣ и излагалъ тамъ многочисленнымъ слушателямъ начала юриспруденціи»—говоритъ Плацентинъ—«пришло мнѣ однажды задуматься о высотахъ права (*de juris apicibus*) и о разнообразіи исковъ. Вдругъ предстала передо мною жена. «*causis mirifica, legibus imbuta*». Ланиты ея были пурпурныя, волосы золотистые, уста розовыя, и глаза блистали какъ звѣзды (*oculi velut stellae radiantibus in capite*). Юношей, которые подходили къ ней, привлекала она изумительно пріятною и медоточивою (*melliflua*) вѣжностью рѣчи. Когда я приблизился, чтобы ласке

чается особенною смѣлостью въ отношеніи самостоятельнаго развитія учений. «Turpe est jurisconsultum sine lege loqui», читается между строками ихъ сочиненій. Ихъ дѣло *уяснить* законъ, сличивъ его съ другими законами въ томъ же сводѣ. Дальше не шли ученые притязанія. Духъ критики жилъ *для законовъ* и не выходилъ *за предѣлы законовъ*. Цѣлью критики было: доказать и подтвердить извѣстныя положенія *въ пользу римскихъ законовъ*, распоряжаясь, какъ средствомъ, *материаломъ тѣхъ же законовъ* (1).

Въ этомъ отношеніи глоссаторы подходятъ къ тому строгому идеалу, очеркъ котораго можно встрѣтить въ одномъ новѣйшемъ произведеніи германской юридической литературы. «Юристъ долженъ быть вѣрнымъ слугою даннаго ему матеріала», говорить *Лангъ* (2), «истинное назначеніе юриста есть чисто—консервативное. Онъ долженъ поддерживать законъ, доколѣ тотъ существуетъ, и подчиняться его волѣ. Узнать и правильно истолко-

всмотрѣться, она мнѣ сказала: «подойди сюда, молодой человекъ, погляди и можешь взять то, что найдешь у меня наиболѣе драгоценнаго». Взволнованный, подошелъ я ближе, и между многими, чѣмъ владѣла *госпожа эта* (Dona), по имени *юриспруденція*, замѣтилъ книгу *о разнообразіи исковъ* и проч. Оригинальная страница эта совершенно подходитъ къ духу средневѣковой эпохи. Легенда, созданная Плацентинномъ, очень близка къ нѣкоторымъ картинамъ старыхъ художниковъ, которыя удалось намъ видѣть, путешествуя по Италіи. Стѣны Campo Santo въ Пизѣ и фрески церкви флорентинскихъ могутъ дать обильный матеріалъ для сравненія. Между многими, укажемъ на «триумфъ схоластики надъ свѣтскою наукою», въ флорентійской церкви S. Maria Novella. Схоластика изображена въ лицѣ «Doctoris seraphici», *Томи аквинскаго*, который паритъ въ лучахъ свѣта на верхнемъ планѣ картины. У ногъ его скромно сидятъ науки свѣтскія, также въ лицахъ особенныхъ представителей. Философію изображаетъ *Аверроессъ*, окруженный ересиархами: Ариемъ и Сабелліемъ. Есть здѣсь и наша юриспруденція, разумѣется въ особѣ императора Юстиніана. Важный санъ этого ученаго депутата не вывелъ его изъ самаго темнаго и невиднаго уголка картины. Всѣ склонились передъ схоластикою: даже Патріархъ Авраамъ, который, по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ, назначенъ итальянскимъ художникомъ въ представители отъ ариеметикъ. — Есть, конечно, много страннаго, почти дѣтскаго, въ такихъ созданіяхъ, для человека, который изучаетъ или просто смотритъ ихъ въ XIX ст. Найдутся люди, которые со смѣхомъ или равнодушіемъ, отойдутъ отъ книги *Плацентина*, отъ картины *al fresco* Гадди. Но мы не беремъ на себя такой роли. Съ интересомъ останавливались мы передъ этими отдѣльными выраженіями духа далекой, отжившей культуры, произнося о юристѣ и о художникѣ: «люди эти, какъ вѣрили и чувствовали, такъ работали и учили!»

(1) Eyssel (Doneau etc. P. 8.). «Les glossateurs considéraient le corps du droit comme la raison écrite, qui dans leur opinion devait par là même servir de règle et de loi au genre humain: c'est pourquoi ils s'attachèrent surtout à l'analyse... et ne composèrent qu'un petit nombre d'écrits etc.»

(2) LANG. Beiträge zur juristischen Hermeneutik. (Stutt. 1357. Vorwort.) S. XIV.

вать такую волю, вотъ настоящая задача его» и. т. д.

Но слѣдуетъ-ли отсюда, что глоссаторы были на самомъ дѣлѣ осуществленіемъ совершенства юридическаго? Совсѣмъ нѣтъ. Такого приговора не дать онихъ нѣтъ. Его нельзя найти у самаго Савиньи, котораго, если не ошибаемся, укоряли не рѣдко въ ученое пристрастіе. Недостатки ихъ метода сказываются сами собою, лишь только разложить на составные элементы понятіе юридическаго истолкованія. Самъ Савиньи признаетъ ихъ четыре: *грамматическій, логическій, историческій и систематическій* (1). Лангъ насчитываетъ ихъ *шесть*, раздробляя грамматическій элементъ на три вида: *лексикальный, синтаксическій и стилистическій* (2). «Для юридическаго толкованія»—продолжаетъ онъ (3)—«необходимо усвоить *все право исторически и систематически, философію вообще и философію права* въ особенности и. т. д.» Длинный рядъ вспомогательныхъ знаній для юридическаго истолкованія заключаетъ почтенный германскій ученый медициной и естественными науками.

Ясно, что такая широта требованій немислима для того времени, когда жили глоссаторы. Ясно также, что, будучи внесено въ подобныя рамы, *истолкованіе* сдѣлается тавтологическимъ выраженіемъ юриспруденціи, какъ науки во всей ея цѣлости. Но здѣсь есть много истины. Нѣтъ такой науки въ отдѣлѣ гуманитарическихъ знаній, гдѣ оказались бы излишними элементы историческій и философскій. А экзегеза глоссаторовъ была исключительнымъ научнымъ органомъ; въ ней заключался жизненный фокусъ юриспруденціи того времени. Экзегеза раскрывала мысль законодателя; выражать ее приходилось въ формѣ *общаго юридическаго положенія*. Здѣсь являлось необходимымъ пособіе философской науки—логики. Требовалось участие метода диалектическаго. Экзегеза не могла обойти вопроса объ основаніи положительнаго закона. (4). Повидимому, искать такихъ основаній

(1) SAVIGNY. System des Röm. Rechts. B. I. S. 319. 213.

(2) U. S. SS. 66, 67.

(3) S. 84.

(4) Она даже выразила ее въ особенной формулѣ: *ratio legis spectanda*.

значило обращаться къ исторіи. «Каждая рѣчь имѣетъ свой *genesis* (hat seine genesis),» справедливо замѣчаетъ Лангъ (1). «Она развиваетъ мысль въ отношеніи къ тому, что было прежде *предумано*; она входитъ въ сферу существующаго, которое однакоже должно было сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ является оно въ данное время. Но законъ съ особенною опредѣленностію относится къ предыдущему порядку юридическому. Безъ изысканій въ области *прежняго права*, невозможно полное изслѣдованіе содержанія даннаго закона. Объясненіе отношеній, въ которыя вступаетъ законъ, какъ начало преобразующее, видоизмѣняющее, опредѣляющее, дополняющее или просто подтверждающее: такое объясненіе *есть историческій элементъ въ истолкованіи.*» Спрашивается: былъ ли подобный элементъ въ методѣ глоссаторовъ? Пересмотрѣвши всѣ тѣ глоссы, которыя приложены къ исторіи Савиньи, мы вполне убѣдились въ справедливости слѣдующаго его замѣчанія: «въ работахъ глоссаторскихъ можно видѣть различныя ученія направленія, отъ гармоническаго дѣйствія которыхъ исключительно зависитъ совершенство науки. Не отыскивается тамъ совершенно одного направленія историческаго» (2). Но, вслѣдъ за такимъ приговоромъ, помѣщена мысль, которая имѣетъ значеніе смягчающаго обстоятельства, а именно: *безъ ученыхъ работъ XVI стол., даже наше время не имѣло бы внутренней исторіи права положительнаго.*

И такъ, условія мѣста и времени не благоприятствовали развитію въ методѣ глоссаторовъ важнаго элемента, который *необходимо* въ строго-научномъ понятіи юридическаго толкованія. Но, быть можетъ, условія эти благоприятствовали филологическому элементу въ экзегезѣ права римскаго? Сколько извѣстно,

Въ приложеніяхъ къ IV т. Савиньи (*Geschichte d. R. R. etc.*) помѣщена, между многими другими, одна глосса Ирнерія, гдѣ ясно высказывается положеніе: *cessante ratione legis, cessat lex ipsa*. Сколько можно понять изъ краткаго отрывка, Ирнерій говоритъ здѣсь объ отпадѣ законовъ *per desuetudinem populi*. «Loquitur haec... Secundum sua tempora, quibus populus habebat potestatem condendi leges, ideo tacito consensu omnium abrogabantur. Sed quia hodie potestas translata est in imperatorem, nihil faceret desuetudo populi etc.»

(1) Lang. U. S.—S. 68.

(2) *Geschichte etc.* 5. B.—SS. 208, 209.—

XII вѣкъ и другіе, до конца XV столѣтія, ничуть не были золотымъ періодомъ филологической учености.—Но средніе вѣка славны своимъ философскимъ движеніемъ. Отъ времени Абельяра протянулась, едва ли не во всѣ страны западной Европы, тонкая діалектическая нить средневѣковаго раціонализма. Неужели нить эта не старалась обвиться вокругъ пергаменныхъ свитковъ болонскаго текста? Отвѣтъ на это можно найти между прочимъ въ трудахъ извѣстнаго средневѣковаго раціоналиста, *Раймунда Луллія* (1). Оригинальный человекъ этотъ выступилъ съ претензіями: преобразовать философскимъ путемъ всю современную юриспруденцію. «Мы будемъ поступать въ нашей наукѣ»—говор. Луллій—«согласно съ философіею, природою и логикою» (2). Какъ-же сообразуется Луллій со всѣми вышеозначенными элементами? Философская идея выражена у него опредѣленно въ одномъ только сочиненіи, но составляетъ, повидимому, синтетическую основу всѣхъ другихъ работъ юридическихъ. «Много есть причинъ, почему *изобрѣтена мною* настоящая наука; но главная между ними та, чтобы чрезъ нее болѣе любили Бога и болѣе служили Ему» (3). Такимъ образомъ оказывается, что философская идея автора есть идея теологическая, и что юриспруденція поглощается богословіемъ. Но авторъ имѣетъ еще и другія, для него второстепенныя, но въ сущности, болѣе научныя стремленія, а именно: 1) дать юриспруденціи компендіарное изложеніе (4) и вывести изъ *всеобщихъ* началъ права начала *особенныя*, путемъ искусственнымъ; 2) сообщить, такимъ образомъ, познанію права свойство науки; 3) подкрѣпить значеніе и силу права писаннаго, согласовавши его съ правомъ естественнымъ и изощрить умъ юриста (5). Итакъ, компендіарныя и отвлеченныя положенія, выведенныя путемъ діалектическимъ—вотъ главныя черты идеальной организаціи науки для средневѣковаго реформатора. Невольно замѣчается здѣсь

(1) Savigny. Geschichte d. R. R. etc. 5 B. Kap. X. L. VI. Ibidem. Anhang: Raimundi Lullii: 1) Ars utriusque juris. 2) Ars juris particularis.—

(2) Procedemus pliiosophie, naturaliter, et logice.

(3) «... Multae causae sunt, quare ars ista inventa est, sed maxime hac intentione tradita est, ut per ipsam magis diligatur Deus et Ei magis serviatur...»

(4) Ut sub compendioso tractatu speculari possit.

(5) Ut juristae reddatur ingenium subtile.

сходство со многими научными явлениями новѣйшаго времени. Книги нѣкоторыхъ вольфианцовъ въ концѣ XVIII столѣтія сошлись въ приемахъ и цѣляхъ съ современникомъ Тома Аквинскаго (1). Но средневѣковой теоретикъ ставитъ вопросъ прямѣе и послѣдовательнѣе. Такъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ (Distinctio IV. De argum), что *желаетъ перевести естественное право въ силлогизмъ* (2). Но естественное право должно *принять въ себя право положительное* (3). Отсюда можно заключить, что *конечною цѣлью метода средневѣковаго теоретика было стремленіе: перевести въ силлогизмъ и право положительное*. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы Луллій давалъ юристу полную свободу дѣлать извѣстные выводы въ области права положительнаго. «Юристъ обязанъ изслѣдовать»—говоритъ Луллій—«справедливъ или ложенъ законъ писанный. Если онъ найдетъ его справедливымъ, то долженъ вывести изъ него вѣрныя заключенія. Если же найдетъ его ложнымъ, то не долженъ только имъ пользоваться, не порицая его и не разлашая о немъ, чтобы не навлечь позора на старшихъ» (т. е. на законодателей) (4). Какимъ же процессомъ долженъ доходить юристъ до раскрытія ложности или истинности закона, со стороны его содержанія? «Способъ этотъ . . . таковъ: прежде всего долженъ юристъ *раздѣлить законъ свѣтскій или духовный (legem s. canonicam) на основаніи параграфа о различіи . . .* Послѣ раздѣленія, *согласитъ* части его одну съ другою, *на основаніи параграфа согласованія . . .* И если части эти, соединившись, составляютъ полный законъ, *отсюда слѣдуетъ, что законъ справедливъ . . .* Если же законъ духовный или свѣтскій этого не выдержитъ (5), *то онъ ложенъ и объ немъ нечего заботиться*» (6). Но едвали не оригинальнѣе всего казуистическій отдѣлъ въ сочиненіяхъ Луллія (7). Здѣсь лучше всего выражается

(1) Ср. Warnkönig. Rechtsphilosophie als Naturlehre etc. S. 88 (I B.).—

(2) Reducere jus naturale ad syllogismum.

(3) Jus positivum ad jus naturale reducatum et cum ipso concordat.

(4) Ut non faciat dedecus Superioribus.

(5) Si omnia haec non potest pati.

(6) Ibidem. Anhang. S. 566.—

(7) См. Ars juris particularis. III. XII Quaestio: Utrum tenetur

причудливая особенность схоластической философии, которая грозила захватить въ неограниченное господство свое юриспруденцію, и нанесла бы ей страшный вредъ безъ пробужденія самостоятельной мысли между учеными людьми западной Европы.

Но отсутствіе поддержки въ окружающихъ условіяхъ еще рѣзче отбѣняетъ самостоятельность и силу ученаго ихъ направленія. Въ ту пору, когда все шло подъ знаменами теологіи ⁽¹⁾, одни юристы занялись мірскою и даже языческою наукою, какою была римская юриспруденція. Здѣсь былъ первый шагъ къ *секуляризаціи и освобожденію знанія*. Папами руководилъ довольно-вѣрный инстинктъ, когда они запрещали преподаваніе римскаго права во Франціи.

Въ заключеніе можно взглянуть, хотя въ формѣ бѣлаго указа, на то: каково было отношеніе глоссаторовъ къ инымъ источникамъ положительнаго права, кромѣ такъ называемыхъ писанныхъ римскихъ законовъ. Специальное изслѣдованіе *Пухты* ⁽²⁾ ведетъ къ такому заключенію, что итальянскіе юристы никогда не доходили до вражды въ отношеніи къ элементу обычнаго права въ юриспруденціи. Въ ученіи объ условіяхъ для практическаго примѣненія обычаевъ, глоссаторы различали между *общими и частными обычаями* (*consuetudo generalis, particularis*). Въ отношеніи первыхъ, требовали они согласія и добровольнаго признанія со стороны законодательной власти; въ отношеніи вторыхъ, они не заявляли даже такихъ требованій. Юристы XIV столѣтія отдавали нерѣдко предпочтеніе обычаю, въ случаѣ столкновеній его съ формальнымъ закономъ на практикѣ. ⁽³⁾

Para mittere de jure praedicatores ad infideles.—XIII Quaest. Utrum Pauper habeat jus in divitiis Divitis? Вотъ какимъ путемъ приходитъ Лудлій къ утвердительному отвѣту на этотъ вопросъ, предупредившій нѣсколькими столѣтіями автора знаменитаго путешествія въ Икарію: «Ratio, quare pauper habet jus in bonis divitis, est quia Ars substantialiter dedit illa bona Diviti, ut ageret de illis bonis in majoritate bonitatis, magnitudinis, charitatis, spei, justitiae etc. et sic manifestatur, quod Pauper habet jus in bonis Divitis, ut jam dictum est.» Странно видѣть сочетаніе смѣлой и утопической мысли съ мертвою оболочкою аргумента схоластическаго!—Рядъ «Вопросовъ» у Лудлія заключается такимъ образомъ: «Quaeritur, utrum homo possit baptisari a diabolo? Ad quod respondendum est quod non.»—

(1) Scientia est ancilla theologiae.

(2) Puchta's. Gewohnheitsrecht. 1828.—

(3) См. Ibidem. S. 196. Мнѣнія *Бальда* и *Цинуса*.—Сравни, какъ противо-

Послѣ этого, Пухта имѣлъ полное право сказать, что къ Итальянскимъ глоссаторамъ и ихъ ближайшимъ преемникамъ никакимъ образомъ не относится все то, что имѣютъ обыкновеніе утверждать ученые германисты «о неблагоклонной (ungünstig) обработкѣ права обычнаго». Первые проявленія такого *ученаго гоненія* связаны болѣе всего съ чисто-германскими именами въ наукѣ. Итакъ, первая средневѣковая школа, во многихъ отношеніяхъ открытая для ученаго міра трудомъ Савиньи, выразила, между прочимъ, такія объективно-истинныя стороны въ своемъ методѣ: уваженіе къ данному положительному закону, безъ систематическаго исключенія живаго, народнаго элемента въ формѣ права обычнаго. Вообще искусственное и вредное вліяніе средневѣковой философіи на методъ юристовъ обнаружилось съ особенною силою тогда, когда образовалась школа *Бартолистовъ* (scribentium, consiliatorum). Независимо отъ пагубнаго вліянія схоластическихъ приемовъ, много повредила эта школа наукѣ своимъ неумѣреннымъ поклоненіемъ ученому авторитету юристовъ (communis opinio doctorum) (1). Схоластическое положеніе: «хорошо сказано, если сдѣлано удачное различіе» (qui bene distinxit, bene dixit)—было приложено къ юридическимъ вопросамъ съ неумолимостію правила: «пусть погибнетъ весь міръ, лишь бы оставалось діалектическое различіе (fiat distinctio, regeat mundus)». Такое направленіе нанесло сильный ударъ не только внѣшнему, но и внутреннему достоинству науки. Схоластическій формализмъ въ полномъ смыслѣ слова убилъ старый критическій методъ глоссаторовъ. Отношеніе къ источникамъ положительнаго права совершенно измѣнилось. У нихъ было отнято законное первенство и отдано болѣе или менѣе произвольнымъ толкованіямъ, брокардамъ, построеннымъ на шаткихъ основаніяхъ діалектическихъ. Схоластическая оболочка скрыла въ массѣ дѣлений вопросы о принципахъ въ наукѣ. Забыто было

положеніе, взгляды на обычное право *Петра ф. Андау, Фуксбергера* и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ ученыхъ. стр. 200, 201 и слѣдующ.

(1) Прекрасную характеристику такого направленія (особ. въ отношеніи юридич. практики) можно найти у *Пухты*, въ его полевич. брошюрѣ: *Kritik von G. Beseler's Volks und Juristen Recht S. 12.* Также *Gewohnheitsrecht. S. 162* и слѣд. Сравни. *Eyssel. Doneau etc. P. 10, 11.*

изученіе коренныхъ учреждений права положительнаго. Почтенные юристы совершенно упустили изъ виду ими-же придуманное правило, что «главное всегда предшествуетъ принадлежности». Прекрасно выражено такое положеніе метода въ извлеченіи, которое сдѣлала *Сартти* изъ одного рукописнаго сочиненія XV ст.: «пишутъ доктора наши *новыя лектуры* (lecturas novas), гдѣ нѣтъ «самостоятельной глоссы, а есть *глосса на глоссу* (glossarum glossa)», говоритъ неизвѣстный авторъ. «Такимъ образомъ, изо дня въ день, повторяется то, что уже было сказано» (1). Юриспруденція несомнѣнно сдѣлала обратное движеніе. Но все таки и здѣсь нельзя сваливать всей вины на одинъ методъ юристовъ. Школа ихъ была прежде всего органомъ своего времени, а время это неблагопріятствовало развитію юриспруденціи. Почему? «Судьбы наукъ и даже—что важнѣе—судьбы народовъ связаны нерѣдко сокровенными нитями», говоритъ Савиньи, заканчивая 6-й томъ своей исторіи. Дѣйствительно, Бартолисты виновны въ рабскомъ поклоненіи ученому авторитету; но всѣ средніе вѣка подчинялись авторитету въ дѣлѣ умственнаго развитія и свободы совѣсти. Бартолистъ *Бальдъ* провозглашаетъ, какъ заповѣдь: «придерживайся *колесницы истины*, т. е. глоссатора, и никогда не сойдешь съ вѣрнаго пути» (2). Но цѣлое населеніе города Болоньи особеннымъ закономъ даровало въ 1306 г. Аккурсіеву семейству преимущество гвельфской партіи (Gemei), которая на ту пору осилила своихъ противниковъ (3). Милость эта дана за трудъ, который былъ первымъ признакомъ паденія глоссаторской школы (4). Вспомнимъ теперь то ослабленіе достоинства и независимости университетовъ, которое послѣдовало за несчастными политическими переворотами XIII и XIV ст. въ итальянскихъ республикахъ. Вспомнимъ, что юри-

(1) Quod enim unus in una lege ponit, alius ponit in alia, per eadem verba, vel paulo distantia.—Savigny. Gesch etc. 5. B.—S. 271. N-ta 74.—

(2) «Adhaerens carocio veritatis, id est glossatoris, et in perpetuum non errabis....»

(3) Savigny. Gesch d. R. R. etc. 5 B. Kap. XLII. SS 268, 269. N-ta 69, 70.

(4) Eyssell (Doneau etc., P. 10). «A partir de ce moment, on compte les opinions des docteurs sans les peser etc.»

сты-профессоры мало по малу обратились, из чисто-ученых дѣятелей, въ чиновниковъ на жалованьи у той власти, которая держала, въ извѣстную минуту, верхъ въ республикѣ; что они перебѣгали изъ города въ городъ, изъ университета въ университетъ, неимѣя возможности сосредоточиться (1). Что, наконецъ, ученая и педагогическая дѣятельность ихъ въ разныхъ городахъ подвергалась самымъ стѣснительнымъ и произвольнымъ распоряженіямъ (2). По соображеніи всего этого, само собою выйдетъ такое заключеніе, что паденіе юриспруденціи объясняется не однимъ ложнымъ методомъ бартолистовъ, а также многими другими вліяніями и обстоятельствами. Всѣмъ этимъ нисколько не отвергается та истина, что наука есть живой организмъ, и что для нея важнѣе всего вопросъ о внутренней, самобытной силѣ. Напротивъ, юристы-схоластики сдѣлали много вреда только потому, что различныя, частію объясненныя, причины поколебали эту внутреннюю, самобытную силу. Кажется, что такой взглядъ не уничтожаетъ нравственной свободы ученыхъ дѣятелей. Онъ помогаетъ *уясненію* и точному опредѣленію степени личной ответственности ихъ предъ исторією. Не имѣя его, легко впасть въ противоположныя крайности безусловнаго хваленія, или безусловнаго порицанія. Тогда придется стать въ тупикъ передъ многими явленіями и событіями. Трудно будетъ дать объясненіе: почему напримѣръ бартоловская школа производила творенія въ родѣ: „*Quaestio inter Virginem Mariam et diabolum de genere humano*“, или „*Sylva Nuptialis*“ *Невизана*, когда тутъ же, возлѣ нихъ, слагались пѣсни Данте и Петрарки! Еще труднѣе будетъ опредѣлить, почему нѣкоторые юристы этого періода не только не заклинали современной итальянской литературы какъ діавола («*ut ab hac syrene maxime caveant*»); но сами были отличными поэтами, даже филологами, и въ тоже время — плохими писателями, безцвѣтными и грубыми толкователями въ области

(1) Savigny. 6 B. S. 55. Jacobus de Belvisio.—S. 191. Baldus de Ubaldis. S. 248. Paulus de Castro.—S. 273. Alex. Tartagnus и мног. друг.

(2) *Ibidem*. 6 B. (Kap. LVII. S. 327. Philipp. Decius). «...Die Curatoren glaubten von Jahr zu Jahr die Universität mit gedankenlosen Willkühr regiren zu können, und wiesen jedesmal den Professoren ihre Lehrfächer an, ohne auf Besitzstand, Neigung oder Talent Rücksicht zu nehmen... etc.»

юриспруденціи (1). Когда дѣло доходитъ до такой крайности, тогда благополучный исходъ находится въ рукахъ одного могущества жизни. И дѣйствительно, юриспруденцію XIV и XV вѣковъ поддержала болѣе всего юридическая практика. Плохіе теоретики и догматики, Бартолисты были несравненно сильнѣе въ практическомъ отношеніи (2). У нихъ видимъ мы учрежденія, похожія на нѣмецкія „Spruch-Collegia“; у нихъ встрѣчаемъ мы оживленные диспуты, на которыхъ тяжеловѣсные ученые являлись иногда энергическими и находчивыми противниками. У нихъ же развился обычай ученыхъ конкурентовъ (concurrentes), который вызвалъ значительное напряженіе умственныхъ силъ, оживлялъ вялую будничную дѣятельность.

Между тѣмъ въ юриспруденціи готовился рѣшительный переходъ къ новому методу. Наступалъ XVI вѣкъ. Близилось образованіе изящной гуманической школы въ юриспруденціи. *Бэконъ* сказалъ (3), что «науки, какъ народы, расходятся во все концы земли». Исторія ученыхъ школъ и метода въ юриспруденціи XVI и XVII ст. какъ нельзя лучше подтверждаетъ собою это замѣчаніе великаго мыслителя. Начавшись итальянцами, ряды ученыхъ гуманистовъ пополняются германцами, испанцами, португальцами,—но больше всего французами и голландцами.—

Что касается до начала гуманическаго направленія, то уже въ XIV стол. замѣчаются отдѣльные его проблески. Со втораго десятилѣтія XV ст. потребность близкаго, непосредственнаго знакомства съ древними источниками права дѣлается определеннѣе. Савиньи приводитъ интересное письмо одного монаха камальдудельскаго ордена, по имени *Амеросія*—не юриста ex professo, но, какъ видно, человѣка образованнаго (4). Камальдулецъ пишетъ къ какому-то *Маріану-Порціо* и одобряетъ намѣреніе

(1) Cp. Savigny. *Ibidem*, 6. B. Kap. L. N-та 55. Толкованія юриста Пинуса. (Cino da Pistoia) также Kap. LVII. SS. 284, fg.

(2) *Ibidem*, 6. B. SS. 21, 22.—*Эйссель* весьма хорошо изложилъ значеніе практическаго направленія у юристовъ—схоластиковъ между Бартоломъ и началомъ эпохи возрожденія наукъ въ XV столѣтіи. (PP. 14—18).

(3) Lerminier. Introduction. P. 82. («Migrant per diversas orbis partes nonsecus ac populi etc...»)

(4) Savigny. *Gesch.* 6 B. Kap. LIV, LVI, LVII, LIX.—

19264 чеш. 14

последняго изучать юриспруденцію, но не иначе, какъ подъ условіемъ:—*черпать знаніе изъ сочиненій древнихъ юристовъ, оставивши, ни къ чему неподнахъ, новяхъ комментаторовъ* (1). Глубокое уваженіе автора письма къ древности и—нужно согласиться съ этимъ—презрѣніе къ настоящему не подлежатъ сомнѣнію. Еще сильнѣе и опредѣлительнѣе слова другаго современника, юриста и филолога, *Мафея Вегія* (Marphaeus Vegius † 1468). Въ посвященіи его книги (De significatione verborum) Епископу Миланскому, на каждой строкѣ высказываются: почти-религіозное поклоненіе древнему міру и жолчное недовольство настоящимъ. Логику древнихъ юристовъ величаетъ онъ *правдивою* и даже *божественною* (2). Чтеніе Дигестовъ и поэзія даютъ равныя наслажденія уму его (3). Увлеченіе древнимъ міромъ у Вегія доходитъ до того, что онъ осмѣливается поднять руку на дѣятельность самаго Трибоніана. «Не могу, говоритъ онъ, не скорѣбѣть, не могу не волноваться сильно при мысли о томъ, какой прекраснѣйшій и дивный запасъ книгъ, написанныхъ *святѣйшими* законодателями (4), погибъ отъ руки Трибоніана. Незамѣчалъ ты, продолжаетъ поклонникъ древности, обращаясь уже прямо къ лицу Трибоніана: незамѣчалъ того, что, думая «вести свѣтъ въ темноту, ты навелъ мракъ на свѣтъ»! Вотъ какъ рано сказался первый Анти-Трибоніанъ. Вотъ когда пробилась наружу та мысль, которая протекла, длинною струею, черезъ нѣсколько вѣковъ и ученыхъ школъ, до нашего времени! Не есть-ли это одно изъ лучшихъ доказательствъ живой, постоянной связи между прошедшимъ и настоящимъ человѣчества? Возстановить въ дѣлѣ умственного развитія порванную связь между древнимъ и новымъ міромъ—вотъ цѣль такъ называе-

(1) «... Juri civili te dare operam... sum factus certior. Probo idquidem; sed ea ratione, ut potius Jurisconsultos veteres quam commentatores ignavos tibi hauriendos atque imitandos moneam. Habent alli in se plurimum dignitatis veteremque elegantiam praeferunt, quam novi isti interpretes in tantum abest, ut ... per imperitiam linguae saepenumero ne intelligant quidem etc.»—

(2) Divinum Judicium.

(3) Inter poetandum transferebam me saepenumero ad lectionem Digestorum.

(4) A sanctissimis legum conditoribus.

мыхъ гуманистовъ (1). Для нея, дружно, неутомимо работали они надъ письменными остатками древности. Одинъ (знаменитый *Анджело Поллицано*) называетъ себя скромнымъ именемъ грамматика (2) и между тѣмъ захватываетъ источники права въ кругъ своихъ замѣчательныхъ филологическихъ изслѣдованій, уясняя ихъ изъ текста классиковъ. Другой—(голандецъ родомъ, Николай Эверарди)—старается примѣнить къ юриспруденціи тотъ методъ, который выработался у него подъ вліяніемъ непосредственнаго, глубокаго изученія Цицерона, Квинтиліана и Боэція (*Topica, sive de locis legalibus, 1566*). Стремясь къ пробужденію философскаго духа въ наукѣ, онъ не забываетъ исторической разработки и очищенія матеріала юриспруденціи. Эверарди, *первый и послѣдній*, попытался построить въ своемъ сочиненіи теорію юридической діалектики (3). Нельзя не назвать такой попытки замѣчательною. Стать такъ смѣло на мысли о сочетаніи философскаго и историческаго элементовъ было мыслию въ высшей степени самостоятельною, въ эпоху кропотливаго филологическаго изученія источниковъ. Къ этому движенію умовъ, какъ нельзя болѣе кстати, примкнуло величайшее изъ открытій ума человѣческаго, книгопечатаніе. Энергически захватила въ свои руки Италия новое міровое орудіе. Имя *Альдовъ*—этихъ блистательныхъ издателей—комментаторовъ Платона и Аристотеля—будетъ имѣть вѣчное значеніе въ исторіи. Съ послѣдней 1/4 XV стол. начался въ Италіи рядъ изданій древнихъ поэтовъ и философовъ, которыхъ прежде знали по частямъ, а теперь они были на лицо, во всей полнотѣ. Тогда только сдѣлалось возможнымъ тщательное изученіе, сравненіе и сочетаніе разрозненныхъ знаній въ одно стройное цѣлое. Въ недалекой перспективѣ стояла такая-же будущность для юриспруденціи. «Гомеръ,

(1) «On se proposait» — гов. Эйссель — «pour but de réagir contre les routines scolastiques surannées, et de reconquérir les droits de l'intelligence à l'aide d'une méthode plus rationnelle, de faire passer l'esprit humain du domaine de l'abstraction dans celui des réalités concrètes etc.» (D'Onéau etc. P. 20),

(2) Nec aliud inde nomen mihi postulo, quam grammatici.

(3) Savigny, Gesch. etc. 6 B. S. 401. (Kap. LIX).

Эверарди

Платонъ, Аристотель», говоритъ *Мишле* (1) «три библіи древности. Прибавьте сюда *Corpus juris*, памятникъ не-менѣе величественный.» Человѣчество стремилось узнать *свое прошедшее* для того, чтобы понять *настоящее* и приготовить для себя великую и широкую *будущность*.

Такъ началось это движеніе на встрѣчу той идеи, что въ дѣлѣ знанія нѣтъ различія между Еллиномъ и не Еллиномъ, между евреемъ и язычникомъ. Эта простая мысль была необходимымъ условіемъ для развитія релігіозной истины; настало время, когда безъ нея не могла двигаться истина научная. «Знаніе не можетъ исходить отъ ума,—не можетъ быть постигнуто мышленіемъ,» вотъ догматы философіи средневѣковаго періода (2). Ясно, что, подъ влияніемъ такого духа, нельзя было жить людямъ, если они хотѣли сохранить свое человѣческое достоинство. Потребовалось узаконеніе всего разумно-человѣческаго, шло-ли оно отъ Платона или отъ *Томы Аквинскаго*. Такое передвиженіе оси человѣческихъ знаній выполнено было *гуманистами*. Здѣсь ихъ великое, всемірно-историческое значеніе (3).

Но каково было значеніе ихъ въ юриспруденціи?—Можно-ли видѣть самостоятельность и строгую научность въ томъ направленіи, которое преклоняется передъ Цицерономъ, Сальвемъ-Юліаномъ, Гаемъ и Помпоніемъ? Гдѣ же тутъ свобода мысли? Какое различіе между двумя авторитетами, кромѣ того, что одинъ построенъ изъ матеріала чисто-римскаго, другой изъ матеріала схоластическаго? Вотъ оно, то *кажущееся противорѣчіе* между *идеєю* и *осуществленіемъ* гуманическаго начала, какъ свободнаго отношенія ума къ предмету знанія. Мы называемъ это противорѣчіе «*кажущимся*» на слѣдующемъ основаніи. Во 1-хъ: самостоятельное избраніе авторитета, когда оно опирается на ясное, твердое сознаніи разумности и солидности послѣдняго,

(1) *Renaissance*, P. 369. — Сравни. *Hugö. Gelehrten geschichte* S. 171. (*Gegenstände der Druckerey*).

(2) *Fries. Gesch. der Philosophie*. S. 140. «... *Scientia ab ingenio venire non potest, nec cogitatione comprehendi, quia in se ipso habere propriam scientiam non hominis est etc.*» *Ibidem*. S. 155.

(3) Сравни. *Eyssell*. P. 20. «*Dès que l'accès de l'antiquité était ouvert,*

есть дѣйствіе вполнѣ-свободное⁽¹⁾. Между подчиненіемъ авторитету такимъ путемъ и между механическимъ его признаніемъ существуетъ замѣтная разница. Въ послѣднемъ случаѣ, возникаютъ: умственный патронатъ съ одной стороны, рабское подчиненіе—съ другой. Во 2-хъ: отсюда слѣдуетъ, что вопросъ о внутреннемъ содержаніи авторитета далеко не безразличенъ. Гуманисты признали авторитетъ римскаго права, потому что основательно изучили и ясно увидѣли его научныя и практическія достоинства; потому что они поняли естественную простоту и здравомысліе многихъ его положеній. Римское право выходило у нихъ *человѣческимъ* созданіемъ, оно было связано неразрывно со всѣми другими сторонами жизни въ мірѣ классическомъ. Кто строилъ науку и авторитеты ея на *разумъ* човѣческомъ, тотъ былъ недалеко отъ декартовскаго: «*cogito, ergo sum*» въ исторіи умственнаго развитія човѣческаго. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, гуманисты имѣютъ полное право стать въ рядахъ *протестантовъ* човѣческой мысли противъ начала не-свободнаго⁽²⁾.

А между тѣмъ, въ параллель такому умственному движенію, политическая и гражданская жизнь шла впередъ и заявляла болѣе или менѣе однородныя требованія. То были требованія *единства*, въ противоположность *феодальной* разрозненности. Удовлетворить подобныя требованія легче всего могло систематическое, обработанное, *сильное своимъ единствомъ*, право римское. Въ пользу его, почти вездѣ на западѣ Европы, говорило историческое

on ne pouvait manquer de revenir bientôt à une manière plus simple de comprendre les phénomènes et les problèmes; les docteurs allaient professer avec plus d'originalité et de clarté; le bon goût allait rentrer dans l'enseignement des écoles et des universités etc».

(1) Cp. 9. C. Lewis. On the influence of authority in matters of opinion. Chapt. III. §§ 14, 15.

(2) Cp. Fries. Geschichte der Philosophie. S. 206. — Kuno-Fischer. Geschichte der neuern Philosophie. Fünfte Vorlesung. SS. 79—88. «Das Alterthum wird entdeckt und damit fällt die Geistes-schranke, welche das Mittelalter abgesperrt hatte gegen die Eigenthümlichkeit des classischen Heidenthums. Das Studium des Antiken klärt das Gemüth wieder auf; die Geschichte, welche der christliche Glaube gleichsam entzwei gerissen hatte, wird wieder verknüpft, indem sich die Geister mit der classischen Vergangenheit befreunden und gegenüber dem einseitigen und exclusiven Dogma die allgemeine Humanität wiederherstellen» etc. (8)

преданіе. Въ однѣхъ странахъ, преданіе это указывало на древность практическаго примѣненія римскихъ законовъ (1). Въ другихъ, оно опиралось на блестящій фактъ священной Римской Имперіи Карла Великаго, которому удалось, хоть на короткое время, осуществить идею единства политическаго. Съ ви́шней стороны, единство это распалось; но въ политическую и гражданскую жизнь западно-европейскихъ народовъ вошли однѣ и тѣже юридическія начала (т. е. національное, римское и каноническое). Одно изъ этихъ началъ—римское законодательство—пережило систему личныхъ правъ въ новоустроенныхъ обществахъ, (2) выдержало борьбу и преобладаніе со стороны законовъ каноническихъ,—частію вызвало, а, быть можетъ, болѣе всего приняло въ себя самого силу возродившихся городовъ и средняго сословія (3). Только послѣ всего этого, римское право открыто и смѣло подняло свою сѣдую историческую голову, въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтій.—Отсюда видно, что къ римскому праву влекло гуманистовъ не одно ученое, антикварное пристрастіе, а болѣе всего—та дѣйствительная, почти неудержимая сила, съ какою подчинило оно своему вліянію всѣ слои общественной и даже политической жизни того времени. Личность перваго представителя новаго метода въ юриспруденціи, *Андрея Альциата* или *Альциати* († 1550), принадлежитъ по своей дѣятельности столько же Италіи, сколько Франціи. Другой замѣчательный гуманистъ этой эпохи—*Ульрихъ* (Удальрихъ) *Цазій* († 1535)—начинаетъ собою немногочисленный рядъ *изящныхъ* юристовъ въ Германіи.

(1) Какъ напр. французская *Pays de droit escrit*, Сѣверн. Италія и даже Южная Германія. У *Рудорфа* (*Rechtsgeschichte*, S. 334) приведенъ текстъ древнихъ лонгобардскихъ законовъ о практическомъ примѣненіи права римскаго: «Eundem est juxta Romanam legem quae omnium est generalis», (закон. 8 столѣт). Здѣсь же можно найти постановленіе императора Конрада II-го (1027—1038): «Negotia...actore Longobardo vel reo... Romanis legibus terminentur».

(2) *Unusquisque homo suam legem pleniter habeat conservatam.*

(3) Сравн. критическое разсмотрѣніе мнѣній о происхожденіи общины *Савиньи*, *Арнольда* и *К. Гегеля* (соименника знаменитаго философа), у *Лорана* (Т. VII. стр. 509, 510 и слѣд).

Альціатъ былъ человѣкъ замѣчательныхъ дарованій и учености. Перебирая библиографическія свѣдѣнія о трудахъ его (1), мы встрѣчаемъ тамъ, вмѣстѣ съ *комментаріями на Digestы, Кодексъ и на Декреталии* Григорія IX, сочиненія самаго разнообразнаго содержанія. «*Примѣчанія къ Тациту, Исторія Милана* (до IV ст. нашей эры)», служатъ доказательствомъ серьезнаго изученія исторіи (2). «*Посланіе противъ жизни монастырской* (*Epistola contra vitam monasticam ad collegam olim suum*)», переводы съ греческаго на латинскій «*Аристофановыхъ облаковъ*» и «*комментарій на Авзонія*»—какъ нельзя лучше характеризуютъ умственные стремленія гуманиста. Нападая на современность, онъ находитъ себѣ нравственную опору и умственные наслажденія у комиковъ и поэтовъ древности. Бурный политическій характеръ той эпохи сдѣлалъ тревожнымъ и неуспокоившимъ все его жизненное и ученое поприще. Частыя войны, любовь къ деньгамъ, о которой самъ Альціатъ говорилъ тономъ замѣчательной откровенности (3), и, послѣ денегъ, честолюбіе—помѣшали ему избрать одинъ ученый центръ для своей профессорской дѣятельности. Онъ постоянно переходилъ изъ итальянскихъ университетовъ во французскіе и обратно. Не смотря на это, Альціатъ работалъ много и добросовѣстно. Труды его высоко цѣнились современниками. Императоры, папы, короли и принцы крови (между прочимъ Филиппъ, въ послѣдствіи знаменитый король испанскій) наперерывъ осыпали его милостями; 700 или 800 слушателей (испанцевъ, французовъ, нѣмцевъ и голландцевъ)—наполняли постоянно его аудиторію и перенесли отсюда начала новаго метода въ свои страны отече-

(1) Jugler. Beiträge zur jurist. Biographie. 3. B.

(2) Ibidem. Annotationes in Corn. Tacitum. 1519. — *Historia Mediolanensis usque ad Valentinianum etc.*

(3) Какъ практическій итальянецъ, Альціатъ отклонялъ всякія предложенія «жить и учить тамъ, гдѣ профессорамъ даютъ мало денегъ, гдѣ герцоги угождаютъ... одними красными словами и пустыми надеждами». Послѣдовательная несоговорчивость Альціата, при такихъ условіяхъ, совершенно законна и основательна. Но странною и характерною показалась намъ та важность, съ которою заноситъ онъ въ число особенныхъ заслугъ своего учителя (изв. юриста Язона, ср. Savigni, Gesch. 6 13), что тотъ умѣлъ возвысить плату за дѣловое мнѣніе до 50 и даже до 100 дукатовъ (вмѣсто прежнихъ 4-хъ), а профессорское жалованье довелъ до 1000 дукатовъ и больше. (Срвн. Jugler, S. 18).

ственные (1). Блистательный ораторъ, Альциатъ увлекалъ своимъ живымъ итальянскимъ краснорѣчiemъ. Глубокой знатокъ исторiи, философи и филологiи, онъ остроумно и вѣрно разрѣшалъ экзегетическіе вопросы. Альциатъ вполне самостоятельно толковалъ догму законовъ, всячески избѣгая счета чужихъ мнѣній и не выводилъ, на основанiи ихъ, окончательныхъ заключенiй. Для него былъ немыслимъ методъ экзегетическiй безъ пособiя историко-филологической критики. Отсюда понятно то высокое значенiе, которымъ пользовался Альциатъ между своими современниками. Понятно также панегирическое мнѣнiе *Гравины*, «что «подъ влiяніемъ Альциата совершилось полное и блестящее воз-
рожденiе юриспруденци» (2). Но есть поводъ думать, что такой взглядъ на ученiя достоинства Альциата требуетъ нѣкотораго ограниченiя. Сила стараго порядка отразилась въ извѣстной степени на прославленномъ реформаторѣ. Савиньи говоритъ, что въ сочиненiяхъ Альциата замѣтно какое-то странное раздвоенiе: тѣ изъ нихъ, которыя написаны для университетскаго преподаванiя, оказываются худшими и даже приближаются къ прежнему методу схоластиковъ (3). Говоря почти вскользь объ этомъ, Савиньи даетъ однакоже понять, что стѣсненное и зависимое положенiе тогдашняго университетскаго преподаванiя могло быть одною изъ главныхъ причинъ такого явленiя.

Такимъ образомъ немало мѣшали и самыя программы университетскiя. Были примѣры, что приходилось идти, съ одной стороны, противъ фанатиковъ старины, съ другой—противъ запрещенiй пра-

(1) Весьма оригинально также высказывалъ Альциатъ взглядъ свой на собственное ученое достоинство. Не обинуясь, называлъ онъ себя *солнцемъ науки*, которое обтекаетъ и равномерно живить своимъ свѣтомъ разныя страны Италiи и Францiи. Такимъ образомъ возражалъ онъ противъ нападокъ за частые переходы изъ одного университета въ другой «... Dii nos, tamquam pilas, homines habent. Sic ego raptus, instar lignorum quae pro aquarum impetu feruntur, variis fluctibus agitatus fui, et tamen, quicquid erroris hoc fuit, in publicam utilitatem semper cessit. Nemo est qui solem vituperet, quod, dum radiis et calore suo cuncta vivificat, ambitum terrae omnem circumque percurrit. Nec quisquam est, qui adeo fixas stellas laudet, ut errantes improbet.»

(2) «Jurisprudentia, Alciati manu ex humo sublata, oculos ad primordia sua reflectens, vetera ornamenta nativamque dignitatem a priscis reperit autoribus etc. (Ср. Jugler. Извлеч. изъ соч. Гравины: De ortu et progressu juris civilis).

(3) Gesch. d. R. R. 6 B. KK. XLIII. LX.—Срavn. Hugo. Gelehrt. Gesch. SS. 216, 217.

вительственныхъ. Все это подтверждается достовѣрными историческими свидѣтельствами. Между прочимъ, одно изъ нихъ внесено симимъ Савиньи въ его исторію (1). Другое найдено нами въ извѣстномъ изданіи Гуго-Геттингенскаго (2). Оба они касаются болѣе всего исторіи новаго метода въ германіи и, такимъ образомъ, служатъ лучшимъ указаніемъ тѣхъ условій, при которыхъ долженъ былъ трудиться другой названный нами гуманистъ—*Ульрихъ Цазій*—германецъ родомъ.

Цазій былъ ученикомъ одного итальянскаго профессора правъ, и потому стоялъ въ уровень съ новыми требованіями въ наукѣ. Въ общихъ чертахъ метода, у Альціата и Цазія есть много сходнаго. Политическая исторія, древности, философія и, на основаніи ихъ, критика источниковъ: вотъ средства, которыя считалъ Цазій необходимыми для истиннаго знанія законовъ положительныхъ. «Онъ высказывалъ свое мнѣніе, подкрѣплялъ его ясными законами и тогда только ссылался на писателей, когда видѣлъ, что это было необходимо, или же, когда желалъ сдѣлать опроверженія,» говоритъ Юглеръ (3). Ведя нашу параллель далѣе, мы увидимъ, что Цазій, уважаемый профессоръ и плодовитый писатель, въ тоже время и ораторъ, которому родной городъ его поручаетъ привѣтствовать рѣчью императора Максимиліа, и который произноситъ потомъ погребальное слово надъ могилой тогоже императора. Въ чемъ же разница между обоими представителями гуманистовъ? Всмотрѣвшись въ тѣ дроб-

(1) Savigny. Gesch. 6 B. Kap. XLVII. Фрошъ (Frosch, авторъ сочиненія: *Isagoge in j. c. studium* 1554) говорить, что многие юристы профессора готовы были держаться новаго метода, «*verum hos illos interim morari scio, quod ad alienum præscriptum... docere coguntur. Id Alciatus palam testatus est. Et nobis, aliquando de hac re expostulantibus coram respondit dulcissimus præceptor noster Zasius etc.*»—

(2) Civil. Magazin. 2 B. Zwei Stimmen aus d. XVI J. H. über die jurist. Methode. Здѣсь какой-то педантъ, *Мельхиоръ Ф. Оссе*, варварскимъ языкомъ высказываетъ мнѣніе, что, по всей справедливости, слѣдовало бы примѣнить нѣчто въ родѣ системы голода (*systeme de famine*) къ нововводителямъ въ юриспруденціи. Вотъ подлинныя слова его: «*Darumb seynd Die... vermessene Leute und wissen nicht was sie sagen. Es seynd etliche Scioli hey den alten gewest, wider die saget Alex. de Jmola dass solche Juristen so andere terminos in jure erdenken... nicht werth sind, das man Ihnen das Brod gebe etc.*»—

(3) Beiträge etc. 3 B. S. 235.

ныя черты, которыя обнимаются сходными рамками, мы замѣтимъ слѣдующее: Цазій имѣеть ту особенность передъ итальянскимъ ученымъ, что онъ *практикъ* болѣе послѣдняго. Онъ защищаетъ многочисленные процессы своего города Фрейбурга и австрійской владѣтельной фамиліи. Мало этого: Цазій обрабатываетъ сначала: «статуты маркграфства Баденскаго (1511)», а потомъ «новые статуты, законы и городовое право города Фрейбурга» (1520). Напрасно будемъ мы искать такихъ обширныхъ практическихъ и даже законодательныхъ трудовъ у итальянскаго ученаго. Въ массѣ написанныхъ имъ сочиненій есть только *одно практическое*, да и то, кажется, несправедливо приписывается перу его (1). Есть свидѣтельство, что Альціатъ началъ свое поприще адвокатурою; что первый процессъ, который велъ онъ, было дѣло о колдовствѣ, и что при этомъ молодой юристъ высказалъ рѣшительное мнѣніе противъ пытки, какъ средства вынуждать показанія. *Тазанъ* говоритъ, что Альціатъ давалъ практическіе совѣты и старался всегда заключать ихъ въ самую сжатую форму, по примѣру древнихъ юристовъ (2). Но все это весьма скромно въ сравненіи съ однородными трудами Цазія.—

Вопросъ о томъ: кто изъ двухъ юристовъ имѣеть болѣе обще-историческаго значенія для своей родины? можетъ быть рѣшенъ утвердительно въ пользу Цазія. Онъ никогда не держался правила: «гдѣ хорошо платяты, тамъ мое отечество». Напротивъ, безвыѣздно жилъ онъ въ своей Швабіи и выполнялъ такіе труды, которыя, кромѣ ученаго интереса, имѣють важное значеніе въ исторіи Германіи. Они составляютъ выдающіеся пункты той революціи въ гражданскомъ и политическомъ быту цѣлой страны, которая обозначается однимъ сжатымъ выраженіемъ «принятія римскаго права.» Но обрабатывая римское право Цазій никакъ не думалъ приносить ему въ жертву право національное. Напротивъ, у него открыто и ясно выражена мысль объ измѣняемости матеріала римскихъ законовъ, подъ вліяніемъ особенныхъ условій мѣста и времени. Во введеніи въ фрейбургское городовое право онъ говоритъ, что «*все земное подлежитъ*

(1) Jugler. Beiträge. 3 B. SS. 41, 42, 43.

(2) Taisand. Vies des Jurisconsultes. P. 17.

измѣненію» и относить въ частности это положеніе къ римскимъ законамъ въ Германіи (1).

Въ заключеніе можно привести немногія черты, которыя дополняютъ обликъ Цазія, какъ юриста и какъ человѣка. «Степень доктора правъ»—любилъ говорить Цазій—«приобрѣтается не для того, чтобы записаться на службу какого нибудь двора и дать отмѣтить себя его штепелемъ,—не для того также, чтобы вращаться въ грязи судебныхъ мѣстъ и консисторій: провозглашать право и учить ему, рѣшать сомнѣнія и поддерживать государство—таково назначеніе доктора юриспруденціи» (2). Вообще, въ итальянскомъ юристѣ больше блеску, въ жизни его болѣе разнообразія, больше внѣшняго движенія. Жизнь германца—трудовая жизнь человѣка средняго сословія. Обстановка его скромна до бѣдности (3). Но за этою сѣрою оболочкою, личность Цазія является самою свѣтлою и благородною. Сравненіе ведетъ къ признанію безспорнаго превосходства Цазія надъ Альціатомъ въ нравственномъ отношеніи.—Заслуги и значеніе обоихъ юристовъ въ ученой исторіи, по дальнѣйшему вліянію ихъ на методъ отечественной науки, совершенно уравниваются (4). Гуго говоритъ, будто самъ Альціатъ угадалъ и предсказалъ паденіе новаго метода въ Италиіи и болѣе прочное водвореніе его, въ связи съ успѣхами юриспруденціи вообще, за Альпами (5). Цазію, съ немногими учениками, тоже суждено

(1) «Auch die kaiserlichen Rechte nit allweg in glichem Inhalt gehabt werden mögen». Сравни. Bluntschli. Разборъ монографіи Штинцинга (Stinzing) объ Ульр. Цазіѣ (1857) въ Kritische Ueberschau, 6 B. 1. Heft.

(2) Ibidem.

(3) Въ то время, когда Альціатъ считалъ дукаты тысячами, интересно сравнить, каково было вознагражденіе юриста германскаго. За «статуты Маркграфства Баденскаго» получилъ онъ *двадцать пять* гульденовъ. — «Für alle seine Mühe bekam er vom Magistrate 20 gulden», добродушно замѣчаетъ Юглеръ о платѣ за «новые статуты и проч.» города Фрейбурга. «Чтобы платъ а за первый трудъ не пала тяжестью на финансы государственныхъ», съ невольнымъ комизмомъ продолжаетъ Юглеръ, «то она разсрочена была на пять лѣтъ, т. е. ежегодно по пяти гульденовъ». — (SS. 248, 249).

(4) «Tous deux»—гов. Эйссель — «à l'admiration des contemporains, ouvrirent la voie à une étude rationnelle du droit, la même à peu près que les glossateurs avaient suivie auparavant, mais en se mettant au niveau des besoins de leur époque etc.

(5) Gelehrt. Geschichte. SS. 217, 218.

было остаться какою-то свѣтлою точкою въ ученой исторіи германской юриспруденціи этого періода (1). Соотечественники его отдавали явное предпочтеніе видоизмѣненію схоластическаго метода, извѣстному подъ именемъ *метода рамистическаго* (2). На дальнѣйшей ученой судьбѣ Альціата и Цазія вполне подтвердилась истина того стараго мнѣнія, что труднѣе всего быть пророкомъ въ своемъ отечествѣ. Новый методъ и достоинства его лучше всего оцѣнены были Францією и Голландією, и туда-то приливаютъ съ исключительною силою всѣ живые соки юриспруденціи въ концѣ XVI и въ XVII ст. Туда же должна быть проведена теперь нить настоящаго изслѣдованія.

(1) Въ 1523 г. Цазій писалъ, что у него едва набирается *шесть человекъ слушателей*, и то французовъ, а въ 1526 г. жалуется, что у него совсѣмъ нѣтъ слушателей. (См. Eichhorn. D. R. u. St. Gesch. 3 B. § 441).

(2) Мы составили такое заключеніе о методѣ *Петра Рамуса* главн. образ. на основаніи тѣхъ данныхъ, кот. находятся въ исторіи *Берріа С. При. Варненки* упоминаетъ о немъ въ своей энциклопедіи (§ 121), но изъ его словъ трудно вывести опредѣленное представленіе о сущности метода. Яснѣе (и, кажется намъ сходенъ съ Берріа) *Бинеръ* въ своемъ возрѣвнн. «*In der bisherigen Darstellung*» — гов. онъ, заканчивая много разъ приводимую нами статью свою «объ историч. методѣ въ наукѣ права уголовнаго» — *sind diejenigen (Methoden) nicht erwähnt werden, deren Eigenthumliches bloss auf Aeusserlichkeiten, auf einem gewissen Formalismus beruht... Dies ist der Fall mit der dialectischen Methode des spätern Mittelalters, der Methodus Ramistica etc.* (Archiv des Crim. Rechts. X. B. S. 510, 511).

ГЛАВА II.

ШКОЛА ФРАНЦУЗСКАЯ.

Еще прежде, говоря о значеніи гуманическаго направленія вообще, указали мы на ту связь, которая установилась между римскимъ правомъ и политической жизнью Франціи. Ясно, что связи этой не могла просмотрѣть юриспруденція, тѣмъ болѣе, что она, съ давнихъ поръ уже, пошла здѣсь рука объ руку съ развитіемъ народной жизни, во всей полнотѣ ея. Когда гуманическій методъ перешелъ сюда чрезъ Альпы изъ Италіи, почва хорошо была подготовлена для того, о чемъ такъ оригинально говорить *Паке* на старомъ и живописномъ языкѣ своемъ (1).

Римское право стало на первой очереди передъ юристами. Альціатъ началъ свои блестящія лекціи въ Буржѣ (2), а въ концѣ первой половины XVI вѣка, *Эт. Паке* слушалъ вступитель-

(1) Pasquier. Recherches de la France. IX. 39.—«Un mariage de l'estude du droit avec les lettres humaines par un langage net et polis.

(2) Университетъ въ Буржѣ основанъ былъ только 1463 года. Въ учредительной грамотѣ Людовика XI обозначена цѣль короля: «le plus grand bien de la cité de Bourges, ou il a pris naissance et reçu le baptême.» *Эйссель* и переводчикъ его *Симонне* (Simonnet) принимаютъ мнѣніе *Савиньи* о томъ, что устройство университета въ Буржѣ подходило къ образцу итальянскому. (Eysseil, Doneau etc. P. 35. 40, N-ta 57.). Въ избраніи ректора студенты имѣли право голоса наравнѣ съ профессорами. Ректоръ избирался только на три мѣсяца. Замѣчательнъ тотъ фактъ, что студенты постановили однажды правило: не допускать къ выбору въ ректоры лицъ, имѣющихъ степень доктора (см. ibidem ссылка на Raynal. «Histoire du» Berry. p. 359. 360).—Интересны также нѣкоторыя свѣдѣнія о жалованьи тогдашнихъ профессоровъ: деканъ юридическаго факультета получалъ 2,000 ливровъ; первый профессоръ—920; второй—350; третій—230 ливровъ.—Канонисты получали 160 и 140 ливровъ. (Eysseil. L. C. P. 41, 42).

ныя лекціи *Готмана* и *Балдуина* въ Парижѣ и пережили, какъ говоритъ онъ, одни изъ самыхъ счастливыхъ часовъ въ своей жизни (1). Черезъ нѣсколько времени открыли въ Буржѣ свой курсы *Куяцій* и *Донелла*, которые, будучи личными врагами, сдѣлались знаменитѣйшими представителями блестящей школы французскихъ юристовъ. Старые рутинеры кричали. Соперникъ Куяція, *Форкадель*, презрительно называлъ новую школу ученыхъ юристовъ плебееми. Но лучшая часть тогдашняго общества и духъ вѣка рѣшили дѣло противъ привилегированныхъ аристократовъ въ наукѣ (2). Такимъ путемъ возникло новое ученое движеніе въ области французской юриспруденціи.— Молодая школа наполнила ряды свои людьми разнообразныхъ оттѣнковъ и направленій учености, но одинаково замѣчательныхъ и даровитыхъ (3). Критики и методологи антикваріи и лексикографы, систематики и экзегеты раздѣлили между собою ученую дѣятельность. Кромѣ Куяція и Донелла, *Баронъ* (Baron, † 1550), *Дуаренъ* (Duarein † 1559), *Балдуинъ*, (Baudouin, Balduinus † 1575), *Бриссонъ* (Barnabas Brisson), брата *Питю* (Pithou: Pierre † 1596, Франс † 1622) и наконецъ

(1) Pasquier (Lettres à Loisel. XIX B.) «L'un des plus grands heures que je pense avoir recueilly en ma jeunesse fut qu'au lendemain de l'Assomption de Nostre-Dame. l'an 1546. Hotoman et Balduin commencèrent leurs premières lectures de droit aux escoles du Decret, en cette ville de Paris... Et ce jour même, sous ces deux doctes personnages, je commençais d'estudier en droit.»

(2) Къ нему собственно относится одна изъ самыхъ ѣдкихъ выходовъ Rabelais: «Ces folz... ont par Dieu moins estudié en philosophie que ma nullé. Auregard des lettres d'humanité et connoissance des Antiquités et Hystoires, ils en étaient chargés comme un crapaud de plumes; dont (de lettres d'humanité etc.) toutefois les droicts sont tout pleins et sans ce ne peuvent être entenduz» (Pantagruel, livre II, Chap. X). — Сравни. Eysseil (Doneau etc. Chap. III). Здѣсь собрано нѣсколько фактовъ касательно взаимныхъ отношеній старой и новой школы.

(3) Замѣчательно, что образованію новой школы въ значительной степени содѣйствовала извѣстная иррионія *Маргарита*, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ *Канцлера Лопитала*. Вообще выборъ достойныхъ профессоровъ составлялъ тогда предметъ особенной заботливости первостепенныхъ лицъ въ государствѣ. Такъ *Куяцій*, *Донелла* и *Готманъ* опредѣлены были на свои кафедры, благодаря сильному вліянію *Маргарита*. *Эйссель* говоритъ, что она устраняла, съ Лопиталемъ, интриги противъ молодыхъ ученыхъ въ коллегіяхъ профессорскихъ. Мало этого: *желая сохранить неприкосновеннымъ кредитъ студентовъ*, *Маргарита* платила изъ собственного кошелька тѣ долги, въ которые входила, по какимъ нибудь несчастнымъ обстоятельствамъ, молодежь университетская. (Ср. Eysseil, Doneau etc. P. 39).

Готифреды: всѣ эти ученые, на полтора столѣтія, упрочили за французскою школою цвѣлющее первенствующее значеніе въ Европѣ.

Юристовъ вообще корятъ за отсталую консервативность, за противодѣйствіе новымъ началамъ, чуть ли не во всѣхъ сферахъ государственной и общественной жизни. Юристовъ привыкли дѣлать главнымъ отвѣтчикомъ за всѣ темныя стороны въ мірѣ гражданскихъ и государственныхъ, общественныхъ и политическихъ отношеній. Направленіе это не ново: въ XIV столѣтіи, чернь и мѣщанство во Франціи аплодировали висѣльщикамъ, на которыхъ торжествующіе феодалы вѣшали юристовъ, въ ту пору защитниковъ черни и мѣщанства. Серіозная европейская литература (1) поднимала иногда вопросъ о такъ называемой «отсталости» представителей юриспруденціи. Извѣстно, что разбору этихъ обвиненій посвятилъ сильную страницу въ одномъ изъ трудовъ своихъ первоклассный ученый, *Савиньи*. Наконецъ, въ нашемъ обществѣ и въ нашей журнальной литературѣ, также не трудно осязать и увидѣть взрывы не совсѣмъ дружелюбнаго настроенія. Оставляя въ сторонѣ подробный историческій разборъ того, до какой степени основательно, разумно и практически—вѣрно подобное направленіе въ нашемъ обществѣ, нельзя однако же не сдѣлать по этому поводу нѣсколькихъ замѣчаній. Намъ кажется, что, въ отношеніи къ русскому обществу, беспощадная критика юристовъ, какъ сословія, не имѣетъ самаго главнаго основанія: то есть, она не имѣетъ передъ собою юристовъ, какъ сословія. Русская жизнь до сихъ поръ не выработала въ своей средѣ такого слоя общественнаго. Мы не имѣли много—и досихъ поръ еще слишкомъ мало имѣемъ—даже отдѣльных личностей, которые могли бы, положи руку на сердце, поставить возлѣ своего имени эпитетъ: *юриста въ истинномъ смыслѣ слова*. Мы разумѣемъ здѣсь нравственно-строгаго, но гуманнаго,—патріотическаго, но не слѣпаго служителя обществу во имя правды и другихъ истинныхъ интересовъ его. Къ великому несчастію, общество наше привыкло соединять съ понятіемъ юриста ту

(1) Мы разумѣемъ здѣсь извѣстныя мнѣнія *Гиббона*, *Галлама* и *Сисмонди*.

бюрократическую оболочку, которая обвивается вокруг чело­вѣка, подъ различнымъ, весьма сложнымъ, вліяніемъ. Отсюда, быть можетъ, слово jus (право) принялъ русскій чело­вѣкъ въ силь­ный языкъ свой, не переводя его (юсъ); отсюда, быть можетъ, далъ ему мѣсто между выраженіями лисей хитрости и визан­тійскаго двоедушія, неутолимаго корыстолюбія и ловкости въ трудной «ловлѣ рыбы» изъ самыхъ грязныхъ мутныхъ источни­ковъ. Зная это, и даже соглашаясь не рѣдко съ такимъ «кон­кретнымъ» представленіемъ русскаго чело­вѣка объ обиходномъ нашемъ юристѣ, нельзя равнодушно глядѣть на легкомысленное глумленіе надъ юристами и надъ значеніемъ ихъ въ серіозномъ смыслѣ слова. Будто бы юристъ всегда и вездѣ былъ тартю­фомъ въ чиновничьей или профессорской тогѣ? Будто всегда и вездѣ юристъ шелъ изъ однихъ корыстныхъ вѣдъ за грубою силою въ общества? Ни гдѣ, какъ въ Россіи, не слѣдуетъ осторожнѣе обращаться съ подобными вопросами. Мы—народъ мо­лодой; мы, народъ—если можно такъ выразиться—*безъ юристный*. Намъ нужно строиться, намъ нужно выращивать свои учрежде­нія. Позволяемъ себѣ спросить: въ видахъ какихъ интересовъ будемъ мы строиться? Чьими руками будемъ мы вести впередъ постройки общественныя? Думаемъ, что строиться должны мы въ видахъ общаго блага, правды и разумной свободы, а постройку такую—вести руками людей, которые сознаютъ и уважаютъ тре­бованія правды, общаго блага и разумной свободы. Такими людьми *должны быть* юристы, которые до сихъ поръ были и вѣроятно долго еще будутъ передовыми слугами обществу.

По крайней мѣрѣ такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока все чело­вѣчество не дойдетъ до глубокаго убѣжденія въ томъ, что прав­да—взоръ; что нѣтъ и не можетъ быть науки объ одномъ пу­стомъ словѣ, о мечтѣ идеалистовъ и нравственно-надорванныхъ; и что не слѣдуетъ бредить объ удержаніи въ обществѣ людей, специально заботящихся о правѣ и справедливости. Уважая на­чало свободы въ чело­вѣкѣ, мы безмолвно подпишемся подъ та­кимъ убѣжденіемъ: общимъ, сознаннымъ, доказаннымъ, а не выз­ваннымъ криками журнальныхъ и памфлетныхъ умниковъ. Но пока этаго нѣтъ; пока мы не видимъ вокругъ себя такого эль­

дорадо, гдѣ все идетъ стройно, правдиво, безъ ущерба частнымъ людямъ и цѣлому обществу; пока умъ человѣческой не успокоился отъ всѣхъ тревожныхъ вопросовъ и не предался одному всестороннему изученію костей допотопныхъ животныхъ: до тѣхъ поръ мы будемъ стоять: и за понятіе правды, и за науку о правдѣ, и за органы ихъ въ жизни научной и практической. Примирительное воззрѣніе, которое развивается подъ влияніемъ идеи о справедливости, можетъ приносить большую долю пользы вездѣ, гдѣ разрѣшаются жгучіе вопросы общественные. Гдѣ есть борьба, тамъ есть и страсть,—а страсть всегда неумолимо-последовательна въ своихъ требованіяхъ. Эгоистическое стремленіе ея впередъ яростно встрѣчаетъ каждую задержку, каждое возраженіе. Такою задержкою бываетъ голосъ разсудка и правды; онъ смираетъ пылъ и проситъ глядѣть не только впередъ, но всюду, гдѣ есть живые элементы, которые можно растоптать или пропустить безъ вниманія. Это людямъ не нравится; это называютъ они рутинною; за это, быть можетъ, не любятъ юристовъ, которые должны быть непременно людьми разсудка и «*juste milieu*» по преимуществу.

Начиная говорить съ такими мыслями о значеніи французскихъ юристовъ, мы становимся на опасную почву. Что можно сказать о значеніи и пользѣ французскихъ юристовъ какъ сословія? Что скажетъ о нихъ исторія?

«Юристы разставляютъ судейскія ловушки благороднымъ и независимымъ феодаламъ; они же борются съ образованными клерикалами. Толпа людей этихъ, болѣею частью вышедшихъ изъ сѣрыхъ слоевъ народа, забыла ту общественную формулу, которая осуждала на безвыходный и несвободный трудъ всѣхъ, кто стоялъ ниже феодальнаго барона (1). Отсутствіе привилегій въ гражданскомъ и политическомъ быту, подъ абсолютною властію единого короля въ единой, нераздѣльной Франціи: вотъ гдѣ была главная задача всей ихъ работы въ обществѣ».

(1) *Adalberonis carmen ad Robertum regem* (Aug. Thierry, *Essai sur l'histoire du tiers-état*. P. P. 15, 16.) «*Hoc genus afflictum nil possidet absque labore*».

Так могут принять попытку нашу:—сказать нѣсколько словъ, не только *противъ*, но и *за* французскихъ юристовъ. Но прежде, чѣмъ подписать осудительный приговоръ, слѣдуетъ задать себѣ вопросъ: въ чемъ состояли, гдѣ и вокругъ кого собирались *прогрессивные и новые* элементы тогдашняго европейскаго общества? Если элементы эти собирались и процвѣтали въ узкихъ дворикахъ феодальныхъ замковъ; если элементы эти хранились въ келіяхъ монаховъ: тогда, конечно, юристы должны только съ покорностію преклонить свои головы передъ карательнымъ приговоромъ исторіи. Но, тогда, прогрессомъ и новостью для гражданственности западно-европейскаго міра было бы слѣдующее: политическій порядокъ, построенный по началу сотни государствъ въ государствѣ; гражданскій и экономическій бытъ, основанный на привилегіяхъ, которыя поражали все слабое, не исключая младшаго рожденіемъ дитяти и женщины. — Крѣпостное право, раскинувшееся надъ сельскимъ и даже городскимъ населеніемъ,—мелкій деспотизмъ, военная грубость и глубокое презрѣніе къ труду во всѣхъ видахъ его,—слѣпая преданность одному своему углу, со всѣми его узкими интересами, дополняютъ собою черты, нами указанныя. — Еще сильнѣе возстанетъ передъ нами величественная идея, которая открыто уничтожаетъ государство. Она разобьетъ его, какъ тлѣнную и грѣховную силу, передъ престоломъ папскимъ: средоточіемъ всемірной, непогрѣшимой, духовно-политической власти. Уничтоженіе различія между грѣхомъ и преступленіемъ, между закономъ государственнымъ и правиломъ духовнымъ; суды и полиціи для проступковъ противъ совѣсти; свобода мысли и науки какъ нечестіе; люди, отказавшіеся отъ міра, во главѣ всѣхъ важнѣйшихъ и дорогихъ интересовъ этаго міра: вотъ тѣ черты, съ которыми представляется начало *новизны* и *прогресса* въ идеалѣ ультрамонтановъ! Исторія старыхъ и даже близкихъ къ намъ дней можетъ доказать, что представленные признаки не оставались всегда одними выводами діалектическими.

Присмотримся теперь къ политическому идеалу юристовъ. Не трудно открыть въ немъ главный элементъ: это самодержавный принципъ, для выраженія котораго берутъ юристы извѣст-

ную римскую формулу (Quod Principi placet, legis habet vigorem). Здѣсь ихъ синтетическое положеніе, изъ котораго съ логическою послѣдовательностію развивается все ученіе объ обществѣ и государствахъ. Идея порядка и власти, естественно, получаетъ въ немъ господствующее значеніе.

Но гдѣ причина и цѣль такихъ стремленій юристовъ? Были здѣсь одинъ эгоистическій расчетъ людей, которые понимаютъ выгоды отъ усердія къ интересамъ могущественнаго принципа, и не идутъ дальше такой практической цѣли? Или-быть можетъ-во всемъ этомъ дѣйствовали причины, болѣе глубокия, цѣли, менѣе достойныя осужденія?

Будучи тѣсно связаны съ городскими общинами, юристы, можно сказать, вышли на политическій свѣтъ съ готовою враждою къ олигархическому дворянскому началу, съ зародышемъ идей о единствѣ государственномъ. «Община есть основной элементъ націй»—говоритъ Лоранъ—«общинное движеніе XII-го ст. открываетъ собою эру національностей» (1) Но что увидѣли передъ собою общины и юристы, когда духъ гражданской независимости вызвалъ ихъ къ общественной работѣ? «Стремленіе феодализма»—говоритъ далѣе Лоранъ—«заключалось въ томъ, чтобы въ одинаковой степени закабалить горожанъ и крестьянъ (2). Дворяне предавались открытому разбою надъ горожанами; нельзя было выйти изъ дому, не опасаясь быть схваченнымъ, убитымъ или ограбленнымъ...» Еще поразительнѣе образъ дѣйствій феодаловъ—епископовъ: «одинъ изъ нихъ наказалъ горожанина смертію за критическое замѣчаніе о его поведеніи; другой выкололъ глаза человѣку, котораго подозрѣвалъ въ дружбѣ со своими недругами» (3). Таковы были условія, среди которыхъ выросли первые защитники единой и абсолютной власти короля во Франціи. Что-же тутъ удивительнаго, если юристы предпочли неограниченную власть одного—произволу цѣлой толпы тирановъ?

(1) Laurent. Etudes sur l'histoire de l'humanité T. VII. P. 509.—Ср. Aug. Thierry. Essai sur l'hist. du tiers-état. Chap. II. P. 71.

(2) Laurent. Ibidem. P. 539.

(3) Ibidem. P. 540.

Критическій дух современной науки справедливо возстаетъ противъ многихъ положеній, которымъ дано было значеніе историческихъ аксіомъ, подъ вліяніемъ систематическаго увлеченія. Изученіе природы извѣстныхъ учреждений и безпристрастное обсужденіе фактовъ даютъ большую свѣту тому направленію, которое не хочетъ видѣть въ короляхъ и юристахъ идеально-бескорыстныхъ защитниковъ политической свободы городскихъ общинъ и сельскаго сословія (1). Но тотъ-же критическій дух новѣйшихъ работъ внесъ въ науку факты и выводы, которые бросаютъ сильный и вѣрный свѣтъ на вопросъ объ участіи королевской власти и юристовъ въ гражданской эманципациіи городского и сельскаго сословія во Франціи. «Человѣческая свобода есть основное начало французскаго личнаго права, въ какую эпоху и на какомъ пунктѣ мы бы ни взяли его», говоритъ *Дониоль* (2). «Каждый человекъ свободенъ (*Cascuns est franc et d'une même francise*): одно это правило у *Бомануара* сжато выражаетъ собою цѣлое ученіе юридическое». Такія положенія находятся въ книгѣ стараго юриста, за нѣсколько сотъ лѣтъ до знаменитаго объявленія объ отвлеченныхъ правахъ человѣческой личности въ его отечествѣ!

Но, дѣйствуя какъ настоящіе практики, юристы не остались при одномъ заявленіи правъ на личную свободу, а старались дать ей твердое основаніе въ правѣ собственности. Нѣтъ ничего интереснѣе той картины, которую представляетъ долготѣнная борьба юристовъ ради созданія гражданской личности изъ угнетеннаго крестьянина. Среди феодальныхъ смуть, недвижимыя имущества не держатся въ рукахъ сельскаго населенія: юристы схватываются за начало движимой собственности (*biens cathéux, l'avoir*) и развиваютъ его въ цѣлое стройное ученіе. *Бомануаръ* (3) и *Мазюэръ* (4) употребляютъ всю изворотливость и силу юридической логики для того, чтобы устроить экономическое благосостояніе крестьянина съ помощію движимости.—

(1) Ibidem P. 575.

(2) Doniol. Histoire des classes rurales. Chap. II. P. 58.

(3) Etablissements.

(4) Practica Forensis.

Феодалы нарушают договоры о наймѣ земли и друг. Юристы создают систему сложныхъ обезпеченій въ интересахъ крестьянина.—«Все ученіе о сельскихъ договорахъ»—говоритъ *Домом*—«получаетъ опредѣленность, твердость и плодотворную свободу» (1). Вообще юристы стараются всѣми мѣрами доставить наиболѣе выгодъ крестьянину изъ временныхъ юридическихъ отношеній его къ землѣ дворянъ—помѣщиковъ. Тамъ, гдѣ недвижимая собственность досталась въ руки крестьянина, юристы всячески выгораживаютъ ее отъ нарушеній, ловкими истолкованіями сроковъ давности.—Переходя къ семейному праву, юристы и здѣсь совершаютъ реформы, съ тою же цѣлью: поднять нравственный и экономическій уровень крестьянскаго населенія. Отсюда объясняется духъ ученій объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, родителей и дѣтей. Юристы стараются развить между ними сознаніе взаимности интересовъ, дѣлая cadaго члена семьи равнымъ участникомъ во всѣхъ выгодахъ отъ труда и собственности, безъ различія пола и возраста. Тамъ гдѣ такому пользованію мѣшала долгій срокъ совершеннолѣтія, юристы прилагали къ нему начало сокращенія.

Такими путями достигли юристы результатовъ, по истинѣ замѣчательныхъ. Развивая ученіе о недворянской собственности (*domaine vilain*) съ точки зрѣнія наибольшей производительности и свободы, они дали ему нормальную полноту и великую силу практическую. Будучи поставлено лицомъ къ лицу съ феодальнымъ правомъ, общее право юристовъ чрезвычайно рѣзко отбѣнило непрактичность, жесткость и искусственность многихъ его положеній. Отсюда борьба между политическимъ и частнымъ элементами въ сферѣ феодальнаго права: борьба, о необходимости которой справедливо замѣчаетъ Лоранъ, (1) и конечный исходъ которой былъ въ пользу общаго права юристовъ. Къ

(1) *Hist. des cl. rur.* P. P. 261, 262 etc. сравн. *Daresté de la Châvanne. Hist. des classes agric.* etc. P. P. 77—81.

(2) *Laurent. Ibidem.* P. 500. «Le système féodal reposait sur la confusion de la souveraineté et de la possession du sol... Il y avait dans ce mélange de propriété privée et de souveraineté quelque chose de contradictoire et par suite un germe de dissolution: ou la souveraineté devait l'emporter, ou la propriété privée. La tendance des vassaux à rendre leurs fiefs héréditaires et transmissibles donna la prépondérance à l'élément privé etc».

концу XV и въ началѣ XVI стол., замѣчаетъ Дониоль, сами дворяне съ великимъ нетерпѣніемъ стремятся придать своему феодальному владѣнію характеръ права частнаго (1). Глубокими психологами и политиками явились въ этой законной борьбѣ старыя юристы!—«Велика была разница между Франціею Карла VI и Франціею въ эпоху реформы», говоритъ Дониоль (2). «На столько проявилось въ ней теперь свободной, полной, единой жизни, на сколько прежде была она зависима, ограничена, разрознена. Гдѣ являлось властелиномъ небольшое число, тамъ видна была теперь цѣлая масса лицъ: всѣ классы общества безъ различія, равно дѣятельные, равно промышленные. Въ сферѣ интересовъ произошло уравненіе лицъ: возникли самыя сильныя побужденія для индивидуальнаго чувства; владѣніе получило самую твердую опору. Тогда-то духъ безграничныхъ надеждъ и обширное пространство открылись передъ тѣми, въ комъ, можно сказать, были обновлены всѣ пружины жизни». Таковъ былъ тотъ переворотъ, который произошелъ въ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ французскаго народа, подъ вліяніемъ юристовъ и абсолютной королевской власти. Роль послѣдней обозначается крупными чертами въ цѣломъ ряду административныхъ мѣръ и законовъ, отъ XIII до конца XVIII столѣтія (3). Говорятъ, что королевская власть стояла за общины только тогда, когда находила въ томъ свои выгоды (4). Весьма возможно, что потому же самому стояла она за сельское населеніе (5). Можетъ статься, и юристы тѣмъ энергичнѣе стояли за горожанъ и крестьянъ, что знали, какъ у Бароновъ и Епископовъ близко

(1) Doniol. (Ibidem. Livre III. 2-e part. chap. VII § 1). P. 285. Après Louis XII, devant le mouvement de culture, d'intérêts qui transforment le but social, il ne restait évidemment aucune raison d'être au vieil attirail du fief, aux exigences de commise, de garde, de saisine qui y accompagnaient le propre, à celles d'association militaire et de judicature. Ainsi le domaine vilain n'avait-il pas eu plus d'impatience d'être affranchi des dépendances et des droits, que le fief de prendre les formes du patrimoine pur etc.

(2) Ibidem. P. 297 (Chap. Situation matérielle et morale des campagnes.)

(3) Ibidem. Chapitres: IV (Livr. 1); I, II, III, IV, V (3-e Livre).

(4) Laurent. L. C. См. выше.

(5) Doniol. P. 92 et suiv. — «La liberté fut offerte avant d'être sollicitée, et le roi l'offrit plus tôt qu'aucun autre maître, parceque bien avant tout autre le serf lui devint inutile, et posséder plus de sujets fut son intérêt le plus grand etc».

было подъ рукою раскаленное желѣзо для тѣхъ языковъ, которые начинали говорить безпокойныя рѣчи въ ущербъ сословнымъ привилегіямъ. А съ другой стороны, за такія рѣчи городскія общины и крестьяне посылали ихъ депутатами въ собранія генеральныхъ штатовъ; короли, до поры до времени, также милостиво слушали ученія о естественной справедливости. Но отдавая то, что слѣдуетъ, на долю себялюбія человѣческаго, нужно признать извѣстное достоинство за главнымъ выводомъ изъ исторической работы абсолютной власти и юристовъ во Франціи до конца XVI стол.—Такимъ образомъ, *общественная борьба*—вотъ причина, въ которой главнѣе всего коренится неумолимая послѣдовательность политическихъ ученій юристовъ. *Величіе, блескъ и могущество націй*: вотъ тѣ цѣли, для достиженія которыхъ считали они лучшимъ средствомъ власть абсолютную. Видя передъ собою источникъ хроническаго зла для націи въ противу—государственномъ началѣ феодализма, юристы сдѣлали изъ королевской власти нѣчто въ родѣ постоянной диктатуры. Немногіе изъ нихъ забывали при этомъ истинные интересы своего отечества (1). За то, съ другой стороны: начала гражданской свободы и равенства передъ закономъ; легализація, развитіе и обезпеченіе экономическихъ и промышленныхъ интересовъ страны; наконецъ, уваженіе къ матеріальному и умственному труду, представителями котораго были люди средняго сословія и юристы: вотъ что было внесено ими въ жизненный оборотъ французскаго общества. Крѣпкое государственное тѣло, сильная нація явились тамъ, гдѣ когда то неистовства кровныхъ дѣтей Франціи дѣлали излишнимъ опасеніе вреда отъ иноземныхъ враговъ отечества (2). Скоро обозначились въ общеевропейской исторіи тѣ вопросы, при разрѣшеніи которыхъ получила не малое значеніе сосредоточенная сила единой, нераздѣльной Франціи. Въ такихъ размѣрахъ и съ такими оговорка-

(3) Сравни. понятіе о монархической власти *Бомануара*. Laurent. XVII. P. 639.

(1) «Il n'y avait pas besoin que les Anglais vissent pour la destruction du royaume», dit le continuateur de Guillaume de Nangis, sur l'année 1358, à propos des massacres Jacques, «ils n'auraient jamais pu faire ce que firent les nobles du royaume de France . . . » (Doniol. Ibidem. P. 209., N-ta 2).

ми раздѣляемъ мы мнѣніе *Бодрильяра*, что партія монархическая была истинно—передовою партіею въ XVI столѣтіи (1). Вотъ причины, по которымъ не рѣшаемся мы придти къ безусловно-строному осужденію юристовъ. Вотъ почему рѣшились мы, съ другой стороны, одобрить ихъ политическій идеалъ, въ противоположность идеалу феодаловъ и клерикаловъ.—Но ясно, что здѣсь можно говорить объ одобреніи, не придавая этому слову безусловнаго значенія. Въ этомъ отношеніи мы далеки отъ оптимизма. Исторія Франціи можетъ раскрыть глаза самому слѣпому пристрастію. Юристы слишкомъ увлекались своими политическими идеалами. Работая для нихъ, они просмотрѣли, сквозь свои діалектическія стекла, много такого, что слѣдовало замѣтить, не только въ городскихъ общинахъ, но въ самомъ стапѣ вражескомъ. Мы разумѣемъ здѣсь тотъ элементъ политической свободы, который былъ, къ-сожалѣнію, одинаково извращенъ и узко примѣненъ феодалами и городскими общинами (2). Знаменитая рѣчь *Сира Делароизъ* (*Sire de la Roche*) въ собраніи государственныхъ сословій 1484 года была блестящею и бесполезною вышквою жизненной искры, которая задержалась, по какому-то капризу случая, въ нестройномъ и распадавшемся тѣлѣ феодальнаго дворянства (3). Нормальное развитіе и примѣненіе этого элемента съ началомъ равенства и политическаго единства дали бы другое направленіе исторіи французскаго народа. Но вышло иначе. Абсолютная монархія во Франціи удалась какъ нельзя болѣе. Она захотѣла *одного равенства* и скоро примѣнила его къ самымъ юристамъ и къ парламенту. Нивелировка пошла скорѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ желали этого первые защитники ея между юристами. Времена перемѣнились. Нельзя было не перемѣниться въ отношеніи къ юристамъ. Въ практическихъ сферахъ никогда не высказываютъ особенной заботливости о судьбѣ тѣхъ орудій, которыми достигли извѣстныхъ результатовъ. Въ XVI столѣтіи, частію добровольно терпятъ,

(1) Baudrillart. *Jean Bodin et son temps*. P. 54.

(2) Сравни. Laurent (XVII. P. P. 573—591) «*Décadence des communes. Appréciation du mouvement communal*».

(3) Aug. Thierry *Essai etc.* P. 100 et suiv.

частью вынуждаются терпеть законодательный контроль парламента. Нѣсколько времени спустя, безцеремонно поражаютъ это преимущество, какъ нѣчто лишнее и безпокойное (1). Скоро грянулъ надъ юристами громъ, въ формѣ извѣстной деклараціи противъ парламента (2). Тогда, конечно, поняли они, что потеряли сами и что просмотрѣли въ жизни цѣлой націи. Было, впрочемъ, поздно. Оставалось драпироваться въ прокурорскую мантию и постараться, по крайней мѣрѣ, унасть съ достоинствомъ. Такъ юристы и сдѣлали: протестъ ихъ—повидимому никогда не обнародованный—получилъ отъ канцлера *Датессо* поэтическій эпитетъ «послѣдняго крика умирающей свободы», но не получилъ никакого практическаго значенія.

Есть что-то невыразимо-грустное, почти трагическое, въ этомъ положеніи юристовъ и цѣлой націи, которые словно увлекались, отъ XII до XVII столѣтія, ловкими діалектическими выводами и съ тревожнымъ чувствомъ остановились, наконецъ, передъ разгаданною истинною. Превосходно рисуетъ эту печальную картину *Ог. Тиерри* въ заключительной главѣ своей исторіи *средняго сословія*.—«Принеся въ жертву, съ неустрашимомъ логикою, всѣ свои старыя учрежденія для развитія одного изъ нихъ;—сравнивши независимость цѣлыхъ сословій и территорій, провинціальныя и городовыя права, власть генеральныхъ штатовъ и политическій контроль парламента: Франція достигла высшаго пункта въ этой долгой революціи и стала лицомъ къ лицу съ началомъ монархическаго единства... откуда, по теоріи, изгнана была самая идея націи, какъ тѣла политическаго... Такимъ образомъ, дѣло многихъ столѣтій, бывшее цѣлью постоянныхъ и правильныхъ усилій, привело къ порядку, котораго ни разумъ, ни патріотизмъ не могли признать завершающимъ, и который былъ однимъ отдохновительнымъ пунктомъ, началомъ новыхъ усилій».

Неутѣшительнъ былъ подобный выводъ изъ политической и

(1) Сравни. *Thierry, Ibidem.* Мысли Людовика XV о парламентахъ: «Il falloit par mille raisons... diminuer l'autorité excessive des principales compagnies... Je fis connoître que je ne souffrirois plus leurs entreprises *Oeuvres de Louis XIV, T. I. P. 48.*»

(2) Декларация 1673 относительно *Droit de rémontrance* Парламента.

юридической работы многих столѣтій. Тяжко вообще—и націи, и сословію, и отдѣльному человѣку—собственноручно слагать въ архивъ темныхъ и нерѣшенныхъ дѣлъ трудъ цѣлой жизни. Велика также отвѣтственность, которая падаетъ здѣсь на французскихъ юристовъ. Но дѣло въ томъ, что отвѣтственность эту должны они раздѣлить съ цѣлымъ народомъ. Юристы были передовыми людьми, вѣрными и точными исполнителями того, чего открыто пожелала вся нація, за исключеніемъ слабаго меньшинства между членами привилегированныхъ сословій. А большая часть осужденій разражается исключительно надъ одними юристами, которыхъ, не извѣстно почему, стараются всегда отдѣлять отъ живыхъ слоевъ народа. Мы не отвергаемъ осужденія, мы желаемъ только, чтобы ему предшествовало всегда объясненіе того: за что именно, и въ какой мѣрѣ слѣдуетъ осудить?

Думаемъ, что добросовѣстный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ отношеніи французскихъ юристовъ всегда приведетъ къ необходимости—смягчить строгость приговора, раздѣливъ осужденіе между многими соучастниками. За тѣмъ, зравый смыслъ и справедливость должны удерживать отъ всякой попытки — возводить всё достоинства и недостатки французскихъ юристовъ въ общіе сословные признаки юристовъ всѣхъ временъ и народовъ. Что было у французскихъ юристовъ, того можетъ не быть у юристовъ русскихъ, и на оборотъ.—Намъ кажется только, что *можно пожелать* всѣмъ вообще юристамъ усвоенія нѣкоторыхъ качествъ французскихъ юристовъ. Съ другой стороны, нельзя не указать: чего должны избѣгать юристы всѣхъ другихъ націй, имѣя передъ глазами поучительный примѣръ французскихъ своихъ собратій. Случается нерѣдко, что историческое развитіе создаетъ однородныя положенія для различныхъ народовъ. Не ужели здѣсь будетъ бесполезнымъ дѣломъ сличеніе между собою сходныхъ явленій? При томъ, есть такіе интересы для человѣческихъ обществъ, въ отношеніи которыхъ обязаны сходиться между собою юристы всѣхъ націй. Отчего не стоять имъ, всегда и вездѣ, за тѣхъ, кому отказываютъ въ гражданской полноправности? Отчего не поддерживать всѣми силами стремленій къ разумной свободѣ, не раздѣляя живаго организма ея діалектическими пе-

регородками? Отчего не соединять въ законахъ, близкихъ и родственныхъ другъ другу, началъ: *равенства* и *свободы*? Для всего этого найдутся полезныя примѣры и предостереженія въ исторіи французскихъ юристовъ.— Думаемъ также, что нигдѣ не будетъ лишнимъ дѣломъ взглянуть въ тотъ искренній и возвышенный патріотизмъ, который показали французскіе юристы, среди всѣхъ своихъ промаховъ и увлеченій. Нація ихъ также переживала времена, когда въ ней поднималась сумятица нечистыхъ страстей; когда темныя силы парили въ воздухѣ и нестройные крики заглушали твердые и сильные голоса немногихъ людей. Кто были эти немногіе? Кто говорилъ съ любовью объ отечествѣ въ ту пору, когда «всѣ толковали о гибели государства, а каждый изъ сильныхъ міра сего заранѣе бросалъ взоры на обломки отъ будущаго крушенія» (1)? Эти немногіе, эти идеалисты—патріоты были французскіе юристы вообще и юристы XVI стол. въ особенности; на нихъ хотимъ мы теперь главнымъ образомъ сосредоточить наше изложеніе.

Въ дополненіе къ общей характеристикѣ, нельзя не замѣтить того, что большинство ихъ—особенно ученые члены университетскихъ факультетовъ—неустрасимо пошли на встрѣчу новому, реформаціонному движенію въ дѣлахъ вѣры. Тулузскій студентъ и другъ Куяція, знаменитый канцлеръ *Михаиль Лопиталь*, держалъ смѣлыя рѣчи о религіозной терпимости и о свободѣ совѣсти на совѣтахъ Карла IX и Катерины Медичи (2).

«Безсильны ножи въ борьбѣ противъ духа» (3), говорилъ орлеанскимъ штатамъ знаменитый канцлеръ: «кротость полезнѣе строгости. Оставимъ эти сатанинскія слова—имена партій, смутъ и раздоровъ: лютеране, гугеноты, паписты; не будемъ мѣнять общаго намъ имени христіанъ» и проч. Рѣчь эта любопытна для насъ еще потому, что касается вопроса о королевской власти и отношеній ея къ собраніямъ чиновъ государственныхъ. Отвергая мнѣніе, будто собранія эти вредятъ монархической власти, Лопиталь замѣчаетъ, что «первые короли были избраны для отпра-

(1) Agénor Bardoux. Jean Basmaison. P. 12.

(2) Baudrillart. Jean Bodin et son temps. P. P. 52, 53 et suiv.

(3) ... «Le couteau vaut peu contre l'esprit...» etc.

вленія правосудія)... «Сосѣднимъ государямъ»—продолжаетъ онъ — «служать на колѣняхъ и съ обнаженными головами: но лучше «ли имъ черезъ это служать? Нужно опускать глаза передъ властелиномъ, какъ бывало это когда-то передъ царями персидскими: «но будетъ ли онъ черезъ это сильнѣе любимъ своимиподданными?» Слова эти чрезвычайно-последовательны въ устахъ чловека, который свято чтить начала строгой справедливости и признавалъ законною одну силу разума (1). Рѣзкимъ названіемъ (garineurs) заклеилъ онъ людей, которые «удятъ въ мутной водѣ (2),» потворствуя и лстя деспотическимъ стремленіемъ. Сближая такія рѣчи съ политическими ученіями и взглядами нѣкоторыхъ другихъ юристовъ изъ эпохи Лопиталья, мы еще менѣе видимъ возможности безъ разбора укорять ихъ въ упрямой отсталости, въ тупомъ непониманіи всѣхъ новыхъ стремленій (3). По крайней мѣрѣ, мы не рѣшимся называть отсталыми консерваторами людей, которые ясно и дѣльно излагаютъ, въ половинѣ XVI вѣка, теорію, волновавшія умы въ концѣ XVIII ст. (4). Сильны

(1) ... Toute autre force «hors de ces termes (de la raison) est bestiale, reprouvée et condamnée de Dieu et des hommes» etc. (Сравни. у Бодрильера Ibidem. Traité de la réformation de la Justice par Michel l'Hopital.)

(2) ... «Ceux qui pêchent en eau trouble... Qui ne sonnent autre chose aux oreilles des princes, que leur puissance est absolue et souveraine et que la vie de leurs sujets est à eux...»

(3) Намъ кажется не лишнимъ привести здѣсь замѣчаніе Эйсселя въ его превосходной книгѣ: «On a dit avec raison d'Hotman, qu'il a soutenu de toutes ses forces les dogmes et la cause politique de la réforme, au point de leur sacrifier, sans hésiter, les espérances et le repos de toute sa vie.» Почти такъ-же характеризуетъ ученый авторъ главнаго героя своего, Донелла. (Сравни. Doneau etc. P. P. 64, 93.)

(4) См. Vaudrillart'a Извлеченія изъ Франкогалліи, Готомана: Populum—говоритъ Готоманъ—«non modo creandi verum etiam abdicandi regis potestatem sibi omnem reservasse docuimus...» За тѣмъ излагаетъ онъ конституціонную теорію равновѣсія властей въ государствѣ. — Пересматривая замѣтки Ог. Тьерри о старыхъ французскихъ историкахъ (въ его «Dix ans d'études histor. Paris 1856. P. 375. и слѣд.) встрѣтились мы съ другимъ отрывкомъ изъ Франкогалліи Готомана. Это положительное profession de foi politique французскаго юриста. Энергически возстаетъ онъ противъ порядка вещей «in quo cives pro pecudibus, non pro hominibus haberentur.» За тѣмъ переходитъ къ осужденію тѣхъ людей, которые отъдавали римскаго права (primoribus labris jus civile degustassent) и начали выдумывать (commenti suoi): «continuo liberam quandam et infinitam Regum omnium potestatem, quam absolutam barbaro et inepto nomine appellant: quasi vero non etiam Romani Reges Reipublicae curam per curiata comitia expedirent: aut, si liberam Imperatores Romani potestatem habuerunt, continuo verum sit Regibus omnibus eandem a populo potestatem tributam esse:

были эти люди, которыхъ заслонили, но не затмили передъ потомствомъ, позднѣйшіе дѣятели!

«Мы далеки отъ этихъ великихъ душъ XVI ст.» (ces grandes âmes du XVI siècle) говоритъ Аженоръ Барду: ⁽¹⁾ «мы далеки отъ этихъ царственныхъ натуръ, глубоко вникавшихъ въ жизнь, всегда готовыхъ на самопожертвованіе, и вносившихъ въ житейскую борьбу то христіанское чувство, которое неосвѣщало чела Монтескье и Вольтера. Однако же всѣ эти люди идутъ подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Легисты реформы и философы революціи протягиваютъ другъ другу руки чрезъ царствованіе великаго монарха.» У нихъ таже ненависть къ среднимъ вѣкамъ, таже заботливость о человѣческой личности и о гражданскомъ равенствѣ. У всѣхъ у нихъ идея единства преобладаетъ надъ идеею примиренія; они вообще болѣе поражаются нестройностью, чѣмъ ненормальностью; въ политикѣ же болѣе—неравенствомъ, чѣмъ произволомъ. Въ сущности, это тотъ-же духъ: абсолютный, логическій, наклонный къ общимъ теоріямъ, къ полнымъ системамъ, желающій перестраивать вновь, не прибѣгая къ поправкамъ частныхъ.»—

Но что же именно сдѣлали французскіе юристы, какъ ученые, и какъ заявили они о своемъ новомъ методѣ въ юриспруденціи? Извѣстно, что XVI вѣкъ изобилуетъ множествомъ разсужденій о методахъ подъ различными названіями (Methodus, Rationes descendendi discendique juris, Paraeneses de studio legali etc) ⁽²⁾. Ученикъ Альціата, *Дуаренъ*, стоитъ однимъ изъ первыхъ въ ряду изящныхъ французскихъ юристовъ, которые схватились за эту форму сочиненій въ борьбѣ своей съ приверженцами стараго метода.

Таковъ характеръ методологической брошюры Дуарена, извѣст-

neque enim ex uno particulari recte de universis concluditur: et hac aetate longe dissimillimam esse Regum Poloniae, Daniae, Sueciae, Hispaniae (?) rationem, nemo nisi rerum omnium imperitus ignorat. Regibus Germanorum (inquit Tacitus) non est infinita aut libera potestas. Rex Angliae tributa exigendi nullam habet sine ordinum et statuum consensu potestatem, etc.»

(1) Revue historique de dr. franç. et étranger. 1858, 4-e année.

(2) Подробное исчисленіе этихъ сочиненій, вмѣстѣ съ общою характеристикою метода, можно найти у *Фридлендера* (Friedländer's Jur. Enc. § 43. и fg).

ной подъ именемъ «посланія о способѣ изученія и преподаванія права» (1). Здѣсь прежде всего старается онъ поразить съ различныхъ сторонъ методъ—или скорѣе искаженіе метода—у противной партіи. «Слѣдую преданіямъ такой старой школы», говоритъ Дуаренъ, «можно быть въ первый годъ докторомъ, во второй магистромъ, въ третій бакалавромъ юриспруденціи.—Если бы мнѣ поручили образованіе молодаго юриста, продолжаетъ онъ,—я началъ бы прежде всего съ удостовѣренія въ томъ, вмѣстѣ ли у него, хотя поверхностное, обще—литературное образованіе; безъ послѣдняго не можетъ быть ни юристовъ, ни людей государственныхъ, а бываютъ только кляузники.» Непосредственное изученіе текста институтовъ; обстоятельное и полное усвоеніе пандектовъ въ подлинникъ: вотъ общія черты метода Дуарена. Главная идея его есть необходимость для юриста становиться въ прямое, самостоятельное отношеніе къ матеріалу права въ источникахъ его (2). Что касается до того, въ какой мѣрѣ удалось Дуарену примѣнить свой взглядъ на методъ въ ученыхъ трудахъ своихъ, то здѣсь мы ссылаемся на авторитетъ глубокаго знатока и строгаго цѣнителя, Савиньи. Знаменитый германскій юристъ съ уваженіемъ отзывается о достоинствахъ истолковательныхъ лекцій французскаго цивилиста и даже отдаетъ ему предпочтеніе предъ Куяціемъ въ экзегезѣ римскаго ученія о владѣніи (3). По многимъ причинамъ отзывъ этотъ бросаетъ весьма выгодный свѣтъ на Дуарена. Далѣе будетъ показана сила Куяція въ экзегезѣ. Не легко одержать верхъ надъ такимъ виднымъ соперникомъ. Это требуетъ сочетанія самыхъ счастли-

(1) *Epistola de ratione docendi discendique juris*. Op. Duareni Paris 1550. Ср. Taisand. *Vies des Jurisconsultes (au mot Duarein)*. *Revue de législat.* etc. 1850. 2. P. 174.

(2) Почти тѣми-же словами заключаетъ Эйссель свою характеристику Дуарена, первая страница которой выпущена, вѣроятно по неосмотрительности типографщиковъ. Нельзя не пожалѣть объ этомъ. Богатые источники, которые находились въ распоряженіи ученаго автора, дали ему возможность опредѣлить непосредственную связь между Бартолистами и Дуареномъ. (Ср. Eysell, U. S. P. 163).

(3) Savigny. *Traité de la possession* (trad. par d'Audelange). *Histoire littéraire*. P. P. IV, V. «Cujas a interprété la majeure partie des sources de cette matière, mais son interprétation n'est pas si solide que celle de Duarein, et laisse trop souvent à désirer etc.»

выхъ условій: первостепенной учености и особенныхъ дарованій. При этомъ нужно замѣтить, что экзегеза никогда не была главнымъ дѣломъ для Дуарена. Самъ онъ болѣе стремился къ систематической разработкѣ догмы римскаго права. Филологія и исторія, въ связи съ критикою текста, были для него необходимымъ пособіемъ юриспруденціи. Но самъ Дуаренъ весьма-осторожно примѣнялъ критику къ содержанію права положительнаго. Эисель говоритъ, что Дуаренъ всегда начиналъ свои ученые трактаты филологическимъ объясненіемъ юридическихъ терминовъ. Во главѣ его комментарий помѣщались всегда общія воззрѣнія на сущность предмета. Самостоятельная систематика его вращалась въ предѣлахъ титуловъ. Всѣ эти приемы имѣли вліяніе на знаменитаго догматика Донелла, слава котораго затмила своимъ блескомъ авторитетъ учителя.

Смѣло и оригинально, но совершенно съ другой стороны, коснулся юристъ Балдуинъ вопроса о новомъ методѣ въ юриспруденціи. Взглядъ его на этотъ предметъ выразительнѣе и яснѣе всего высказанъ въ «разсужденіи объ обученіи всеобщей исторіи и о связи ея съ юриспруденціею» (1). Здѣсь авторъ бойко и опредѣленно затрогиваетъ ту сторону науки, которая была—какъ мы видѣли выше—особенно слаба въ прежнихъ школахъ юристовъ. «Исторія и Юриспруденція»—учить онъ—«необходимо должны пополнять другъ друга; связь между ними есть связь органическая. Трудности юриспруденціи изглаживаются свѣтомъ исторіи. Нѣтъ и не можетъ быть основательно-ученаго юриста безъ историческихъ свѣдѣній; но съ другой стороны, нѣтъ истиннаго историка безъ знакомства съ юриспруденціею. «Лучше бы поступали историки», говоритъ онъ, «когда бы изучали развитіе законовъ и учреждений, не привязываясь исключительно къ описанію лагерей и смотровъ, къ разсказамъ о дракахъ и къ счету убитыхъ солдатъ».—Что касается до историческаго изученія римскаго права въ особенности, то для этого, говоритъ Бал-

(1) Cp. Jugler. 2 B. (41—79). De Institutione Historiae Universae et ejus cum Jurisprudentia conjunctione. Paris. 1561. — Taisand, Vies des Jurisconsultes, au mot Baudouin.. Revue de législation etc. 1850 г. Etude sur Hotoman.

дуинъ, «нужно разложить это право и привести къ первобытной формѣ. Трибонианъ компилировалъ, съ различными вставками, сочиненія древнихъ римскихъ юристовъ и постановленія императорскія. Юристъ новаго времени долженъ стараться: *возстановить и воспроизвести* эти сочиненія, изложить всѣ императорскія постановленія въ порядкѣ хронологическомъ, однимъ словомъ воздать всему должное». Теперь можетъ быть понятно, почему *требуетъ* Балдуинъ историческаго анализа (т. е. истор. критики) въ юриспруденціи; ⁽¹⁾ почему называетъ онъ Юстиніановъ сводъ книжною синагогою: въ глазахъ Балдуина сводъ этотъ былъ соединеніемъ разрозненныхъ частей;—разработать и правильно распредѣлить этотъ смѣшанный матеріалъ можно только съ помощію исторіи. Историческій анализъ, *строгое хронологическое основаніе для всѣхъ данныхъ науки*: вотъ единственныя средства, которыя могутъ вывести юриспруденцію на прямую дорогу, по мнѣнію Балдуина. Къ послѣдному результату не приведутъ науку: ни многоглаголаніе о «способахъ изученія права,» ни какія либо хитросплетенныя и бесполезныя теоріи ⁽²⁾. «Я не доволенъ настоящимъ, говоритъ Балдуинъ—и желаю имѣть *нѣчто большее* (*maius quippiam desidero*).» Вся ученая и литературная дѣятельность этаго юриста служитъ нагляднымъ подтвержденіемъ его теоретическихъ воззрѣній на сущность метода. Историко-критическое изученіе текста источниковъ права дѣлается необходимою принадлежностію всѣхъ трудовъ его. Блестательно и добросовѣстно комментируетъ онъ, вмѣстѣ со многими другими источниками, институты, пользуясь при этомъ,

(1) . . . Ego magis atque magis sentio, quamdam illius, ut appellatur, corporis Legitimi analysin historicam in primis utilem fore. . . . Эиссель (183, N-та 79) переводитъ in extenso это мнѣніе Балдуина. — Въ N-та 77 сдѣлано извлеченіе изъ неизвѣстнаго намъ сочиненія французскаго юриста: «Praefata de jure civile.» Здѣсь указываются подробно свѣдѣнія, которыя необходимы, по мнѣнію Балдуина, для юриста. Вотъ каковъ объемъ ихъ: *во первыхъ*, подлинный текстъ положительнаго права; за тѣмъ священная исторія, римскія и греческія древности, наконецъ—*правы и обычаи народа*.

(2) . . . Ex historia temporum ordinem observemus et aliquam veluti chronologiam legum teneamus. . . . Et quum multi multa disputent de ratione docendi discendique juris, nihil tamen agi video nisi si fiat quod opto. . . . Quamdiu quidem certo in scholis nostris tantum texentur et retexentur subtiles quaedam et prope inanes theoriae, tanquam tennes telae cujusdam otiosi juris. . . . nihil agimus. . . . и т. д.»

кромѣ исторіи, филологіи и древностей, еще судебною практикою. Прекрасный трудъ французскаго юриста былъ высоко цѣнимъ въ позднѣйшее время даже въ ученой Германіи (1). Объясненія законовъ XII таблицъ и многихъ отдѣльныхъ ученыхъ римскихъ юристовъ представляютъ замѣчательную попытку возстановленія древнихъ источниковъ. Наконецъ, многія чисто-историческія сочиненія Балдуина вполне подтверждаютъ то, что мысль о связи исторіи съ юриспруденціею глубоко запала въ его сознаніе и сдѣлалась главнымъ двигателемъ всей его ученой дѣятельности (2). Эйссель пришелъ къ тому-же воззрѣнію (3). Но глубокое изученіе всей литературы французской школы привело его еще къ одному замѣчанію. Балдуинъ представляется ему болѣе сильнымъ въ исторіи, чѣмъ въ юриспруденціи. Сжато и обстоятельно разбираетъ голландскій ученый многія сочиненія Балдуина. Вездѣ открываетъ онъ въ нихъ перевѣсъ историческаго элемента надъ чисто-юридическимъ. «Въ комментаріѣ на законы XII таблицъ Балдуинъ спрашиваетъ на каждомъ шагѣ: почему именно законы эти выражены такъ, а не иначе? Изучая законы Ромула, онъ пускается въ изысканіе о происхожденіи права римскаго.» Здѣсь то проходитъ, по мнѣнію Эисселя, та черта, которая отдѣляетъ историческій анализъ Балдуина отъ родственнаго ему анализа Куація.

Сходно въ общихъ очертаніяхъ, но рѣзче и оригинальнѣе въ частностяхъ, высказываются воззрѣнія на методъ въ сочиненіяхъ *Готмана*. Глубоко-ученый филологъ и антикварій (4), онъ является въ то же время рационалистомъ и діалектикомъ.

(1) Сравни Jugler. (2. B. S. 60). Мнѣніе Людвига о Балдуинѣ: «Nullum verbum aut lineam negligit interpres doctissimus, sed omnia universim et sigillatim illustrat litteris, antiquitatibus, legibus, rationibus, nonnunquam et usu forensi. Ut non habeam, quod in eo desiderem.»

(2) Ср. библиографія, отдѣлъ у Юглера, (2. B. SS. 58 u. fg.). Также Taisand, au mot Baudouin.

(3) «Baudouin—говоритъ онъ—avait pris pour principal objet de ses travaux l'histoire dans ses rapports avec le droit.» (U. S. P. 181).

4) Сравни Lang. Beiträge zur Hermeneutik des Röm. Rechts. (1857). SS. 105. 106. — Говоря о значеніи филологическаго элемента въ истолкованіи источниковъ, ученый авторъ весьма высоко ставитъ трудъ Готмана: «Commentarius verborum juris».

Спокойная критика метода обращается под пером Готомана въ ученый памфлетъ; недовольство современнымъ состояніемъ науки и юридической практикой оставляетъ неопредѣленную формулу «majus quippiam desidero» и переходитъ: съ одной стороны — въ болѣе строгое отрицаніе стараго метода, съ другой — въ категорическое требованіе немедленной кодификаціи. *Анти-трибонианъ* (1) разбираетъ Юстиніановъ сводъ съ двухъ сторонъ: научной и практической. По мнѣнію Готомана, жизнь опередила букву большинства римскихъ законовъ въ сферѣ юридическихъ отношеній. Не только политическій отдѣлъ этихъ законовъ, но даже гражданскій, не подходятъ во многомъ къ современнымъ требованіямъ. Притомъ, Юстиніановъ сводъ не можетъ быть названъ лучшимъ выраженіемъ права римскаго: полнымъ, живымъ органомъ его были классическіе юристы, сочиненія которыхъ вошли въ сводъ небольшими отрывками, съ многочисленными вставками (par tronçons et lopins). Эти обломки подвергались дальнѣйшимъ искаженіямъ у канонистовъ и глоссаторовъ (2). Эпоха возрожденія наукъ была бессильна помочь злу: она прибавила только новыя затрудненія. Средніе вѣка страдали слѣпымъ поклоненіемъ преданію; эпоха возрожденія впала въ противоположную крайность и загромождила науку работами критическими.

А между тѣмъ вся эта кропотливая работа кажется Готоману построенною на самомъ зыбкомъ основаніи: «оттого, что наибольшая часть содержанія книгъ (свода) или совершенно отмѣнена и вышла изъ употребленія, или переполнена противорѣчіями, или испорчена ошибками, или подлежитъ спору

(1). L'Antitribonian, ou discours de François Hotoman sur l'étude des lois. Fait par l'avis de M. de L'Hopital etc. (Сравни. Revue de législ. 2. 1850).

(2). Къ канонистамъ особенно неблагоприятъ Готоманъ и говоритъ о каноническомъ правѣ тономъ презрительнымъ: «Jusculum canonisticum». Въ Анти-трибонианѣ встрѣчаются еще болѣе рѣзкія выраженія: «Il est bien vray que de tout temps les petits enfants se sont moqués de l'asnerie des canonistes dont est venu le proverbe: magnus canonista magnus asinista» и пр. Приводимъ эти слова, какъ характерную черту ученыхъ правовъ и полемики того времени. *Suesselъ* замѣчаетъ, что Готоманъ былъ также слишкомъ строгъ къ глоссаторамъ. По мнѣнію ученаго автора, французскій юристъ былъ гораздо справедливѣе къ своимъ современникамъ. (Стр. 189).

и сомнѣніямъ, въ слѣдствіе тѣхъ исправленій и измѣненій, которыя тамъ обыкновенно производятся» (1). Отсюда Готоманъ выводитъ такое заключеніе, что, при подобныхъ условіяхъ, не можетъ быть истиннаго увлеченія юриспруденціею, необходимаго для успѣшнаго хода науки. Последнею занимаются теперь подъ влияніемъ однихъ денежныхъ расчетовъ и соображеній (2). Да и какое счастье—спрашиваетъ критикъ—убивать цвѣтъ своей жизни на изученіе подобныхъ книгъ (3)?

Таково сжатое содержаніе нѣкоторыхъ положеній въ критической части знаменитаго ученаго памфлета Готомана. Пробѣгая ихъ, незвольно вспоминается другое произведеніе той эпохи — *Сатира Мениппея* (satyre Ménippée) Юста-Липсія, гдѣ авторъ заставляетъ Цицерона предлагать, а Саллюстія и Овидія поддерживать, на судѣ въ царствѣ тѣней, примѣненіе Корнеліевыхъ законовъ (противъ убійць) къ исправителямъ классическихъ писателей (4). Видно, общая атмосфера вѣка производила на всѣ ученые умы одинаковое давленіе.—Но да позволено будетъ спросить: какъ далеко вышелъ самъ Готоманъ изъ тѣсной черты критики ради критики? Сколько даетъ онъ положительнаго матеріала въ замѣнъ того, что отвергнуто его отрицаніемъ? Какъ понимаетъ и примѣняетъ методъ ученой обработки права въ трудахъ своихъ? Чтò предлагаетъ вмѣсто свода римскаго?—Въ отвѣтъ на это, мы находимъ, что Готоманъ требуетъ, какъ пособія для ученой обработки права, общаго гуманическаго образованія (исторіи, изящной литературы, философіи) и ставитъ на первое мѣсто въ кругу этихъ подготовительныхъ предметовъ *философію нравственную. Дialeктику* счи-

(1) «Veu que la plus grande partie d'iceux (des livres du code) ou est du tout abolie et hors d'usage, ou enfarcie de contrariétés et antinomies, ou est entachée de fautes et erreurs, ou est revoquée en doute et en dispute par les corrections et changements qui s'y font ordinairement (L'antitribonian P. 89 Cp. Revue etc).

(2) «Comme Vespasien disoit: l'odeur du gain estre bon de quelque chose que ce soit» (Ibidem. Revue etc.)

(3) «On peut juger, si c'est grand félicité aux hommes de consumer la fleur de leur âge en l'estude de ces livres etc?» (Ibidem).

(4) Nisard, Lipse, Scaliger et Casaubon, P.P. 52, 53 et suiv.

таетъ онъ существеннымъ условіемъ для успѣшнаго изученія юриспруденціи. Эйссель говоритъ объ одномъ сочиненіи, которое написано въ видахъ распространенія діалектическаго искусства между студентами. Наконецъ, есть другіе труды этого юриста, въ которыхъ видно стремленіе—примѣнить философскую діалектику къ разработкѣ права римскаго. (1). Теоретическое изученіе и обработка юриспруденціи должны пополняться *практикою* (2). Но нападая на современныхъ ученыхъ за то, что они обременяютъ науку критическими работами, Готоманъ самъ былъ по преимуществу экзегетомъ и критикомъ (3). «Какъ можемъ мы не прибѣгать къ критикѣ», говоритъ Готоманъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій (4), «когда мы находимъ въ текстѣ такое безконечное многообразіе вариантовъ. Возьмите флорентійскую рукопись, Вулгату или изданіе Голоандера, и вы не найдете десяти строчекъ сряду, на которыхъ бы эти три текста сходились между собою; гдѣ одинъ утверждаетъ, тамъ другой отрицаетъ; одинъ приписываетъ Тицію то, что другой Семпронію; одинъ говоритъ о субституціи (substitutio) тамъ, гдѣ другіе ищутъ институціи (institutio). Такимъ образомъ, для опредѣленія того, что собственно сказано извѣстнымъ юристомъ, намъ нужно столько же труда, сколько для разрѣшенія самой сущности вопроса». Отсюда видно, что Готоманъ порицалъ въ современномъ методѣ не основныя приемы, но злоупотребленія историко-филологической критики (5).

(1) *Эйссель*. Стр. 187. Ноты 92, 93, 94.

(2) «*Tout en s'appliquant de préférence à des travaux théoriques, il ne perdit pas de vue la pratique; il composa 134 consultations*», говоритъ *Эйссель* (U. S. P. 191).

(3) *Эйссель* (стр. 186) приходитъ къ такому же заключенію касательно господствующаго направленія у Готомана. — «*Il insistait beaucoup sur la nécessité de la critique; son goût à cet égard était tellement dominant, que la plupart de ses premières productions sont des oeuvres de critique.*»

(4) *Epistola dedicatoria in aliquot observationes*. 1556. — Cp. *Revue de legisl.* 1850. 2 vol.

(5) Давно извѣстна истина, что всегда легче *порицать* и *отрицать*, нежели *создавать* и даже *избѣгать* собственныхъ промаховъ. Въ этомъ отношеніи, превосходная книга Эйсселя представляетъ любопытный фактъ изъ ученой дѣятельности Готомана. Строгий къ среднимъ вѣкамъ и къ схоластикѣ, Готоманъ самъ попалъ въ сѣти схоластическаго метода Рамуса. Вотъ какъ объясняетъ авторъ Антирибоніана систему въ институтахъ Юстиніана: «... le 1-er livre traite des personnes, parceque, sans elles, considérées comme causes efficientes, il ne peut y avoir de procès; que le 2-e, 3-e et 4-e

Самъ же Готоманъ дѣйствительно умѣлъ дать твердое, историческое основаніе собственному методу. Лучшимъ доказательствомъ могутъ служить его работы по римскимъ юридическимъ древностямъ. Рамка этихъ трудовъ весьма обширна. Она обнимаетъ опыты возстановленія текста законовъ XII таблицъ; диссертацию о римскихъ монетахъ (предметъ, на которомъ французскій юристъ XVI ст. сошелся съ Савиньи), и наконецъ—пространныя изслѣдованія о государственномъ устройствѣ римской республики и объ управленіи провинціями (1). Послѣ этихъ почтенныхъ трудовъ, понятно, почему Готоманъ энергически возстаетъ въ своемъ Антитрибонианѣ противъ отсутствія историческихъ свѣдѣній между современными ему студентами (2). Историческія знанія Готомана высказались также въ обработкѣ феодальнаго права, которое какъ извѣстно, входило (подъ рубрикою *libri feudorum*) въ кругъ обязательныхъ предметовъ для романиста того времени. Но не смотря на основательныя свѣдѣнія историческія, главная сила Готомана, по мнѣнію Эйсселя, (3) заключалась въ разработкѣ римскихъ древностей. Въ сочиненіяхъ его не видно никакихъ слѣдовъ направленія систематическаго. Порицаая Трибониана, Готоманъ не отступалъ отъ плана институтовъ въ собственныхъ трудахъ своихъ (4).

Выше было сказано, что другой важный пунктъ въ Антитрибонианѣ касается вопроса о кодификаціи. Приводимъ собственные слова его; они лучше всего дадутъ понятіе объ идеѣ самого автора. «Въ настоящее время было бы весьма легко собрать значительное число ученыхъ юристовъ, нѣсколькихъ государствен-

pour partie traitent des choses comme cause matérielle, et que la plus grande partie du quatrième traite de la procédure comme cause formelle, tandis que la cause finale réside dans la justice».

(1) Cp. Taisand. *Vies des Jurisconsultes*, au mot Hotman.

(2) Il n'y a jeunesse au monde plus ignorante des histoires ou françoises ou estrangères que celle qui revient des universités. Que l'on leur demande l'estat des quatre monarchies, ils nous répondront des 4 Trebellianes; que l'on leur demande du droit des consuls romains, ils nous répondront qu'un consul seul et sans compagnons pouvait bien donner liberté à un serf, mais si premièrement la cause estait audiencée par devant son compagnon, en ce cas il ne pouvait passer outre etc. (Antirib. P. 14. Ibidem).

(3) Eyssel, U. S. P. 187.

(4) Ibidem. P. 188.

«ныхъ людей, а также извѣстѣйшихъ адвокатовъ и практиковъ въ Королевствѣ, и возложить на всѣхъ этихъ лицъ обязанность:—свести въ одно цѣлое все то, что будетъ одобрено и извлечено ими, какъ изъ книгъ Юстиніана (откуда они могли бы взять все лучшее, что было бы по истинѣ неоцѣненнымъ сокровищемъ), такъ изъ книгъ философскихъ,—накопенецъ изъ результатовъ той опытности, которую они приобрѣли, «ведя дѣла на практикѣ» (1). Готоманъ ожидаетъ отъ кодификаціи самыхъ благотѣльныхъ послѣдствій: уменьшеніе запутанныхъ отношеній и тяжобъ на практикѣ; упрощеніе и улучшеніе метода въ наукѣ.

Таковы были идеи и ученныя стремленія знаменитаго Готомана. Всякій, кому извѣстна исторія Франціи, можетъ вполне оцѣнить какъ сильныя, такъ и слабыя стороны этого проекта. Силень этотъ проектъ тѣмъ, что онъ опирается на дѣйствительную, а не воображаемую потребность въ юридическомъ быту Франціи. «Мы желаемъ единой вѣры, единыхъ короля и закона», говорили ораторы въ собраніяхъ французскихъ генеральныхъ штатовъ. Со второй половины XV столѣтія—отъ Карла VII—начинается рядъ собраній обычнаго права (2), первая приготовительная попытка къ кодификаціи. Такимъ образомъ Готоману принадлежитъ заслуга энергической и талантливой защиты одного изъ практическихъ и важныхъ вопросовъ для своей родины. Слабъ этотъ проектъ тѣмъ, что категорически потребовалъ исполненія такого дѣла, для успѣха котораго не могло еще быть тогда всѣхъ необходимыхъ условій. Только къ исходу XVI ст. начали приходить къ концу труды по собранію матеріаловъ права обычнаго. Тогда только дано было прочное основаніе изученію и обработкѣ стараго французскаго права, подъ вліяніемъ послѣдователей знаменитаго *Дю-Мулена*, умершаго въ началѣ первой 1/2 вѣка. Кромѣ того, у самого Готомана было весьма

(1) *Ср. Revue de législ.* 2. 1850. *Etude sur Hotman.*

(2) *Philippe de Comines* говоритъ о Людовикѣ XI, что онъ желалъ, «qu'en ce royaume l'on usast d'une coutume, d'un poix et d'une mesure, et que toutes ces coutumes fussent mises en françois en un beau livre pour éviter la cautelle et pillerie des chicaneurs qui est si grande en ce royaume etc» (*Baudrillart. I. Bodin etc Préface.*)

мало ученаго безпристрастія въ отношеніи къ каноническому праву, въ которомъ онъ усматривалъ почти исключительно одну черную сторону (1). А между тѣмъ право это имѣло великое историческое и практическое значеніе для Франціи.—Римское право также нуждалось въ самой тщательной обработкѣ, прежде чѣмъ могло слиться въ одинъ цѣлый сводъ съ другими видами положительнаго права во Франціи. Въ юриспруденціи указаны были новые приемы. Дуаренъ, Балдуинъ и Готоманъ значительно двинули впередъ дѣло, начатое Альціатомъ во Франціи. Но, до времени Куяція, аналитическій методъ не коснулся въ надлежащей полнотѣ непосредственныхъ и самыхъ важныхъ источниковъ права римскаго. Оставалась историческая, по возможности цѣлостная обрисовка фізіономіи послѣдняго. А какъ было рѣшаться безъ этого:—отдѣлять для свода однѣ части отъ другихъ, въ видахъ практическаго примѣненія? Наконецъ, догматическій элементъ, чрезвычайно важный для свода, какъ болѣе или менѣе систематическаго собранія законовъ, былъ сравнительно слабъ въ методѣ изящныхъ французскихъ юристовъ до знаменитаго Донелла.

Куяцій и Донелль — два лица, которыхъ невозможно отдѣлять въ исторіи изящной французской школы, не смотря на личную вражду ихъ въ жизни. Сама судьба соединила ихъ для исторіи. Въ одинъ годъ почти, начали они свою ученую дѣятельность; въ одинъ годъ почти, сошли они въ могилу. Заслуги и значеніе ихъ въ юриспруденціи могутъ быть вполне поняты и оцѣнены только *при сравненіи* обоихъ ученыхъ дѣятелей.

Одинъ новѣйшій германскій писатель богословскаго направленія говорить, «что извѣстный римскій юристъ Юлій Павелъ «и восемь книгъ его объ эдиктѣ преторскомъ не оставили Куяцію времени для Апостола Павла, хотя тоже юриста, по изслѣдованію Вестенберга» (2). Почтенный и даровитый ліетистъ

(1) Нужно замѣтить, что не одинъ Готоманъ впадалъ въ такую погрѣшность ученаго предубѣжденія. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на ряду съ другомъ своимъ Донелломъ. «Ne nous étonnons pas que Doneau n'ait rien écrit sur le droit canon»—говоритъ Эйссель—«car il a exprimé partout son aversion pour cette science» etc. (U. S. P. 164).

(2) Göschel. Zerstreute Blätter. 3. Das Triumvirat, oder Recht, Moral und Religion. S. 229.

видимо недоволенъ на блистательнаго французскаго юриста за равнодушiе къ богословскимъ спорамъ; онъ никакъ не можетъ простить Куяцiю его извѣстнаго «*nil hoc ad edictum praetoris.*» «Все время было возбуждено и приведено въ движенiе,» — продолжаетъ критикъ — «сердце вѣка билось учащенными ударами, но Куяцiй предпочелъ возвыситься надъ своимъ временемъ и надъ его тревогами!» Прочитавши эти строки, можно легко отнести Куяцiя къ числу тѣхъ заносчивыхъ и рѣзкихъ умовъ, у которыхъ есть только одна религiя собственнаго ученаго авторитета. Но характеристика Куяцiя, какъ ученаго и какъ человѣка, вышла бы несовсѣмъ вѣрною. Куяцiй былъ заносчивъ и рѣзокъ; но мѣра этихъ слабостей не превышала у него того, что открываетъ исторiя у многихъ юристовъ и иныхъ ученыхъ людей XVI столѣтiя (1). Трудно рѣшить, на сколько входило холодное, эгоистическое начало въ безучастiе Куяцiя. Но, уважая справедливость, нельзя забывать еще одного обстоятельства. Отличительнымъ свойствомъ знаменитаго ученаго показалась намъ сосредоточенная и глубокая преданность своему дѣлу. Можно сказать, что, вмѣстѣ съ религiею въ обыкновенномъ смыслѣ слова (ея исключительно ищетъ повсюду Гёшель), Куяцiй носилъ въ своемъ сердцѣ еще другую: религiю долга въ отношенiи къ наукѣ (2). Этого не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить шетистъ-критикъ. А между тѣмъ черта эта весьма характерна и выпукла; она прекрасно шла къ главному направленiю Гешеля, если только ученый критикъ не искалъ подъ формою религiозности секта-

(1) Обращаемся здѣсь къ безпристрастной и основательной книгѣ Эйсселя. Онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ изображенiю взаимныхъ отношенiй между членами юридическаго факультета въ Буржѣ. Куяцiй являеся менѣе раздражительнымъ и неумолимымъ, чѣмъ соперникъ его Донелль (стр. 85—91). Отдавая справедливость честному и открытому характеру послѣдняго, Эйссель замѣчаетъ: «*Il avoue lui meme qu' il avait une ambition excessive... L'arrogance parait avoir été son principal défaut etc.*» (P. 61).—О характерѣ Дурарена Эйссель говоритъ: «*tout ce que nous savons de son histoire nous le représente comme un homme violent et irascible. Son opiniâtreté était égale à son orgueil etc*» (P. P. 61—65).

(2) Интересно въ этомъ отношенiи введенiе одного изъ лучшихъ комментарiевъ Куяцiя. Вотъ слова этого введенiя: *Dederit Deus, ut possim explicare Papinianum eadem qua soleo arte diligentiaque... Te precamur, Deus Optime, Maxime, per Jesum Christum, ut in hoc labore necnon in caeteris actionibus omnibus, nobis volens ac propitius, regas nos tuo sancto spiritu, ut et vivi placeamus quibus prodesse volumus... et mortui, si id optare fas est, iisdem non inutiles simus etc.* (Opera Cujacii. T. IV. Editio Fabrot.)

торского увлеченія. Последняго дѣйствительно не было у Куяція.

«Куяціи принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые считаютъ крайностію и безуміемъ распинать плоть свою, что онъ и высказывалъ обыкновенно при каждомъ удобномъ случаѣ» продолжаетъ Гешель въ своей критикѣ. Нельзя не пожалѣть, что ученый этотъ не приводитъ въ подтвержденіе своему обвиненію ни одного изреченія и дѣйствія Куяція, ни одного показанія многочисленныхъ учениковъ его, враговъ и современниковъ.

Скалигеръ былъ человѣкъ, который не любилъ хвалить. Природа не надѣлила его избыткомъ благодушія. Будучи весьма многимъ обязанъ Куяцію, онъ все таки отыскивалъ слабыя стороны у своего профессора и нашелъ ихъ въ слогѣ и способѣ изложенія, не смѣя коснуться своими сарказмами внутренней солидности и блестящей полноты въ его учености (1). Но этотъ высокобранившій изъ высокобранихъ и бранимыхъ ученыхъ XVI столѣтія помѣстилъ въ своихъ «Scaligerana» нѣсколько строкъ, откуда видно, что Куяціи далеко неисключительно преслѣдовали однѣ личныя свои выгоды (2).

Но, быть можетъ, обвиненіе Гешеля противъ Куяція найдеть для себя подтвержденіе въ политическомъ поведеніи послѣдняго? Примѣры нравственнаго раздвоенія не рѣдкость въ своеобразномъ мірѣ человѣческомъ. Есть въ этомъ отношеніи одинъ крупный фактъ, который бросаетъ невыгодную тѣнь на Куяція. Мы разумѣемъ здѣсь памфлетъ, написанный въ защиту интригана Монлюка (3). Чувство дружбы и признательность за сдѣланное добро

(1) Nisard. *Juste Lipse, Scaliger et Casaubon*. P. 165.

(2) *Scaligerana*. P. 284... «Monsieur Cujas était un si bon homme. C'était le père des écoliers; il a perdu plus de quatre mille livres pour leur avoir prêté». (Ср. Terrasson. *Hist.* P. 54).

(3) Дѣло Монлюка можно назвать однимъ изъ громкихъ скандаловъ даже для XVI стол. которое не отличалось особеннымъ пурризмомъ въ отношеніи политической нравственности. Монлюкъ (епископъ валанскій) былъ агентомъ принца анжуйскаго, который домогался избранія въ польскіе короли по прекращеніи дома Ягеллоновъ. Но съ послѣднимъ событіемъ совпала Вареломеевская ночь. Молва о ней прошла до береговъ Вислы и бросила кровавый отблескъ, который былъ не къ лицу французскаго искателя короны въ глазахъ польскаго сейма. Здѣсь-то прислужился Монлюкъ и написалъ защитительный памфлетъ, исполненный лжи и тугой наивности въ аргументаціи. Появленіе этого панегирика встрѣчено было общимъ негодованіемъ въ рядахъ протестантской партіи. Изъ среды ея вышелъ изгнанникъ Донелль и уничтожилъ взмахомъ сильнаго и честнаго пера жалкую литературную фабрикацію. Тутъ-то вмѣшался въ

вотъ были поводы къ нравственному проступку Куяція, по мнѣнію Эйсселя. Но во 1-хъ Гешель молчитъ объ этомъ обстоятельстве. Во 2-хъ лѣтопись жизни Куяція показываетъ, что были случаи, когда умѣлъ онъ отстаивать то, что считалъ правдою, передъ лестью, подкупами и даже угрозами возбужденной политической партіи (1). Это былъ консерваторъ, сосредоточенный и кабинетный человѣкъ по преимуществу. Отсюда—любовь его къ покою, отвращеніе къ спорамъ богословскимъ и къ смутамъ политическимъ, отсюда, наконецъ, замѣчательная для того времени, терпимость въ религіозномъ отношеніи (2). «Едва перевозю духъ въ этой фанатической странѣ» — пишетъ Куяцій незадолго передъ кончиною, изъ Буржа, къ одному изъ друзей своихъ—«и нахожу единственное утѣшеніе въ наукѣ» (3).

Но что же сдѣлалъ Куяцій въ наукѣ? Чѣмъ снискана имъ та слава, которая неразлучна съ именемъ его въ ученой исторіи и вызываетъ восторженные похвалы, отъ половины XVI до нашего столѣтія (4)? Дѣло въ томъ, что Куяцій дѣйствительно былъ *силою* въ наукѣ, и силою замѣчательною. Въ исторіи Террассона помѣщена эпитафія великому ученому, гдѣ называютъ его «первымъ между романистами». И точно, ни одинъ изъ представителей изящнаго метода въ юриспруденціи не выполнилъ талантливѣе Куяція *эксегетической задачи* по отношенію къ источникамъ права римскаго. Возсозданіе источниковъ (преимущественно сочиненій знаменитыхъ юристовъ—Ульпіана, Павла и особенно Папиніана) могло быть дѣломъ только великаго уче-

дѣло Куяцій, имѣввій несчастье быть пріятелемъ услужливаго прелата. Пущень былъ защитительный памфлетъ въ пользу Монлюка, недостойный великаго юриста. Скоро претерпѣлъ на немъ Куяцій пораженіе отъ той-же сильной руки Довелла. (Дѣло это какъ-то вскользь изложено у Беріа. За то весьма ясно очерчено оно у Эйсселя стр. 101—106).

(1) Ср. Berriat—S. Prix. Hist. P. 418. Дѣло о защитительномъ памфлетѣ, котораго домогались отъ Куяція въ пользу Кардинала Лотаринскаго.

(2) Ibidem. P. P. 411, 412. N-ta 109. «... Religio imperari non potest, quia nemo cogitur, ut credat invitus:» вотъ подлинныя слова Куяція, сказанныя черезъ пять лѣтъ послѣ Августа 1572 года.

(3) «Aegre in hoc solo fanatico traho animam, multa tamen ex libris eruo, pro solatione praeclara reperta». Сравни. Eussell (P. 98, 99) гдѣ Куяцій является въ роли ходатая за протестантовъ передъ изувѣрами противной партіи.

(4) Berriat. Hist. § 16. Eclaircissements.

наго, и, какъ справедливо замѣчаетъ Лерминье, ученаго съ живымъ историческимъ тактомъ, съ художественнымъ элементомъ въ дарованіяхъ (1). Сухой, отрицательно-критическій анализъ былъ бы здѣсь недостаточенъ. Критическое начало служитъ для Куяція одною рабочею, условною силою, которая беретъ и очищаетъ научный матеріалъ, не только не стирая, но даже возстановляя въ отдѣльныхъ частяхъ его настоящую, исторически-вѣрную фізіономію. Длинный списокъ ученыхъ трудовъ Куяція ставитъ этого человѣка на самомъ видномъ мѣстѣ между изумительными труженниками того времени. Невольное удивленіе овладѣваетъ читателемъ при ближайшемъ знакомствѣ хотя съ немногими изъ его произведеній. Почти каждая страница этихъ громадныхъ фоліантовъ поражаетъ дробностію, но вмѣстѣ отчетливостію и глубокою основательностію выполненія.

Куяцій былъ экзегетъ и романистъ въ самомъ опредѣленномъ значеніи. Римское право имѣло въ его глазахъ характеръ священнаго юридическаго преданія. Право это, какъ система, осталось для него тѣмъ, чѣмъ было оно для римскихъ юристовъ. Общія понятія о правѣ и справедливости; опредѣленіе науки и составныхъ ея частей; ученіе объ источникахъ, наконецъ система цѣлаго свода, и въ особенности пандектовъ: все это тщательно бережено Куяціемъ въ строгой римской формѣ, безъ малѣйшей попытки измѣненія (2). Въ извѣстномъ комментарий своемъ «*In titulum Digest. De Justicia et Jure*», онъ слѣдитъ, шагъ за шагомъ, за ученіями римскихъ юристовъ и ни разу не высказываетъ желанія отдѣлиться отъ нихъ по какому нибудь вопросу-подачею самостоятельнаго, несогласнаго мнѣнія. Напротивъ, нерѣдки случаи, когда Куяцій пускается въ тонкости и въ ната-

(1) Lerminier. Introduction. P. 38. Вотъ какъ опредѣляетъ Эйссель общее значеніе работъ Куяція: «Après avoir, dans l'intérêt de l'histoire, rapproché pour ainsi dire les membres des grands jurisconsultes romains, épars dans les Pandectes, il avait appliqué à l'explication de leurs écrits toutes les ressources de son puissant génie et de sa science prodigieuse etc. (U. S. P. 177, 178).

(2) Такое-же мнѣніе высказываетъ Эйссель: «Comme il n'entrait nullement dans ses vues de créer un système, Cujas approuvait le plan des Pandectes (Paratitla ad Dig. Mand.)... Il considerait les Institutes comme le meilleur guide pour l'enseignement élémentaire du droit dans les écoles etc. (P. 179).

нутыя объясненія именно потому, что у него всегда передъ глазами неизмѣнная норма римскихъ понятій и ученій ⁽¹⁾. Иногда объективность Куація поразительна. Видно, какъ глубоко вошелъ онъ въ римскій миръ со всѣми его юридическими и матеріальными, нравственными и философскими интересами. Гибкое перо французскаго юриста способно выражать самые разнообразные оттѣнки римской жизни. Суровымъ, рѣзкимъ тономъ развиваетъ онъ древнее положеніе о безусловной силѣ авторитета въ отношеніяхъ между отцомъ и сыномъ, между рабомъ и господиномъ. Точно будто идея власти старыхъ квинитовъ воскресла съ прежнею силою въ рабочей комнатѣ ученаго XVI ст. эры христіанской ⁽²⁾! Сжатою, логическою рѣчью ведетъ онъ свою аргументацію касательно внутренняго значенія и положительной силы различныхъ видовъ законовъ (*Legis virtus est imperare, vetare etc.*) ⁽³⁾. Ясно, спокойно и живо разбираетъ онъ, вслѣдъ за Ульпіаномъ и Цельзіемъ, различные вопросы философскіе, непосредственно интересовавшіе пифагорейцевъ и стоиковъ.

Такая дѣльность и строгая очерченность направленія и метода непремѣнно должны были вызвать противъ Куація сильную оппозицію, тѣмъ болѣе, что никакія достоинства не исключаютъ возможности слабыхъ сторонъ въ ученой личности. И дѣйствительно, еще нѣкоторые современники Куація находили односто-

(1) Весьма интересны въ этомъ отношеніи разсужденія Куація о томъ, въ какой степени примѣнимо къ публичному праву извѣстное тройственное дѣленіе (*Divisio tripartita*). «*Jus publicum neque naturale, neque gentium, neque civile est: nec est quidquam quod facilius demonstrari possit. Primum, jus publicum naturale non est. Nam jus naturale pertinet etiam ad bruta: jus autem publicum non pertinet ad bruta, cum bruta non habeant sacra, sacerdotes, magistratus, quibus in rebus constitit jus publicum tantummodo. Item publicum jus non est juris gentium ullave pars juris publicae: nam jus gentium est commune omnium hominum, omnium gentium. Et quamvis religio erga Deum sit et jure gentium, quod omnium hominum mentes, etiam barbarorum, imbuerit Dei opinio: ritus tamen, caeremoniae, sacra, propria sunt cujusque civitatis seu nationis etc.* (Commeutar. Jac. Cujacii in tit. Dig. De Justic. et Jure, TVII, P. 15).

(2) *Ius civile est inter quos est aequalitas, communio juris et vicissitudo, quaedam perinde ut imperandi. Inter patrem et filium, dominum et servum, non est ea aequalitas. Ergo inter eos non est jus civile. Jus civile est in quos vel inter quos jus est et injuria esse potest... At inter patrem et filium, dominum et servum, non est injuriæ locus etc.* (Ibidem. P. 22).

(3) *Potentior est lex quae vetat quam quae imperat. Veto est solemne verbum intercessionum... Plus autem valet inter magistratus, qui pari sunt potestate, unus qui vetat quam caeteri qui jubent etc.* (Ibidem. P. 11).

ронность и узкость въ его направленіи. Нельзя не указать, по глубинѣ и оригинальности ихъ, тѣхъ мыслей, которыя вызваны полемикою противъ Куяція у *Іоанна Бодина*. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій (*Methodus ad facilem historiarum cognitionem*), писатель этотъ не только отвергалъ, какъ устарѣлый, рутинный способъ, экзегезу права римскаго; но даже отрицалъ всеобщее значеніе послѣдняго, какъ писаннаго разума. По его мнѣнію, нелѣпо (*absurdum*) заключать отъ права римскаго, которое измѣнялось, къ праву всеобщему. Всеобщее начало въ правѣ есть: съ одной стороны, вѣчная истина, которая раскрывается въ сводахъ положительныхъ законовъ; съ другой стороны, всеобщее начало есть совокупность законодательствъ, разсматриваемыхъ по высшему (универсальному) образцу и сближаемыхъ съ разнообразнымъ геніемъ отдѣльныхъ народовъ ⁽¹⁾. «Къ этому-то плану—говоритъ *І. Бодинъ*—направилъ я всѣ мои работы и размышленія... Для достиженія его, мы одинаково нуждаемся въ авторитетѣ юристовъ и историковъ. Персы, Греки, Египтяне, Евреи, Испанцы, Англичане и прочіе народы должны занять то мѣсто возлѣ римлянъ, которое принадлежитъ имъ... Мы же стараемся собрать — продолжаетъ онъ — разбѣянные законы древнихъ народовъ, потому что въ исторіи заключается лучшая часть всеобщаго права... Философія же умерла бы среди своихъ общихъ правилъ, отъ безсилія, если бы она не оживлялась исторіею.» Въ этихъ строкахъ находится лучшее объясненіе тому, откуда шли нападки Бодина на Куяція. Между такимъ энергическимъ полетомъ мысли и между работою гуманиста-экзегета не могло быть тогда ничего общаго. Идея историко-философскаго метода и сравнительной юриспруденціи, которая блеснула въ умѣ Бодина, и кропотливый критическій трудъ надъ массою источниковъ права положительнаго были еще слишкомъ-далекими крайностями для сближенія.

Въ наше время также высказывались нерѣдко порицанія Куя-

(1) Лерминье упоминаетъ несколько объ этомъ сочиненіи Бодина въ своемъ «Введеніи». Весьма обстоятельное изложеніе содержанія его находится у *Бодильяра*: *I. Bodin et son temps*. P. 146.

цію и его ученой дѣятельности. Фридендеръ и Пюттеръ ⁽¹⁾ видятъ въ его трудахъ, съ внѣшней стороны, отсутствіе вкуса и мелочность, съ внутренней—непрактичность, какъ результатъ антикварнаго увлеченія. Оттого-то прибавляетъ Пюттеръ, «неудалось Куяцію основать ученой школы между своими послѣдователями.» Наконецъ Лерминье укоряетъ своего знаменитаго соотечественника за отсутствіе системы, метода и рациональной критики. «Дѣло въ томъ — говоритъ этотъ писатель — что великій Куяцій, внѣ экзегезы или толкованія текста, былъ умомъ безъ силы и значенія (un esprit sans force et sans valeur).»

Что касается до формальныхъ несовершенствъ въ произведеніяхъ Куяція, то мнѣнію этому нельзя отказать въ основательности. Въ цѣлости, изложеніе Куяція не отличается достоинствами стройности и послѣдовательности. Вставки drobныхъ филологическихъ объясненій непрерывно врѣзываются въ рѣчь и запутываютъ ходъ главной мысли. Свѣтлыя, дѣльныя и глубокія замѣчанія — несомнѣнное доказательство обширнаго ума и богатой учености — какъ-то отрывочно мелькаютъ передъ читателемъ, быстро выдвигаясь и скрываясь въ массѣ слишкомъ подробныхъ объясненій. Блескъ латыни нимало не ослабляетъ такого впечатлѣнія на читателя, въ XIX столѣтіи. — Но въ томъ то и дѣло, что формальные недостатки Куяція, какъ писателя, едва-ли въ одинакой степени были недостатками для XVI ст. Покрайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи Куяцій долженъ сѣсть на скамью подсудимыхъ въ хорошемъ обществѣ. Вспомнимъ, какую тяжелою и часто туманною рѣчью излагалъ свои глубоко-мысленные трактаты I. Бодинъ ⁽²⁾. Не забудемъ позднѣйшихъ и великихъ произведеній Гуго-Гроція. Нельзя также упускать изъ виду, что экзегетическая форма есть одна изъ самыхъ благодарныхъ между различными способами изложенія литературнаго. Мудрено-ли, если надъ нею преломлялось плодovitое перо французскаго юриста?

(1) Friedländer. Jur. Enc. S. 97.—Pütter, Inbegriff der Rechtswissenschaft. § 576.

(2) Позволяемъ себѣ указать въ этомъ отношеніи, какъ примѣръ, гдѣ извлеченія изъ разсужденія Бодина «Juris universi distributio», которыя находятся въ книгѣ Лерминье Introd. etc. P. 76.

Что касается замѣчанія о *непрактичности* направленія Куяція, то оно также требуетъ, по нашему мнѣнію, оговорокъ и ограниченія. Будучи оставлено въ той теоретической формѣ, какую видимъ мы у Пюттера, замѣчаніе это можетъ повести къ рѣзкимъ и преувеличеннымъ выводамъ. Какъ понимать «*непрактичность*» въ этомъ случаѣ? Есть ли здѣсь указаніе на непрактичность въ обширномъ смыслѣ? Или дѣло идетъ только объ отсутствіи непосредственнаго вліянія на современную Куяцію юридическую практику? Съ послѣднимъ нельзя не согласиться; съ первымъ—никогда. Въ самомъ дѣлѣ, намъ неизвѣстно о томъ, чтобы мнѣнія Куяція имѣли вліяніе на судебную практику его времени. Онъ былъ чисто ученый юристъ, работавшій въ интересахъ науки; но работа его полна практическаго, живаго и самостоятельнаго значенія (1). Достоинство и вѣрность метода въ трудахъ его дали имъ великое вліяніе на установленіе истины въ области положительнаго права римскаго; а все то, что *помогаетъ установленію истины*, имѣетъ право на *практичность въ обширномъ смыслѣ слова*. Что дѣлалъ Куяцій въ знаменитыхъ трудахъ своихъ? Приемъ его былъ очень простъ и естественъ: видя передъ собою обломки идей и ученій римскихъ юристовъ, онъ захотѣлъ связать ихъ въ одно цѣлое и выполнилъ это на основаніи цитатъ передъ каждымъ закономъ въ пандектахъ. «Куяцій заставляетъ насъ «жить одною жизнію съ римскими юристами, такъ вдохновился «онъ ихъ мудростію» говоритъ Коши въ своемъ этюдѣ и Доматъ: «(2) это не холодный комментарий на ихъ сочиненія; это скорѣе «парафраза, подобная парафразѣ отцевъ церкви на священное «писаніе, которая сливается съ библейскимъ текстомъ и, продол- «жая мысль его, почти незная о томъ, воспроизводитъ подлин- «ные образы и выраженія.» Извѣстно, что Куяцій въ полномъ

(1) Съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ встрѣтили мы ту же мысль у Эйсселя. Глубокое знакомство со всеми сочиненіями Куяція дало возможность голландскому юристу весьма смѣло выразить свое мнѣніе «*La pratique*» — говорить онъ — «*ne pouvait emprunter des décisions qu'avec réserve à cette méthode historique... Cependant la pratique lui dut les plus précieux avantages. Cujas avait pris pour principal sujet de ses travaux ceux des ouvrages des jurisc. romains relatifs aux questions les plus usu-elles etc.*» (Р. 475).

(2) Справ. Revue de législation. 3. 1851. P. 331.

значеніи этого слова *угадалъ* смыслъ многихъ недостававшихъ законовъ въ дигестахъ. Изумительно — вѣрныя объясненія его блистательно подтвердились ватиканскими рукописями, открытыми въ нашемъ столѣтіи (1). Такимъ образомъ, неточность, темнота, противорѣчія остались въ сочиненіяхъ юристовъ, которые держались стараго схоластическаго метода; опредѣленность, вѣрность и ясность сдѣлались достояніемъ работъ Куяція. У первыхъ, съ трудомъ достигалось знаніе буквы, текста законовъ. Нужны были для этой необходимой цѣли чрезвычайныя усилія разносторонней учености. Напротивъ, здѣсь — у Куяція — возставалъ, подъ его сильною и творческою рукою, возможно-полный обликъ древнихъ писателей; — здѣсь обозначались внутренняя сила и *духъ ихъ ученій*, перешедшіе въ законы (2). Отсюда видно, что методъ Куяція главнымъ образомъ опирался на такое положеніе, въ практическомъ здравомысліи котораго давно уже никто не сомнѣвался (3). Отсюда, наконецъ, слѣдуетъ заключеніе, что нельзя называть непрактическимъ такое ученое направленіе, которое представляетъ собою развитіе и примѣненіе идеи, по сущности своей совершенно практической. — Вообще вопросы такого рода требуютъ самаго осторожнаго разрѣшенія въ исторіи науки. Годность или негодность ученыхъ работъ не рѣдко бываютъ условными качествами и опредѣляются окончательно только подъ вліяніемъ особенно-благопріятныхъ обстоятельствъ. Часто результатъ добросовѣстнаго труда лежитъ, какъ грубый и съ виду мертвый матеріаль, пока не упадетъ на него свѣтъ чьей либо мысли, пока не повѣетъ на него теплотою отъ свѣжей жизненной силы, въ новомъ и отдаленномъ по времени обществѣ. Мы всегда готовы были доказывать а priori мысль, что такіе сильные люди какъ Куяцій рѣдко вецпываютъ, подобно пустымъ и холоднымъ метеорамъ, на горизонтъ страны своей.

(1) Cp. Foelix. Revue de droit français et étranger. (1844. T. 1. P. 855).

(2) «Dans l'étude des fragments» — говоритъ Эйссель — «il cherchait constamment moins ce que les compilateurs avaient voulu dire en les transcrivant, que la pensée exprimée par le jurisconsulte en exposant telle ou telle théorie.»

(3) Мы разумѣемъ здѣсь римское: Scire leges non est verba earum tenere, sed vim et potestatem.

Но намъ кажется, что въ отношеніи Куяція предположеніе это можетъ найти опору не въ однихъ апіорическихъ доказательствахъ (1). Было-ли вліяніе Куяція на развитіе позднѣйшаго французскаго законодательства, и-если было гдѣ именно, и въ какой мѣрѣ оно обнаружилось? Вотъ вопросъ, подробно разбирать который здѣсь не можемъ мы, неимѣя на то ни силъ, ни времени. Но едва ли обстоятельное рѣшеніе его привело бы къ выводу о положительной непрактичности трудовъ Куяція. Что вліяніе трудовъ *совершенно-непрактическаго* юриста XVI стол. отразилось въ новѣйшемъ и знаменитомъ памятникѣ французскаго законодательства: это кажется намъ не однимъ произвольнымъ предположеніемъ. По видимому, подобную мысль имѣеть Коши въ указанномъ нами этюдѣ его о Доматѣ. «Мыслящіе и ученые люди во Франціи»—говоритъ онъ—«прокладывали «дорогу правителямъ и сильнымъ земли, и провидѣніе посылало, «точно въ назначенный срокъ, великихъ юристовъ и законодателей для того, чтобы вести впередъ общее дѣло. Съ одной «стороны: Ришелье, Людовикъ XIV Наполеонъ, съ другой—Куяцій, Дюмуленъ, Лопиталь... Порталисъ и Тронше: всѣ эти «имена великихъ французскихъ людей связаны съ установленіемъ того *единого* законодательства, благодѣяніями котораго «пользуемся мы въ настоящее время» (2).

Что касается до замѣчанія Пюттера, будто непрактическое направленіе Куяція было главною, чуть ли не исключительною, причиною того, что ученый этотъ не оставилъ послѣ себя школы послѣдователей: то здѣсь лучше всего можетъ возразить исторія французской юриспруденціи въ періодъ XVII и начала

(1) Предположеніе это въ трудѣ нашемъ выражено въ видѣ категорическаго положенія въ книгѣ Эйселя. «Il n'est pas nécessaire d'insister sur l'heureuse influence que ces travaux exercèrent sur la pratique, et pourtant quelques auteurs ont pensé que Cujas avaient eu de l'éloignement pour elle. Ils se trompent etc.» (P. 175. 176).

(2) Еще яснѣе и положительнѣе высказываетъ ту-же мысль Бодет (Bodet) въ небольшой статьѣ своей о Донеллѣ: «Si nos codes étaient l'oeuvre spontanée du législateur, on comprendrait jusqu'à un certain degré qu'on les prit pour point de départ; mais il n'en est pas ainsi; on sait tout ce qui a été emprunté directement ou indirectement aux anciens auteurs français, notamment à Pothier, à Lebrun, à Domat, à Cujas, à Doneau etc., dont les doctrines sont résumées dans les dispositions de la législation actuelle etc (V. Fôlix Revue etc. T. 1. P. 846 et suiv).

XVIII столѣтій. Изъ нея видно, что вина въ ослабленіи научнаго движенія между тогдашними французскими юристами никакимъ образомъ не падаетъ на одного Куяція. Невольно воспоминается при этомъ случаѣ замѣчаніе Дюпена, будто, послѣ Куяція, романистамъ осталось одно повтореніе того, что было дѣлано этимъ юристомъ (1). Если Дюпенъ правъ, то нельзя не вывести отсюда заключенія, что сила и достоинства Куяція, а ничуть не недостатки, такъ невыгодно отгѣняютъ слѣдующую эпоху въ исторіи науки. Наконецъ, приѣмъ Пюттера, который объясняетъ *непрактичностью* ученаго профессора и писателя слабое вліяніе его на крѣпость и дальнѣйшее развитіе *научнаго, теоретическаго метода*, кажется намъ нелогическимъ. «Если профессоръ вовсе необразуетъ въ своей аудиторіи дѣловыхъ людей, тогда можно заключать о непрактичности его преподаванія; если же онъ образовалъ однихъ дѣловыхъ людей и ни одного профессора, значить онъ не умѣлъ внушить энтузіазма къ своему предмету и подготовить къ самостоятельнымъ учебнымъ работамъ:» вотъ дѣльные и правдивыя слова, сказанныя *Гюо-Геттиненскимъ* по поводу одного изъ современныхъ ему юристовъ (2). Намъ кажется, что слова эти весьма идутъ къ настоящему случаю. Обсуживая Куяція съ подобной точки зрѣнія, едвали можно придти къ такому заключенію, какъ у Пюттера. Дѣло въ томъ, что Куяцій образовалъ въ своей аудиторіи множество практическихъ людей, которые дѣйствовали на различныхъ поприщахъ, отъ скромной частной адвокатуры до высшихъ должностей судейскихъ и дипломатическихъ. Убѣдиться въ этомъ можетъ всякій, кто раскроетъ трудъ почтеннаго *Берриа* — *С. При*, посвятившаго немало страницъ на вычисленіе всѣхъ, сколько нибудь замѣчательныхъ, учениковъ Куяція (3). Были также люди, которые — какъ *Гюи Кокиль* и *Луазель* — умѣли сбегать на практической аренѣ энтузіазмъ къ наукѣ, вынесенный, вмѣстѣ съ добрыми преданіями метода, изъ аудиторіи Куяція. Замѣчательные труды этихъ юристовъ по обычному французско-

(1) Dupin — Aîné. Dissertation sur Pothier. P. XXIII.

(2) Civilistisches Magazin. (Daniel Nettelbladt etc. 2. B. S. 36).

(3) Histoire du droit romain. P. P. 560—578.

му праву написаны подъ непосредственнымъ вліяніемъ ихъ учителя (1).

Такимъ образомъ мы позволяемъ себѣ заключить слѣдующее: 1) нельзя никакъ доказывать аподиктическимъ тономъ, будто школа Куяція внезапно пресѣклась съ его смертію. 2) По значительному числу дѣловыхъ людей между студентами Куяція, можно скорѣе предполагать преобладаніе практическихъ, чѣмъ непрактическихъ элементовъ въ томъ направленіи, котораго держался онъ въ своей аудиторіи.

Мнѣніе Лерминье о недостаткахъ Куяція, какъ ученаго, также требуетъ извѣстныхъ оговорокъ и ограниченій. Тѣ и другіе необходимы въ слѣдствіе рѣзкаго, бездоказательнаго и противорѣчиваго тона замѣчаній французскаго ученаго.

Высказывая свой приговоръ, что Куяцій былъ слабъ вездѣ, кромѣ экзегезы права римскаго, Лерминье имѣлъ также въ виду, по его словамъ, всякое отсутствіе у знаменитаго юриста XVI ст. общихъ и рациональныхъ взглядовъ на «методъ обработки права». Доказательство этому видитъ Лерминье въ содержаніи извѣстной рѣчи Куяція о методѣ, которая была однажды прочитана этимъ ученымъ въ Буржѣ (2). Французскій историкъ говоритъ, будто тамъ нѣтъ ни одной общей мысли о способѣ изученія юриспруденціи. Хорошая латынь, цитаты изъ Эврипида и Аристотеля, да мнѣніе, что профессоры правъ всегда должны назначаться отъ правительства (a principibus Rerum Dominis): вотъ, по словамъ его, все содержаніе рѣчи De Ratione docendi juris etc. Къ сожалѣнію, мы лишены были всякой возможности достать эту рѣчь для прочтенія; но невольно приходилъ въ голову вопросъ: неужели одинъ изъ величайшихъ профессоровъ—юристовъ XVI ст. дѣйствительно выказалъ полное отсутствіе общихъ возрѣвій наученый методъ? Сомнѣнія наши

(1) См. Warnsönig. Jur. Enc. § 118.—Eschbach. (Introduction à l'étude du droit). Здѣсь можно найти исчисленіе многихъ ученыхъ послѣдователей Куяція въ XVII столѣтіи.

(2) Oratio habita in schola bituricensi, 1585.—Сравни, Lermineier. Introd. P. P. 39, 40.

увеличились, когда мы встрѣтили у Фридлиндера (1) положительное увѣреніе, что рѣчь, сказанная Куяціемъ въ Буржѣ, была развитіемъ мысли о необходимости основать науку на изученіи непосредственныхъ источниковъ, исторіи и классиковъ. Въ подтвержденіе этого, нѣмецкій ученый приводитъ слова изъ книги— слова, которыя имѣютъ значеніе основнаго положенія въ разсужденіи Куяція, и смыслъ которыхъ какъ нельзя болѣе сходится съ собственнымъ замѣчаніемъ Фридлиндера (2). Ясно, что здѣсь дѣло идетъ о методѣ, и что, за цитатами изъ Эврипида и др. классиковъ, во всякомъ случаѣ, скрывалась главная и общая мысль, быть можетъ слабо развитая авторомъ. Невольно, по самой сущности дѣла, отходимъ мы отъ голословнаго приговора Лерминье и склоняемся на сторону Фридлиндера, который позаботился закрѣпить свое положеніе одинокимъ, далеко-несильнымъ, но все таки подлиннымъ доказательствомъ. Мы дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, что намъ извѣстно изъ другаго достовѣрнаго источника, какъ хорошо понималъ и какъ сильно выражалъ Куяцій необходимость историческаго элемента въ юриспруденціи (3). Замѣчательна также въ этомъ отношеніи одна страница изъ небольшого числа извѣстныхъ намъ трудовъ Куяція. Прекраснымъ и энергическимъ языкомъ высказываетъ здѣсь великій юристъ мысли о недостаткахъ современнаго ему метода. По его мнѣнію, весьма вредно въ юриспруденціи разрывать ту связь, которая существуетъ на самомъ дѣлѣ между предметами изученія. Въ наукѣ нѣтъ и не должно быть мѣста узкому и пристрастному предпочтенію извѣстныхъ отдѣловъ, ради большей или меньшей степени ихъ практичности. *«Изучая то, что вышло изъ употребленія, мы будемъ полнѣе знать то, что сохранилось до*

(1) Friedländer. Jur. Enc. S. 15. «... Cujacius, angeregt durch manche Arbeiten seiner Vorgänger, drang auf ein geschichtlich — begründetes, klassisch behandeltes Studium des Rechts.... «De Ratione d. j.» etc.

(2) «Multum, crede mihi, refert à fonte bibatur quae fluit in pigro, quae latet unde lasu». — Эйссель, который, какъ видно по всему, весьма хорошо знаетъ все что написано Куяціемъ, говоритъ слѣдующее: «Il recommandait (dans son Oratio de r. d. j.) aux élèves d'étudier les sources, en laissant de côté les commentaires obscurs et interminables des bartolistes» (P. 180, 181).

(3) Ahrens. Philosophie du droit. Introduction. 4-e édition. P. 57.

нашего времени.» Отсылая къ подлинному и классическому выраженію этихъ мыслей у Куяція (1), мы видимъ въ нихъ общую и вполне рациональную постановку вопроса о методѣ. Намъ кажется, что здѣсь ясно высказывается требованіе касательно историческаго элемента въ юриспруденціи. Правда, мысль эта высказана отрывочно, какъ бы вскользь, подобно многимъ другимъ глубокимъ и вѣрнымъ замѣчаніямъ въ многотомныхъ трудахъ Куяція. Но для насъ важно то, что она принадлежитъ ученому, осужденному за совершенное отсутствіе общихъ и рациональныхъ мыслей о методѣ. Оттого-то позволили мы себѣ остановиться на критическомъ замѣчаніи Лерминье и нашли у него, между прочимъ, противорѣчіе. Въ первомъ отдѣлѣ тѣхъ страницъ, которыя посвящены Куяцію, встрѣчается догматически — выраженное положеніе, что «Куяцій есть истинный основатель историческаго изученія права (т. е. историческаго метода),» — что «отъ него происходитъ историческая германская школа, по отношенію къ праву римскому» (2). — Ясно, что здѣсь Куяцій становится на видномъ мѣстѣ начинателя въ одномъ изъ самыхъ-замѣчательныхъ движеній научнаго метода. Черезъ нѣсколько страницъ говорится, что Куяцій былъ «лишенъ всякой общей идеи о методѣ» (3). Намъ показалось страннымъ и непонятнымъ, какъ можно быть провозвѣстникомъ какой нибудь идеи, не нося этой идеи въ головѣ своей? Напротивъ, позволяемъ себѣ думать, что одна сила идеи объ историческомъ методѣ у Куяція могла дѣйствовать, черезъ два столѣтія, на Савиньи. Мы не отрицаемъ того, что идея этой не дано въ сочиненіяхъ Куяція опредѣленной, синтетической формулы. Еще менѣе найдется у него стройнаго, діалектическаго развитія основной идеи въ цѣлое методологи-

(1) Comment. in tit. Digestorum De Just. et Jure. T. VII Opera omni. P. 15 . . . «Neglectum est jus publicum quod parum videretur ejus cognitio singulis esse necessaria, quodque raro de jure publico interrogaretur. Quo fit hodie magno malo, ut quidam eam tantum juris partem exercent quae populo necessaria. . . . Sed nunquam bene percipiemus jus usu necessarium nisi et noverimus jus istud usu non necessarium. Nexum est et colligatum alterum alteri. Nulli sunt servi nobis, cur quaestiones de servis versamus? Digna imperito vox etc.»

(2) Lerminier. Introd. P. 37.

(3) Ibidem. P. 40.

ческое учение. Умъ Куяція былъ умомъ анализирующимъ по преимуществу и не стремился прежде всего къ общимъ, основнымъ принципамъ, какъ мы видѣли это у Бодина и скоро увидимъ у Донелла. Духъ синтеза и системы небылъ сроденъ ему въ равной степени съ знаменитыми его учеными противниками. Одинаково-чуждый историко-философскихъ воззрѣній и догматизма, Куяціи внимательно останавливался передъ каждымъ закономъ или юридическимъ учениемъ и подвергалъ ихъ строгому изслѣдованію, какъ *отдѣльные факты* въ области науки, желая узнать: на сколько именно и въ какой формѣ заключаются въ нихъ истинные элементы «историческаго» права римскаго (1)? Къ такому общему выводу всегда шелъ онъ аналитическимъ путемъ своимъ.

Изъ всего этого дѣлаемъ мы такое главное заключеніе, что Куяціи вполнѣ проникнулся одною общою идеей ученаго метода. Какъ объяснить, въ противномъ случаѣ, замѣчательное единство направленія въ трудахъ его, гдѣ мало и отрывисто говорилъ онъ о методѣ, но весьма много написалъ и сдѣлалъ, всегда по одному и тому же методу? Видя передъ собою цѣлыя фоліанты, отъ каждой строки которыхъ вѣетъ одинъ и тотъ же духъ, естественнѣе и справедливѣе всего придти къ слѣдующему выводу: ничто, кромѣ постоянного присутствія одной, глубокой и сосредоточенной, мысли, неможетъ дать такой цѣльной и законченной фізіономіи труду человѣческому. — Нельзя также утверждать, чтобы Куяціи не высказывалъ никогда своихъ мыслей о методѣ. Неимѣя дара обобщать и діалектически развивать свои положенія, слабый какъ теоретикъ и догматикъ, Куяціи дѣйствительно великъ въ одной экзегезѣ. Что же касается могущества въ синтезѣ, опредѣленности въ юридической догмѣ, въ понятіяхъ о методѣ и наконецъ — ловкости діалектической: то въ этихъ отношеніяхъ необходимо обратиться къ разсмотрѣнію взглядовъ и ученій Донелла.

(1) Поясненіемъ нашей мысли, могутъ служить слѣдующія слова Эйсселя: «...Cujas songeait si peu à reduire le droit en synthèse, que son plus beau titre de gloire, c'est-à-dire ses livres d'observations, se composent de remarques historiques et exégétiques, de corrections, d'explications sur le point de savoir pour quels motifs les jurisconsultes romains décidaient telle ou telle question dans un sens plutôt que dans un autre».

Донелла стоитъ съ Бодиномъ и Готоманомъ въ ряду ученыхъ, лично враждебныхъ Куяцію, но не заходитъ такъ далеко, какъ они въ своихъ критическихъ стремленіяхъ. Онъ крѣпче ихъ держится за римское преданіе. Практическое примѣненіе римскихъ законовъ у различныхъ западно-европейскихъ народовъ кажется ему дѣломъ разумнымъ и естественнымъ, въ пользу котораго говорятъ свойства права римскаго, доказанныя историческимъ опытомъ. Что касается юридической жизни Франціи, то и здѣсь отступленіе отъ положеній римскаго права немедленно повлекло бы за собою весьма многія несообразности и невыгоды (1). Но историческія заслуги и достоинства римскихъ законовъ не скрываютъ отъ Донеллы недостатковъ той науки, которая занимается ихъ изученіемъ. Напротивъ, внутреннее достоинство матеріала еще сильнѣе отбѣняетъ въ его глазахъ слабость юриспруденціи (2). Въ этомъ отношеніи Донелла поставилъ себя на точку зрѣнія совершенно-свободной критики. «Для меня здѣсь ничего незначить» — говоритъ онъ — «авторитетъ Юліана или Юстиніана, хотя бы и Императора. Подобно тому, какъ Юстиніанъ, будучи Императоромъ, не могъ измѣнить значенія словъ, такъ точно не можетъ онъ сдѣлать невѣрнымъ такой методъ, который предпринимаютъ сама природа и связь вещей» (3). Обращаясь къ исторіи науки, вглядываясь въ настоящее положеніе ея, нельзя не видѣть, что она стоитъ ниже истинной, нормальной высоты своей, какъ «руководительницы въ управленіи государствомъ». (4).

Цѣлые вѣка боролась она частію съ внѣшними препятствіями,

(1) H. Donelli. Praefatio in Coment. de Jur. Civ. XXXIV (Editio König, et Bucher.) «... Itaque hoc jus ita ab omnibus fere populis, omnibus prope aetatibus, post tempora Justiniani ad hunc diem receptum...» (Ibidem. XXXV.) «... Quanta vis et auctoritas sit ejus juris, id tum maxime poterit intelligi, cum ab eo discessum fuerit. Hoc enim cum sit in legibus patriis, quam multa saepe in eo incommoda, quam absurda multa animadvertere, etc.»

(2) «... Optandum est, ut quantum est in illis libris praestantiae illius et dignitatis, tantum facilitatis esset ad jus civile, quod continent, percipiendum, sed difficile dictu est, majorne hic utilitas et excellentia sit, an difficultas etc. (Ibidem. Cp, P. P. XXXV, XXXVI, XLV.).»

(3) Ibidem. Comment. Lib. I. Cap. I. P. 13. «Ut non sit certa methodus ea, quam natura ipsa rerum et cohaerentia praecribit etc.»

(4) «Artis praeclarae et reipublicae regendae magistrae.»

частью съ внутренними, органическими своими недостатками (1). Въ последнее время, наука пошла болѣе прямою и вѣрною дорогою къ успѣшному развитію; но здѣсь приобрѣла исключительное господство экзегеза. Донелль не думаетъ отвергать экзегезы; онъ даже признаетъ пользу и необходимость ея, но не иначе какъ при соблюденіи извѣстныхъ условий. Остановливаясь надъ труднѣйшими ученіями въ источникахъ права, экзегеза должна стремиться къ изощренію юридической логики, къ выводу твердыхъ принциповъ. Тогда, владѣя общимъ правиломъ, можно будетъ приступить къ отдѣленію разнородныхъ и къ соединенію однородныхъ фактовъ въ наукѣ. Зная общее правило, можно будетъ примѣнить его силу къ обсужденію новыхъ фактовъ, по началамъ аналогіи (2). Но обыкновенно экзегетическіе приемы обращаются только къ уясненію частныхъ, недостигаая познанія права во всей его цѣлости (3). «Знаю я» — говоритъ Донелль — «что приемы эти, если не мѣшаютъ вовсе, то сильно замедляютъ достиженіе подобной цѣли въ наукѣ»... «Мы же ищемъ не только частей, но и цѣлаго, такъ какъ отдѣльныя части не могутъ быть поняты безъ познанія цѣлаго,» замѣчаетъ Донелль, заключая свои мысли о недостаткахъ исключительно-экзегетическаго направленія въ методѣ (4). «Тогда только станетъ юриспруденція тою наукою, которой всѣ желаютъ столь усиленно, которую такъ долго отыскивали, но которой до сихъ поръ еще не было для права гражданскаго» (5). Вообще идея системы сильно при-

(1) Сравни. Praefat. in comm. etc. P. P. XXXV — XLII.

(2) ... Valet haec mora . . . non tantum ad singula melius intelligenda, sed etiam ad iudicium confirmandum et certitudinem praeceptorum constituendam. Cum enim pluribus causis propositis videmus multas eadem ratione conjungi, dissimiles hac ipsa disjungi, tum generalem de his praeceptionem certam et ratam esse statuimus, ac veluti regulam, qua adhibita simul discimus iudicare de aliis similibus, idemque in his efficere eadem ratione etc.

(3) « . . . Ad totius juris cognitionem, quam quaerimus, non perveniant.»

(4) Praef. in Comm. etc. P. XLIII.

(5) Quae, diu quaesita, usque adhuc juri civili deficit.» Отсюда не слѣдуетъ заключать, чтобы Донелль отвергалъ всякое значеніе предшествующихъ работъ въ области юриспруденціи. Такой критическій нигилизмъ былъ чуждъ ума этого человѣка, богатаго свѣдѣніями, проникнутаго идеєю справедливости. Эйссель (P. 165) дѣлаетъ обстоятельную характеристику критическихъ воззрѣній Донелла на своихъ предшественниковъ. Видно, что правило «suum cuique tribuere» не оставалось одною пустою фразою для великаго юриста XVI столѣтія.

влекаетъ къ себѣ точный, математическій умъ французскаго ученаго. Лерминье удачно назвалъ его «геометромъ» въ юриспруденціи. Нѣтъ для него ничего выше *идеи порядка* въ наукѣ, — порядка, который связанъ съ правильнымъ *пониманіемъ и сочетаніемъ* «вещей, ведущихъ къ одной цѣли (rerum ad finem ducentium)». Все должно быть на своемъ мѣстѣ. Имѣя передъ собою конечную цѣль права (finem juris sibi propositum), ученый юристъ долженъ идти къ гармоническому соединенію частей въ одно цѣлое и стараться сохранить въ каждой отдѣльной части настоящую ея физиономію. Иначе къ работѣ его подойдетъ осудительный приговоръ древняго писателя (Nec pes, nec caput inae redditur formae) (1). Чтò, по самой природѣ своей, занимаетъ первое мѣсто, то должно быть первымъ и въ системѣ, чтò второе — вторымъ, и т. д.» (2). Безъ этого умъ человѣческой будетъ блуждать посреди матеріаловъ науки, какъ въ неизвѣстной ему мѣстности (tamquam incertis sedibus).

Съ такими общими началами предпринялъ Донелль свою критику распредѣленія матеріала въ источникахъ, для усовершенія догмы ученія права римскаго. «Чѣмъ недовольны мы въ пандектахъ?» — спрашиваетъ Донелль на первой страницѣ своего комментарія. «Чего желаемъ мы въ этомъ собраніи? Если дѣло идетъ о матеріалѣ (Si de rebus quaeritur), то ничего не желаемъ: это есть именно то, чѣмъ мы пользуемся, — то, сохраненію и объясненію чего желаемъ содѣйствовать. Если же дѣло идетъ о порядкѣ и размѣщеніи (De ordine et collocatione) матеріала, то мы всего требуемъ». Въ самомъ дѣлѣ, матеріалъ пандектовъ весьма высоко цѣнился Донелломъ, который высказывалъ глубокое убѣжденіе въ достоинствѣ римскаго права, какъ лучшей объективной нормы *естественной справедливости* (3). Но

(1) «... Quid enim magis artis quam ordo... Quid magis contrarium, quam rerum disjunctarum confusio et permixtio etc.»

(2) «... Efficitur denique ut quae naturâ prima sunt, primo loco; quae secunda, secundo; et ita deinceps suo quaeque ordine recte locata, dilucide et sine confusione explicentur.»

(3) Полнѣе развита эта мысль Донелла у Эйсселя: «... Nous lui devons notre obeissance et notre adhésion, à cause de sa beauté et de sa grandeur: il a réalisé, en effet, l'art du bien et du juste, et puisé ses éléments non pas seulement dans les institutons romaines, mais encore et surtout dans les principes du droit des gens, dans le sens le plus large» etc. P. 209.

римское право—Донелль прекрасно понимает это—есть *главным образом* создание римского народа. Оно является результатом той внутренней переработки, въ которой, среди народа въ собственномъ смыслѣ слова, принимали участіе ученые юристы (1). Донелль ясно выражаетъ мысль, что юристы были важнымъ органомъ въ развитіи римскаго права (2). «Многочисленность юристовъ наводитъ на мысль о разнообразіи въ трудахъ ихъ» — говоритъ Донелль. «Но всмотрѣвшись въ истину и вѣрность права, въ опредѣленность рѣчи у юристовъ, замѣчаешь такое согласіе между ними, что можно подумать, будто читается одинъ писатель, если отбросить имена и надписи въ различныхъ отрывкахъ.» Вѣрность и глубину этого мнѣнія подтверждаетъ воспроизведеніе его *Савиньи*, въ извѣстной оцѣнкѣ ученаго значенія римскаго права и метода римскихъ юристовъ (3). Замѣчательно, что Донелль полагаетъ главную силу римскаго права въ тѣхъ частяхъ его, «которыя образовались изъ началъ естественныхъ и обще-народныхъ» (4). По его мнѣнію, это — «лучшая часть права римскаго,» знать и даже примѣнять которую должны все народы. Учрежденія и начала строго-римскія (или какъ называется онъ ихъ: *civiles*) мо-

(1) *Comm. de Jure Civili. Lib. I. Cap. XVI.* «... Exponuntur hic jura populi Romani, ut scripta declarant... quorum alia inducta a populo Romano; alia ab iis qui in populo Romano aut Republicæ aut juri dicundo, aut huic ipsi juri interpretando præferunt.»

(2) «... Sapientiam et fidem in his olim populus Romanus probavit, quibus tantum tribuit, ut ab his propemodum in jure cognoscendo et accipiendo penderet etc.» Обстоятельство это составляетъ одно изъ тѣхъ основаній, которыя рѣшаютъ, по мнѣнію Донелла, вопросъ объ авторитетѣ права римскаго. «En second lieu, говоритъ его словами Эйссель, nous devons y être déterminés (c. a. d. obeiss. au dr. rom.) par la sagesse et la vertu de ses fondateurs.»

(3) *Savigny. Vom Beruf etc. S. 29.* «...Selbst wenn wir ihre Schriften vollständig vor uns hätten, würden wir darin weit weniger Individualität finden, als in irgend einer Litteratur, sie alle arbeiten gewissermassen an einem und demselben werke etc.» Также: «... Hat ihr ganzes Verfahren eine Sicherheit, wie sie sich sonst ausser der mathematik nicht findet, und man kann ohne Uebertreibung sagen dass sie mit ihren Begriffen rechnen.» *Ibidem.*

(4) *Comm. Lib. I. Cap. XVII. P. 140.* Какъ истинный рационалистъ, Донелль задаетъ себѣ критическую задачу, желая доказать въ какой мѣрѣ приложимъ вышній философскій критеріумъ къ содержанію римскаго права? «Il démontre» — говоритъ Эйссель — «que le droit romain est véritablement le droit». Приемъ этотъ весьма характеренъ. Въ одной этой тонкой чертѣ легко все разстояніе многихъ вѣковъ между глоссаторами и гуманистами.

гуть быть отброшены новыми народами, если собственное право их представляет что-либо лучшее и полнѣе удовлетворяет потребности «охранять государство» (*aptius ad conservandam civitatem*).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что идея науки, какъ единого, органически-стройнаго цѣлаго, выражена самымъ *сильнымъ и определеннымъ* языкомъ въ трудѣ этого ученаго. Мы говоримъ: «самымъ сильнымъ и определеннымъ» потому, что первый проблескъ идеи о системѣ въ юриспруденціи замѣтенъ гораздо ранѣе (1). Систематическій элементъ, безъ котораго невозможно догматическое изученіе права, нашелъ въ Донеллѣ наиболѣе талантливаго и энергическаго представителя.

Подвергая критикѣ современную юриспруденцію, Донелль не впадаетъ въ жолчный и отрицательный тонъ Готмана; судъ его отличается спокойнымъ, строго ученымъ характеромъ. Цѣль его положительная, а не отрицательная. Донелль прибѣгаетъ къ критикѣ не для уничтоженія авторитета права римскаго; онъ считаетъ задачею своею — *яснить содержаніе права въ принципахъ его* (2). Затѣмъ имѣетъ онъ въ виду обработать и установить стройную систему въ догмѣ римскаго права, не посягая на полноту и на

(1) Въ самомъ дѣлѣ, выше мы видѣли, что и глоссаторы играли между собою ученыхъ, стремившихся къ систематическому изложенію догмы права римскаго. Затѣмъ нельзя забывать плановъ систематической перестройки (*reconceptiones*) различныхъ источниковъ права положительнаго съ 15 ст. Наконецъ, можно указать въ этомъ отношеніи на французскихъ ученыхъ, *Коннана* и *Григорія Тулузскаго*. Оба они старались быть самостоятельными систематиками. Но Коннанъ, человекъ чрезвычайно-даровитый, слишкомъ рано умеръ для того, чтобы создать трудъ зрѣлый и законченный. Григорій Тулузскій жилъ и работалъ долѣе перваго; но онъ не можетъ идти въ сравненіе съ Донелломъ по недостаткамъ своего воззрѣнія на систему въ обработкѣ права положительнаго. (Срвн. Friedländer, *Jur. Enc.* §§ 17, 18. — Falk, *Jur. Enc.* § 91. — Biener, *N. arch. des Crim. Rechts.* II. X. S. 487.) Въ книгѣ Эйсселя можно найти весьма ясную параллель Григорія Тулузскаго и Коннана съ Донелломъ (стр. 200 — 213). Изъ нихъ первый представляется совершеннымъ антиподомъ знаменитаго догматика. *Syntagma Juris* Григорія захватываютъ права: феодальное, церковное, государственное и уголовное, кромѣ римскаго. Общій планъ системы построенъ на философскихъ, космогоническихъ и иныхъ основаніяхъ. Напр. ученіе о вещахъ предшествуетъ ученію о лицахъ, такъ какъ внѣшніе предметы созданы прежде человека и т. п. — Сравненіе Донелла съ Коннаномъ богаче положительными выводами. Нѣкоторыя формальныя черты метода, выводъ понятія о правѣ и классификація его источниковъ: все это кмѣетъ у нихъ много общаго. Эйссель говоритъ, что Коннанъ выше Донелла въ разрѣшеніи чисто отвлеченныхъ вопросовъ науки.

(2) Ср. Gundling, *Judicia de Comment. Donellianis*. «*Materias juris secundum genuina et domestica principia explicare*».

историческія особенности послѣдняго (1). «Природа и связь вещей» — вотъ единственно-вѣрная норма для сведенія въ одно цѣлое, для безошибочнаго распредѣленія содержанія во всякой наукѣ, не исключая юриспруденціи. Самостоятельная мысль въ обработкѣ науки и строгое чувство мѣры въ самомъ противодѣйствіи началу устарѣвшему являются отличительными и рѣдкими свойствами французскаго догматика.

Послѣ этого намъ не кажется невозможнымъ опредѣлить: гдѣ причина ученаго разлада между Донелломъ и Куяціемъ, и гдѣ именно существуютъ для нихъ — не смотря на такой разладъ — точки соприкосновенія передъ лицомъ ученой исторіи. Будучи взяты отдѣльно, Куяцій и Донелль представляются живыми антитезами. Первый останавливается передъ *фактомъ*, въ немъ преобладаютъ стремленія историка и нерѣдко гуманиста—антикварія. Такой человекъ, начавши ученые работы въ области римскаго права, долженъ былъ прежде всего стремиться къ восстановленію классическихъ остатковъ въ подлинной, такъ сказать первоуроденной чистотѣ ихъ.

Приближаясь къ извѣстному факту въ наукѣ, Донелль не успокоивается на признаніи этого факта подлинною, неподдѣльною частію великаго зданія права римскаго. Онъ обсуживаетъ его съ точки зрѣнія *цѣли положительнаго права и гармоніи между отдѣльными частями права, какъ одного цѣлаго* (2). Въ

(1) «...Quid ergo, dicet aliquis, tu jus civile, a Justiniano vel a praestantissimo Jurisconsulto Iuliano compositum, repudias? Minime vero ego jus civile, a veteribus traditum, et ut nunc est, Iustiniani mandato compositum, repudio: immo maxime id ipsum retinere contendo, dum id eorum — opera nostra explicare et veluti in lucem magis educere etc». (Comm. de I. C. § 12). До какой степени удалось ему выполнить эту задачу относительно одного изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ науки, можно видѣть изъ словъ Савиньи въ его трактатѣ о владѣніи (Trad. franç. par D'Audelage): «L'exposition de la possession est traitée d'une manière supérieure; elle est même la seule qui reconnaisse et qui développe la véritable liaison qui existe entre la possession et tout le système civil. (Introd. P. VIII)». — Дарбе (§ VI): «Doneau est le seul de tous qui ait exposé dans leur ensemble les conséquences de la possession, et qui... ait signalé souvent la plupart des éléments dont nous de v. nous occuper ici plus spécialement etc». (P. P. 32, 33). — Сравни Eysell. P. P. 271 — 274.

(2) «... In magna et se indigna juris civilis rerumque in eo jure comprehensarum ignoracione versantur, qui... nondum dispicere potuerint, quid finis juris, quid rerum ad eum finem ducentium progressus, quid denique unaquaqueque pars ad unum aliquod corpus efficiendum desideraret etc. (Comm. de I. C. § 13).

этомъ заключаются вся сила и сущность собственныхъ его понятій о методѣ. Здѣсь корень всѣхъ его, выше указанныхъ нами, положеній. Элементъ цѣли необходимо долженъ давать методу извѣстную степень рациональности, — необходимо долженъ навести на самостоятельное распредѣленіе научнаго матеріала, посредствомъ отдѣленія или соединенія различныхъ частей послѣдняго. Ясно, что пониманіе цѣли можетъ соединить много такого, что казалось *несоединимымъ*, и на оборотъ: — раздѣлить то, что долго *признавалось нераздѣлимымъ*. Вопросъ о цѣли непременно наводитъ на вопросы о принципахъ, о внутренней сущности и связи въ томъ, что изучается. Всѣ эти вопросы мы дѣйствительно видѣли у Донелла, который является строгимъ догматикомъ въ сравненіи съ экзегетомъ Куяціемъ. Такимъ образомъ, ученый разладъ этихъ двухъ юристовъ становится совершенно понятнымъ и естественнымъ. Одинъ былъ представителемъ новой мысли о синтезѣ, которая стремилась возвыситься надъ авторитетомъ экзегетическаго направленія. Другой служилъ живымъ органомъ того самаго направленія, надъ которымъ хотѣли возвыситься (1).

Но спрашивается, есть ли коренная вражда между тѣми направленіями, которымъ Куяцій и Донелль служили представителями? Намъ кажется, что здѣсь не можетъ быть другаго отвѣта, кромѣ отрицательнаго. Иначе придется доказывать, что стремленіе — какъ можно вѣрнѣе анализировать и опредѣлить отдѣльный смыслъ данныхъ положеній — никогда не примирится съ тою умственной работою, которая хочетъ понять и выразить высшую связь, въ общихъ началахъ, между отдѣльными положеніями науки. Напротивъ, и та и другая работа должны идти дружнымъ шагомъ къ сближенію. Правильное отношеніе ихъ между собою не есть вражда, а взаимная поддержка и согласіе. — Направленіе

(1) Вотъ какъ выражена у Эйссея разница между Донелломъ и Куяціемъ: son but principal ne consistait pas à rechercher le lien historique des lois... Pour lui, toute la question revenait à savoir ce que signifiaient les fragments dans la contexture des Pandectes et dans la législation de Justinien... Il était en ceci bien différent de Cujas, qui... oubliait ainsi que Justinien... avait réuni pour en faire un ensemble et un corps de lois en vigueur, destinées à une application usuelle, tous les textes des jurisconsultes etc. (P. P. 110 111).

Куция сдѣлало его образцомъ въ области геніально-тѣрпѣливой, проницательной, исторически-вѣрной экзегезы. Направление Донелла сдѣлало его такимъ-же образцомъ въ догматической обработкѣ положительнаго права. Экзегеза Куция указывала ему истинную природу тѣхъ юридическихъ учреждений, которыя подвергалъ онъ своему анализу. Донелль объявилъ, какъ мы видѣли выше, что ищетъ не только природы, но и связи между частями юридического матеріала, посредствомъ своего метода (1). Гдѣ же тутъ коренное, враждебное отношеніе между обѣими формулами? Стоитъ сколько-нибудь присмотрѣться къ Донеллу, чтобы увидѣть, какъ, въ сущности, самъ онъ строить догматическіе свои труды на твердой почвѣ экзегетическаго анализа. Соединяя въ одно систематическое цѣлое отдѣльные факты въ наукѣ, Донелль предпосылалъ всегда этой работѣ строгую и добросовѣстную провѣрку экзегетическую (2). По этой трудовой дорогѣ смѣло шла потомъ сильная мысль его и проникала въ самую глубину матеріала. Тогда-то слагались подъ перомъ Донелла тѣ превосходные трактаты, гдѣ присутствие догматическаго метода сказывается въ ясности принциповъ, въ точности юридическихъ опредѣленій и въ логической силѣ вывода послѣдствій изъ основныхъ положеній (3). Послѣ всего этого, мы имѣемъ право

(1) Доказательствомъ тому, какъ именно проводилъ Донелль эти начала въ работахъ своихъ, могутъ служить ученія его о завѣщаніяхъ, наследованіи по закону, о служебностяхъ и обязательствахъ. «A vrai dire»—говоритъ Эйссель—«jamais la théorie des successions n'avait été développée dans un cadre, déduit si naturellement des principes etc. (P. 276. Сравн. Ibidem P. P. 278, 281, 282.

(2) Слѣзшимъ подтвердить наше мнѣніе очень близкимъ заключеніемъ Эйсселя: «Nous ne devons point passer sous silence que sans faire de l'analyse comme Cujas, le principal objet de ses études, il n'a cependant pas négligé cette méthode. Il en faisait un usage suivi dans ses commentaires de Droit Civil, car il savait parfaitement que, à défaut d'une analyse rigoureuse des textes, toute exposition dogmatique est en quelque sorte dépourvue de base etc».—За тѣмъ слѣдуетъ вычисленіе тѣхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Донелла, гдѣ видно вліяніе экзегетическаго метода. (P. 170, 171. N-та 46, 47, 48). Далѣе Эйссель говоритъ: «C'est à cette pénération (dans l'analyse) qu'il faut attribuer en grande partie la supériorité des travaux systematiques de Doneau etc. (192).

(3) Блестательное подтвержденіе силы Донелла, какъ ученаго, находится въ книгѣ Эйсселя. Здѣсь (IV глава) разобраны ученія Донелла о различныхъ вопросахъ частнаго права и сведены съ соответственными ученіями Гассе, Савиньи, Пухты, Арндтса и Эркслебена. Донелль становится на исполнискій пьедесталъ, когда дѣлается наглядною роль его въ качествѣ руководителя знаменитыхъ цивилистовъ черезъ 200 слишкомъ лѣтъ послѣ его смерти.

заключатъ, что Куяцій и Донелль пополняютъ другъ друга въ исторіи метода французской изящной школы. Такое сочетаніе произошло, какъ бываетъ нерѣдко, безъ ихъ вѣдома, въ силу той естественной связи (*Verum naturae et cohaerentiae*), которая заключается въ глубинѣ ихъ, различныхъ по формѣ, направленій.

«Повсюду произволь есть отрицаніе порядка и права, но болѣе чѣмъ гдѣ нибудь — въ экзегезѣ. Отсутствие правилъ и непоследовательность ведутъ здѣсь къ самымъ пагубнымъ результатамъ, и что сего дня считается правомъ, то обратится завтра въ безправіе, благодаря экзегетическому произволу. Догматика колеблется, какъ скоро экзезеза начинаетъ колебаться въ своихъ принципахъ, а изъ постоянного слѣдованія явленій другъ за другомъ можемъ мы здѣсь, по крайней мѣрѣ, заключать о зависимости ихъ, какъ причины отъ слѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, лишь только догматика подвергнется колебанію, какъ тотъ часъ же послѣднее неблагоприятно отразится на экзегезѣ; изъ за пристрастнаго догматическаго воззрѣнія совершится насиліе надъ источниками, и законы сдѣлаются мячикомъ (*werden zu wechselfälgen*) въ рукахъ истолкователей... Такой-же вредъ глубоко войдетъ въ самую жизнь юридическую, въ практику. Пусть только завладѣетъ произвольная экзегеза распорядительными актами частныхъ лицъ, договорами и завѣщаніями, — тотъ часъ же довѣріе и доброе мнѣніе будутъ изгнаны изъ гражданскаго оборота, юридическія отношенія сдѣлаются добычею кривотворства, судебныя приговоры и сдѣлки обратятся въ источникъ новыхъ тяжобъ.» Приведенныя слова принадлежатъ одному изъ новѣйшихъ писателей по юридической герменевтикѣ (1) и представляютъ собою общее, теоретическое подтвержденіе нашего замѣчанія о взаимной зависимости направленій Куяція и Донелла.

Здѣсь считаемъ мы возможнымъ заключить характеристики отдѣльныхъ юристовъ французской школы, полагая, что въ лицахъ избранныхъ нами ученыхъ затронуты всѣ главныя, типическія стороны того общаго направленія, которому

(1) Лангу. Мы говорили о немъ выше. См. главу 1-ю наст. разсужденія.

служать они представителями. Не раздвѣляя мѣтнія, будто методъ ихъ окончательно палъ при началѣ XVII столѣтія во Франціи (1), мы думаемъ, что годы смерти Куяція и Донелла дѣйствительно были тою гранью, которая обозначаетъ начало обратнаго движенія. Правда, методъ старыхъ цивилистовъ передвинулся на прочія отрасли юриспруденціи; но это развѣтвленіе словно лишило его прежней силы, особенно-же въ области права римскаго. Чѣмъ дальше идемъ мы отъ Донелла и Куяція, тѣмъ строже и законченнѣе представляется намъ, въ своемъ примѣненіи, начало раздвѣленія труда между юристами. Въ XVI ст. знаменитый *Дюмуленъ*, котораго *Лаферрьеръ* удачно назвалъ «Лютеромъ гражданскаго права во Франціи» (2), и ближайшіе

(1) Интересенъ тотъ фактъ, что Донелль, плохо понимаемый современниками, былъ забытъ скорѣе чѣмъ знаменитый его соперникъ, въ своемъ отечествѣ. Въ 1654 г. издана б. книга — *Amoenitates Juris* — авторъ которой (*Ménage*) не упоминаетъ ни слова о Донеллѣ, наговоривъ очень много различныхъ вещей о дожинныхъ юристахъ XVI и XVII столѣтій. (Eyssel, P. 304).

(2) *Histoire des principes de la révolution 1789*. P. 461. Выраженіе это у Лаферрьерера — не фраза, а весьма остроумное и вѣрное замѣчаніе. Любо мѣсто изъ тѣхъ сочиненій Дюмулена, гдѣ касается онъ юридическаго и политическаго быта современной Франціи, высказываетъ особенную силу логики и характера. Такъ, дѣйствительно, говорятъ только люди съ энергіею и стремленіями реформаторовъ. Дюмуленъ несравненно *абсолютнѣе* Готмана въ мысляхъ своихъ о кодификаціи. Переведя его латинскую рѣчь на французскій языкъ, можно легко принять ее за извлеченіе изъ преній революціонныхъ унификаторовъ. «*Mihi quoque videtur*, говорить Дюмуленъ, *nihil aptius, nihil efficacius ad plures provincias sub eodem imperio retinendas et fovendas, nec honestius vinculum, quam communitio et conformitas eorumdem morum legumve utilium et aequabilium . . . Pro multis diffusissimis plurium contrariarum . . . consuetudinum libris, brevissimus et absolutissimus libellus «haberetur, juri communi et aequitati naturali consonantissimus etc.» «Oratio de concordia et unione consuetudinum Franciae.» (Revue de législat. Etude par Cauchy sur Domat.) — Заклятый врагъ Феодаловъ и Ультрамонтановъ, пламенный защитникъ равенства, гражданской и религіозной свободы подъ охраною мощной и единой власти въ государствѣ, Дюмуленъ вноситъ горячую температуру политическихъ идей въ свои сочиненія. Обстоятельство это не мѣшаетъ ему однакоже сохранять и примѣнять къ дѣлу сильную свою логику. Такимъ является Дюмуленъ въ рѣчи, намъ указанной, которая заключаетъ въ себѣ ловкую защиту кодификаціи. Замѣчательно, что вопросъ этотъ, поднятый такъ рано во Франціи, принялъ здѣсь въ XVI ст. такое направленіе, которое напоминаетъ ученый споръ о томъ же предметѣ въ другой странѣ, но въ эпоху несравненно-позднѣйшую. Самъ Дюмуленъ налагаетъ главнымъ образомъ на неопредѣленность, запутанность законовъ и на вредъ, который неизбѣженъ при этомъ въ наукѣ и въ жизни практической. Между доводами противниковъ показалось намъ интереснымъ одно замѣчаніе, а именно: *кодификація невозможна*, потому, что нельзя подчинить однообразному закону различныя области въ обширномъ государствѣ: *законы должны мѣняться съ измѣненіемъ нравовъ и обычаевъ.* (. . . *Diversos mores diversas et gignere et exigere consuetudines.*)*

ученики Буація—братья *Питу*, *Каронъ* (Charondas) и *Пакье*—занимаются правами: римскимъ, обычнымъ (coutumier) и каноническимъ. Къ 1/2 XVII столѣтія, являются специалисты по каждой изъ этихъ отраслей. Но странно: по общему признанію, ученые работы не только не выиграли, но проиграли въ отношеніи единства и цѣлости мысли, глубины и остроумія критическихъ замѣчаній, вѣрности такта историческаго. Такъ, между прочимъ, существуетъ мнѣніе, будто извѣстныя и прославленныя готифредовскія изданія далеко уступаютъ такимъ же трудамъ Карона и *Леконта* (Le Conte [Contius]) въ солидныхъ достоинствахъ критики (1). Отсутствие самостоятельности замѣтно между юристами XVII и XVIII столѣтій во Франціи. Лучшие люди между ними—какъ теоретики, такъ и практики—являются только продолжителями и, въ немногихъ случаяхъ, завершителями того, что начато или указано XVI столѣтіемъ. Замѣчаніе это, кажется намъ, можетъ найти для себя подтвержденіе даже въ ученой исторіи національнаго французскаго права, которое стало на особенно—твердую почву, благодаря Дюмулену. *Делорьеръ* (Eusèbe De Laugière) говоритъ о необходимости примѣнять историческій методъ къ обработкѣ права французскаго (2); но слова его представляютъ, по нашему мнѣнію, одно ясное выраженіе тѣхъ мыслей о методѣ, которыя получили значеніе ходячей монеты въ юриспруденціи со времени Альціата. *Латомассьеръ*, *Банажъ*, *Бродо* (La Tomassière, Basnage, Brodeau) и многіе другіе работаютъ въ томъ же направленіи. *Камилеръ Далессо* высказываетъ мнѣніе, что замѣчанія Дюмулена на обычное право «должны быть почитаемы наравнѣ съ закономъ» и утверждаетъ, будто извѣстный трудъ *Ламуаньона* (Les arrêtés de Lamoignon) выполненъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ идей того-же Дюмулена

(1) Falk, Jur. Enc. § 86. «... Die gegen den Schluss des XVII Jahrh. erschienenen Ausgaben von D. Gothofredus verbreiteten sich... allein von Seiten der Kritik sind sie ganz ohne Werth (?) und selbst eine verständige Auswahl der schon vorhandenen Lesearten kann ihnen nicht nachgerühmt werden. Das XVII Jahrh. leistete in diesem Fache so gut wie gar nichts».

(2) Сравн. Laboulaye. Hist. d. Dr. de la propr. en Occident. Introd.

(¹). Что же касается римскаго права, то здѣсь можно остановиться только на такихъ лицахъ, какъ *Готтофреды*, *Амтесерра* и наконецъ *Потье*, уже предъ порогомъ новой жизни для Франціи. Изъ нихъ послѣднему суждено было достигнуть въ своемъ методѣ наиболѣе счастливаго соединенія аналитическаго и синтетическаго направленій. Странно однакоже, что философскій духъ XVIII столѣтія не сообщилъ, въ глазахъ Потье, особенной силы и значенія синтетическому элементу *Донелла*. А между тѣмъ длинный промежутокъ времени между обоими юристами далъ позднѣйшему изъ нихъ еще болѣе причинъ желать раціональной системы и строгаго метода въ наукѣ (²).

Таковы были немногіе и лучшіе люди. Что же дѣлали остальные юристы? Прекрасный отвѣтъ на это даетъ *Аженоръ Барду* въ этюдѣ своемъ о юристахъ XVII и особенно XVIII столѣтій. «По какому-то роковому уклоненію» — говоритъ онъ — «юристы стали отвращаться отъ свѣта солнечнаго. За исключеніемъ немногихъ великихъ именъ, они не понимали болѣе философіи права. Суровые принципы XVII вѣка, въ связи съ ложнымъ ясенизмомъ, сгладили у нихъ тѣ начала естественнаго права, которыя служили знаменемъ для безсмертныхъ научныхъ завоеваній ихъ предковъ. *Серьюзныя работы начинаютъ прекращаться...* Чтобы судить о преобладающихъ стремленіяхъ какой нибудь эпохи, ин-

(1) D'Aguesseau. Quatrième Instruction. (Сравни. *Revue critique* etc. 4. 1854.) Великое значеніе Дюмлена въ исторіи національнаго французскаго права можетъ вызвать вопросъ: почему не нашлось для него нѣсколькихъ лишнихъ страницъ въ настоящемъ изслѣдованіи. *Противъ нашего упущенія*, по видимому, сильно говоритъ еще то обстоятельство, что Дюмленъ началъ свою ученую работу прежде *Донелла* и *Куяція*. Но есть кое-что сказать *въ пользу нашего упущенія*. 1) Дюмленъ не занимается главнымъ образомъ римскою юриспруденціею. 2) Методъ его представляетъ собою какъ бы среднее — пропорциональную величину между методами *Куяція* и *Донелла*. (Ср. *Eyssel*, P. P. 192—198.) Мы же должны были, по многимъ причинамъ, сосредоточиться на типическихъ представителяхъ главныхъ направленій въ разработкѣ права римскаго

(2) Сравни. *Dupin-aîné. Dissertation sur Pothier*. Также вышеприведенную нами статью *Бедо* (*Bedeau*) о *Донеллѣ*. Авторы названныхъ нами статей дружнымъ хоромъ провозглашаютъ Потье ближайшимъ наслѣдникомъ *Куяція* и *Донелла*. Уважая и признавая великія ученія заслуги Потье, Эйссель категорически отвергаетъ всякія предположенія о близкой связи Потье съ *Донелломъ* по методу. «*Pothier donna une sorte de système du droit romain, par l'arrangement du titre De reg. jur. Personne ne comprenait mieux que lui les vices du plan des Pandectes; mais lorsqu'il veut le corriger, il garde le silence sur la critique de Doneau, et il n'emprunte rien aux travaux de son grand compatriote etc.*» (P. 306).

интересно бывает заглянуть въ каталоги издателей. Въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV, издаются только сочиненія богословскія, подобно тому какъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, мало другихъ изданій, кромѣ трактатовъ по сельскому хозяйству и политической экономіи. *Юриспруденція вѣло движется по избитой дорогѣ. Какъ бы ни были важны труды Делорьера и Балюзія, нѣтъ въ нихъ признаковъ духа обновляющаго.*

Были, правда, и серьезныя работы. Къ нимъ принадлежитъ извѣстный трудъ Домата. Но Лабуле — кажется намъ — совершенно правъ, называя знаменитаго автора «гражданскихъ законовъ въ естественномъ порядкѣ ихъ» скорѣе философомъ-янсенистомъ, чѣмъ юристомъ (1). Слабость Домата, какъ цивилиста, выставляется въ другомъ трудѣ его (Legum Delectus), гдѣ имѣетъ онъ въ виду обработать положительное право, не примѣняя къ нему своего догматико-философскаго метода. Критическіе отзывы позднѣйшихъ французскихъ ученыхъ заставляютъ насъ придти къ такому заключенію, что Доматъ былъ лишенъ историческаго и практическаго смысла, безъ которыхъ такъ трудно обойтись цивилисту (2). Идея и выполненіе перваго и болѣе извѣстнаго труда Домата еще лучше могутъ доказать анти-историческое его направленіе. Въ самомъ дѣлѣ: что дѣлаетъ Доматъ? Цѣль его заключается въ томъ, чтобы *обратить римское право въ систему права христіанскаго и современнаго* (3). Какъ бы ни было велико вліяніе христіанства на право римское, особенно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ нужно было поставить его на твердой почвѣ общечеловѣческой морали и естественной справедливости: мы все таки не можемъ сочувствовать такому методу. Исходная точка его ложна и доказываетъ непониманіе самобытной природы права положительнаго. Здѣсь неизбежны были натяжки и почти неволь-

(1) Laboulaye. Hist. du Dr. de la pr. etc. Introd. P. 4.

(2) Слабость этого сочиненія единогласно признаютъ: Лерминье (Introd.) и Дюпенз (Dissert. sur Pothier. P. XXII). Послѣдній говоритъ о немъ слѣдующее: «Il a seulement élagué ce qu'il a regardé comme inutile, et encore a-t-il conservé beaucoup de textes absolument étrangers à nos usages.»

(3) Lerminier. Introd. P. 150. Сравн. Cauchy. Etude sur Domat. (Revue de legisl. 1851. 3). Лерминье очень мѣтко опредѣлилъ методъ Домата, когда сказалъ: «il opéra sur des faits historiques et connus et dogmatisa par la méthode.»

ныя искаженія. Не так поступали съ римскимъ правомъ Куяцій и другіе великіе юристы XVI столѣтія (1). Дѣло впрочемъ объясняется, когда мы узнаемъ отъ Домата, что положительные законы *изобрѣтены людьми*, и что назначеніе общественной власти — живаго органа божества на землѣ — есть примиреніе противорѣчій, которыя возникаютъ между законами божескими и произвольными, человѣческими (2). При такомъ возрѣніи на сущность положительнаго права, конечно, вполнѣ законна обработка его въ духѣ догматико-созерцательнаго метода. Тогда неизбѣжно и понятно обращеніе положительнаго римскаго права въ созданіе христіанскаго откровенія.

Выиграла ли отъ этого наука? По нашему крайнему разумѣнію, такого вывода не допускаютъ: ни достоинство системы, ни объясненіе отдѣльныхъ учрежденій гражданскаго права въ трудѣ Домата. Величайшая ошибка его метода заключалась въ томъ, что, строго говоря, онъ ведетъ къ отрицанію права, какъ самостоятельнаго элемента въ жизни человѣческаго общества. Нельзя отказать въ уваженіи сильному нравственно религіозному чувству Домата. Оно подсказываетъ ему нерѣдко идеи, полныя строгаго величія (3). Но, съ другой стороны, нельзя одобрить смѣшенія права и религіи. Опасно видѣть въ каждомъ юридическомъ учрежденіи или отношеніи непосредственный органъ или интересъ божества. Нельзя также вносить въ юриспруденцію аскетическое чувство предубѣжденія противъ всего человѣческаго (4). Настоящее мѣсто юриста въ судѣ и вездѣ, гдѣ бьютъ сильнымъ ключомъ положительные и земные интересы общества. Туда дол-

(1) Въ книгѣ Эйсселя встрѣтили мы такое-же противоположеніе Домата юристамъ XVI столѣтія. «Rien nediffère plus du plan des commentaires du droit civil que la classification adoptée par Domat... Nulle part (chez Doneau) on ne trouve le mélange du droit avec la religion etc (P. 305).

(2) ... Les lois ... dont les hommes ont inventé l'usage etc... L'ordre divin s'exprime par la voix des puissances établies etc. (Cp. Revue. U. S. P. 376).

(3) Такимъ показалось намъ возрѣніе Домата на сущность общественнаго элемента въ жизни государственной. «Это» — говоритъ онъ — «есть тотъ высокій интересъ, который побуждаетъ душу гражданина къ самопожертвованію и добродѣтели (... Qui l'excite au sacrifice et à la vertu)».

(4) L'homme ne verra en lui-même que les semences de la misère et de la mort.

жень онъ вносить идею правды, которая никогда не будетъ противорѣчить ни нравственному добру, ни началамъ истинной религіи. Не приходится юристу обращать свою судейскую, профессорскую или адвокатскую трибуну въ исповѣдальню или въ кафедру священника. *Suum cuique tribuatur.*—

Выиграла ли отъ этого направленія жизнь тогдашняго французскаго общества? Сомнѣваемся. Убѣдиться въ этомъ можетъ всякій, кто захочетъ провести параллель между ученіями Домата и движеніемъ современнаго ему законодательства. Домать и Людовикъ XIV сошлись между собою во многихъ отношеніяхъ. Одинъ закрѣпилъ печатью божественнаго происхожденія *съ теоріи* то, что другой проводилъ всѣми способами въ жизнь *практическую*. Домать говорилъ, что *сила* получаетъ священное значеніе, когда ею руководствуетъ начало христіанскаго милосердія (1). Людовикъ схватился за обоготвореніе силы того принципа, которому служилъ представителемъ, но примѣнилъ его, быть можетъ, совсѣмъ иначе, чѣмъ желалъ этого честный ясенистъ-догматикъ (2). Домать видѣлъ въ семейныхъ учрежденіяхъ непосредственное установленіе божества. Людовикъ закрѣпилъ это установленіе, расширивъ до возможно большихъ размѣровъ власть отцовскую (3). Имѣя различныя цѣли, руководствуясь иными побужденіями, кабинетный теоретикъ и государственный практикъ заговорили униссономъ во многихъ выводахъ. Оба они забыли о личности человѣческой и о правахъ ея въ обществѣ; оба дали началу авторитета одни права, — подчиненному началу—одни обязанности.

Такъ понимаемъ мы ученое значеніе и нравственное вліяніе одного изъ самыхъ видныхъ и законченныхъ произведеній юри-

(1) «... La force elle-même se sanctifie... etc. (U. S. 377).

(2) «... Louis XIV qui avait la superstition de la royauté... vint imprimer au droit le sceau du pouvoir absolu. Il avait trouvé déposé en germe... le principe de la mouvance directe et universelle du roi sur toutes les terres du royaume. Louis XIV formula énergiquement cette théorie dans les edits de 1,676 et de 1,692. De ce domaine éminent découlèrent toutes les mesures fiscales qui portaient atteinte à la propriété... Sur cette doctrine, mêlée, il faut le dire, à celle de droit divin, s'appuyèrent aussi les confiscations etc. (Agén. Bardoux. Les Légistes au XVIII etc.).

(3) Ibidem... L'autorité du père est armée d'une apteté inouie etc.

дической литературы въ эпоху Людовика XIV. Трудъ Домата имѣеть своеобразную силу и стройность діалектическую; но направление его совпадаетъ съ нездоровыми элементами въ атмосферѣ тогдашняго общества. Плетизмъ и нравственное рабство и безъ того сильно тяготѣли надъ французскимъ народомъ. Намъ кажется, что Доматъ, какъ юристъ, подобно Боссюету, какъ историку, выразительно отъбѣиваетъ собою такое положеніе Франціи въ эпоху Людовика XIV. Оба они одинаково не вѣрятъ свободѣ и силѣ разума человѣческаго (1). Не беремъ рѣшить, однѣ ли и тѣже внутреннія причины опредѣлили подобное направление въ ученюмъ юристѣ и въ писателѣ-епископѣ (2). Но только отсутствіе надменности и доказаннаго презрѣнія къ людямъ избавляетъ Домата отъ примѣненія къ нему той остроумной замѣтки даровитаго писателя: «что бывають сочиненія, въ которыхъ одинъ авторъ большею частію великъ, а цѣлое человѣчество всегда мало и ничтожно» (3).

Послѣ этого становится яснѣе та жестокость въ уголовныхъ судахъ Франціи, которая развилась, по словамъ Барду, подъ вліяніемъ преданій доматовскихъ (4). Въ самомъ дѣлѣ, что значать слова христіанскаго милосердія, о которомъ такъ много говорить Доматъ въ своей книгѣ, когда въ основномъ принципѣ честнаго созерцателя лежалъ зародышъ суровости? Сама жизнь взяла на себя трудъ діалектически развить то объективное начало, которое скрывалось въ ученіи талантливаго писателя. Благо даровитые люди всегда находятъ вокругъ себя толпу ограниченннхъ почитателей! Каковы же были преемники Домата, пусть лучше скажетъ за насъ сильное перо Аж. Барду: «Новымъ

(1) «Le propre de l'hérétique, c'est à dire, de celui qui a une opinion particuliere, est de s'attacher à ses propres pensées etc.» Hist. des Variations, Préf. § 29.

(2) Buckle. History of Civilis. Vol. I. P. 729. «... It was this same contempt for the human intellect, that made him (Bossuet) deny its capacity to work out for itself the epochs through which it has passed etc.

(3) Tocqueville. Democratie. Vol. IV. P. 139.

(4) Au XVIII s. les traditions de Domat conduiront la jurisprudence des Parlements à la subtilité et inspireront à Pothier des distinctions entre le for intérieur et le for extérieur. Par un rigorisme pétantesque... elles mèneront à la cruauté dans la répression des crimes etc.

теоріямъ противопоставляли они только ненависть или предубѣжденіе... Образованные и даже гуманные какъ отдѣльныя личности, они были полны предрасудковъ и ненавистны какъ сословіе. Посмѣшище Европы, они сдѣлали изъ янсенизма что-то жалкое и уродливое, гдѣ все выражалось, гдѣ было только упорство безъ дарованія. Самъ Port-Royal съ трудомъ призналъ бы дѣтей своихъ въ этихъ сектаторахъ, которые становились преслѣдователями, думая, что, будучь казаться черезъ то христіанами».... Въ дополненіе къ этой печальной характеристикѣ нельзя не сказать, что даже лучшіе люди между юристами (какъ напр. *Buye*, *Bouhier*) стали защищать теорію добровольнаго закабаленія (*Asservissement volontaire*), желая поддержать остатки стараго рабства въ обществѣ XVIII столѣтія (1). Вторя голосу передоваго ученаго, цѣлая школа (*Les Feudistes*) начала развивать доктрину, противную самымъ старымъ преданіямъ французскихъ юристовъ. Приторными, натянутыми доводами доказывали они нѣжность самовластия бароновъ и аркадское благополучіе крѣпостныхъ людей ихъ!

Еще безнравственнѣе была школа такъ называемыхъ *доманистовъ* (*Les Domanistes*), этихъ уродливыхъ исчадіи стараго ученія о «*dominium eminens*». Къ нимъ особенно-вѣрно подходитъ мѣткое слово—«*Vulturii togati*»—которое брошено было когда-то, въ лицо юристовъ-рабовъ, честнымъ и независимымъ юристомъ Дюмуленомъ (2). Такимъ образомъ, нельзя отрицать, что юристы конца XVII и первой половины XVIII стол. дѣйствительно отвернулись отъ свѣта солнечнаго! Инымъ духомъ повѣяло въ наукѣ, иными стали юристы въ жизни, чѣмъ были въ XVI столѣтіи. Громадное нравственное разстояніе легло между людьми, отдѣленными сравнительно-малымъ пространствомъ времени. Одни

(1) *Doniol*. U. S. P. 296. «... A un siècle de nous à peine, *Dunod*, *Bouhier* défendront les restes de la servitude... et *Turgot* en sera réduit à imposer l'abolition de la corvée à cette magistrature de naissance vilaine.»

(2) «... Plus d'exaction qui ne soit légitimée» — говорить о нихъ Аженоръ Барду. «Le domaine veut-il faire payer une redevance annuelle aux nobles possesseurs de moulins dans les provinces...? Immédiatement le commissaire du roi bâtit une théorie mensongère: c'est le souverain qui a élevé à ses frais, fours et moulins, ce qui lui a coûté considérablement etc.»

одинаково помнили: о правдѣ, о благѣ и нерѣдко о свободѣ въ своемъ отечествѣ подъ горностаями канцлерской мантии и подъ бѣднымъ плащомъ политическаго изгнанника (1). Другіе забыли обо всемъ этомъ и ринулись, очертя голову, въ ученую и политическую трущобу только потому, что были произведены въ мѣщане во дворянствѣ (2). Они кланялись золотому богу крѣпостнаго права и неограниченнаго деспотизма. Они курили ему своими ложными учениями и, въ пылу рабскаго восторга, не замѣчали: какъ духъ времени мало по малу обращалъ ихъ кумирь изъ чисто-золотаго въ сусальный.

Но откуда произошла такая перемѣна? Гдѣ причина паденія юриспруденціи, какъ науки, и юристовъ, какъ сословія? Правильно дѣйствительно Лабулэ, который видитъ здѣсь скрытое дѣйствіе неизбѣжнаго закона контрастовъ? «Таковъ ходъ жизни», говоритъ онъ: «послѣ Цицерона—Виргилій, послѣ Дюмулена—Расинь; для насъ—труды и усталость; для дѣтей нашихъ—отдохновение» (3). Можетъ ли быть, наконецъ, признано общимъ правиломъ его замѣчаніе, что вѣкъ юристовъ есть та эпоха, когда загорается борьба въ сферѣ общества и государства; «когда является анархія въ мысляхъ и дѣлахъ, и серіозные умы, не зная начемъ остановиться, бросаются къ праву и къ исторіи за уроками и опытомъ для настоящаго?»

Намъ кажется, что первое замѣчаніе его скользитъ мимо сущности вопроса, который поставленъ, но не разрѣшенъ приведенною нами формулою. Сама же она представляется намъ нѣсколько-фаталистическою. Трудно успокоить себя отвѣтомъ: «таковъ ходъ жизни». Невольно напрашивается за этимъ вопросъ; гдѣ-же пружина такого хода жизни? Почему именно явились: послѣ Цицерона—Виргилій, послѣ Дюмулена—Расинь? Едва-ли можно согласиться съ тѣмъ,

(1) Нелишнимъ считаемъ привести здѣсь мнѣніе *Тьерри* (Огюстена) о Готманѣ: «... François Hotoman, savant juriconsulte, est l'un des hommes qui songèrent à tirer parti des troubles du XVI siècle pour établir en France des institutions libérales et fonder un système de garanties politiques etc. (Ср. Dix ans d'études historiques. P. 375). Тоже самое можно найти и у Эйсселя (Doneau etc. P. 13).

(2) Ils étaient devenus presque partout possesseurs de fiefs et de censives. (Agen. Bardoux, ubi supra.)

(3) Hist. du droit de propr. fonc. en Occid. Introduction.

чтобы въ умственной сферѣ гibli сами собою, въ извѣстный срокъ, крѣпкіе плоды юридической и политической мысли, помогая, подобно удобряющему туку, выращенію болѣе легкихъ твореній. Всегда должны быть особенныя причины, которыя гонять со сцены однихъ дѣятелей—суровыхъ, безпокойныхъ, говорящихъ о правѣ—и призываютъ другихъ, болѣе спокойныхъ или безразличныхъ. Причины эти были; указать ихъ не такъ трудно какъ прежде, благодаря строго-критическому изученію прошедшаго современной наукой. Мы разумѣемъ здѣсь, какъ причину, гнетъ деспотизма, который всегда и вездѣ доходилъ, развиваясь, до извѣстныхъ результатовъ въ умственной и политической жизни общества. Пора придти къ такому убѣжденію, что эпохи деспотизма никогда немогутъ быть производительны въ истинномъ смыслѣ слова,—что онѣ пробавляются обыкновенно остатками лучшаго времени и бываютъ только отрицательно полезны,—вызывая, какъ реакцію, свободное умственное движеніе въ будущемъ. Но и въ послѣднемъ случаѣ, главная заслуга принадлежитъ нравственной упругости и живучести духа человѣческаго.

Выше мы видѣли, какихъ юристовъ и какой юриспруденціи желалъ Людовикъ XIV. Можно говорить, болѣе чѣмъ съ вѣроятіемъ, о томъ, что канцлеръ Лопиталь попалъ бы при немъ въ Бастилію. Но для отвода укоровъ въ голословности и пристрастіи, отсылаемъ къ извѣстному труду *Бокля*. Здѣсь всякій можетъ найти множество фактовъ, которые подтверждаютъ наши положенія. Упрямая сила самыхъ основательныхъ данныхъ (1) привела его къ оригинальнымъ выводамъ. Они бьютъ на повалъ общія мѣста о блескѣ и силѣ литературнаго и ученаго движенія, будто бы вызваннаго и согрѣтаго благотворною теплотою поддліями порфиры Людовика XIV. Съ метрическими списками въ рукахъ, доказываетъ положительный англичанинъ ту истину, что лучшіе люди въ сферѣ науки и искусства при великомъ монархѣ были дѣтьми и воспитанниками прежняго періода (2). Мастерски

(1) «... Startling facts; not matters of opinion, which may be disputed, but stubborn dates, supported by irrefragable testimony...» (History of Civilis. Vol. 1. P. 650).

(2) «..... The poets, dramatists, painters, musicians, sculptors, architects were, with hardly an exception, not only born, but educated under that freer policy which existed before his time...» (Ibidem. Сравн. P. P. 632—651).

пользуясь разносторонними своими познаниями, Бокль основательно и скато говорит о различных отраслях умственного и даже материальнаго труда при Людовикѣ. Вездѣ заключение его вышло отрицательнымъ (1). Вотъ какими сильными чертами рисуетъ онъ состояніе Франціи въ началѣ XVIII стол. «Сломленъ и поверженъ былъ духъ французскаго народа. Литераторы, обжалованные крестами и пенсіями, выродились въ подобострастное и лицемерное поколѣніе, которое противилось всякому улучшенію, всѣми силами поддерживало старыя заблужденія, лишь бы угодить господамъ своимъ. Концомъ всего этого были развращеніе, раболѣпство и упадокъ силъ, въ большей степени, чѣмъ когда либо являлись они въ любой изъ великихъ странъ Европы. Не было народной свободы; не было великихъ людей; не было науки и т. д. (2).

Послѣ этого для насъ становится яснѣе смыслъ сжатой фразы Лабулэ: что «таковъ ходъ жизни». Причудливъ и своеобразенъ гнѣтъ деспотизма. Выдавливая съ корнемъ сильное, онъ старается щадить то, что считаетъ слабымъ и безразличнымъ. Но жизнь общества и государства есть сложный организмъ, въ которомъ немислимо соединеніе живыхъ частей съ мертвыми. Стоить только впустить начало смерти, и оно не пощадитъ ни слабого, ни сильнаго. Похвальные оды меценатамъ не питаютъ поэзіи. Софистическая защита легальныхъ неправдъ не создаетъ ни юристовъ въ настоящемъ смыслѣ слова, ни истинной юриспруденціи!

Разберемъ теперь второе замѣчаніе Лабулэ касательно тѣхъ внѣшнихъ условій, которыя рѣшаютъ вопросъ объ успѣшномъ или неуспѣшномъ ходѣ работы юристовъ. Для разсмотрѣнія этого, кажется намъ необходимымъ разложить на составныя части понятіе о значеніи юриста. Замѣчаніе Лабулэ вѣрно подойдетъ къ юристу, какъ общественному и политическому дѣятелю въ государствѣ. Но оно проходитъ мимо тѣхъ представителей юрис-

(1) «....The truth is, that.... in all matters of real importance, in questions requiring independent thought and in questions of practical utility, the age of Louis XIV was an age of decay; it was an age of misery, of intolerance and oppression etc....» Jbidem. L. C).

(2) Hist. of Civilis. 1. Chapt. Protective spirit under Louis XIV. PP. 652, 653.—

пруденціи, которые ведутъ свои работы чисто въ ученое направление. Спрашивается, была ли борьба, которая напрягала силы римскихъ юристовъ въ концѣ II и въ началѣ III ст. эры христіанской? То было время, когда тихо и постепенно разлагался древній міръ, ожидая послѣдняго удара со стороны варваровъ. А между тѣмъ юристы императорскаго періода считаются свѣтилами римской науки. Юристы республиканскаго періода были скорѣе дѣловые люди: практики, законодатели и даже политическіе ораторы, чѣмъ ученые въ истинномъ смыслѣ слова.— Спрашивается также: каково подѣйствовала борьба въ итальянскихъ городахъ на судьбу школы глоссаторской? Выше мы показали, опираясь на трудъ Савиньи, что ожесточенный характеръ борьбы между итальянскими муниципіями нанесъ сильный ударъ ученому значенію глоссаторовъ. Довода мысль Лабуэ до послѣднихъ выводовъ, можно было бы потребовать самой сильной и блестящей школы юристовъ въ эпоху старой французской революціи 89 года. Но ни въ началѣ, ни въ концѣ этого событія, не замѣчаемъ мы ничего подобнаго. Ясно, что формула Лабуэ слишкомъ обща, и что она захватила въ свое сжатое опредѣленіе такія стороны извѣстныхъ явленій, которыя приходится нерѣдко отдѣлять въ дѣйствительности. Нужно, впрочемъ, согласиться, что мнѣніе Лабуэ хорошо характеризуетъ значеніе французскихъ юристовъ до конца XVI столѣтія. До этой поры, имъ дѣйствительно удавалось двигать впередъ науку и вводить результаты ея въ живую борьбу различныхъ элементовъ современнаго общества.

Велика вообще трудность того историческаго анализа, который направляется къ раскрытію судьбы науки. Думаемъ впрочемъ, что начало *свободы* занимаетъ здѣсь самое видное мѣсто среди различныхъ условий. Сила и независимость умственнаго движенія, свобода гражданская и политическая: вотъ—что существенно для процвѣтанія юриспруденціи. Стоитъ вспомнить, что XII и XVI вѣка были эпохами, когда пробуждался духъ европейскихъ народовъ, — когда работала философская мысль и отвергала устарѣвшіе авторитеты. Тогда-же явились двѣ разобранныя нами школы въ Италіи и Франціи. Блескъ и сила глоссаторской школы совпали съ самою благоприятною породою для свободы

итальянских муниципій. Лучшіе представители французской школы родились и воспитались въ самую свѣтлую эпоху, которую переживала французская монархія.

Но—возразятъ намъ—былъ ли свободенъ Римъ при Каракаллѣ, возлѣ котораго стоитъ въ исторіи имя Палиниана?—Римъ былъ порабощенъ; *за то свободна была наука*. Малочисленною, но неподкупною и независимою группою стояли великіе юристы. Наука, не стѣняясь тиранніею, выражала опасныя въ ту пору истины (*Quae facta laedunt pietatem... et contra bonos mores sunt, nec facere nos posse credendum est*). А юристы глубоко вѣрили въ эти истины и умирали, какъ справедливо замѣтилъ Пухта (1), отстаивая на дѣлѣ то, что считали справедливымъ и нравственно-добрымъ въ теоріи. Памятны намъ и кажутся вполне правдивыми слѣдующія слова *Савиньи*: «Въ правѣ»—говоритъ онъ—«задержалось болѣе остатковъ древняго Рима, чѣмъ въ какой либо иной сторонѣ жизни общественной. Потому-то здѣсь можно было особенно—привольно дышать всему, что сознавало себя римскимъ, и благороднѣйшія силы отданы были на служеніе юриспруденціи (2)». Приведенныя нами слова превосходно объясняютъ скоро—преходящую силу науки въ тяжелую эпоху тиранніи и беззаконій. Свобода составляетъ коренное условіе для жизни и развитія науки даже тогда, когда дѣйствуетъ какъ ученое преданіе.

Обращаемся теперь къ послѣднему отдѣлу главы о французскихъ юристахъ. Здѣсь предполагается сдѣлать общій выводъ относительно изящной школы XVI ст. и показать, въ сжатомъ очеркѣ, значеніе ея, какъ посредствующаго звѣна въ обработкѣ положительнаго права, отъ среднихъ вѣковъ до конца XVI и начала XVIII стол.

Соединяя въ одно цѣлое тѣ подробности, которыхъ коснулись мы на предшествующихъ страницахъ, можно придти къ такому заключенію. Французская школа XVI столѣтія дѣйствительно была школою *историческаго метода*. Главная заслуга ея заклю-

(1) Puchta. Institutionen. SS. 472 473.

(2) Savigny. Geschichte des Röm. Rts im M. A. 1-er B. S. 5.

чалась въ сообщеніи наукъ подобнаго направленія. Усвоивши себѣ тотъ самостоятельный духъ, который обнаружился въ дѣлахъ совѣсти и знанія въ эпоху возрожденія, французская школа стала въ критическое отношеніе къ авторитету и матеріалу средне-вѣковой юриспруденціи. Припоминая мнѣнія Дуарена, Балдуина, Готомана, Куяція и даже Донелла, можно смѣло сказать, что они считаютъ главнымъ недостаткомъ средневѣковой науки отсутствіе въ ней элемента историческаго. Неотвергая основныхъ приѣмовъ предшествующихъ юристовъ (1), они вливаютъ туда новую жизнь и развиваютъ элементы ихъ метода до замѣчательной степени научной полноты, силы и опредѣленности. *Одофредъ* переписываетъ короткія глоссы Ирнерія съ самою почтительною формулою («Dominus Irnerius, Lucerna Juris, scripsit glossam interlinearem elegantissimis verbis et bene dixit etc.») *Куяцій* самостоятельно примѣняетъ историческій методъ, творчески воспроизводя въ своихъ аналитическихъ этюдахъ древніе и затерянные законы. Но оба они представляютъ экзегетическій элементъ въ методѣ. *Плацентинъ*, *Пиллій*, *Азо* (Placentinus, Pillius, Azo) и многіе другіе пишутъ суммы и брокардики. *Донелль* пишетъ свой знаменитый комментарий, съ методическими приѣмами котораго мы встрѣчались уже на страницахъ нашего разсужденія. Но суммы и брокардики первыхъ, наравнѣ съ комментариемъ послѣдняго, принадлежатъ къ отдѣлу работъ догматическихъ (2). Мало этого: *Готоманъ* требуетъ діалектики въ методѣ. *Дюмуленъ* такъ уважаетъ нѣкоторыхъ изъ бартолистовъ—діалектиковъ, что комментируетъ текстъ ихъ сочиненій. Наконецъ, самъ рационалистъ *Донелль* обнаруживаетъ перѣдко въ приѣмахъ своихъ сходство съ *Бартоломъ* (3). Такимъ образомъ,

(1) Съ удовольствіемъ ссылается здѣсь на сходное заключеніе *Эйсселя* (L. C. P. 46), который дѣлаетъ слѣдующую характеристичную метода профессоромъ въ Буржѣ (въ половинѣ XVI стол.): «Chaque loi était à peu près l'objet d'une explication particulière: on en donnait le sens et l'espece, on rapprochait les textes contraires.... Telle était à peu près la forme d'enseignement adoptée par les glossateurs etc.»—Далѣе (стр. 177): si Cujas faisait constamment usage de l'histoire, c'était dans l'intérêt même de l'explication des textes. Comme les glossateurs, Cujas s'appliquait surtout à l'analyse etc.»

(2) Справ. Savigny. Geschichte des röm. Rechts im M. A. 5. B. SS. 218, 219.

(3) Ср. Eyssell, PP. 172, 195, 275.—

мы дѣйствительно видимъ, что школа французскихъ юристовъ, внося совершенно-законный скептицизмъ въ науку и требуя историко-филологической критики, твердо стоитъ на почвѣ метода, который обозначился въ юриспруденціи съ первыхъ шаговъ ея къ развитію. И въ этомъ отношеніи, независимо отъ главной идеи своего метода, изящная школа XVI столѣтія можетъ быть названа школою исторической. Скептицизмъ ея не безусловно отвергалъ прошедшее, а бралъ изъ него зерно, способное къ жизненному развитію. Условія, при которыхъ должно было начаться это развитіе, были созданиемъ талантовъ, знанія и сильной общей идеи въ рядахъ ученыхъ французской школы XVI столѣтія.

Такъ понимаемъ мы ту сторону, которою школа эта примыкаетъ къ прошлому. Но гдѣ и въ какой мѣрѣ примыкаетъ она къ будущему? Здѣсь-то вполне умѣстно разобрать глубину и силу исторической идеи, на сколько высказалась она у нѣкоторыхъ представителей французской школы. Самая сущность дѣла позволить намъ коснуться сначала обще-историческихъ трудовъ, независимо отъ сочиненій специально-юридическихъ. Въ настоящемъ случаѣ, общіе взгляды на исторію, какъ науку, и затѣмъ методъ обработки ея могутъ служить довольно вѣрнымъ масштабомъ для сужденія о силѣ и полнотѣ идеи исторической.

Какъ-же понимали и обрабатывали исторію ученые—специалисты въ эпоху разбираемыхъ нами юристовъ? Въ какой мѣрѣ выполнилъ Итальянскій историографъ *Павель Эмилій* то горделивое: «создадимъ для французовъ исторію», которое произнесъ онъ, являясь по зову короля во францію? (1). Красивую исторію сочинилъ образованный гуманистъ. О ней можно было сказать, что она написана такъ, какъ хотѣлъ писать исторію одинъ изъ ближайшихъ учениковъ его и почитателей (2). Но исторія эта

(1) Aug. Thierry. Dix ans d'études historiques. (PP. 341 et suiv.) Pauli Emilii Veronensis... de Rebus Gestis Francorum, libri IV (1500) «Gallis condimus historiam etc».

(2) Du Haillan: «... bien latinement, avec jugement, avec la connoissance de bons auteurs».

не шла дальше королей. Битвы, политика: вот—что составляло главное ея содержаніе. Внутренняя жизнь народа,—матеріальное умственное, юридическое его развитіе не входили въ кругъ описанія. Мало этого: герои исторіи, французскіе короли различныхъ столѣтій, чрезвычайно—походили другъ на друга. Всѣ они были храбрыми, логическими и краснорѣчивыми людьми; всѣ произносили длинныя воззванія къ воинамъ, весьма близкія къ рѣчамъ героевъ въ «заговорѣ катиліны» и въ «войнѣ югуртинской». Исторія была реторическимъ искусствомъ, а не наукою. Методъ же ея заключался въ томъ, что бы выливать всѣ лица и дѣйствія въ одну форму, по образцу классическому. Такая искусственная поддѣлка лицъ и дѣйствій исключала всякую возможность воспроизведенія исторической истины⁽¹⁾.

Недостаточное пониманіе исторіи, какъ науки, и невѣрность метода идутъ гораздо далѣе Павла Эмплія. Въ болѣе или меньшей степени, они проглядываютъ у многихъ французскихъ историковъ XVII столѣтія. *Дюгальянъ* (Du Haillan), исторія котораго вышла въ 1576 году, и даже *Дюпле* (Dupleix, первое изданіе его труда было въ 1621) впадаютъ во многія погрѣшности противъ истинной сущности науки и ея метода⁽²⁾.

Припомнить теперь, какъ говорилъ объ исторіи, среди такихъ ученыхъ возврѣній и пріемовъ, юристъ Балдуинъ. Въ то время, когда большинство специалистовъ заключали исторію въ тѣсный кругъ королевскихъ дворцовъ и лагерей, онъ требовалъ ея расширенія. Естественное и необходимое дополненіи ей видѣлъ онъ въ изученіи развитія законодательства. Въ этомъ заключается по его мнѣнію «condi-

(1) «En général, Paul-Emile n'introduit guère dans son histoire que des faussetés de son invention», говорить *Тьерри*. (Ibidem. P. 344.)

(2) Сравни. Buckle. Hist. of Civilis. V. I. Du Haillan, not content with borrowing from his predecessor every thing that was most incredible, gratifies his passion for the marvellous by some circumstances of his own invention etc. — Aug. Thierry (U. S. P. 389): «L'histoire générale de France par Dupleix offre un singulier mélange d'érudition et de niaiseries etc». Далѣе: «Du Haillan est le père de l'histoire de France telle que nous l'avons tous lue et apprise: c'est lui qui produit Mézeray, Daniel, l'abbé Velly et Anquetil; tous ces écrivains suivent la même méthode que lui, ont les mêmes prétentions de sagacité politique et aussi la même impuissance... ou pour mieux dire, la même fausseté dans la représentation des temps et des hommes etc». (PP. 353, 354.)

tio sine qua non» для науки. «Нѣтъ, говорилъ онъ, истиннаго историка безъ знакомства съ юриспруденціею».

Не навязывая юристу XVI вѣка ходячихъ теперь философскихъ идей объ органической связи законовъ съ жизнію народа, нужно, во всякомъ случаѣ, признать его мысль замѣчательною. Указывая историкамъ новый матеріалъ въ законодательствѣ, онъ давалъ наукѣ болѣе твердое, широкое и положительное основаніе. Отвергая исторію, какъ военную хронику или біографію полководцевъ, онъ сообщалъ ей объективное (т. е. вполне научное) направленіе. Гдѣ есть мѣсто для законодательства, тамъ должно оно было найтись, со временемъ, для искусства, религій, науки и для всего того, чѣмъ наполняется жизнь обществъ человѣческихъ. Нѣтъ нужды доказывать, что окончательное развитіе такого взгляда принадлежитъ позднѣйшему періоду. Но въ замѣчаніи Балдуина несомнѣнно присутствіе того же самаго объективнаго начала, если м. т. выразиться, въ зародышѣ. Вотъ почему можетъ быть интереснымъ: сравнить между собою взглядъ на исторію Балдуина и мнѣнія ученыхъ въ XVIII столѣтіи, когда существовало гораздо болѣе средствъ-подойти ближе къ истинѣ.

«Зачѣмъ, говоритъ одинъ изъ нихъ (1), быть исторіи разсказомъ объ однѣхъ битвахъ, осадахъ, интригахъ и негоціаціяхъ? Зачѣмъ обращаться ей въ кучу мелкихъ фактовъ и чиселъ, не изображая великой картины мнѣній, *обычаевъ* и даже наклонностей народа?» Другой (2) почти воспроизводитъ слова нашего юриста. Онъ жалуется, «что историки увлекались описаніями осадъ и битвъ и пренебрегали совершенно развитіемъ *законовъ* и *обычаевъ!*» Наконецъ, мы встрѣчаемъ слѣдующую формулу: «я хотѣлъ изучать наши законы, наши обычаи, однимъ словомъ все то, что составляетъ душу исторіи, или, скорѣе, всю исторію» (3).

Вотъ мнѣнія, родственную близость которыхъ съ мнѣніемъ

(1) Mallet. Histoire de Danemark. 1755. (Ср. Buckle. V. I. PP. 738 etc.)

(2) Mably. Observations sur l'hist. de France. 1760.

(3) Hénault. Nouvel abrégé chronologique de l'histoire de France. 1775.

Балдуинна можетъ отрицать только слѣное пристрастіе. Стоить прочтатъ нѣсколько короткихъ извлеченій изъ Вольтера для того, чтобы убѣдиться въ общемъ происхожденіи тѣхъ идей, которыя раздѣляютъ и высказываютъ всѣ приведенные нами писатели (2). Здѣсь уже ясно выражается требованіе относительно исторіи—перейти къ обществу и къ народу, оставить рутинную разработку части и заняться изученіемъ цѣлаго.

Но мыслители временъ Вольтера и скромный юристъ XVI ст. должны быть равны передъ судомъ ученой исторіи. Нужно только внимательно присмотрѣться, чтобы увидѣть нѣчто-общее тамъ, гдѣ является одинъ разладъ, для систематическаго увлеченія. Подъ вліяніемъ подобнаго увлеченія состоитъ отчасти Бокль въ своихъ воззрѣніяхъ. Въ книгѣ его попадаются мѣста, гдѣ онъ по видимому, осуждаетъ школу «классическихъ» ученыхъ на умственное безплодіе. Читая его главу объ исторической литературѣ во франціи, можно подумать, что всѣ, сколько нибудь здравыя, мысли принадлежатъ исключительно однимъ рационалистамъ и философамъ—скептикамъ. Въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и до конца XVI стол., небыло, по его мнѣнію, во франціи ни одного человѣка, который бы поднялъ сомнѣніе относительно того, чему всѣ вѣрили (3). Но сей часъ только было показано, какъ Балдуинъ, недожидаясь Декарта и Монтаня, усомнился въ непогрѣшимости господствовавшаго мнѣнія о значеніи исторіи. Дѣло это было труднѣе въ ту пору, и даже нѣсколько позже, чѣмъ въ настоящее время, по многимъ обстоятельствамъ. (1) Наконецъ представляется еще одинъ фактъ, который можетъ доказать силу и самостоятельность нашего юриста въ разработкѣ

(1) Essai sur les moeurs etc. Chap. LXXXI. Vol. XV. « Je voudrois découvrir quelle était alors la société des hommes, comment on vivoit dans l'intérieur des familles, quels arts étaient cultivés, plutôt que de répéter tant de malheurs et tant de combats etc. (Cp. Buckle. Ibidem.)

(2) Hist. of Civil. P. 703.

(3) Весьма характерно въ этомъ отношеніи объясненіе *Дюгальена* во введеніи къ его исторіи: «... J'ay librement dit plusieurs choses que devant moy aucun avoit voulu n'y osé dire... Quelques uns ont trouvé mauvaise ma liberté de langage, disant que je fais contre le devoir d'un historien de vouloir ôter à la France... l'ancien opinion qu'elle a eue... Que c'est un crime d'abroger les choses, desquelles l'opinion est invétérée et écrite и т. д. (См. Bayle. Diction. hist. et critique, au mot Du HaiIIan. P. 682. N-ta J.)

исторіи. Выше говорено уже было о томъ, какое важное значеніе давалъ *Балдуинъ* элементу хронологическому. Но не прежде, какъ черезъ двадцать два года по смерти Балдуина, появилась во французской исторической литературѣ книга *Де-Серра* (De Serres), гдѣ, по словамъ самого Бюкля, впервые замѣтно серьезное стремленіе къ установленію твердой и обстоятельной хронологіи (1). Недумая связывать между собою взглядовъ *Балдуина* и *Де-Серра*, какъ причины и слѣдствія, по неизбѣжно фактическихъ доказательствъ: слѣдуетъ отмѣтить однакоже первенство *Балдуина* во времени. Ясно, что старое правило естественной справедливости (prior tempore, potior iure) должно имѣть здѣсь полное примѣненіе.

Постараемся теперь прослѣдить ту же идею въ трудахъ *Этьена Паке*, который, уважая Павла Эмилиа, вынесъ весьма многое изъ аудиторіи Балдуина, Готмана и Куяціа.

То, чего требовалъ Балдуинъ, выполнилъ его ученикъ въ своей исторіи. Паке старается представить картину, куда входятъ, сверхъ обычнаго политическаго элемента, характеристика историческихъ лицъ, учрежденія и *бытовая сторона* французскаго народа (2). Живое и оригинальное перо его разбираетъ нравы и обычаи народа. Правда, Паке не чуждъ тѣхъ утонченныхъ политическихъ умствованій, которыми переполнены были тогда все историческія сочиненія, подъ вліяніемъ итальянской школы (3). Часто также грѣшитъ онъ противъ вѣрности исторической, слаживая въ своихъ разсказахъ колоритъ мѣста и времени. Но не смотря на эти промахи, не смотря на нѣкоторую неясность идей и безпорядочность изложенія, въ книгѣ Паке впервые встрѣча-

(1) Bückle etc. P. 707. Сравни извлеченіе изъ *Marchand, Diction. historique.* (Ibidem).

(2) Aug. Thierry. Dix ans d'études hist. P. 369.

(3) Интересно въ этомъ отношеніи одно замѣчаніе *Бюкля*, которое переводить изъ трактата «De augm scient. Куно-Фишеръ въ известной своей монографіи: «Es ist unzeitig und lästig überall politische Bemerkungen einzustreuen und damit den Faden der Geschichte zu zerstückeln. Freilich ist jede etwas umsichtige Geschichtsschreibung mit politischen Vorschriften und Warnungen gleichsam geschwängert, aber der Geschichtsschreiber soll nicht an sich selbst zur Hebamme werden». (Kuno Fischer's Baco. SS. 226, 227).

ются признаки историко-философскаго направленія (1). Изслѣдованія его проливаютъ вѣрный и новый свѣтъ на природу и историческое развитіе парламента, генеральныхъ штатовъ и другихъ важныхъ учреждений въ современной ему Франціи. Такія солидныя достоинства, смѣлый и свѣтлый взглядъ на многіе вопросы, трудные и щекотливые для тогдашняго времени (2), даютъ Пакье почетное мѣсто среди историковъ Франціи XVI-го и даже XVII-го столѣтія.

Такимъ-то образомъ заявили себя ученые разбираемой нами школы въ сферѣ политической исторіи. Позволительно думать, что, по закону естественной зависимости, обозначенные приемы юристовъ въ разработкѣ исторіи помогутъ надлежащей оцѣнкѣ историческаго элемента въ методѣ специальной ихъ науки.

Разсматривая всю юридико-историческую литературу школы, какъ одно цѣлое, можно привести всѣ подходящіе сюда труды юристовъ къ тремъ категоріямъ. А) *Критическая обработка* (съ исправленіями текста) и *изданіе источниковъ права римскаго, какъ древняго* (до Юстиніана), такъ и *позднѣйшаго* (до XIV ст. нашей эры) (3). В) *Монографіи*, т. е. изслѣдованія какихъ либо отдѣльных историческихъ вопросовъ (4). С) Наконецъ, литература французской школы представляетъ немногочисленные образцы *болѣе полного начертанія исторіи римскаго права* (5).

Что касается первыхъ двухъ категорій, то мы отчасти уже говорили о нихъ, разбирая нѣкоторыхъ юристовъ порознь. Въ настоящемъ

(1) Thierry. «Cet ouvrage est le premier dans lequel on rencontre quelque chose de ce que plus tard on a appelé la philosophie de l'histoire...» (Dix ans etc).

(2) Ср. Ibidem. P. P. 373, 374, 375.

(3) Сюда относятся между прочимъ изданія *Леконна* (Contius) и *Карона* (Caron), между 1571—1575 г., которые представляютъ значительныя дополненія къ кодексу, главнымъ образомъ на основаніи греческихъ источниковъ. *Тиллеа* (J. du Tillet) изд. 8 послѣднихъ книгъ Θεοδοсіева кодекса (1550). *Пителъ* (Pithou) Новеллы Θεοδοсіева кодекса и *Collatio legum Mosaicarum et Romanarum* (1573). Ср. Falek. Jur. Enc. § 87—91. Warnkönig. Jur. Enc. § 118. — Также библиогр. примѣчанія въ трудахъ Ютлера и Тезана.

(4) У *Готмана* вообще подъ рубрикою: *Древности (Antiquitates)*; у *Як. Готопреда*: *Manuale juris s. parva juris mysteria*. О Валдуніѣ см. выше.

(5) Аум. Rivalii (Du Rivail). *Historiae juris civilis Libri V* (1515) и отчасти то-же *Manuale Готопреда*. Позже вышла совершенно однородная книга Doujat (Doviatii), *Juris civilis et canonici historia*. 1658.

же случаѣ можно ограничиться указаніемъ одного, общаго имъ, признака. Всѣ эти добросовѣстные и глубоко-ученые труды представляютъ собою, главнымъ образомъ, *подготовленіе матеріала для будущей исторіи*. По самой сущности дѣла, вся сила учености обращается въ нихъ на критику, на отдѣлку частныхъ. Здѣсь историческій духъ вселился въ методъ, въ приемы, но результатомъ вліянія его не было и не могло быть настоящей исторіи. Вѣрно, талантливо высказывались нерѣдко остроумныя ученныя предположенія, въ родѣ мнѣнія *Альтесерры* о постоянной силѣ римскаго права въ средніе вѣка [Альтесерра † за 200 лѣтъ до Савиньи (1)]. Но частности эти неслагались въ органическое цѣлое; они были сопоставлены, а не связаны одною живою нитью.

Что касается до послѣдней категоріи, то всѣ эти опыты надъ исторіею положительнаго права оказываются во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительными. Со стороны содержанія, видна въ нихъ неполнота; со стороны формы — нестройность изложенія. Что найдемъ мы здѣсь? Исторію источниковъ права *in extenso*, — *нѣкоторая*, особенно крупныя, событія изъ политической исторіи Рима, да историческую обработку выдающихся учреждений права публичнаго. Исторія частнаго права, со стороны *внутренняго* развитія его догмы, оставлена безъ вниманія. Строго говоря, подобные труды можно назвать недостаточными очерками той исторіи права, для которой придумано было названіе «*внѣшней*» позднѣйшими учеными въ Германіи.

Такимъ образомъ, и въ этой категоріи, гдѣ должна была особенно-полно обозначиться идея историческая, мы видимъ одностороннее и формальное ея выраженіе. — Пробѣль такъ называемой *внутренней исторіи* указываетъ на отсутствіе ясной идеи о *постепенномъ органическомъ развитіи*. Определеннаго выраженія такой идеи не было у юристовъ разбираемой нами школы. Его нельзя найти ни у Балдуина, ни у Паке, которые понимали жизненныя условія исторіи, какъ науки, полнѣе и шире, чѣмъ многіе ихъ современники.

(1) Ср. Laboulaye. Histoire du droit de la propr. en Occid. Introd.

Здѣсь-то, по видимому, заключается главная причина недостатковъ въ историческомъ отдѣлѣ трудовъ той школы, которая во многихъ отношеніяхъ имѣетъ право называться исторической школою. Основное положеніе ея метода состояло въ томъ, что «необходимо знаніе стараго права (juris veteris), изъ котораго возникло положительное право римскаго народа въ эпоху позднѣйшую». Позволяемъ себѣ думать, что формулѣ этой еще довольно — далеко до такого выраженія: «необходимо знать, какъ именно возникло позднѣйшее право изъ тѣхъ задатковъ его, которые существовали въ эпоху древнѣйшую».

Въ первой формулѣ сопоставляются права древняго и новѣйшаго періода. Они — если можно такъ выразиться — покоятся другъ возлѣ друга, точно окристаллизованные продукты различной формации. «Нужно знать и то и другое: извѣстно, что послѣдующее возникло изъ предыдущаго». Здѣсь есть историческая идея, отрицать ее нѣтъ никакой возможности; но главный, генетическій элементъ ея остался неразработаннымъ. Онъ, такъ сказать, замеръ въ спокойной формѣ общаго, апріорическаго воззрѣнія на сущность метода. Отсюда понятно, почему юристы разбираемой нами школы чаще всего называютъ свои историческія изслѣдованія: «Древностями». Названіе это выходитъ весьма замечательнымъ. Прошедшее воспроизводилось тамъ добросовѣстнымъ трудомъ, нерѣдко съ проблесками гениальной проицательности. Но главнымъ дѣломъ были одни результаты этого прошедшаго. Зарожденіе, выростаніе и созрѣваніе плодовъ юридической жизни, процессъ постепеннаго, органическаго ихъ развитія изъ посѣвовъ прошедшаго времени: все это осталось почти нетронутымъ. Вся энергія была направлена къ точному анализу окристаллизовавшихся явленій прошедшаго. Роль исторіи положительнаго права опредѣляется весьма легко при такомъ воззрѣніи. Она является экзегетическимъ средствомъ и никогда не можетъ стать целью для самой себя въ юриспруденціи. Нельзя требовать полноты и самостоятельности отъ историческаго метода, сложившагося подъ вліяніемъ подобнаго направленія. — Во второй формулѣ видимъ мы начало органической связи вмѣсто начала сопоставленія. Она неуспокоивается на общемъ поло-

женіи, что « право новѣйшее возникаетъ изъ права прошедшаго, » а требуетъ *изслѣдованія* и *проверки* этой истины на всѣхъ подробностяхъ матеріала научнаго. Принимая это положеніе за первую посылку, она переходитъ ко второй, выражая ее такимъ образомъ: « процессъ возникновенія есть актъ органической ». Логическимъ, яснымъ выводомъ отсюда является заключеніе, что « дѣло исторіи и ея метода есть уясненіе того, *какъ* позднѣйшее право *происходитъ* изъ началъ права предшествоващаго ».

Не знаемъ, до какой степени ясно выражено здѣсь различіе между обѣими формулами; но намъ кажется, что только вторая формула ведетъ къ построенію совершеннаго историческаго метода. Въ юриспруденціи, истинное значеніе *исторіи положительнаго права* должно сказываться въ томъ, что, служа цѣлью самой себѣ, она стремится раскрыть, въ развитіи различныхъ учреждений, живую связь ихъ между собою и съ цѣлымъ общественнымъ и политическимъ бытомъ народа. « Исторія положительнаго права, говорить *Варкенингъ*, должна быть вѣрною картиною *жизненнаго движенія* въ сферахъ права и государства » (1).

Таково слово одного изъ извѣстнѣйшихъ представителей нашей науки о сущности историческаго метода. Но здѣсь же, въ сжатомъ пространствѣ нѣсколькихъ строкъ, просвѣчиваетъ другая мысль, на которую должны мы обратить вниманіе. Какъ можетъ исторія права сдѣлаться « картиною жизненнаго движенія » въ цѣломъ обществѣ? Откуда такія притязанія быть микрокосмомъ, гдѣ всякая сторона широкой государственной жизни найдетъ для себя вѣрное отраженіе? — Подобныя притязанія имѣютъ смыслъ при томъ условіи, что само положительное право имѣетъ близкую связь съ цѣлымъ организмомъ жизни народной въ государствѣ. — Но что же отсюда слѣдуетъ? Къ чему могутъ привести эти разсужденія въ отношеніи къ главному предмету нашего изслѣдованія? Для полноты историческаго метода въ томъ смыслѣ, какъ разумѣетъ его современная наука, необходима идея о постепенномъ развитіи положительнаго права, въ связи съ цѣлою жизнью и съ

(1) Warnkönig, Jur. Enc. Hauptseiten des Rechts.

духомъ народа. Методъ, въ которомъ не окажется такихъ важныхъ моментовъ, будетъ сравнительно неполнымъ и недостаточнымъ методомъ. А такъ-какъ мы не открыли подобныхъ сторонъ въ разбираемой нами школѣ, то и позволительно признать методъ ея *неполнымъ, или точнѣе—несовершеннымъ методомъ историческимъ*. Указывая на то, чего не доставало послѣднему, мы завершаемъ, отрицательнымъ путемъ, обозначеніе отношенія между различными учеными школами въ обработкѣ права *положительнаго*.

Опираясь на исторію науки, можно по видимому открыть въ ней подтвержденіе высказанныхъ воззрѣній. Намъ кажется, что развитіе историческаго метода въ юриспруденціи шло параллельно съ идеями: объ органической природѣ положительнаго права и о началѣ *генетической* зависимости въ законѣ историческаго движенія.

Гдѣ впервые найдемъ мы намѣкъ на живое, органическое начало въ правѣ положительномъ? Кто, первый въ многочисленномъ ряду юристовъ — мыслителей до конца XVI вѣка, отступилъ отъ опредѣленій положительнаго права по формулѣ *Томы Аквинскаго* (1)? *То былъ Бэконъ Веруламскій*, который выразилъ научный застой знаменитымъ своимъ замѣчаніемъ: «*Tamquam e vinculis sermocinantur*». Здѣсь же высказываетъ онъ мысль, что *политики* могутъ заниматься наукою о правѣ успешнѣе, чѣмъ философы и законники. Почему? «*Политики лучше понимаютъ нужды общества человѣческаго, интересы народа, естественную справедливость, нравы націй, различныя формы правленія и проч.*» («... *Quid ferat societas humana, quid salus populi, quid gentium mores...*»). Мысль здѣсь такъ ясна, обозначеніе признаковъ на столько-полно и обстоятельно, что, почти самъ собою, является такой выводъ: значить, положительное право даннаго народа состоитъ въ тѣсной связи съ учрежденіями, интересами и правами людей въ обществѣ. Бэконъ не сдѣлалъ

(1) Выше указали мы отчасти взглядъ на положительное право *Домата*. Сравни. мнѣнія *Доминика Сото*, *Боломъези*, *Молины* и др. *Roszbach. Perioden der Rechtsphilosophie*. Особенно выразительно въ этомъ отношеніи воззрѣніе *Молины* († 1601): «... *Im Positiven Rechte hat alles Recht im willen des gebietendem seinen letzten Grund...* etc. (S. 90). Ср. *Henrici. Ueber den Begriff etc.* I-я Гл. S. 198 fg.

такого вывода; онъ не выразилъ его въ общей формулѣ, не развилъ въ систематическое ученіе (1). На то были, конечно, многія причины, и, между прочимъ, нерасположеніе творца *индуктивнаго метода* къ построению системы изъ одного синтетическаго положенія. Но для насъ важна здѣсь основная мысль великаго чловека, который могъ бы предупредить дѣло позднѣйшихъ ученыхъ подробнымъ ея развитіемъ. Важно также для насъ *совпаденіе* этой мысли съ замѣчательнымъ воззрѣніемъ на сущность историческаго метода. Совершенно согласно общему духу своего ученія, (2) Бэконъ устанавливаетъ правила для метода историческаго. *Уразумнѣе причины, производящихъ извѣстные факты и устраненіе субъективнаго мѣрила въ оцѣнкѣ и въ уясненіи событій* составляютъ коренныя его условія (3). — Но кто ищетъ *причины*, вызывающей историческія явленія, тотъ допускаетъ идею *генетической послѣдовательности* между событіями. Кто требуетъ *уясненія* послѣднихъ, какъ продукта извѣстнаго вѣка, со всѣми его жизненными условіями, тотъ прямо или косвенно признаетъ *самостоятельное, органическое* начало въ историческихъ проявленіяхъ различныхъ силъ общественныхъ. Примѣнявши такіа воззрѣнія къ нашей наукѣ, нельзя уже видѣть въ правѣ положительномъ *произвольнаго* продукта власти законодательной. Съ другой стороны, имѣя или раздѣляя такіа воззрѣнія, нельзя допустить, безъ кореннаго противорѣчія, односторонняго собиранія и описанія дробныхъ частей матеріала положительнаго права,

(1) Полагаютъ впрочемъ, что Бэконъ изложилъ ученіе объ источникахъ (особенно объ обычномъ правѣ) ближе, чѣмъ кто либо изъ ученыхъ XVI и XVII ст., къ воззрѣнію школы Савиньи. *Шталъ* высказываетъ самымъ положительнымъ тономъ такое мнѣніе (*Rechtsphilos.* S 85). Переводъ афоризмовъ по этому предмету можно найти въ недавно вышедшей книгѣ С. Heron, *Hist. of Jurisprud* 356—358. Сравни. между прочимъ монографію *Пуэты* (*D. Gewohnheits Recht*, SS. 143—178), гдѣ ни слова не говорится объ ученіи Бэкона.

(2) Вотъ какъ выражаетъ Куно-Фишеръ формулу бэконовскаго метода: «... Lass dich in deiner Ansicht von d. Dingen nicht durch irgend welche Autorität oder Lehrmeinung bestimmen, sondern betrachte selbst, lerne die Dinge selbst kennen. Untersuche selbst, nimm wahr! Aber nimm sie wahr ohne alle menschlichen Analogien... Suche überall nichts als die wirkenden Ursachen der Naturerscheinungen etc». (*Baco v. Verulam.* S. 86).

(3) Ср. *Ibidem.* Kapit. «Die baconische Philosophie in ihrem Verhältniss zur Geschichte. S. 354.

въ исторической обработкѣ послѣдняго. Здѣсь неизбежны вопросы: какъ произошли извѣстные явленія въ области положительнаго права? Какое имѣютъ отношеніе къ другимъ, однороднымъ явленіямъ и къ цѣлой сферѣ политическихъ, общественныхъ и иныхъ условій, среди которыхъ слагалась мало по малу данная система юридическихъ учреждений? Соображенія и разрѣшеніе этихъ обстоятельствъ непременно приведутъ насъ къ установленію истинно-историческаго метода.

Знаменитая тирада Канцлера противъ философовъ и юристовъ практиковъ слишкомъ — хорошо извѣстна и даже, къ сожалѣнію, обратилась въ нѣчто — подобное фронтоннымъ надписямъ на различныхъ книжныхъ построеніяхъ. Но потому-то самому полезно было остановиться передъ глубокимъ словомъ, созданнымъ сильною мыслью. Слово это обнаружило ранній проблескъ идеи объ органической природѣ положительнаго права. Несомнѣны также глубина и основательность возрѣній Бэкона на сущность историческаго метода (1). Опираясь на это совпаденіе здравыхъ идей, можно съ болѣею увѣренностью сказать, что правильное понятіе о природѣ научнаго матеріала всегда способно указать путь къ вѣрному методу.

Но какъ ни важенъ примѣръ Бэкона, задумаемъ, что есть возможность представить болѣе — сильное и прямое доказательство. Въ самомъ дѣлѣ, Бэконъ скорѣе указалъ признаки, чѣмъ далъ точное, строго-научное опредѣленіе понятію о правѣ положительномъ. Наконецъ, Бэконъ говорилъ о методѣ историческомъ вообще, непримѣняя его къ юриспруденціи. Только удивительная вѣрность его замѣчаній и однородность наукъ дѣлаютъ возможнымъ такое примѣненіе по аналогіи.

Въ лицѣ *Монтескье* будемъ мы имѣть ученаго, который сталъ въ болѣе прямое отношеніе къ юриспруденціи. Авторъ «*духа законовъ*» не могъ обойти вопроса о природѣ положительнаго права. Какъ же разрѣшаетъ онъ его? Общезвѣстность труда Монтескье избавляетъ насъ отъ обязанности передавать въ подробномъ извлеченіи за-

(1) «... Bacon hat im wohlberechtigten Geiste der realistischen Philosophie die Geschichts Erklärung gefodert und seine Forderungen durch Vorschriften verdeutlicht, die nicht sachgemässer sein könnten», справедливо замѣчаетъ К. Фишеръ въ своей монографіи.

мѣчаніе изъ III-й главы, I-й книги о сущности закона. Здѣсь кажется намъ умѣстнымъ, по возможности сжатый, анализъ идеи знаменитаго писателя. Подъ его перомъ, положительное право является *необходимымъ* результатомъ, который вырабатывается правами, обычаями, религіею, политическимъ устройствомъ и кромѣ того всѣми физическими условіями въ жизни даннаго государства. Если *разумъ* выступаетъ дѣятельнымъ началомъ въ устройствѣ міра юридическаго, то начало это не имѣетъ у Монтескье принадлежностей абсолютно-творящей, отвлеченной силы. Если *законодателью* дается извѣстная доля личнаго вліянія, то вліяніе это также чуждо всякаго произвольнаго характера. Ствлеченное, произвольное и личное начало въ сферѣ закона не сдерживается самостоятельную природою права положительнаго. Есть въ немъ элементы, которые опредѣляются извѣстными *объективными* вліяніями въ своемъ развитіи. Положительное право должно—если можно такъ выразиться—сростаться съ извѣстнымъ народомъ. «Законы должны быть такъ близки тому народу, для котораго они составлены, что только игра случая (*un très-grand hazard*) можетъ сдѣлать ихъ годными для другаго народа».—Однимъ словомъ, анализъ идеи Монтескье приведетъ насъ къ такому выводу, что положительное право возникаетъ, какъ органический продуктъ, на той смѣшанной почвѣ, гдѣ коренится вся жизнь человѣческаго общества. Мысль Бэкона Веруламскаго вырастаетъ у Монтескье до степени весьма опредѣленнаго понятія. Думаемъ, что, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, никто не станетъ отрицать присутствіе идеи объ *органической природѣ права положительнаго*.

Теперь посмотримъ, какое отношеніе имѣла такая идея къ историческому методу знаменитаго писателя? Когда Монтескье взялся за перо, передъ нимъ была громадная масса матеріаловъ, собранныхъ и отчасти критически-разработанныхъ эрудиціею предыдущихъ ученыхъ поколѣній. Ему открывались двѣ дороги: онъ могъ продолжать работы антикварныхъ раскопокъ въ массѣ источниковъ. Но онъ могъ также попытаться: *обнять мыслию* все обиліе уже извлеченнаго матеріала, *уяснить* то, что другіе находили, *сличамъ* и *описывали*.

Изъ двухъ дорогъ Монтескье выбралъ послѣднюю, и въ этомъ отношеніи трудъ его имѣлъ право увѣнчаться тою надписью, въ которой многіе расположены были видѣть голосъ ученаго самолюбія . . . «Я не приводилъ, говорилъ онъ (1) всѣхъ подробностей, да и кто могъ бы *все высказать*, безъ смертельной скуки для слушателей?..» Иначе не могъ смотрѣть на свое дѣло человѣкъ, для котораго подробности научнаго матеріала обращались въ разрозненныя части органическаго цѣлаго. Онъ постоянно всматривался въ природу вещей. Анализъ этотъ далъ ему то, что называетъ онъ самъ *принципами*. Вездѣ ищетъ онъ внутреннихъ и естественныхъ основаній въ историческихъ явленіяхъ. Такія основанія, или причины, служатъ исходнымъ пунктомъ для историческаго движенія; они же руководятъ нитью собственныхъ его изслѣдованій. «Я установилъ принципы и увидѣлъ, что частные случаи подошли къ нимъ, какъ бы сами собою; исторія всѣхъ націй явилась ихъ послѣдствіемъ; одинъ частный законъ примкнулъ къ другому, и обнаружилась зависимость ихъ отъ одного общаго закона». Вездѣ у Монтескье проглядываетъ идея, что всякое историческое явленіе есть результатъ цѣлага ряда *предшествующихъ причинъ*, которыя *приготовили возможность* его въ позднѣйшемъ времени. Ученіе о вліяніи историческихъ antecedentовъ выражено во всей силѣ, примѣнено съ неуклонною, послѣдовательною логикою (2). Однимъ словомъ, лучшимъ выраженіемъ этого метода можетъ быть формула, высказанная *Тюрго*, черезъ два года послѣ изданія «Духа законовъ», а именно: «всѣ вѣка связаны между собою рядомъ *причинъ и слѣдствій*, посредствомъ которыхъ *настоящій міровой порядокъ* примыкаетъ ко всѣмъ предшествующимъ» (3). Такое широкое основаніе дано было историческому методу. Здѣсь находили свою долю всѣ вѣка, всѣ народы.

(1) De l'esprit des lois. Préface.

(2) «... Cette matière tient à des établissemens d'une antiquité très-reculée», говоритъ Монтескье на первой страницѣ своего изслѣдованія о законахъ наслѣдства у римлянъ: «pour la pénétrer à fond, qu'il me soit permis de chercher dans les premières lois des Romains etc... (De l'esprit des lois. Livre 27).

(3) Oeuvres de Turgot, second discours en Sorbonne. Vol. II. P. 52. Сравни. Buckle. Hist. of Civil. Vol. I. P. 757.

Ученое «*primum desiderium*» Бодина, о которомъ говорено было выше, обратилось наконецъ въ дѣйствительность. Вслѣдъ за историческимъ трактатомъ о законахъ наслѣдства у римлянъ поставилъ Монтескье главы о законахъ у франковъ, лонгобардовъ и др. «варваровъ» для многихъ юристовъ классической эрудиции. Исполнено также другое «*primum desiderium*», котораго касались мы въ настоящей главѣ нашего разсужденія. *Законодательство сдѣлалось существенною частью содержанія исторіи.* Совершилось даже то, чего не предвидѣли въ XVI столѣтіи. Исторія права сдѣлалась въ глазахъ ученыхъ людей вѣрнымъ зеркаломъ *общественнаго развитія.* Почему? Сама философія въ лицѣ Монтескье признала за положительнымъ правомъ свойства органическаго продукта жизни народной. Справедливо сказалъ Лабулэ, что, вмѣстѣ съ трудомъ Монтескье, положительное право возшло на степень критериума гражданственности (1).

Такъ представляется намъ у Монтескье сочетаніе болѣе-совершеннаго, историческаго метода, съ возврѣніемъ на истинную природу права положительнаго. Но если послѣднее ярче, самостоятельнѣе и полнѣе обрисовано перомъ французскаго писателя, за то методъ его во многомъ укладывается подъ тѣ вѣрныя и сильныя правила, которыя начертаны были рукою всеобъемлющаго мыслителя о методѣ. Чтò говорить между прочимъ Монтескье? «Не изъ личныхъ *предразсудковъ*, а изъ *природы вещей* извлекъ я мои принципы» (2).. «Учись самъ узнавать природу вещей... Изслѣдуй, наблюдай», говоритъ Бэконъ *Веруламскій* (3), «иначе ты создашь бездушный, ничтожный образъ: *умственного идола*, мозговое привидѣніе.» (4). Нельзя-ли сказать, что «*предразсудокъ*» въ словахъ Монтескье довольно-близокъ къ

(1) Laboulaye. Hist. du droit de la propr. en Occid. P. 16.

(2) Esprit des lois. Préface.

(3) См. выше. L. C. N-та.

(4) Kuno Fischer. U. S. (S. 62) «Darum ist die erste negative Bedingung ohne welche eine Erkenntniss... nicht möglich ist, dass nicht Idole an die stelle der Dinge gesetzt werden, dass in keine Weise Anticipationis stattfindet etc».

тѣмъ *idola fori*, подъ символикою которыхъ поэтически выражаетъ Бэконъ идею предрасудковъ историческихъ? — Лерминье говоритъ, что Монтескье не выводилъ фактовъ изъ идеи, не заключалъ отъ идеальнаго къ историческому, а искалъ въ Платонѣ и Аристотелѣ болѣе всего подробностей о нравахъ и обычаяхъ грековъ и аѳинянъ (1).

Монтескье подходитъ ко всѣмъ историческимъ явленіямъ съ вопросомъ о *причинахъ*, ихъ вызвавшихъ (см. выше). Бэконъ говоритъ: «ищи повсюду однѣхъ причинъ, производящихъ явленія». Монтескье спокойно, безпристрастно ищетъ *основаній* и внутренняго смысла даже въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя умъ его признаетъ «чудовищнымъ обычаемъ» (2). Бэконъ говоритъ: «старайся судить о вещахъ и явленіяхъ по тѣмъ объективнымъ отношеніямъ, которыя имъ соотвѣтствуютъ, — не увлекайся человѣческими аналогіями».

Такова была ступень, на которую шагнулъ историческій методъ въ лицѣ автора «духа законовъ» во Франціи. Ясно, вышло обозначается превосходство его надъ методомъ школы XVI столѣтія.

Но объясненіе историческаго явленія въ наукѣ должно избѣгать приговоровъ, безъ соображенія особенныхъ обстоятельствъ мѣста и времени. Въ самомъ дѣлѣ, одно сопоставленіе именъ Бэкона и Монтескье съ годами смерти главныхъ представителей французской школы XVI ст. можетъ сильно говорить противъ такого осужденія. Западно-европейской наукѣ предстояла еще долгая работа по всѣмъ отраслямъ знанія. Немало времени прошло отъ скептицизма Декарта до органическаго воззрѣнія Шеллинга, который имѣлъ такое сильное вліяніе на образованіе исторической школы въ Германіи. Много явленій въ сферѣ юриспруденціи обнаружилось, развилось и закончилось отъ исторической экзегезы Куяція до историко-философскаго ученія о происхожденіи положительнаго права Савиньи. Стремленіе вызвать и раз-

(1) Introduction etc. P. 174.

(2) De l'esprit des lois. Livre XXVIII. «De la jurisprudence du combat judiciaire».

рѣшить этотъ вопросъ не могло осуществиться безъ вліянія и посредства философскаго элемента въ юриспруденціи. Его нельзя было рѣшить и даже поднять ни экзегезою, ни догматикою. Для возбужденія его, нужно было участіе теорій *права естественнаго* (Naturrecht, позже перешедшаго въ Vernunftrecht), которое нашло для себя перваго серіознаго и талантливаго представителя въ голландцѣ *Гуго-Гроціи*. Въ трудѣ его (1) впервые указанъ былъ методъ апіорическаго вывода цѣлой системы права изъ разумно-общественной природы человѣческой. Такимъ образомъ сфера права получила самостоятельность въ мірѣ нравственномъ; но, въ то же самое время, *положительному, историческому праву* противопоставлено *отвлеченное право естественное*. Самъ Гроцій примирялъ ихъ тѣмъ, что приписывалъ законную, положительную силу всему естественно—справедливому, независимо отъ внѣшней законодательной санкціи (2).

Здѣсь заключался корень дальнѣйшаго развитія, съ одной стороны—юридико-философскихъ системъ; съ другой—ученія о сущности права положительнаго. *Гроцій* привелъ науку къ философскому вопросу *объ источникѣ права вообще* и рѣшилъ его посредствомъ рациональнаго вывода. По естественному закону контраста (закону, который примѣнимъ ко многимъ явленіямъ въ мірѣ умственнаго развитія), сейчасъ же за появленіемъ отвлеченнаго воззрѣнія на происхожденіе права, возникло стремленіе вывести право изъ *историческаго, положительнаго основанія*. Вопросъ объ источникѣ права получилъ полемическое значеніе для всѣхъ противниковъ Г. Гроція и его послѣдователей. Подъ вліяніемъ этой борьбы, сложилось философское ученіе *позитивистовъ* въ юриспруденціи (3). До начала этого движенія въ наукѣ (не говоря уже о результатахъ его) недожили передовые юристы

(1) Мы разум. здѣсь: De jure belli ac pacis Libri tres.

(2) Stahl. Philosophie des Rechts. (2 B. 3-te Aufl. S. 231). Das ganze Unternehmen des Grotius ... beruht auf dem Irrthum, aus Rechtsideen (socialis et rationalis naturae) finden zu wollen: nicht was angemessen oder gerecht, sondern was rechtmässig ist etc.

(3) Ср. Энциклопедію законовѣдѣнія Неволіна. Т. I. § 409. — Также I. H. Fichte, Philosoph. Lehren von Recht, Staat u. Sitte. §§ 178, 179. — Stahl. U. S. Die Naturrechtslehrer von Grotius bis Kant. SS. 175 — 193.

французской школы цивилистовъ. Послѣдніе годы ихъ жизни почти тремя десятилѣтіями предупредили появленіе трактата «о правѣ войны и мира» Г. Гроція. Такимъ образомъ, теперь можетъ быть яснѣе та истина, что историческій методъ школы XVI ст. былъ неполонъ и одностороненъ по отсутствію въ самой сферѣ европейской науки благоприятныхъ условій для болѣе совершеннаго и зрѣлаго развитія. Тѣмъ не менѣе не сомнѣнны и ясны заслуги этой школы для историческаго метода. Очевидно также близкое отношеніе, по духу и по научнымъ приемамъ въ обработкѣ положительнаго права, къ позднѣйшей школѣ *Гуго* и *Савиньи*. — Нужно сознаться, что юристы XVI ст. въ совершенствѣ овладѣли приемами того историческаго анализа, который называетъ *Куно-Фишеръ* «историческимъ изслѣдованіемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова», въ отличіе отъ историко-философскаго направленія (1). «Историческому изслѣдователю, подобно естествоиспытателю», продолжаетъ онъ, «нужны собственный опытъ и наблюденіе. *Почерпать свои факты* долженъ онъ *изъ источниковъ, подвергнутыхъ самостоятельному разсмотрѣнію; выбирать факты* можетъ онъ *послѣ сравнительной критики источниковъ*, которая невозможна безъ тщательнаго взвѣшиванья положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ въ научномъ матеріалѣ.» Трудно просмотрѣть здѣсь родственное сходство съ тѣми приемами французскихъ юристовъ XVI столѣтія, о которыхъ говорено было выше. Нельзя также сказать, чтобы въ настоящую пору приемы эти были лишними при обработкѣ римскаго права. По крайней мѣрѣ, исторія науки доказала, что они воспроизводились вездѣ, гдѣ только возникла серіозная ученая школа цивилистовъ. Но мы видѣли уже, что, независимо отъ преданій метода, французская школа сообщила другіе плоды своей работы грядущимъ ученымъ поколѣніямъ (2). Вообще, отъ трудовъ ея много выиграла научная истина. Въ ма-

(1) Wir untersuchen genau zwischen Geschichtserklärung und Geschichtsforschung. Jene erklärt und begreift die Thatsachen, welche diese aufsucht, feststellt, und beschreibt. (Baco v. Verul. S. 357).

(2) Выше (въ наст. главѣ) замѣчено было о той связи, въ которой находятся многие изъ новѣйшихъ и знаменитыхъ ученыхъ съ однимъ изъ блестящихъ представителей французской школы XVI столѣтія.

теріалѣ римскаго права, какъ сказалъ Шталъ, воплотилась идея наиболѣ законченнаго положительнаго права въ исторіи чело-вѣчества ⁽¹⁾. Идея могла оставаться неясною для многихъ юри-стовъ разобранной нами школы. Но всѣ они ревностно содѣй-ствовали сбереженію и разработкѣ той юридической матеріи, *внутренняя сила, душа* которой пробудилась и яснѣ заявила о своемъ существованіи, когда образовались и подѣйствовали новыя и болѣе благопріятныя условія. — Тогда наука положи-тельнаго римскаго права прошла въ Германію черезъ юристовъ голландской школы и вызвала дѣятельность *Гуло, Эйхорна и Савиньи*.

(1) Stahl. Philosophie des Rechts. S. 233. «... Im Leben selbst hat erst die römische Weltepoche den Gedanken des positiven Rechts... realisiert, eben so wie erst sie den Gedanken der erworbenen Rechte und ihrer Unverletzlichkeit realisiert hat... Darum werden die Römer mit Fug als das klassische Volk für bürgerliche Ordnung betrachtet».

Г Л А В А III.

ШКОЛА ГОЛЛАНДСКАЯ.

Нелегко, по отсутствію достаточныхъ матеріаловъ (1), обстоятельное разрѣшеніе вопроса о постепенномъ образованіи голландской школы. Всѣ ученые исторіи начинаютъ разсказъ о ней прямо съ 1/2 XVII столѣтія, отъ *Арнольда Виннія* (2). Школа голландскихъ юристовъ какъ-то внезапно, точно *Deus ex machina*, возстаетъ здѣсь передъ читателемъ на умственномъ горизонтѣ Батавской республики. Между прочимъ, извѣстный *Гамсъ* бѣгло

(1) Приступая къ изложенію настоящаго отдѣла, мы считаемъ необходимымъ указать на бѣдность бывшихъ у насъ подъ руками источниковъ. Книжныя средства провинціального города не дали намъ возможности достать сочиненія, которыя имѣютъ важное значеніе для исторіи голландской школы, какъ то: *Гаубольда* (*Institutiones juris romani litterariæ*), *Фоппенса* (*Foppens. Bibliotheca belgica*), *Пако* (*Paquot, Mem. pour servir à l'hist. littéraire*) и *Девала* (*Dewal*) «*De claris Frisiae jurisconsultis*, 1825. — Пришлось ограничиться ученою исторіей *Гуго-Геттимиенскаго*, гдѣ весь матеріалъ заключается въ сухой номенклатурѣ собственныхъ именъ, годовъ и названій сочиненій. У *Тэзана* (*Taisand, Vies des juricons.*) есть нѣсколько замѣчаній объ одномъ *Нодтѣ*, и то въ приложеніи. Даже трудолюбивый *Юлеръ* весьма скупъ на біографіи голландскихъ юристовъ. (Такъ напр. у него нѣтъ ни слова о Винніѣ, Ульрихѣ Губерѣ и Скультингѣ.) — Немного даютъ также въ этомъ отношеніи извѣстные намъ авторы юридическихъ энциклопедій. *Проттеръ*, *Аренсъ* и даже *Фридендеръ* кратки; они отдѣлываются общими фразами. *Ортоффъ* (*Ortloff*) перепечатываетъ Фридендера съ сокращеніями. *Эшбахъ* (*Eschbach, Introd. à l'étude du droit etc*) перепечатываетъ всѣхъ, кого можетъ, разумно умалчивая объ источникахъ, и самъ не даетъ ничего новаго. Лучшимъ пособіемъ оказался небольшой, но добросовѣстно составленный *параграфъ* о голландской школѣ въ энциклопедіи *Варикенна*. — Недавно вышедшая исторія юриспруденціи *К. Герона* (*London 1860*) посвящаетъ этому предмету нѣсколько строчекъ, неимѣющихъ никакого значенія. (*History of Jurispr. P. 319*).

(2) *Warnkönig. Jur. Enc. § 119. Arnold Vinnius, 1588 — 1657.*

касается этой школы въ одной изъ критическихъ статей своихъ (1). По его мнѣнію, люди, подобные *Виннію*, *Нодту*, *Банкерсугу* и *Сколотинну*, имѣютъ одно преходящее значеніе для своего времени. Они — представители умственной культуры извѣстной эпохи, не болѣе. Дать этой культурѣ нѣчто новое, самостоятельное, было бы выше силъ ихъ. Но если школа эта и не выходила изъ скромной роли — *удовлетворять требованіямъ своего времени*, то естественно спросить: подъ какими вліяніями и почему поставила она себя въ такое положеніе? Въ какой мѣрѣ благопріятствовали ей условія общественной и умственной жизни въ самой странѣ, вмѣстѣ съ общимъ гуманническимъ направленіемъ науки въ тогдашней Европѣ?

Намъ извѣстны имена нѣсколькихъ голландцевъ, бывшихъ учениками Куяція; извѣстны также личныя отношенія этого учнаго къ нѣкоторымъ университетскимъ знаменитостямъ «*Батавіи*» (2). Наконецъ, Донелль (какъ показано это выше) читалъ лекціи въ университетѣ Лейденскомъ, когда былъ изгнанъ изъ своего отечества. Обстоятельства эти несомнѣнно имѣли вліяніе на судьбу юриспруденціи въ Голландіи. Но дѣло въ томъ, что *не одна эта страна* посылала студентовъ своихъ въ аудиторіи французскихъ корифеевъ науки. Вездѣ были *отдѣльныя* личности замѣчательныхъ ученыхъ. Даже испанская юриспруденція XVII ст. насчитываетъ на страницахъ своей исторіи нѣсколько именъ, о которыхъ съ уваженіемъ отзываются весьма солидные критики новѣйшаго времени (3). Но нигдѣ не сложилось такой полной школы ученыхъ дѣятелей, какъ въ стеченіи Вильгельма Молчаливаго. Гдѣ же причина такого явленія? Почему то, что замѣтно ослабѣвало въ странѣ «*великаго короля*», могло еще

(1) Ed. Gans. Vermischte Schriften. 1-e B. S. 136, 137. — Es... sind nur Repräsentanten der allgemeinen Bildung, nicht solche die sie selbst anders gestalten konnten etc.

(2) Berriat. S. Prix. Histoire etc. PP. 565, 567, 576.

(3) Здѣсь разумѣемъ мы особенно мнѣніе Савиньи о юристахъ *Валенціи* († 1651), *Рамосъ Мансана* († 1683) и *Де-Рестель* (1678), которые были профессорами въ университетѣ Саламанскомъ. Разбирая источники, которыми онъ пользовался для своего трактата о «*Владѣніи*», германскій ученый говоритъ, что труды испанскихъ профессоровъ даютъ имъ право на самое видное мѣсто между юристами, послѣ Донелла.

дать свѣжіе плоды въ университетахъ, основанныхъ или поддержанныхъ вліяніемъ и щедростью знаменитаго главы Оранской фамиліи?

Вѣроятно, почва, на которую брошены были сѣмена французской науки въ Голландіи, заключала въ себѣ болѣе силъ для развитія и питанія плода научнаго. Почвою этою былъ самъ народъ голландскій, умѣвшій выработать и соединить въ своемъ характерѣ свойства, которыя не всегда и не вездѣ являются въ стройномъ сочетаніи. Съ самой ранней поры, даровитое племя крайнихъ поморянъ западной Европы отличалось практическимъ тактомъ торговыхъ людей, сильнымъ духомъ свободы и замѣчательными умственными стремленіями. *Мотли* (Motley) положительно утверждаетъ въ историческомъ трудѣ своемъ, что, уже въ началѣ XV ст., родина Эразма и Гроція превосходила образованностію своихъ жителей многія страны въ тогдашней Европѣ. «*Классики, музыка и новые языки, особенно французскій, были предметомъ общаго изученія*», говоритъ американскій историкъ (1). «Умственное образованіе не ограничивалось одними высшими сословіями. Напротивъ, оно было въ замѣчательной степени распространено, въ большихъ городахъ, между чернорабочими и ремесленниками.»

Таковъ былъ духъ голландскаго народа. — Силъ его несокрушили никакія невзгоды политическія. Стремленія его не были уничтожены кострами инквизиціи и желѣзомъ испанскихъ правителей. Когда надъ благородною націею этою пронеслись, наконецъ, тяжкія испытанія, первымъ дѣломъ ея было основаніе университета въ Лейденѣ: фактъ, который, не такъ давно еще, рассказанъ былъ талантливымъ и симпатичнымъ перомъ нашего русскаго историка! Теплѣе и человѣчнѣе чѣмъ Мотли, смотритъ покойный *Кудрявецъ* на этотъ достойный подвигъ голландскаго народа. Американскій ученый ограничился краткимъ разборомъ жалованной грамоты, которая дана была университету принцемъ Оранскимъ, *отъ имени Филиппа II-го*. За тѣмъ онъ описалъ,

(1) J. L. Motley. The rise of the dutch Republik. Vol. 1. P. 77.

дѣйствительно-странную, церемонію открытія ⁽¹⁾, справедливо назвавши ее «сценою невиннаго педантизма». Но щедрый на паосъ въ другихъ случаяхъ, Мотли не умѣлъ найти болѣе мягкаго и теплаго выраженія для историческаго факта, въ которомъ, сквозь странную оболочку аллегорической церемоніи, пробивается наружу идея, исполненная силы и почти — героическаго достоинства. Самъ же Мотли говоритъ, что, ради учрежденія «органа науки», украсился цвѣтами тотъ городъ, гдѣ недавно еще было царство смерти и ужаса. — Какъ похоже это на торжества, которыя бывали въ свободныхъ городахъ Италіи, когда все населеніе — отъ сильныхъ міра до бѣдныхъ работниковъ — ликовало ради окончанія картины любимымъ художникомъ!

Впрочемъ, для нашей цѣли имѣеть положительное значеніе самый обрядъ открытія университета въ Лейденѣ. Подробности его, переданныя талантливымъ и ученымъ историкомъ, доказываютъ увлеченіе *міромъ древнимъ, эпохою классическою*. Фигуры Юліана, Папиніана и Ульпіана, которыя являются въ процессіи, могли быть предложены только какимъ нибудь почтеннымъ *гуманистомъ*, величавшимъ римскихъ юристовъ восторженными титулами. Сближая эти факты съ показаніемъ, что, съ начала XV ст., *самые бѣдные люди* изучаютъ въ городскихъ школахъ *древнихъ классиковъ*: весьма многое становится яснѣе въ ученой исторіи Голландіи. Послѣ этого, отчетливѣе понимается то внезапное появленіе *цѣлой многочисленной школы юристовъ*, о которомъ говорено было выше. При подобныхъ условіяхъ, методъ *Донелла* могъ пустить крѣпкіе корни въ Лейденскихъ аудито-

(1) Ibidem. Vol. 2. PP. 482, 483 etc. «Февраля 5-го дня 1575 года, вышла великолѣпная триумфальная колесница, на которой сидѣла женская фигура въ бѣлоснѣжной одеждѣ. Фигура эта изображала собою святое Евангеліе. Ее сопровождали четыре евангелиста, шедшихъ пѣшкомъ у каждой стороны колесницы. Далѣе слѣдовала Темида съ мечомъ и вѣсами въ рукахъ въ сопровожденіи ученыхъ юристовъ Юліана, Папиніана, Ульпіана и Трибоніана. За послѣдними ѣхали слуги и оруженосцы. Послѣ аллегорическаго изображенія Медицины съ обычными классическими атрибутами шли молодые доктора и вновь опредѣленные профессеры... Когда процессія достигла «Моста Монахинь» (Nuns's Bridge) то по лѣнливымъ (sluggish) волнамъ Рейна медленно поплыла великолѣпно-разукрашенная барка... На палубѣ ея сидѣлъ Аполлонъ съ девятью музами—въ классической одеждѣ... Каждый профессоръ, который приближался къ этой группѣ, былъ торжественно обнимаемъ и лобызаемъ Аполлономъ и Музами, которыя привѣтствовали ученыхъ мужей изящною латинскою поэмою и проч.»

рiяхъ. Семья филологовъ *Гроновiевъ* могла найти для себя второе отечество въ Голландiи и воспитать здѣсь тѣхъ артистовъ латинской рѣчи, которые до сихъ поръ еще изумляютъ знатковъ ловкими воспроизведенiями оборотовъ классическихъ.

Лейденскiй университетъ сдѣлался скоро едва-ли не самымъ главнымъ ученымъ центромъ Европы. Отсюда данъ былъ могучiй толчокъ развитiю юриспруденцiи въ Голландiи. Здѣсь учился Г. Гроций и, будучи 15 лѣтнимъ юношею, заслужилъ извѣстное названiе «чуда Голландiи» отъ лучшаго изъ королей Францiи. Въ Лейденѣ собралась наконецъ та сила, которая могла вывести голландскую юриспруденцiю изъ схоластической труппы Лувенскаго университета, основаннаго гораздо ранѣе (1). Здѣсь (въ Лувенѣ) также была учреждена кафедра римскаго права; но надъ нимъ долго преобладало право каноническое. Потому-то съ такимъ горячимъ стремленiемъ взялись за него ученые голландскiе. Отечество ихъ познакомилось съ нимъ позже другихъ странъ въ самыхъ судахъ, при разрѣшенiи вопросовъ практическихъ (2). Присутствiе внутренней силы — результатъ героической борьбы — отразилось на всѣхъ отправленияхъ народной жизни. Ученая дѣятельность должна была получить твердую точку опоры среди независимаго, нравственно-окрѣпшаго народа. Свобода мысли и преподаванiя — слѣдствiе политической и гражданской свободы — вотъ что дало Голландiи возможность сдѣлаться центромъ умственнаго, ученаго и политическаго движенiя для всей Европы XVII ст. — Явленiе это понятно; оно только повторилось въ исторiи голландской науки. «Одна свобода дала такое множество ученыхъ людей голландцамъ, англичанамъ и даже французамъ (до преслѣдованiя протестантовъ). Напротивъ, недостатокъ свободы подавилъ остроумiе итальянцевъ и высокiй духъ испанцевъ», сказалъ извѣстный германецъ

(1) Cp. Mottley. Ubi supr. l. v. P. 77.

(2) Corn. v. Bynkershoek. Opera Omnia. (Praefatio in Observat. Juris Rom. Lib. 1.) «In Hollandia veterem esse juris Romani observationem vulgo percerebuit, sed nulla plane auctoritate. Ego vix putem aliquam in Hollandiam ejus juris fuisse auctoritatem ante Carolum Audacem; Juris scripti servandi meminit § 42 Formae quam ipse Curiae praescripsit 4. Sept. 1462 nec ante, quod sciam, ulla ejus juris mentio in monumentis quae ad jus pertinent etc.»

Томазий (1). Въ самомъ дѣлѣ, даже организація судовъ въ голландскихъ штатахъ выразила ненависть къ началу деспотизма и произвола, помня добрыя старыя времена эдиктовъ Карла V, Филиппа II и вѣрнаго канцлера ихъ *Виллія Цвихема* (Viglius Zwicheм). Самъ *Корн. Ф. Бэнкерсукъ* — этотъ суровый противникъ въ ученыхъ спорахъ — преклоняется передъ мудростію законовъ, которые устраняютъ въ судахъ преобладаніе одного лица. «Если мы иногда и расходимся въ мнѣніяхъ» — говоритъ онъ, посвящая одинъ изъ ученыхъ трудовъ своихъ (*Observationes I. R.*) товарищамъ, членамъ сената голландскаго (2): «то всегда согласны въ одномъ — въ воздаяніи того, что принадлежитъ по праву каждому. *Всѣ мы сознаемъ, любимъ и хранимъ свободу сличнаго мнѣнія.* Намъ извѣстно, что штаты наши желаютъ постановленія приговоровъ на основаніи различныхъ мнѣній. Мы знаемъ, какъ велика опасность, когда власть судить сосредоточена въ рукахъ одного лица, или когда, даже при нѣсколькихъ членахъ, одинъ дѣйствуетъ за всѣхъ... Общественное благо настоятельно требуетъ: не употреблять въ государственныхъ дѣлахъ людей, которые постоянно преслѣдуютъ поношеніями, безславіемъ и ругательствами чужія мнѣнія, несогласныя съ ихъ собственными, будучи раздражены только тѣмъ, что есть люди снпнаго образа мысли, точн.) безсмѣнные диктаторы въ ученой республикѣ (*Perpetui scilicet Dictatores in Republica Eruditorum*). Таковы были убѣжденія о свободѣ мнѣній у одного изъ самыхъ даровитыхъ (и—въ добавокъ — наименѣ мягкихъ по характеру) представителей голландскихъ юристовъ. Еще выше было говорено что въ жизни своей замѣчательный человекъ этотъ не всегда стоялъ на одной высотѣ съ только-что изложенными мыслями. Ученая полемика его значительно далека отъ того спокойнаго, объективно-критическаго тона, которымъ, казалось бы, долженъ былъ владѣть защитникъ независимости и свободы въ жизни и въ наукѣ (3). Но приведенное мнѣніе Бэнкерсугка

(1) Schlosser. Geschichte des XVIII Jahrh. SS. 602, 603. (1-e B).

(2) Corn. v. Bynkershoek. Opera omn. Observ. Iur. Rom. Dedicatio.

(3) «An spottischen und beissenden Ausdrücken fehlte es ihm nicht» — замѣчаетъ Югеръ въ своемъ биографич. очеркѣ—«wenn er denenjenigen antwortete, welche ihm öffentlich widersprochen hatten». (Beiträge. 1 B. S. 25).

важно для насъ даже какъ выраженіе отчасти идеальныхъ стремленій. Въ нихъ представляется вѣрное отраженіе господствующаго духа въ Голландіи того времени.

Переходя къ разсмотрѣнію ученаго направленія голландской школы, не трудно замѣтить близость представителей послѣдней къ юристамъ французскимъ. Французская школа дѣйствительно была здѣсь образцомъ. Существенныя черты метода голландскихъ ученыхъ совпадаютъ съ извѣстными оттѣнками метода у *Донелла* и *Куэция*. И здѣсь, у голландцевъ, увидимъ мы экзегезу, которая опирается на критику, въ связи съ цѣлымъ отдѣломъ гуманическихъ знаній. И здѣсь, ученые *Гроновіи* начинаютъ антикварныя изслѣдованія въ духѣ Готмана, Балдуина и Бриссонія. Основатель школы, *Винній*, состоялъ подъ сильнымъ вліяніемъ Донелла. Извѣстный трудъ его (*Partitiones* [1624]) многими признается (1) за извлечение изъ комментарія французскаго догматика. Дѣйствительно, самъ Винній говоритъ объ этомъ въ предисловіи къ труду своему, называя Донелла *главою систематиковъ* (2). Винній, не стѣсняясь, принимаетъ на себя второстепенную роль въ томъ направленіи, которое такъ смѣло и самостоятельно проявилось у французскаго образца его (3). Задача Виннія заключается въ томъ, чтобы развить, по возможности, дополнить и усовершенствовать, съ внѣшней стороны, методъ своего предшественника. Изыщество и ясность рѣчи составляютъ одну изъ главныхъ частей его программы (4). Но, за тѣмъ, доказать необходимость системы и метода въ

(1) Сравни. Warnkönig. Iur. Enc. S. 318. Hùgo. Gel. Gesch. S. 405. Iudicia de Comment. Donellianis. (1 X. X.)

(2) Arn. Vinn. Partitiones. Epistola Dedicatoria. «Adjutus paucorum»—говоритъ Винній—«qui in hoc genere excelluerunt et praesertim Donelli nostri commentatoris, excerptissem congestissemque praeceptiones omnes et theoremata universalialia...» Далѣе: «Etsi non usquequaque alienis insisto vestigiis, in nexu tamen summarum partium eam viam secutus sum quam in Elementis hujus scientiae praemonstrarunt... primi illi legum compositores ac.... is Donellus judicio eruditorum omnium «Methodistarum» facile princeps etc.

(3) Arn. Vinn. (Contra amethodos pro arte jur. dissertatio). «Habemus prima juris elementa satis elegante artificio contexta tanquam prototypum seu exemplar quod imitemur in universi juris systemate etc.»

(4) Partitiones. U. S. «In primis operam sedulo dedi, ut cuncta, quoad possem, breviter, plane, puro dilucidoque sermone pertractarem.»

наукѣ: вотъ гдѣ едва-ли не самый видный пунктъ у Виннія. Къ нему направляетъ онъ цѣлую отдѣльную диссертацию (1). Горячо полемизируетъ онъ противъ тѣхъ, которые видятъ возможность узнать право безъ пособія научныхъ приѣмовъ, на томъ основаніи: будто матеріалъ права положительнаго, легко и почти наглядно, изучается путемъ практическаго опыта. Въ этомъ мнѣніи, говоритъ Винній, заключается недобросовѣстный софизмъ, или же непониманіе сущности дѣла. Нужно знать: что такое — *методъ* и *система* въ наукѣ? Каково образующее ихъ вліяніе на умъ человѣческій? Уясняя все это, Винній впадаетъ въ странную для насъ, но понятную въ его время, восторженность. «Отошлемъ нашихъ противниковъ къ философскимъ школамъ — говоритъ Винній — чтобы тамъ они учились тому, какія выгоды приноситъ методъ всѣмъ питомцамъ музъ (Musarum *alumnis*). — Тамъ они узнаютъ, что методъ есть *истинный отецъ знанія* («... Methodum et intelligentiae veram parentem esse»), что онъ — наилучшій наставникъ той стороны человѣческаго духа, которая является хранительницею всѣхъ другихъ. . . . «Если захотятъ послушать Платона, то признаютъ въ методъ *нѣчто божественное*» (2). Въ этихъ строкахъ очень хорошо выражается главная ученая тенденція Виннія. Сквозь тяжелую и педантическую фразу голландца прорывается полемическій жаръ пропагандиста систематическаго начала въ юриспруденціи. Винній шелъ по тропѣ, только — что проложенной; немудрено, если рѣчь его заключилась въ форму гиперболы, которая свойственна всякому новому стремленію. Выскнувъ въ сущность дѣла, можно согласиться, что Винній выступалъ здѣсь противъ узкаго эмпиризма законниковъ, въ которомъ видѣлъ онъ начало, враждебное прямымъ интересамъ и успѣшному развитію науки (3). Ему казалось недостаточнымъ: знать положительные законы и бойко

(1) V. S. Contra amethodos etc.

(2) «... Quod si Platonem audire volent, etiam divinitatem quandam in methodo agnoscant etc.» (U. S. Contra amethodos).

(3) «... Praetextitur species facilitatis. Ajunt enim jus civile non in rebus abstrusis aut a sensu nostro remotis... sed in rebus ante oculos positis versari: ideoque vel singula legum capita percurrentem passimque carpentem et colligentem undique repleri ista juris scientia posse... etc» (Ibidem).

прилагать это знаніе къ практическимъ случаямъ, его удовлетворяла только идея юриспруденціи какъ науки, главнымъ элементомъ которой считалъ онъ *систему* (1). По его мнѣнію, безъ научнаго, теоретическаго изученія права, нельзя достигнуть ничего вѣрнаго и прочнаго, даже въ практическомъ отношеніи. «Кто» — спрашиваетъ Винній — «приобрѣталъ когда ли «бо славу хорошаго адвоката, *будущи новичкомъ или полнымъ не«вѣждою въ принципахъ*, въ основныхъ началахъ права?» Рѣшая отрицательно этотъ вопросъ, Винній нисколько не желалъ враждебно отдѣлять теорію отъ практики. Взглядъ его въ этомъ отношеніи далекъ исключительности и даже не оставляетъ ничего желать касательно мѣткой и правдивой постановки вопроса. Органическая связь теоріи съ практикою была для Виннія необходимымъ условіемъ самаго существованія науки, (2) и онъ старался доказать и провести эту связь въ своемъ сочиненіи. Отступивъ отъ строгаго преданія эзегетовъ — гуманистовъ, Винній прямо объявилъ, что намѣренъ излагать положенія римскаго права, сближая ихъ перѣдко съ тѣмъ, что установлено *современными* законами, обычаями, или судебною практикою (3).

Но самъ Винній былъ слишкомъ добросовѣстный человѣкъ, чтобы высказывать претензіи на безусловную новизну своего метода. Онъ предвидѣлъ себѣ упреки самаго разнообразнаго содержанія и, между прочимъ, заранѣе оговорилъ обвиненіе въ отсутствіи самостоятельности (4). Вообще по всему тому, что

(1) «... Non anxie hic quaerimus artem plene perfectam et absolutam, aut limatum illud et subtile docendi genus, quod in mathematicis adhiberi potest... Satis esse ad hanc artem arbitramur... Ut inferius quodlibet a superiori, omnia a summo dependant etc» (Ibidem).

(2) Neque tamen haec ita dico, ut existimem veram et solidam juris cognitionem nudis istis documentis comparari posse sine usu atque adjumento exercitationis: sed exercitationem ipsam certa praeceptorum methodo destituta non plus valere ad perfectam juris civilis quam aliarum artium cognitionem contendo etc. (Ibidem).

(3) Etiam carpsi nonnulla et delibavi ex his quae legibus aut moribus apud nos constituta aut recepta sunt, aut finem controversiarum pronunciatione judicium acceperunt etc. (Partitiones).

(4) «Nihil-ne agunt» — спрашиваетъ онъ — «qui, quae ab aliis bene inventa sunt, tuentur, qui his suum iudicium, suum scribendi ordinem adjungunt, qui imperfecta satagunt, supervacua resecare etc». (Partitiones. Epistola). — Эйссель, который также считаетъ голландскую школу преемницею французской, затрогиваетъ вопросъ объ отношеніи Донеелла въ Виннію. Замѣчанія его и здѣсь подтверждаютъ высказанное нами мнѣніе. (Ср. Doneau etc. PP. 222, 233).

сказано выше, нельзя считать Винция человекомъ первоклассныхъ дарованій. Въ головѣ его не было сосредоточенной, самобитной силы, которая ведетъ къ истинному творчеству. Но простота, легкость и вмѣстѣ обстоятельность его изложенія сдѣлали его весьма полезнымъ руководителемъ. Къ нему съ пользою могъ обращаться всякій, кто желалъ учиться римскому праву въ стройной системѣ, не тратя времени на соединеніе въ одно цѣлое массы разрозненныхъ источниковъ. «При изученіи римскаго положительнаго права, нужны систематическіе учебники, составленные профессорами (*Quaerenda sunt in jure civili praesertorum compendia*)», говорилъ Винцій, и написалъ, между прочимъ, съ такою практическою цѣлью собственное свое сочиненіе (*Partitiones*). Ненужно однако-же думать, чтобы юристъ этотъ былъ узкимъ систематикомъ, лишеннымъ критическихъ способностей. Напротивъ, экзегеза Винція отличалась замѣчательными и вполне самостоятельными достоинствами. Гуго говоритъ, что нѣкоторые труды Виннія въ свою очередь заслужили почетное право сдѣлаться образцомъ для другихъ, по солидности и блеску элемента критическаго (1).

Что касается прочихъ представителей голландской школы юристовъ, то они — кажется намъ — могутъ быть приведены къ двумъ частнымъ отбѣнкамъ, при общности главнаго направленія. Одни — какъ на примѣръ: *Ульрихъ Губеръ* (*Ulrich Huber*, † 1682) и *Йоаннъ Футъ* (*Joh. Voet*, † 1719) — главнымъ образомъ имѣютъ въ виду систему въ разработкѣ науки и держатся направленія, указаннаго Винніемъ. Подобно ему, они даютъ своимъ ученымъ изслѣдованіямъ форму компендіарно-догматическую. При этомъ у Йогана Фута особенно-ясно и полно выступаетъ тотъ практическій элементъ, который обозначился отчасти въ методѣ Виннія. — Другіе — *Нодтъ* (*Ger. Noodt*, † 1725), *Скольтинъ* (*Ant. Schulting*, † 1734) и *Бэнкерсюкъ* (*Corn. van Bynkershoek*, † 1749) — разрабатываютъ частное право въ сводѣ рим-

(1) Сравни. *Hugo. Gel. Geschichte. S. 405.* Особенно хороша критика текста въ сочиненіяхъ Помпонія. Замѣчательно, что институты Виннія были въ послѣдній разъ перепечатаны въ Испаніи 1846—1847 года. Фактъ этотъ сообщаетъ Эйссель въ своей монографіи (стр. 325).

скихъ законовъ, преимущественно въ духѣ историко-филологической критики. Въ экзегезѣ и комментаріяхъ своихъ они обнаруживаютъ близкое сродство съ учеными приемами Куяція.

Такимъ образомъ, *Ульрихъ Губеръ* приводитъ въ систему свои критическія изслѣдованія надъ текстомъ источниковъ. Въ одномъ изъ его сочиненій (*Digressiones Justinianae*) собраны въ одно цѣлое всѣ тѣ мѣста изъ свода императора Юстиниана, гдѣ существуютъ — по мнѣнію ученаго голландца — уклоненія отъ истинной, исторической нормы права римскаго. Какъ ни замѣчательна этотъ трудъ по учености и по вѣрному такту критическому, основную идею его составляетъ приложеніе систематическихъ приемовъ Виннія къ результатамъ экзегетическаго анализа. Что же касается до указанія *антиномій* и *уклоненій* въ частностяхъ трибониановской компіляціи, то здѣсь представляется повтореніе приема, едва-ли не общаго всѣмъ ученымъ гуманическаго направленія, отъ Полиціана и Мафея Вергія. Въ догматическомъ своемъ сочиненіи (*Praelectiones Juris civilis*) Губеръ имѣлъ въ виду обработать, подобно Виннію, систему римскаго права, такъ чтобы она могла служить для цѣлей теоретическихъ и практическихъ. Онъ выполняетъ эту задачу относительно свода, съ удержаніемъ въ общихъ чертахъ законнаго порядка источниковъ. Книга Губера пользовалась большимъ уваженіемъ между учеными юристами Голландіи и даже Германіи (1). Томазіи издалъ ее съ собственными дополненіями.

Учитель *Банкерска*, въ которомъ открылъ и удачно направилъ онъ богатая способности, Ульрихъ Губеръ гораздо ярче выступаетъ, по нашему мнѣнію, въ сферѣ правъ: государственнаго и международнаго. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстнѣйшее его сочиненіе (*De jure civitatis libri tres*) есть одна изъ первыхъ попытокъ — систематизировать ученія права государственнаго, въ формѣ энциклопедическаго компендіума. Независимо отъ формальныхъ достоинствъ въ систематическомъ изложеніи, романистъ

(1) Warnkönig. Jur. Enc. § 119. — Hugo. Gel. Gesch. (Lehrbuch eines civil. Cursus, 6 B.).

Губеръ является въ этой книгѣ проводникомъ такихъ идей, которыхъ никакъ нельзя назвать отсталыми и антикварными даже для рациональнаго XVIII столѣтія (1). Въ между-народномъ правѣ, ученое направленіе и сила Губера, какъ цивилиста, сказались въ избраніи *частнаго* между-народнаго права специальнымъ предметомъ для своихъ занятій. Разработка этого важнаго отдѣла, гдѣ имя Губера до сихъ поръ еще имѣетъ значеніе авторитета, предпринята имъ съ точки зрѣнія гуманнаго и космополитическаго ученія римскихъ юристовъ (*De comitate Juris Gentium*).

Что касается *Иоганна Фута*, то онъ былъ однимъ изъ тѣхъ ученыхъ, которые входятъ въ исторію науки семейными группами. Такія явленія нерѣдки между учеными людьми германскаго племени. Здѣсь часто научное преданіе бережно хранится, какъ лучшій семейный интересъ, и переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣнія, высылая на умственную работу свѣжихъ и сильныхъ дѣятелей. И *Иоганнъ Футъ* — подобно *Груберамъ*, *Гроновіямъ* въ Голландіи, подобно *Карпцовымъ*, *Маттеи*, *Бергерамъ* и многимъ другимъ въ собственной Германіи — выступилъ на учено-литературное поприще послѣ отца своего. *Павель Футъ* (*Paul Voet*, † 1667) приобрѣлъ извѣстность и уваженіе въ тогдашнемъ ученomъ мѣрѣ какъ филологъ, богословъ, философъ и юристъ, который былъ плодотворнымъ писателемъ по всѣмъ этимъ специальностямъ. Между прочимъ *Павель Футъ* издалъ комментарий на институты (*Commentarius in Quatuor libros Institutionum Iustiniani*), напечатанный въ первый годъ послѣ его смерти (1668). Здѣсь обращено авторомъ особенное вниманіе на современную практику (2).

Иоганнъ Футъ высказалъ такое-же практико-казуистическое направленіе въ первомъ ученomъ трудѣ своемъ (3). Будучи превосходнымъ филологомъ — гуманистомъ, подобно отцу своему, онъ

(1) Сравни. *Robert v. Mohl. Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften.* (B. SS. 234, 235).

(2) Сравни. *Jugler's Beiträge.* 2 B. Критическое мнѣніе Людевига.

(3) *De Jure Militari Liber Singularis... in quo controversiae juxta leges, gentium mores et rerum judicatarum exempla sunt definitae.* 1670.

оказался сдержаннѣе его на литературномъ поприщѣ и писалъ почти исключительно по юриспруденціи. За то Футу-сыну удалось сдѣлать несравненно болѣе отца въ томъ тѣснѣе-опредѣленномъ кругѣ, который выбралъ онъ для своей дѣятельности. Послѣ нѣсколькихъ юридическихъ диссертаций, написалъ онъ большое догматическое сочиненіе по римскому праву⁽¹⁾, и трудъ этотъ почти сразу сдѣлался популярнѣе сочиненій прочихъ юристовъ въ Голландіи, неисключая Губера. Весьма вѣроятно, что успѣху этому значительно способствовала практическая сосредоточенность въ изложеніи у автора. Избѣгая всякихъ отступленій и вторженій въ чуждыя области, онъ занялъ одними юридическими матеріалами. Ясный, простой языкъ, безъ обремененія текста историческими и антикварными подробностями, наконецъ — полное отсутствіе балласта мнѣній ученыхъ юристовъ (*Communis doctorum opinio*)⁽²⁾ были безспорно-замѣчательными качествами. Прибавимъ къ этому постоянное стремленіе автора: разъяснять и примирять противорѣчія въ законахъ, соображаясь, гдѣ нужно, съ современною практикою. Послѣ этого станетъ понятно, откуда идетъ то глубокое уваженіе практическихъ юристовъ къ Футу, которое до сихъ поръ еще сильно и свѣжо въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ (напр. въ Англіи). Вообще мысль о сближеніи римскихъ законовъ съ новыми, современными началами въ юридической жизни Голландіи не покидаетъ Фута на всемъ учено-литературномъ пути его. Она ясно высказана имъ въ особомъ сочиненіи.⁽³⁾ Ею же проникнуть самый большой и знаменитый трудъ Фута: *комментарій на пандекты*⁽⁴⁾. Югеръ говорить, что изданіе этого сочиненія въ полномъ смыслѣ слова

(1) *Compendium juris juxta seriem Pandectarum, adjectis differentiis juris civilis et canonici etc.* 1682.

(2) *Юг.* Футъ говоритъ о себѣ, что онъ: «Levi ac simplici dicendi genere juridica tantum proposuisse, nullis ornata flosculis oratorii, nullis interspersis variegata historiis, non antiquitatum monumentis referta, non de auctorum sententia testimoniis, nec aliarum artium ac disciplinarum ornata splendentia etc. Jugl. ubi supra.

(3) *Oratio de jungenda Romani Juris et hodierni scientia.* 1688.

(4) *Commentarius ad Pandectas in quo, praeter Romani principia ac controversias illustres, jus etiam hodiernum et praecipue fori quaestiones, excutuntur.* 1698. Сравни. Warnkönig. Jur. Enc. § 119.

обогастило предприимчивыхъ и образованныхъ издателей Голландіи, центра книжной торговли въ тогдашней Европѣ. (1).

Такъ понимали и примѣняли методъ въ разработкѣ римскаго права нѣкоторые, наиболѣе видные, юристы голландской школы. Систематическій элементъ яснѣе и полнѣе всего проявляется у Виннія, съ легкимъ отгѣнкомъ практико-казуистическаго направленія. У Футовъ—особенно у Иоганна Фута—видно, какъ къ элементу систематическому съ особенною силою примыкаетъ практико-казуистическое начало въ догматическихъ сочиненіяхъ. Во всякомъ случаѣ, ни Виннія, ни Ульриха Губера, ни Футовъ, нельзя подвести къ категоріи юристовъ, которые изучали и разработывали римское право для одного уясненія Плавта, Цицерона и Горация. Таково, между прочимъ, воззрѣніе *Лабулэ*. Французскій ученый полагаетъ также, будто представители Голландской школы (къ нимъ естественно нужно отнести всѣхъ вышеуказанныхъ юристовъ) ни когда не выходили въ своихъ сочиненіяхъ за предѣлы чистой догмы права римскаго. Ссылаемся между прочимъ, въ качествѣ крайняго довода, на вышеприведенныя сочиненія Иоганна Фута. Слова: «современное право», «обычай народовъ и судебные прецеденты» («Jus hodiernum», «Gentium mores», «Res judicatae») — показываютъ, что здѣсь дѣло идетъ о такихъ вопросахъ, которыхъ нельзя рѣшить съ помощью одного римскаго права, хотя бы уясненнаго филологическимъ изученіемъ Плавта или Горация (2).

Замѣчаніе, высказанное *Лабулэ*, ближе всего подходитъ къ *Герардту Нодту* между голландскими юристами. Знатокъ и любитель математики и философіи, Гер. Нодтъ позже всего обратился къ юриспруденціи и подготовлялся къ ней въ аудиторіи Гроновія. Нѣтъ ничего мудренаго, если филологическій элементъ

(1) Отъ 1704—1734 г. комментарий Фута имѣлъ шесть изданій. (1)

(2) Ср. Laboulaye. Essai sur la vie et les doctrines de Fréd. Ch. Savigny. P. 15. «Les chefs de l'école batave se distinguèrent par un goût exquis, une latinité pure, une connaissance approfondie de l'antiquité classique, mais ils furent plutôt philologues que juriconsultes; et à lire leurs écrits, on dirait que le but principal de ce droit romain, dont ils ne s'écartent jamais, soit d'éclairer Plaute, Horace ou Cicéron etc.» (1)

остался преобладающимъ въ методѣ ученаго голландца, какъ юридическаго писателя и профессора. Преувеличенное и педагогическое мнѣніе одного, современнаго Нодту, критика выставляетъ его единственнымъ юристомъ съ общимъ и солиднымъ образованіемъ (1). Но если такой приговоръ является пустою фразою относительно современника Бэнкерсгукъ и Скультинга, за то нельзя не видѣть въ ученыхъ трудахъ Нодта, быть можетъ слишкомъ строгаго, гуманическаго направленія. Сами друзья и защитники Нодта, отражая отъ него нападки за мнимый плагиатъ со стороны придирчивыхъ критиковъ того времени, указывали на то обстоятельство, что Гер. Нодтъ вовсе не зналъ многихъ трудовъ новѣйшаго времени. По словамъ ихъ, онъ занимался изученіемъ однихъ древнихъ памятниковъ литературы вообще и римскаго права въ особенности (2). Въ этомъ оправданіи—самая вѣрная характеристика ученаго направленія Нодта. Послѣдній является предъ ученою исторіею какъ знатокъ и почитатель римскаго права, въ разработкѣ котораго главнымъ дѣломъ казалась ему критика текста съ преобладаніемъ оттѣнка филологическаго. Входя первый разъ на кафедру профессорскую, Гер. Нодтъ заговорилъ о юриспруденціи какъ римлянинъ временъ Ульпіана (3). Заканчивая свое поприще, онъ усердно работалъ надъ обширнымъ трудомъ (комментарій на Дигесты), который былъ прерванъ смертію. Здѣсь, говоритъ одинъ критикъ того времени, замѣтно уже было паденіе силъ въ ученомъ труженикѣ (4). Довольно длинный рядъ работъ Гер. Нодта, между двумя крайними предѣлами ученой его дѣятельности, вполнѣ обнаруживаетъ послѣдовательную вѣрность голландскаго юриста выше-указаннымъ приемамъ въ разработкѣ римскихъ законовъ. Классическая индивидуальность ихъ, очевидно, увлекала собою Нодта. Съ непонят-

(1) Вотъ это мнѣніе. Оно принадлежитъ какому то *Græve* (Gräve) и выражено слѣдующимъ образомъ: «N. vir est egregius et qui solus inter juris antistites apud nos litterarum non est rudis etc.» Ср. Jugler. Beiträge. Hugo. Gel. Gesch. SS. 461, 462.

(2) Jugler. Ubi Supr.

(3) Oratio de civili prudentia 1679.

(4) Jugler. Beiträge etc. «Virium jam deficientium signa ostendebat.»

ною для нашего времени любовью, отдался онъ сухому анализу частныхъ, утомительной ученой борьбѣ съ искаженіями исторической истины въ текстѣ римскаго права. Сосредоточившись на подобной работѣ, Гер. Нодтъ не обнаружилъ въ своихъ сочиненіяхъ того практико-казуистическаго направленія, которое видно у другихъ юристовъ голландской школы. «Народные обычаи, современное право и судебные прецеденты», съ которыми встречаемся у Иоганна Фута, остаются для Гер. Нодта безразличными. Ученыя распри («Controversiae juris») современныхъ юристовъ занимаютъ его только тогда, когда непосредственно касаются его сочиненій. Такъ одна изъ двухъ историческихъ диссертаций его (De partus expositione) (1) вызвала полемику, въ которой былъ онъ побѣжденъ талантливостью, силою учености и діалектической ловкостью своего противника Бэнкерсгукъ.

Замѣчательно, что антикварное направленіе у Нодта могло соединиться съ яснымъ пониманіемъ многихъ экономическихъ и политическихъ требованій своего времени. Извѣстно, что Нодтъ защищалъ теорію процентовъ противъ нападеній схоластиковъ. Крѣпко стоялъ онъ также за политическія права гражданъ и за свободу совѣсти, не будучи публицистомъ ex professo въ странѣ своей (2). Трудюлюбивый комментаторъ римскихъ законовъ сумѣлъ найти счастливую середину между двумя, зачастую враждебными, направленіями. Уважая прошедшее, онъ съ сочувствіемъ честнаго человѣка, смотрѣлъ на развитіе новыхъ началъ въ жизни.

Послѣ Гер. Нодта, можно указать еще два знаменитыхъ имени между голландскими юристами, а именно: *Антонія Скультинга* и *Корнелія ванъ Бэнкерсгукъ*. Близкій къ Гер. Нодту въ жизни своей, Скультингъ состоялъ подъ непосредственнымъ его вліяніемъ. Ученое развитіе Скультинга, методъ собственныхъ трудовъ его, въ значительной степени, сложились подъ руководствомъ только-

(1) Другой историч. трудъ Нодта носитъ названіе: «De transactione et pactione criminum.» 1704.

(2) De foenore et usuris libri tres, 1698.—De jure summi imperii et lege regia. 1699.—De Religione, ab imperio jure Gentium libera. 1700. Ср. Jugler; Taisand (Vies des Jurisconsultes.

что оставленного нами юриста (1). Но не смотря на это, личность ученика нисколько не стирается славою и значеніем учителя. Наоборотъ, имя Скультинга пользуется несравненно бѣльшимъ почетомъ въ ученой исторіи (2). Направленіе его, будучи тождественно съ направленіемъ Нодта, имѣетъ свою собственную физиономію. Скультингъ еще сосредоточеннѣе своего учителя. Его не отвлекаютъ въ сторону никакіе вопросы: ни богословскіе, ни политическіе. Онъ цивилистъ по преимуществу. Въ этой области у него одна цѣль. О ней ясно говоритъ самый выборъ предмета занятій, независимо отъ приемовъ въ обработкѣ его. Скультингъ беретъ древнее, до-юстиніановское право (*Jus vetus, ante-justinianeum*) и на него тратитъ главную силу свою. Онъ не вдается въ казуистику и доводитъ только до половины, начатое имъ въ этомъ родѣ, сочиненіе (*Theses controversae*). Древнее право изучаетъ онъ какъ явленіе извѣстнаго времени. Узнать это право желаетъ изъ самыхъ прямыхъ его источниковъ. Скультингъ не остановился на одномъ законодательствѣ императорскомъ, а пошелъ къ исходнымъ пунктамъ юридической жизни римскаго народа. Не удовлетворяясь *последнимъ словомъ*, которое сказано въ сводѣ Юстиніана, Скультингъ главнымъ образомъ сталъ искать *первыхъ словъ, больше раннихъ словъ* юридическаго развитія. Онъ захотѣлъ прислушаться къ *живому голосу права* (*viva vox juris civilis*), внѣ предѣловъ сборника, закрѣпленнаго императорскою санкціею.

Въ подобномъ направленіи трудно отвергать присутствіе идеи исторической. Потому то правъ Варнкѣнигъ, называя Скультинга однимъ изъ провозвѣстниковъ исторической школы Гуго и Савиньи (3). Значеніе это принадлежитъ голландскому юристу вмѣстѣ съ немногими отечественными и иностранными юристами. Скультингъ очень близокъ къ Куяцію въ разработкѣ римскаго права, подобно Бэнкерсгуку, который также, по словамъ Варнкѣнига—взялъ себѣ за образецъ методъ передоваго ученаго фран-

(1) Hugo. *Gel. Gesch.*

(2) Warnkönig. *Jur. Encyclopädie*. § 119.

(3) *Jur. Encycl.* § 119. S. 318.

цузской школы. Оба голландские юриста сходились на некоторых предметах своих исследований, и *Банкерсюк* съ величайшимъ уваженіемъ отзывается о капитальномъ трудѣ Скумътинга (*Jurisprudentia vetus antejustiniana*) (1). Нельзя не пожалѣть, что учебно-литературная дѣятельность его была менѣе плодovitа, чѣмъ у прочихъ юристовъ голландской школы (2).

Гораздо яснѣе для насъ выступаетъ *Корнелій Банкерсюк*. Онъ самъ говоритъ о методѣ и говоритъ много, едва ли не болѣе всѣхъ другихъ юристовъ голландской школы. Критика—главная сила этого замѣчательнаго человѣка, на которомъ безспорно лежитъ печать строгаго и величаваго достоинства. Ученость его изумительна. Видно, что греческій и латинскій міръ знакомы ему со всѣхъ сторонъ, до мельчайшихъ подробностей антикварнаго знанія. Суровый, независимый человѣкъ этотъ выражаетъ великую любовь къ древности и къ праву римскому. Въ сочиненіяхъ его есть страницы, гдѣ онъ какимъ то мягкимъ, сердечнымъ тономъ говоритъ объ умственныхъ наслажденіяхъ, которыя даютъ ему «отрывки изъ древнихъ юристовъ» (3). Разсудительный правовѣдъ, гражданинъ сѣверной республики, съ замѣчательнымъ сходствомъ воспроизводитъ рѣчи соотечественниковъ Валлы и Полиціана, итальянскихъ вождей гуманическаго движенія. И если найдутся люди, которые увидятъ здѣсь на-

(1) «Laudabo» — говоритъ онъ — «V. C. Ant. Schullingii aeternum opus quod nuper edidit et jurisprudentiam Antejustinianam Inscriptit. Eo opere, quod nemo tam sedulo tam docte praestiterat, omnes juris veteris reliquias collegit... et simul probavit, quam utilis sit labor qui in his rebus ponitur etc.» (*Opera omnia Com. v. Bynkershoek opusculum de Rebus Mancipi etc.* P. 331).

(2) Излагая въ такомъ краткомъ очеркѣ нѣсколько замѣчаній объ одномъ изъ самыхъ видныхъ представителей цѣлой школы, приходится искренно стѣновать на бѣдность источниковъ. Было бы въ высокой степени интересно провѣрить на самомъ дѣлѣ, въ подлинныхъ сочиненіяхъ, близость Скумътинга съ Куаціемъ. Тогда только было бы возможно обстоятельно сравнить понятія ихъ о методѣ и самое примѣненіе послѣдняго. Но не имѣя средствъ для достиженія подобной цѣли, приходится ограничиться общимъ и недостаточнымъ очеркомъ.

(3) *OPERA OMNIA* (Cogn. v. Bynkersh.). P. 10. «Animum meum occupavit et rapuit juris elegantia, gravitas, majestas; et tantum abest, ut me in medio foro deseruerit, ut contra potius tunc demum mihi videar res serias et solidas agere quam fragmenta veterum Ictorum verso, tunc otio recte uti et frui, quum in haec amoeniora diverto, tunc animum, forensi opera fessum, oblectare et reficere, quum his blanditiis murmura fori commuto etc.».

тяжку схоластическую, то мы не станемъ въ ряды ихъ. Живыя рѣчи едва ли могли являться на устахъ сильныхъ людей, о которыхъ мы говоримъ, и на которыхъ такъ легко набросить толстый слой архивной пыли—закрыть живыя стороны въ ихъ личности и дѣятельности. Въ словахъ Бэнкерсгукъ слышится выраженіе глубокаго убѣжденія и непритворной любви къ знанію, какъ знанію. Пусть же избавитъ насъ идея историческаго безпристрастія отъ опасности передѣлывать въ Донъ-Кихотовъ науки лучшихъ тружениковъ прошлаго времени. Люди эти доступны были ошибкамъ и преувеличеніямъ. Но историкъ найдетъ у нихъ много вѣры въ науку, много искренности и силы въ словахъ, дѣйствіяхъ и убѣжденіяхъ.

«Гдѣ же однако»—быть можетъ спроситъ у насъ—«самостоятельность и высокія способности критическія въ этомъ записномъ поклонникѣ права римскаго? Тонъ увлеченія и восторженныя похвалы, расточаемыя древнимъ, не наводятъ на мысль о полной самостоятельности...»

Многое въ этомъ родѣ можно сказать, прочитавши нѣкоторыя отдѣльныя мысли Бэнкерсгукъ, и весьма немного, сколько ни будь вникнувши въ духъ и методъ его сочиненій, какъ одного цѣлаго. Еще болѣе скромности въ дѣлѣ окончательнаго приговора должно внушить соображеніе общаго характера той эпохи, когда жилъ и писалъ ученый голландецъ. Историческая цѣль настоящаго разсужденія не допускаетъ иной точки зрѣнія. Отъ юриста, убѣжденія котораго сложились въ XVII столѣтіи, не возможно требовать самостоятельнаго взгляда на римское право въ духѣ германствовъ и рациональныхъ критиковъ новѣйшаго времени.

«Я всегда думалъ»—говоритъ Бэнкерсгукъ почти не переводимымъ, по энергій, языкомъ своимъ—«что мужественная и критическая (*mascula et solida*) наука права римскаго дастъ самыя вѣрныя правила для произнесенія суда во всякомъ судилищѣ, и, *назученный опытомъ*, до сихъ поръ не мѣняю своего мнѣнія» (1).

(1) Ор. Омн. *Observ. jur. Rom. Lib. 4. P. 7 (ad lectorem)*. «Ego semper existimavi, jurisprudentiam Romanam, masculam illam et solidam, in quovis foro praestare certissimas juris dicendi regulas, nec, usu edoctus, adhuc muto sententiam etc.»

Вотъ мысль, категорическое выраженіе которой снова указываетъ и подтверждаетъ глубокое уваженіе къ праву римскому. Здѣсь читается похвала, замѣчается признаніе авторитета. Гдѣ ихъ основаніе? Въ отвлеченной педантической любви къ римскому міру? Въ возможности толковать, пользуясь текстомъ закона, Плавта или Горация? Напротивъ: направленіе это у Бэнкерсгукка слагается и окончательно закрѣпляется *практикою*, самостоятельнымъ наблюденіемъ надъ проведеніемъ закона въ живую среду дѣйствительныхъ юридическихъ отношеній. «*Наученный опытомъ*», говоритъ онъ, «я не оставляю своего мнѣнія».

Намъ возражать о возможности—произвольно примѣнять правило къ даннымъ случаямъ жизни практической, заговорять о легкости—замаскировать требованія послѣдней незамѣтными, постепенными натяжками. Но въ частности замѣчаніе это не можетъ коснуться Бэнкерсгукка. Притомъ, для насъ пока важнѣе всего самый методъ, ученый пріемъ въ работѣ, а не результаты метода. Можно ошибаться въ наблюденіяхъ и окончательныхъ выводахъ. Если же ученый дѣятель оставилъ покойную дорогу школьной рутины и пошелъ искать опоры для истины въ самой жизни: въ такомъ стремленіи видны несомнѣнные признаки силы и самостоятельности.

Бэнкерсгуккъ весьма опредѣленно высказывается противъ господства личнаго, произвольнаго направленія у юристовъ въ теоріи и на практикѣ. Видно, что онъ хорошо понималъ объективный характеръ науки вообще и юриспруденціи въ особенности. Прекрасными словами, истинно-римскими по силѣ и сжатости, выражена у него необходимость сдерживать личное начало въ наукѣ. «Кому дорога истина, говоритъ онъ, тотъ долженъ умѣть испровергать для нея собственное свое созданіе» (1). Сурово и твердо отзываясь онъ объ ученomъ произволѣ въ области права, говоря, что губительное направленіе это способно создать отвлеченно-мечтательную, *мозговую*, вмѣсто истинной юриспруденціи

(1) Ut veritati consulatur, etiam propria oportet convellere.»

(*Cerebrinam Jurisprudenciam*) (1). Сильнѣе всего высказывается положительный складъ головы у Бэнкерсгукка, когда говоритъ онъ о *критическомъ элементѣ* въ экзегезѣ права римскаго. Здѣсь подтверждается та истина, что умный и даровитый человекъ не легко теряетъ свою самостоятельность даже тогда, когда всходить на тропу, по видимому самую избитую. Къ Бэнкерсгукку никакъ не подойдетъ замѣчаніе древняго мыслителя, что люди опредѣляютъ достоинство пути «большимъ количествомъ такихъ слѣдовъ, между которыми не видно ни одного, назадъ идущаго» (2). Нашъ ученый провѣрялъ каждый слѣдъ на той дорогѣ, которою шелъ въ наукѣ, и, къ чести его, ни мало не стыдился отступать, когда требовала того истина (3).

Въ самомъ дѣлѣ, интересно приглядѣться къ задачѣ Бэнкерсгукка въ трудахъ его по праву римскому. По видимому, здѣсь нѣтъ и не можетъ быть ничего новаго. Это—ни что иное какъ *замѣчанія* на текстъ права римскаго (4). Это—та-же экзегеза, что проходить черезъ всю юриспруденцію отъ Ирнерія. Какъ тутъ сохранить самобытность? Но взгляды пристальнѣе въ самого Бэнкерсгукка и затѣмъ уже скажемъ отвѣтное наше мнѣніе.

Нужно замѣтить, что вообще Бэнкерсгукъ чрезвычайно-высокаго мнѣнія о важности и трудности цивилистики. По его мнѣнію,

(1) «*Nunquam magis periclitari opes hominum, quam si juris prudentia cerebrina occupaverit judicia, si non ex jure, sed ex arbitrio lubrico illo et incerto manus conseratur etc.*» (Op. Omn. P. 6.)

(2) Сравни. Corn. Lewis. (Infl. of Authority etc. P. 14). «*Pendemus toti ex alienis judiciis*»—говоритъ Сенека—«*et id optimum nobis videtur quod petitores laudatoresque multos habet, non id, quod laudandum petendumque est. Nec viam bonam ac malam per se aestimamus, sed turba vestigiorum, in quibus nulla sunt redeuntium.*»

(3) Въ этомъ отношеніи можно указать на то, что написалъ Бэнкерсгукъ—уже слабый, разбитый болѣзнями и учеными трудами, старикъ—приготовляя къ изданію свои «*Quaestiones jur. privati.*» Искренность словъ, которыя написаны за нѣсколько дней до смерти, несомнѣнна. «*Constat me non semper ejusdem sententiae fuisse... quae plurimum sententiae (erat), nec fieri potest aliter; sed tamen... non ita me amo, ut ausim affirmare, me semper in eo quod mihi visum est justum et aequum adsecutum.*»

(4) Самъ онъ скромно говоритъ о себѣ слѣдующее: «*De argumeto (observationum jur. Rom.) nihil fere est quid dicam; est id ut esse solet observationum quae ad jus Romanum pertinent (Op. Omn. P. 10). Eme (Ibidem. P. 136): «Selegi amoeniora loca, quorum ratio Interpretes videbatur fuisse, selegi difficiliora et tantum non desperata, si quid lucis adferre poteram si non poteram, prudens abstinui etc.*»

вопросы права публичнаго весьма серьезны и крупны; съ ними связано благо государственное. Но ихъ можно рѣшать, почти исключительно руководствуясь чистымъ разумомъ (*Sola fera ratione magistra causam transigere*). Вопросы права частнаго отличаются большею тонкостію и вообще способности познать умъ, чѣмъ вопросы политическіе. «Для нихъ нужно глубокое и основательное изученіе *иныхъ вспомогательныхъ источниковъ*, кромѣ чистаго разума» (1). Какія именно эти пособія, Бэнкерсгукъ не указываетъ. Категорическое и—по нашему мнѣнію—нѣсколько одностороннее мнѣніе это приводитъ его къ такому выводу, что «хорошихъ цивилистовъ менѣе, чѣмъ хорошихъ политиковъ». Потому то самъ онъ посвятилъ, по словамъ его, лучшие годы юнаго и зрѣлаго своего возраста изученію и разработкѣ права римскаго (2). Потому-то строго разбираетъ онъ недостатки современнаго метода. Рутинный способъ повторенія одного и того же невыносимъ для Бэнкерсгукъ, и онъ энергически отрекается отъ него (3). Слова, оригинально и сильно выражающія это отреченіе (*Dicere nolim quae sunt prius dicta, coctamque heronere crambe*), поставилъ онъ девизомъ на первой страницѣ одного изъ своихъ сочиненій.

Глубокій знатокъ юридической литературы, онъ ясно и отчетливо представлялъ себѣ все движеніе метода въ юриспруденціи, отъ первой эпохи возрожденія этой науки на западѣ, до ближайшаго къ нему времени. Въ сжатомъ, но ясно набросанномъ очеркѣ, указавъ онъ заслуги ученыхъ школъ и великое значеніе XVI столѣтія, какъ эпохи критической (4). Разумная критика есть пер-

(1) Op. Omn. Observ. Jur. Rom. Lib. VII—VIII.

(2) «Contentus sum monere»—говоритъ онъ въ *Quaest. Jur. Publici*—«*me florem aetatis cum juvenili, tum virili, dedisse deliciis Jur Rom. et ob ingravescentem aetatem, me nunc his omnibus bona fide valedicere. Ingravescens, ut dixi, aetas severiores Musas non amat, contenta levioribus, quas et ipsas senectuti reservavi etc.*»

(3) *Miror, cur adhuc placeat repetere decies repetita et propter novum ordinem, vel unam forte alteramve observatiunculam integras Libros implere, et non... magistros (neque enim hi legunt), sed auditores quibus ea obtrundunt, crambe repetita occidere?*

(4) Замѣчательнымъ показалось намъ сходство въ оцѣнкѣ историч. значенія школы глоссаторовъ у Бэнкерсгукъ и Савиньи. Вотъ слова голландск. юриста: «*Prisca gens Doctorum, si verum amamus, in erudiendis pertinaci studio legum sensibus plus praestitit quam nostri vel praeteriti saeculi homines (?)*. Quae in his damnamus (idest in glossatoribus) et ridemus, fere saeculi vitia sunt.» (*Opera Omn. Observat. Jur. Rom.*)

вое жизненное условіе для всякой науки, и тѣмъ болѣе для юриспруденціи. Это — глубокое убѣжденіе у Бэнкерсгукъ. Но «я гнушаюсь» — говоритъ онъ — «грубо-безсмысленною критикою» (1). Разумная критика должна вызываться *необходимостью* (Necessitate). Бэнкерсгукъ разумѣетъ здѣсь то, что одно глубокое убѣжденіе въ органическомъ несовершенствѣ извѣстныхъ сторонъ науки оправдываетъ отрицательные приемы критическіе. Затѣмъ, руководствующимъ началомъ разумной критики должна быть *умѣренность* (Modestia). Тутъ, конечно, имѣется въ виду способность критическаго ума соблюсти соотвѣтственность, прямое пропорціональное отношеніе *между критикою и дѣйствительною потребностью въ ней* для научной истины. «Примѣняя критику на столько, на сколько требуютъ этого несовершенства науки, какъ объективнаго цѣлага», таково общее правило, которое можно вывести изъ понятія о критической «умѣренности» у Бэнкерсгукъ. Особенная способность, тактъ, строгое чувство мѣры (Modus in rebus): вотъ то, что справедливо признаетъ нашъ юристъ необходимыми качествами ученаго критика (2).

Отсюда не трудно объяснить, что разумѣлъ Бэнкерсгукъ подъ критикою противоположнаго свойства (Bruta Crisis). Последнюю онъ, какъ видно, чаще первой наблюдалъ въ дѣйствительности. До сихъ поръ — говоритъ онъ — преобладали только крайнія направленія въ отношеніи критики. Есть слишкомъ почтительная, до суевѣрія робкая, категорія людей, которые, строго говоря, отрицаютъ критическое начало въ наукѣ. Они доводятъ подобное отрицаніе до того, что не рѣдко съ лицемѣрнымъ спокойствіемъ останавливаются на нелѣпностяхъ и явныхъ заблужденіяхъ. Девизъ ихъ: пусть господствуютъ рутинна и даже заблужденіе, лишь бы не было критики. Есть и другое ученое племя: «свирѣпое, дерзкое и вредное». Это — фанатическіе поклонники критики, — люди, для которыхъ выше всего одинъ процессъ критики; для которыхъ наука съ ея дѣйствительными потребностями и интеле-

(1) «Sed brutam crisis, ut qui maxime, detestor.»

(2) «Adeo in re Critica quamdam esse quamvis ingeniorum felicitatem quae, etiam legibus soluta, emergit, dum alii, etiam profunde eruditi, quique non emendant nisi ex formula, magnis tamen excidunt ausis etc.»

ресами становится назад, а на первый планъ выступаетъ шаткое начало личнаго, всегда произвольнаго и не рѣдко ложнаго мнѣнія (1). Саркастически изображаетъ перо Бэнкерсгукъ подосбныхъ критиковъ. Они являются у него какими то кондотьерами въ наукѣ, готовыми напасть на какую угодно сторону — правую или виноватую — переворачивать, ломать и искажать, до уничтоженія, факты научные. Пусть только будетъ отъ того пріятно ученому самолюбію; пусть только найдетъ себѣ пищу педантическая фантазія! (2). «Такимъ то образомъ» — заключаетъ Бэнкерсгукъ — «извѣстно, что больше принесено вреда, чѣмъ пользы, юриспруденціи, и наука, въ одинаковой степени необходимая и полезная, сдѣлалась предметомъ общественаго посмѣянія».

То, что писалъ Бэнкерсгукъ противъ недостатковъ современнаго метода, можетъ найти для себя лучшее подтвержденіе въ собственныхъ трудахъ его. Строгій къ отдѣльнымъ ученымъ, онъ поражаетъ своею сдержанностію при обсужденіи научныхъ вопросовъ. Гордый аристократъ между почтенными докторами *utriusque juris* становится почтительнымъ труженникомъ предъ высокимъ трибуналомъ науки. Часто, говоритъ онъ, что не можетъ рѣшить какого-нибудь вопроса по неимѣнію свѣдѣній и скромно отходить въ сторону (3).

Потому то самъ Бэнкерсгукъ, какъ экзегетъ, берется всегда лишь за то, что дѣйствительно нуждается въ объясненіи, и ведетъ его чрезвычайно осторожно, не злоупотребляя богатствомъ учености. Не трудно угадать, что при этомъ опирается онъ на самые вѣрные, непосредственные источники (4). Никогда не те-

(3) *Leges figere atque refigere si in manu sit Critici, continuo ejus erit de Rhetore facere consullem et rursus de Consule Rhetorem... Nostram opinionum amor.... has tantas discordias et varietates creavit: cum ea quae non fateri pudet ignorare mendosa esse existimamus...* (Oper. Omn. P. 8).

(1) *Negare nolim ipsos Criticos sua arte turpiter abusos, plura forte vulnera et cicatrices bonis auctoribus intulisse quam sustulisse. Quantaе audaciae, quantaе temeritatis sint Criticorum cruentatae saepe manus nemo est qui nesciat: quo plus audent, eo plus audere pergunt, scindentes, urentes, secantes, quidquid cerebello suo non placet etc.*

(2) Сравни. *Opusculum de Rebus Mancipi etc. Cap. II, VIII.*

(3) «....Sine his nemini poterit constare solida emendandi ratio....»

ряетъ онъ сосредоточеннаго вниманія къ серьезнымъ интересамъ науки. Классики и филологія не задвигаютъ предъ нимъ существеннаго дѣла при разъясненіи юридическихъ ученій. Всегда видно, что для него юриспруденція—главное, а все остальное—побочное. Юриспруденція составляетъ цѣль, на служеніе которой обращаетъ онъ, въ качествѣ средства, громадную ученость свою. Есть мѣста, гдѣ Бэнкерсгукъ самъ говоритъ объ этой сторонѣ своего метода (1). Но доказательства можно найти на каждой страницѣ его сочиненій. Одна изъ небольшихъ диссертацій Бэнкерсгука касается предмета, совершенно антикварнаго: раздѣленія имуществъ по древнему праву римскому (*De rebus mancipi et nec mancipi*). Что побудило автора избрать себѣ такой предметъ изслѣдованія? Какъ понималъ онъ значеніе подобныхъ работъ для современной ему юриспруденціи? Быть можетъ здѣсь, наконецъ, увлекся онъ однимъ пристрастіемъ ученаго гуманиста и выбралъ предметъ на-удачу, въ силу *непреложнаго* достоинства всего древняго? Основаніе для такого выбора очень просто и ясно выражено у Бэнкерсгука: *предметъ труденъ и теменъ* (*res difficilis et obscura est*); *следовательно необходимо уяснить его* (2). Вотъ силлогизмъ, которому никто не откажетъ въ логичности,—силлогизмъ, который, лучше цѣлыхъ страницъ, выражаетъ самостоятельный, могучій складъ ума нашего ученаго. Ему весело входить въ малоизвѣстныя или не открытыя области знанія. Только слабый человѣкъ отстываетъ предъ массою впечатлѣній отъ новыхъ фактовъ, отъ неизслѣдованныхъ явленій. Сильный дѣятель видитъ здѣсь причину удвоить энергію и завладѣть матеріаломъ, который пребывалъ такъ долго за чертою обладанія науки, по выраженію Бэнкерсгука «*In vacua possessione*».

Въ самомъ дѣлѣ, древнее раздѣленіе вещей уничтожено Юсти-

(1) Сюда относятся между прочимъ объясненія его при изданіи монографіи (или вѣрнѣе: *исторической диссертаціи*) «*De Religione Peregrina*». Бэнкерсгукъ прямо говоритъ, что занялся этимъ отдаленнымъ вопросомъ для юриста съ цѣлью и убѣжденіемъ принести пользу юриспруденціи: «... Ut explicarem, putavi Jurisprudentiae interesse... Semper mihi displicuit et adhuc displicet alienas possessiones invadere et luxuriantis ingenii pomeria extendere ultra fines et terminos ejus quod cuique agendum est... etc.» (OPERA OMM. P. 411).

(2) OPERA OMM. P. Сравн. также конецъ 11-й главы «*Opuscul. de jure occidentendi liberos*».

ніаномъ; обработка этого вопроса римскими юристами не вошла въ надлежащую полнотѣ въ пандекты; писатели не юристы молчать или весьма мало говорить объ немъ (1). Все это извѣстно Бэнкерсгуку, и вотъ его рѣшеніе: «я хочу отыскать свѣтъ среди самой темноты» (2). Слово является у него дѣломъ. Не-большой трактатъ «De rebus Mancipi» заключаетъ въ своихъ IX главахъ доказательства самой серьезной, вполнѣ научной разработки. Не смотря на антикварный характеръ предмета, не смотря, наконецъ, на присутствіе цѣлой главы (VII), гдѣ кропотливо объясняются многія мѣста изъ Варрона (3), разсужденіе это не можетъ быть пройдено безъ вниманія. Добросовѣстное стремленіе понять и выразить природу древняго юридическаго учрежденія (4); остроумное и вмѣстѣ скромное разрѣшеніе многихъ неясностей и противорѣчій: вотъ какіе приемы замѣчаются въ этой схоластической диссертациі.

Вообще въ трудѣ этомъ ясно обозначается присутствіе идеи исторической. Здѣсь Бэнкерсгукъ сошелся съ Скюльтингомъ. Опредѣливши задачу своего труда, Бэнкерсгукъ говоритъ слѣдующее: «насъ могутъ спросить, къ чему ведетъ изученіе права древняго? Что за нужда юриспруденціи переворачивать песель, давно уже преданный погребенію, и тратить на это столько часовъ цѣннаго времени? Но такъ умничаютъ обыкновенно, кто не знаетъ, какъ слѣдуетъ цинить остатки сочиненій древнихъ юристовъ, — кто не выучился черпать чистую воду изъ самыхъ источниковъ, а предпочитаетъ ей мутную, изъ такъ называемыхъ докторскихъ комментаріевъ и отвѣтовъ (Responsis). Въ римскомъ правѣ, которымъ мы пользуемся теперь по сочиненію Трибоніана, есть безчисленныя главы, въ смыслѣ которыхъ пришлось бы

(1) «Omni aetate veteri, nova, ita comparatum fuit, ut quo magis res vulgo esset nota et usu frequentata, eo minus litteris mandata et ad posteritatem propagata fuisset, inutilis — ut creditur — opera. Ita tamen vivitur, et inde tam altum apud plerosque de rebus Mancipi et nec Mancipi, de dominio Quiritario et Bonitario silentium». (Ibidem).

(2) «Placet mihi ex ipsis tenebris lucem quaerere».

(3) Varro variis locis illustratus. Op. omn. P. 336.

(4) Cap. II.

отчаются, если бы наука осталась безъ памятниковъ и пособій права древняго» (1). Вотъ одно изъ самыхъ выразительныхъ мнѣній, между извѣстными намъ мнѣніями юристовъ голландской школы, о необходимости историческаго элемента въ юриспруденціи. Въ самомъ дѣлѣ: почему нельзя понимать труда Трибоніана безъ пособія отрывочныхъ, но подлинныхъ остатковъ права древнѣйшаго? Значить, могутъ найдтись, *въ правѣ позднѣйшаго времени, сродство и связь съ юридическими учрежденіями ранняго, даже весьма далеко прошедшаго?* Значить, римское право развивалось само изъ себя, независимо отъ произвола законодателей? Въ противномъ случаѣ, можно было довольствоваться однимъ тѣмъ, что дали Юстиніанъ и Трибоніанъ, безъ трудной работы восхожденія къ темнымъ, полузабытымъ источникамъ. Кто пошелъ къ нимъ, въ томъ несомнѣнно было, болѣе или менѣе ясное, сознаніе исторической зависимости послѣдующаго отъ предъидущаго. Но, съ другой стороны, у Бэнкерсгукъ не видно систематическаго, антикварнаго пристрастія къ прошедшему. По видимому, древнее право (*Jus antejustinianum*) имѣетъ для него цѣнность, главнымъ образомъ потому, что можетъ уяснить *смыслъ и даже развитіе болѣе новаго* (*Jus justinianum*). А въ этомъ то и заключается существенная и разумная сторона историческаго метода; въ этомъ — отличіе его отъ родственнаго ему антикварнаго направленія. Последнее всегда упускаетъ изъ виду, по справедливому замѣчанію Пухты, моментъ развитія и движенія. Оно беретъ извѣстный предметъ, какъ нѣчто законченное, нашедшее для себя точку успокоенія.

Что Бэнкерсгукъ прекрасно понималъ значеніе историческаго элемента въ методѣ, на то можно представить нѣсколько доказательствъ. Такъ еще одна изъ его монографій написана имъ съ цѣлью строгой повѣрки и твердаго установленія *истины исторической, затмѣненной невѣрными изслѣдованіями* (2). Самъ Бэнкерсгукъ стоитъ на весьма твердой почвѣ въ своемъ сочиненіи. *Нравы народа опредѣляютъ духъ различныхъ учреждений въ области*

(1) Opera omn. P. 331.

(2) Opera omn. Opuscul. De Jure Occidentis Liberos.

права римскаго (1) А такое право — созданіе нравовъ (обычая?) — растетъ обыкновенно исподоволь и приобретаетъ силы, идя впередъ, развиваясь (2). Изъ этихъ замѣчательныхъ, хотя отрывочно высказанныхъ, словъ, можно видѣть, почему не признаетъ Бэнкерсгукъ быстрыхъ скачковъ (Precipiti saltus), въ развитіи извѣстныхъ юридическихъ учреждений (3). Ясно также, почему самъ онъ такъ остроумно раскрываетъ моментъ возникновенія и постепенное, историческое движеніе въ объясняемомъ явленіи юридической жизни римскаго народа. Здѣсь же, наконецъ, основаніе, по которому порицаетъ онъ стремленіе опредѣлять сущность юридическихъ учреждений, закрывая глаза предъ дѣйствительнымъ обликомъ права положительнаго, оставляя въ сторонѣ историческую основу послѣдняго (Inanis Philosophia). Приступая къ объясненію положительнаго права, юристъ не долженъ забывать своей роли истолкователя (Ut decet Interpretes). «Здѣсь дѣло идетъ не объ установленіи новаго права (non de jure constituendo), что имѣетъ мѣсто въ совѣтахъ законодателей, но о правѣ уже установившемся (de jure constituto), гдѣ ничего не значатъ какія бы то ни было произвольныя основанія» (4).

Послѣ всего этого, возможно ли опредѣлить: былъ ли Бэнкерсгукъ исключительнымъ антикваріемъ и ученымъ истолкователемъ древнихъ классиковъ въ предѣлахъ римской юриспруденціи? На самомъ дѣлѣ окажется, что ученый, которому отрывокъ изъ сочиненія древняго юриста доставлялъ такія же наслажденія, какъ

(1) Non alia fuit veteris Jurisprudentiae ratio: nam ut veterum Romanorum rigidi mores, sic rigidae leges etc. (Opera omni. Opusc. De J. Occ. lib. Cap. 1).

(2) Id jus, quod moribus debetur, paulatim solet serpere et vires acquirere eundo etc (Ibidem. Cap. IV).

(3) Non concidit (jus occid. liber.) uno ietu, id est lege statim in hanc rem lata... sed deferhuit sensim sine sensu, et postquam mores jam subegissent, accessit demum publica Auctoritas, cum Ictorum, tum Principum (Ibidem. Cap. I, II).

(4) Любопытно сравнить это мнѣніе Бэнкерсгука съ однимъ, весьма близкимъ къ нему по идеѣ, мнѣніемъ у Савиньи: «Indem... der Ausleger nicht den blossen Buchstaben, also den Schein des Gesetzes, sondern den wirklichen Inhalt desselben zu verbessern unternimmt, stellt er sich über den Gesetzgeber und verkennt also die Gränzen des eigenen Berufs; es ist nicht mehr Auslegung die er übt, sondern wirkliche Fortbildung des Rechts etc». (Syst. des heutigen Röm. Rechts. 1 B. § 50).

греческая антологія, былъ строгимъ позитивистомъ въ наукѣ. Такимъ же является онъ въ юридической практикѣ (1). Личное чувство справедливости (Aequitas) стоитъ для него на степенн темнаго, неопредѣленнаго инстинкта, которому опасно давать большую силу въ судейской дѣятельности. Сходство въ понятіяхъ людей о справедливости, конечно, сдѣлало бы ненужными законы положительныя; но на самомъ дѣлѣ нѣтъ подобнаго согласія (для Бэнкерсгукъ оно кажется невозможностью). Потому то нуженъ законъ, какъ общая норма, которою примиряется разладъ въ юридическихъ понятіяхъ и въ самыхъ общественныхъ отношеніяхъ (2). Положительный законъ—главная сила юриспруденціи; въ немъ видитъ Бэнкерсгукъ свойства и значеніе юридической нормы по преимуществу. Но да позволено будетъ спросить: что признаетъ Бэнкерсгукъ *положительнымъ правомъ* въ своемъ отечествѣ? Идетъ ли онъ систематически противъ всѣхъ другихъ источниковъ, кромѣ права римскаго? Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что вопросъ объ отношеніи римскаго права къ отечественному представляетъ весьма скользкую почву для романиста. Извѣстно, что на этой почвѣ дѣлали не-вѣрные шаги многіе сильные люди между юристами европейскими (3). Есть ли у Бэнкерсгукъ такое догматическое пристрастіе? Доводить ли онъ воззрѣнія свои до крайнихъ предѣловъ петеримости? Отвѣчая на это добросовѣстно, нужно сознаться, что юристъ нашъ допускаетъ нѣсколько самостоятельныхъ видовъ въ общей чертѣ положительнаго права, какъ родоваго понятія. Между прочимъ, у него встрѣчаются здѣсь мѣстные статуты и обычаи (4). Нигдѣ не находится у него безъ-апелляціоннаго осудительнаго

(1) «Flores et elegantiores litteras non ita aspersi, quin semper potiorum habuerim Jurisprudentiae causam, priscos in eo Magistros aemulatus», сказалъ Бэнкерсгукъ, точно предвидя критику своего направленія, въ томъ родѣ, какъ приведенное уже нами мнѣніе *Лабуля* о предпочтеніи Плавта и другихъ классиковъ непосредственнымъ интересамъ юриспруденціи.

(2) «De aequitate si omnibus mens una esset, frustra fuisset leges scribere; sed quia Maevio aequum videtur, quod Titio iniquum, dissentientibus supervenit legis auctoritas etc.»

(3) Puchta's *Gewohnh. Recht*. S. 194 fg.

(4) *Opera omnia*, *Observ. Jur. Rom. Lib. IV. (Ad lectorem)*.

приговора надъ цѣлою системою права отечественнаго, въ пользу римскаго законодательства. Не смотря на схоластическіе титулы: (*Sacratissimae leges, optimae notae Cod. Florentinus*), которыми величаетъ онъ иногда любимое свое право римское, Бэнкерсгукъ не ставитъ его во враждебномъ отношеніи съ отечественнымъ,—не говоритъ, какъ бывали тому примѣры у другихъ юристовъ, что «последнимъ могутъ управляться только толпы невѣжественныя». Напротивъ: «*идѣ молчатъ законы отечественныя*», тамъ видитъ онъ разумную возможность пользоваться знаніемъ права римскаго (1). Правда, вѣра его въ пользу такого примѣненія велика. Римское право, какъ элементъ дополняющій и усовершеншующій отечественные законы, можетъ вредить только потому, что «даже огонь и вода, въ сущности благодѣтельныя стихіи, вредятъ, когда попадаютъ въ руки челоуѣку неумѣлому».(2) Въ этомъ есть увлеченіе; противъ этого можно спорить, особенно юристу XIX столѣтія. Но все же здѣсь нѣтъ того ученаго фанатизма, который встрѣчается въ правилѣ: что «при истолкованіи и примѣненіи обычнаго (національнаго) права нужно какъ можно менѣе уклоняться отъ права общаго (римскаго)», и что «въ случаѣ разногласія перваго съ последнимъ, слѣдуетъ давать праву національному *самое узкое толкованіе* (*Strictissima Interpretatio*)»(3). Признавая, какъ подлинный, совершившійся фактъ, вліяніе національнаго начала въ отечественномъ законодательствѣ, онъ подвергаетъ последнее строгому анализу. Юриспруденція должна, по его мнѣнію, дополнить пробѣлы и недостатки одной, менѣе полной, системы права богатымъ содержаніемъ другой системы, болѣе полной и законченной (4). Притомъ *одно глубокое* знакомство съ римскимъ правомъ можетъ принести дѣйствитель-

(1) «*Ubi verosilent leges Patriae... quid succedat nisi Romanae?*»

(2) *Id* (т. е. вредъ отъ права римскаго) *factum puta vitio eorum, qui abutuntur arte pulcherrima: male utentibus, etiam utilissima generi humano elementa, ignis et unda, nocent etc.*

(3) Сравн. Puchta's G. R. Ссылка на Эгарда, который приводитъ мнѣнія Котмана, Гайля и другихъ.

(4) «*Vagum, incertum, obscurum est quidquid fere est Juris Patriae.. Patet prolixis disputationibus. Quotusquisque casus est, quem in his (Legibus Patriis) frustra quaeras, quemque non definias, nisi adhibitis regulis Juris Romani.. etc.*»

ную пользу наукѣ и практикѣ права положительнаго («...Ut ex asse simus Jurisconsulti»). Въ противномъ случаѣ, можно только «умствовать подѣ влияніемъ какого-нибудь незрѣлаго доктора (Semicrudi alicujus doctoris), на удачу примѣняя неподходящее къ дѣлу правило.»

Такова сущность взглядовъ Бэнкерсгукъ на значеніе права римскаго. При изложеніи ихъ, не имѣлось въ виду доказывать непогрѣшимую вѣрность ихъ со стороны содержанія. Цѣлью нашею было показать, что въ основѣ этихъ взглядовъ — менѣе чѣмъ можно подуматъ съ перваго раза, отвлеченнаго доктринерства, а что, напротивъ, вездѣ видны приемы ума сильнаго, трезваго и самостоятельнаго. Мы разумѣемъ здѣсь стремленіе довѣрять только тому, что дано собственнымъ изученіемъ научныхъ фактовъ, при строгомъ контролѣ разума. И точно, пѣтъ у Бэнкерсгукъ механическаго рѣшенія научныхъ вопросовъ посредствомъ арифметическаго исчисления чужихъ мнѣній. У него все продумано сильною критическою мыслию. «Не люблю я тѣхъ, что пасутся стадами, а сами не даютъ нисколько плода добраго» — г. говоритъ онъ на сурово-живописномъ языкѣ своемъ⁽¹⁾. Слова эти весьма характерны и — кажется намъ — могутъ быть смѣло взяты девизомъ научнаго направленія Бэнкерсгукъ во всѣхъ отрасляхъ его дѣятельности. Какъ послѣдователенъ въ этомъ отношеніи Бэнкерсгукъ, лучше всего доказываютъ знаменитые труды его въ области политической юриспруденціи. Здѣсь можно встрѣтиться, на самыхъ первыхъ страницахъ, съ такими положеніями; «гдѣ есть противорѣчіе разуму, тамъ безсиленъ какой бы то нибыло авторитетъ человѣческій. Въ чемъ не убѣждаетъ меня разумъ, въ томъ не убѣдятъ ни Гроціи, ни Пуффендорфъ, ни какіе либо другіе истолкователи.» Наконецъ, далѣе, Бэнкерсгукъ говоритъ: «Сильнѣе всего дѣйствуетъ на меня авторитетъ тѣхъ людей, которые, вращаясь въ самой средѣ человѣческой жизни, по вѣтили себя дѣламъ государственнымъ»⁽²⁾.

(2) Nonamo qui gregatim pascuntur ac ipsi nihil quicquam bonae frugis praestant!.

(1) Opera Omnia. De rebus Bellicis. P. 189.

Эти немногія слова помогутъ установить характеръ Бэнкерсгукъ какъ ученаго. Въ самомъ дѣлѣ, энергія и свобода мысли въ ученой головѣ—такія качества, которыя должны сказаться вездѣ, куда бы ни направилась работа умственная. Можно быть работомъ въ жизни и свободнымъ, господствующимъ умомъ въ области теоретическаго знанія; уродливое явленіе это случалось иногда въ дѣйствительности. Но быть одновременно работомъ и свободнымъ дѣятелемъ въ сферахъ наукъ однородныхъ—кажется намъ невозможнымъ, даже неумнымъ. Такихъ Янусовъ въ наукѣ мы не знаемъ. Не былъ такимъ и почтенный президентъ нашъ.

Здѣсь могутъ быть закончены характеристики отдѣльныхъ юристовъ голландской школы. Вся сила послѣдней сказалась въ работахъ ученыхъ дѣятелей, упомянутыхъ на предшествующихъ страницахъ настоящаго изслѣдованія. *Винній, Улрихъ Губеръ, Іоаннъ Футь, Гер. Нодтъ, Скультингъ и Бэнкерсгукъ* были такими солидными представителями науки, что послѣ нихъ можно не останавливаться на *Фанъ-Эккѣ, Перизоніѣ, Вестенбертѣ, Фанъ Мейдемпѣ* и даже самомъ *Мерманѣ*. Никто изъ нихъ не представилъ ничего оригинальнаго. Лучшіе между ними могли только держаться на той высотѣ, которой достигли прежде-указанные Корифеи голландской юриспруденціи. Въ извѣстномъ журналѣ *Гуго Геттингенскаго* (1) помѣщена ученая переписка *Рункена, Отто Рейца* и *Мермана*. Письма эти писались между 1736—1751 г. и представляютъ нѣкоторый интересъ для нашей цѣли. Въ нихъ, наглядно и съ вѣрностію хроники, изображено состояніе учено-юридическаго міра въ тогдашней Голландіи. «Въ Лейденѣ» — пишетъ Рункенъ подъ 1747 годомъ — «поддерживаетъ славу изящной юриспруденціи только одинъ человекъ, *Герлахъ Скультингъ* (2) (Gerlach Scheltinga), потому что катедры Нодта и Ант. Скультинга занимаютъ *глупѣйшими сынами земли*, Шварцемъ и Рюккеромъ (A. Stupidissimis terrae filiis S. et R. occupantur). Затѣмъ слѣдуетъ длинный списокъ только-что появившихся ученыхъ трудовъ. Всѣ они чисто филологическаго содержанія.

(1) Civilist. Magazin. S. V. 3-te Heft.

(2) Имя его приведено въ *Ученой Исторіи* (Gel. Gesch.) Гуго-Геттинг., но безъ всякой характеристики. *Варкиенизъ* даже не упоминаетъ о немъ въ своей Энциклопедіи. (Ср. Jur. Enc. § 119).

Отдѣлъ юриспруденціи представляется здѣсь Мерманомъ, да какими то, совершенно-неизвѣстными, юристами, которыхъ надѣляетъ ученый нѣмецкій корреспондентъ не лестными для нихъ эпитетами.

Такимъ оказывается положеніе голландской юриспруденціи, черезъ двѣнадцать лѣтъ по смерти Скульпинга и только черезъ четыре года по кончинѣ Корнел. ф. Вэнкерсгюка. Рункенъ пришелъ учиться въ Голландію и увидѣлъ, что, собственно говоря, учить его было некому. Сами голландскіе ученые (слушать которыхъ стекалось такъ недавно еще любознательное юношество со всѣхъ концовъ Европы) съ уваженіемъ обращаются теперь къ бывшимъ ученикамъ своимъ въ Германіи⁽¹⁾. Геттингенъ, Галле, Гейдельбергъ и друг. потянули къ себѣ съ особенною силою жизненные соки науки.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Вэнкерсгюкомъ, пришли мы къ тому рубежу въ ученой исторіи, когда начинается дѣятельная и самостоятельная роль собственно-германской науки. Стоя на этой грани въ развитіи голландской школы, можно изобразить, въ общихъ чертахъ, отношеніе ея къ предшествующимъ и послѣдующимъ явленіямъ въ наукѣ.

Здѣсь естественно возникаетъ передъ нами то мнѣніе Ганса, которое приведено было выше. Въ немъ затронутъ вопросъ о самостоятельности и внутренней силѣ только-что изложеннаго нами научнаго движенія въ юриспруденціи.

Въ замѣчаніи Ганса представляются двѣ стороны. Одна изъ нихъ опредѣляетъ то, чѣмъ дѣйствительно была голландская школа; другая желаетъ обозначить даже то, чѣмъ могла бы сдѣлаться эта школа. Признавая голландскихъ юристовъ органами общаго ученаго направленія своей эпохи, Гансъ не видитъ въ нихъ способности отыскать для себя новое направленіе. «Голландскіе юристы» — говоритъ онъ — «также далеки отъ Гроція,

(3) «Batavi nostri te jam antea summis laudibus tulerint, nuper tamen, edito ultimo codicis Theodosiani volumine, insigne incrementum cepit fama tua», пишутъ къ Дан. Риттеру изъ Голландіи (Civ. Magaz. L. C. N-te 1).

на сколько французскіе юристы той эпохи далеки отъ *Кумія*, *Дю-Мулена* и *Лопиталая* (1).

Критическій приемъ Ганса при установленіи его мнѣнія не имѣетъ послѣдовательности. Въ обоихъ случаяхъ, т. е. говоря о французскихъ и голландскихъ юристахъ, знаменитый германскій ученый прибѣгаетъ къ сравненію. Но какъ вывелъ онъ свое заключеніе? Какія противоположности взялъ для сличенія? Относительно французской школы, мы видимъ, что *Дакессо* и *Потье* сравниваются у него съ *Дюмуленомъ* и *Куміемъ*. Это совершенно вѣрно. Обѣ стороны относятся къ одному и тому же направленію въ нашей наукѣ. И тѣ и другіе—*позитивисты* по преимуществу. Экзегеза, комментарий, догматика: вотъ какіе приемы были прилагаемы ими къ разработкѣ *одного и того же матеріала римскихъ положительныхъ законовъ*. Будучи основано на противопоставленіи однородныхъ явленій, сравненіе Ганса приходитъ къ отрицательному выводу относительно позднѣйшихъ представителей французской юриспруденціи. Выводъ этотъ также правиленъ, какъ вѣренъ былъ путь къ нему. Говоря о голландскихъ юристахъ, Гансъ беретъ, съ одной стороны: *Подта*, *Виннія*, *Бенкерсгукка* и *Скюльтина*, съ другой—*Гуро-Гроція*. Юристы, которые изучали и разрабатывали догму *положительнаго права римскаго народа*, сличены у него съ юристомъ, который, считается родоначальникомъ философскихъ теорій о правѣ естественномъ—который показалъ методъ отвлеченнаго вывода системы права изъ одного начала синтетическаго. Экзегеза и догматика положительныхъ законовъ провѣряются, какъ единицею мѣры, началомъ философскаго, умозрительнаго направленія въ юриспруденціи. Ясно, что между *мыслю* и *предметомъ измѣряемымъ* нѣтъ здѣсь надлежащаго соотношенія. Разностороннее направленіе Гроція всегда выиграетъ, будучи сопоставлено съ сосредоточенною работою надъ матеріаломъ однихъ положительныхъ римскихъ законовъ. Въ немъ больше размаху. Точки приложенія силы къ юридическому матеріалу безспорно-многочисленнѣе. Но общій выводъ, который сдѣланъ при подобномъ ходѣ процесса сравни-

(1) *Vermischte Schriften*. S. 137.

тельного, не удовлетворить условіямъ справедливости и безпристрастія въ ученой критикѣ. Нужно было продолжать сравненіе совершенно однородныхъ явленій, какъ въ первомъ случаѣ. Тогда бы могъ получиться не только отрицательный, но и положительный результатъ, болѣе близкій къ сущности дѣла.

Внутренняя сила и положительное значеніе голландскихъ юристовъ могутъ быть поняты и опредѣлены только при сравненіи ихъ съ французскими юристами однороднаго направленія въ наукѣ. Оцѣнить Виннія, Скультинга и Бэнкерсгука можно только, поставивши ихъ возлѣ Куяція и Донелла. Главный предметъ ученой разработки голландскихъ юристовъ составляло право положительное. Пусть же и судить ихъ исторія прежде всего за дѣятельность въ этой именно сферѣ науки.

Такимъ образомъ будетъ ясно видно, почему школа эта представляется блестящимъ продолженіемъ школы французской. *Критика текста, экзегеза, историческая разработка римскаго права, догматическія сочиненія*: вотъ тѣ рубрики, подъ которыя можетъ быть подведена вся работа юристовъ голландской школы. По общему мнѣнію, экзегеза ихъ превосходна и ни мало не уступаетъ экзегезѣ лучшихъ французскихъ юристовъ. Въ числѣ недостатковъ ея признается нѣкоторая утонченность анализа, результатъ казуистическаго направленія и, быть можетъ, богатства эрудиціи. Впрочемъ экзегетическіе труды Бэнкерсгука, чтеніе которыхъ было отчасти доступно для насъ въ подлинникѣ, отличаются замѣчательнымъ тактомъ въ этомъ отношеніи. Особенно интересны замѣтки его объ историческомъ элементѣ въ методѣ, о постепенномъ образованіи юридическихъ учреждений путемъ обычая, о зависимости положительнаго права отъ нравовъ народа. Все это сказано имъ въ *частности*, въ примѣненіи къ праву римскому. Нельзя, конечно, дѣлать отсюда посылковъ и категорическихъ заключеній къ общему понятію права положительнаго, въ противоположность праву философскому. Но, во всякомъ случаѣ, во взглядахъ этихъ высказывается вѣрное пониманіе природы отдѣльныхъ юридическихъ учреждений въ сферѣ даннаго права положительнаго. Здѣсь — естественная ступень, на которой должна была остановиться наука, чтобы придти къ болѣе общимъ и рѣ-

шительнымъ выводамъ. *Идея положительнаго права* вообще могла только сложиться и созрѣть въ умственной работѣ надъ самымъ нормальнымъ и законченнымъ правомъ въ исторіи европейскихъ народовъ. Вѣрность этой мысли Юл. Шталя подтверждается въ настоящемъ случаѣ. Велика разница между воззрѣніями на развитіе юридическихъ учреждений, на связь законовъ и правовъ (обычаевъ) въ жизни народа у Бэнкерсгукка и между позднѣйшими выраженіями тѣхъ же самыхъ воззрѣній у Савиньи. Тамъ—намекы, отрывочныя указанія, а здѣсь—стройное, величественное ученіе. Сила, зрѣлость и выработанность идеи съ быстротою перетягиваетъ вѣсы на сторону германскаго ученаго. Но, позволяемъ себѣ думать, безпристрастный взглядъ всегда найдетъ, что передъ нимъ лежатъ *однородныя величины*, какъ ни замѣтна разница послѣднихъ въ объемѣ и въ самомъ качествѣ. Вообще Бэнкерсгуккъ всегда можетъ быть названъ типическимъ ученымъ въ разработкѣ римскаго права голландскою школою. На это даетъ ему право близость къ Скультингу и другимъ юристамъ. Не малую роль должна играть здѣсь общая близость всѣхъ ихъ къ Куяцію. Выше мы видѣли, что Куяцій очень мало говорилъ о методѣ, но что голландскіе юристы также не богаты на этотъ счетъ замѣчаніями. При подобныхъ условіяхъ, естественно было обратить особенное вниманіе на взгляды и мнѣнія Бэнкерсгукка, которыя возстали передъ нами полнѣе, чѣмъ воззрѣнія многихъ другихъ юристовъ. То, чего недоставало въ характеристикѣ Куяція, показалось возможнымъ при разсмотрѣніи значенія Бэнкерсгукка, какъ представителя однородныхъ пріемовъ въ методѣ. У голландскаго ученаго замѣтно уже соображеніе момента *развитія* въ историческомъ образованіи права, чего не было ясно выражено у французскихъ юристовъ. Такимъ образомъ *возможное* стало переходить мало по малу въ *дѣйствительное*. *Способность* метода гуманическихъ юристовъ къ *переработкѣ въ совершенный и полный методъ историческій* получила для себя наглядное, осязательное подтвержденіе. Въ идеяхъ и взглядахъ Бэнкерсгукка, особенно-ясно опредѣлилось преемственное отношеніе голландской школы къ школѣ французской и связь обѣихъ гуманическихъ школъ съ явленіями позднѣйшаго времени въ Германіи.

Что касается догматическаго элемента въ методѣ голландской школы, то и здѣсь также можно указать двойственное отношеніе ея къ прошедшему и будущему въ исторіи юриспруденціи. Принимая догматику отъ французскаго «главы всѣхъ методистовъ» (по сл. Виннія) въ лицѣ Донелла, голландская школа обратила весьма-серьезное вниманіе на разработку этого важнаго элемента въ методѣ. «Догматическіе труды ея по римскому праву» — говоритъ Варкенигъ (1) — «далеко превосшли однородныя сочиненія прежнихъ столѣтій и снискали себѣ уваженіе, которое до сихъ поръ еще остается ни мало не уменьшеннымъ въ Европѣ.» Таково мнѣніе о внутреннемъ достоинствѣ догматическихъ сочиненій голландскихъ юристовъ, — оно заслуживаетъ полного уваженія по причинѣ бесспорной компетентности своего органа. Но здѣсь можетъ найти для себя мѣсто еще одно замѣчаніе. Голландская школа представляетъ особенность по той формѣ, въ которую начала облекать она (чаще прежнихъ ученыхъ) догматическія свои сочиненія. Послѣ комментарія, *Компендіи*, (*Compendium, Lehrbuch*) является наиболѣе распространеннымъ литературнымъ орудіемъ въ наукѣ. *Винній, Губеръ, Футь, Нодтъ, Фанъ Майдентъ, Фанъ Эжъ* и *Вестенбергъ* могутъ служить здѣсь подтвержденіемъ, если взглянуть на списокъ трудовъ ихъ. Явленіе это способно показаться, съ перваго взгляда, мелкимъ и безразличнымъ; но въ сущности оно не лишено извѣстнаго смысла. Что такое компендіи? Во первыхъ, это есть средство распространять научныя свѣдѣнія. Ясно, что всякая наука должна имѣть соображеніе такихъ практическихъ потребностей и стараться удовлетворить имъ, не теряя изъ виду своей самостоятельности. Отсюда соединеніе цѣлей практическихъ, учебныхъ и чисто-ученыхъ въ компендіяхъ первыхъ голландскихъ юристовъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя возставать противъ компендіарной формы въ голландской школѣ. Во вторыхъ: отчасти уже изъ предъидущаго слѣдуетъ, что компендіи должны быть связнымъ изложеніемъ научнаго матеріала. *Система* является здѣсь необходимымъ условіемъ. Въ

(1) Jurist. Encyclopädie. S. 317.

нашемъ же случаѣ стремленіе къ системѣ было главною производящею причиною преобладанія компендіарной формы въ трудахъ голландскихъ юристовъ. Постѣ сильной постановки вопроса о системѣ въ юриспруденціи Донелломъ, подобное направленіе было почти неизбѣжно. Всѣ видѣли недостаточность и узкость сферы *комментарія*. Нужно было потрудиться надъ логическимъ соединеніемъ въ одно цѣлое тѣхъ результатовъ, которые добыты, по частямъ, экзегезой. Отсюда рѣзкое требованіе (*Quaerenda sunt in jure civili compendia*) у Виннія. Но отсюда также, съ легкой руки его, потянулась цѣлая вереница самыхъ разнообразныхъ компендіевъ, которые пережили цѣлымъ столѣтіемъ школу голландскихъ юристовъ. Нужно сознаться, что наука ступила здѣсь на опасную почву. Возможно было перейти тотъ предѣлъ, за которымъ *средство* становится *целью*, а компендіи—всею наукою. Возможно было забыть, что знаніе должно самостоятельно развиваться въ болѣе свободной сферѣ и что школьному компендію лучше всего собирать результаты того, что выработано силою всѣхъ наличныхъ средствъ въ наукѣ. Ученый тактъ и бытъ можетъ другія, чисто-личныя, условія, избавили голландскую школу отъ злоупотребленія компендіаризмомъ въ методѣ. За то съ особенною послѣдовательностью и силою обнаружилось злоупотребленія эти тамъ, гдѣ вліяніе голландскихъ ученыхъ явилось въ формѣ занесеннаго преданія. Здѣсь любопытная точка соприкосновенія голландской школы съ учеными школами Германіи.

Но, порицая компендіаризмъ, можно положительно сказать, что голландская школа оставила достойный образецъ будущимъ поколѣніямъ въ превосходныхъ своихъ диссертацияхъ. Стройная форма удачно соединяется здѣсь съ глубиною и солидностью содержанія. Замѣчательны также особенный видъ ученыхъ работъ въ голландской школѣ. Это такъ называемые «*Thesauri juris civilis et canonici*» (1). Здѣсь соединялись въ одно цѣлое лучшія сочиненія цивилистовъ различныхъ странъ Европы: Франціи, Италіи и Испаніи. Какъ энциклопедіи для сравнительнаго изученія

(1) Сравни. Hugo. *Gel. Gesch.* S. 471. Изъ нихъ можно указать, между прочимъ, на то, которое издано было Мерманомъ.

положительнаго права у различныхъ народовъ, они закладываютъ весьма широкое основаніе для европейской цивилистики. Какъ полный и превосходно обдѣланный матеріалъ, они могутъ имѣть значеніе даже для настоящаго времени. Прослѣдить историческое развитіе различныхъ ученій въ частномъ правѣ — доступно только съ помощью подобныхъ источниковъ. Подражаніе примѣру голландскихъ юристовъ весьма твердо поставило бы ученую исторію догмы во всѣхъ видахъ права положительнаго.

Вотъ немногія данныя изъ числа тѣхъ, которыя можно представить въ сжатой формѣ заключительнаго вывода. Съ ихъ помощью можно отвѣтить на вопросъ: была ли *самостоятельна* школа голландская? Преемственная связь ея съ методомъ французской школы говоритъ только противъ *оригинальности* въ смыслѣ *полной новизны* ученаго направленія. *Обице предьялы* послѣдняго обозначались въ голландской школѣ подъ вліяніемъ окрѣпшаго, вполне сложившагося ученаго направленія во Франціи. Но работа въ *этихъ общихъ предьялахъ* и даже *посредствомъ общихъ научныхъ приемовъ*, вполне самостоятельна. Во многомъ пошли голландскіе юристы въ глубь; многое открыли, дополнили, развили или превосходно подготовили къ дальнѣйшему развитію. Думаемъ, что все это способно подкрѣпить собою *утвердительный* отвѣтъ на вопросъ о *самостоятельности*. Были такіе уголки въ юриспруденціи, куда односторонніе цивилисты голландской школы пролили цѣлую массу свѣта, способнаго соперничать съ блескомъ трудовъ соотечественника ихъ, философа-юриста Гуго-Гроція. Стоитъ вспомнить, между прочимъ, работы Бэнкерсгука по различнымъ отдѣламъ права между-народнаго.

Такъ выполнили голландскіе юристы задачу свою: быть, по замѣчанію Эдуарда Ганса, представителями общаго направленія. Сила этого выполненія повела бы, пожалуй, къ иному отвѣту на вопросъ: могли ли люди, подобные Бэнкерсгуку и Скультингу, избрать для себя совершенно новое направленіе? Гипотетическая постановка такого вопроса даетъ возможность возражать противъ него также гипотезами. Кто можетъ поручиться, что критическія, могучія головы Бэнкерсгука, Скультинга, Фута и многихъ другихъ не обратились бы къ философіи, если бы развитіе

ихъ совпало съ вліяніями, которыя благоприятствовали такому направленію? Сильна, часто непреодолима зависимость чело­вѣка отъ условій мѣста и времени. Трудно—кажется намъ—категорически признать мощныхъ дѣятелей въ извѣстной наукѣ способными фаталистически вращаться въ одномъ и томъ же на­правленіи. Достаточно отмѣтить извѣстный фактъ, не угадывая всѣхъ тѣхъ возможныхъ историческихъ явленій, которыя скрыва­лись въ глубокихъ источникахъ жизни.

По общей программѣ настоящаго труда, слѣдовало бы указать на общественное и политическое значеніе голландскихъ юристовъ. Но, по многимъ причинамъ, обстоятельное выполненіе такой за­дачи въ настоящемъ случаѣ должно остаться на степени благо­честиваго желанія. Главная причина—указанная бѣдность источ­никовъ. Не имѣя ни какихъ матеріаловъ для біографіи юристовъ, трудно братья за разрѣшеніе, не совсѣмъ то легкаго, вопроса *объ общественномъ ихъ значеніи*. Можно замѣтить только слѣдую­щее: политическій образъ мысли Губера, Нодта и Бэнкерсгукка, на сколько извѣстенъ онъ изъ ученыхъ трудовъ ихъ, не даетъ повода дѣлать отрицательныя предположенія. Напротивъ: люди эти—кажется намъ—были достойными гражданами, строгими и честными судьями въ свободолюбивой республикѣ. Не нужно, впрочемъ, забывать, что большинство юристовъ въ Голландіи оставались чисто-учеными, кабинетными дѣятелями. Президентъ Бэнкерсгукъ былъ членомъ сената, но и онъ не составлялъ рѣз­каго исключенія въ этомъ отношеніи.

Вообще мнѣніе *Лабулэ* (1) о преобладаніи ученаго интереса въ направленіи и въ историческомъ значеніи голландской школы— кажется основательнымъ. Голландская школа обязана своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, ученымъ, интелектуаль­нымъ стремленіямъ своего народа. Для послѣдняго римское пра­во никогда не имѣло такого политическаго значенія, какое полу­чло оно, напримѣръ, во Франціи. Образованный голландецъ съ давнихъ поръ уже тяготѣлъ къ классическому римскому праву, какъ

(1) *Essai sur la vie et les doctrines de Frédéric Ch. Savigny.*

бы исполняя нравственную обязанность знать его. Но онъ не долженъ былъ рѣшати, съ его помощью, ожесточенныхъ споровъ о сословныхъ правахъ или устранять экономическія и торговыя отношенія въ богатыхъ своихъ общинахъ. Все это было очень рано улажено съ помощью мѣстныхъ, отечественныхъ обычаевъ и привилегій. Отъ того-то, быть можетъ, голландская школа держалась на поверхности общества, сосредоточиваясь главнымъ образомъ въ ученыхъ кругахъ и въ университетскихъ аудиторіяхъ. Когда настали снова тревожные дни для Голландіи, вмѣстѣ съ цѣлымъ западомъ европы;—когда честолюбіе сосѣда и «великаго короля» поставило на карту независимое политическое бытіе государства: тогда духъ націи былъ оторванъ отъ мирныхъ своихъ стремленій. Пришлось болѣе воевать, чѣмъ изучать міръ классическій. Между тѣмъ многое измѣнилось и внутри государства. Борьба политическихъ партій неблагоприятно отозвалась на тѣхъ учрежденіяхъ, которыя содѣйствовали энергическому теченію народной жизни во всѣхъ ея направленіяхъ. Быстрое образованіе школы отгѣнилось такимъ же быстрымъ ея ослабленіемъ. Вяло, пассивно тянулось преданіе ученыхъ голландскихъ юристовъ, почти до нашего времени. Варнкѣннгъ приводитъ имя одного ученаго (Bilderdyk), который умеръ въ 1832 году и написалъ сочиненіе (*Emendationes et Interpretationes*), совершенно въ духѣ Гер. Подта.

Но въ это самое время, ученая жизнь начинаетъ проявляться съ особенною силою въ многочисленныхъ университетахъ Германіи. Тамъ слагаются и развиваются ученые школы, вліяніе которыхъ надолго опредѣляетъ складъ юриспруденціи, едва ли не въ цѣлой Европѣ. Естественно и законно въ такомъ случаѣ, перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ условий, которыя приготовили и вызвали подобныя явленія въ научной сферѣ Германіи.

ГЛАВА IV.

ШКОЛА ГЕРМАНСКАЯ.

Съ послѣдними рядами голландскихъ юристовъ входитъ исторія положительной юриспруденціи въ самый центръ научныхъ движеній Германіи XVIII столѣтія. Опираясь на факты, не трудно было бы провести прямую линію отъ Скультинга и Бэнкергука до Гейнекція, Гуго, Вейса и Савиньи. Въ вышеуказанной нами перепискѣ половины XVIII столѣтія (см. пред. главу) видна самая близкая умственная связь между учеными Голландіи и Германіи. У нихъ общіе интересы и трудности. Они дѣлятся другъ съ другомъ совѣтами и результатами работъ своихъ. Это въ полномъ смыслѣ слова граждане одной ученой республики. Но есть причины, которыя заставляютъ отступить на этихъ страницахъ отъ строго-хронологическаго изложенія. Не прежде конца XVII вѣка, начинаютъ обозначаться черты самостоятельнаго развитія науки въ Германіи. Особенныя условія политическаго, общественнаго и умственнаго быта страны сдѣлали для нея невозможнымъ первостепенную роль въ ученой исторіи юриспруденціи⁽¹⁾. До *Лейбница* и *Томазія* германскіе ученые почти

(1) Интересно, но трудно обстоятельное разрѣшеніе вопроса: почему Германія позже другихъ странъ начала самостоятельно заниматься наукою, которая была полна для нея практическаго значенія? Здѣсь невольно припоминаются слова *Ансельма Фейербаха*: «справедливо, что науки дѣйствуютъ на духъ времени; но еще сильнѣе *отсутствуетъ время на науки*.» Спрашивается: каково было это время для германской юриспруденціи въ теченіе среднихъ вѣковъ и

не подавали собственного голоса въ нашей наукѣ, а шла болѣе всего за итальянскими казуистами-схоластиками Схоластика или рамизмъ, Бартоль или Везенбекъ, учебники съ дѣлениями на основаніи «Causarum efficientis, materialis etc.», съ достаточнымъ количествомъ «Obstat zum Disputiren»: вотъ тѣ предѣлы, между которыми совершается движеніе учено-юридической литературы въ продолженіе многихъ десятилѣтій. Не смотря на оговорки *Зимберрада*, жалобы Гейнекція касательно господства рутинны между его современниками невольно бросаются въ глаза при чтеніи его исторіи. «Юристы взящной школы»—говоритъ онъ—«ни какъ не могли побѣдить того варварства, которое такъ долго преобладало въ аудиторияхъ и судахъ, и которое *царствуетъ, повелеваетъ и торжествуетъ* во многихъ мѣстахъ въ настоящемъ вре-

эпохи возрожденія? Германію недаромъ зовутъ классическою страню феодализма и церковной іерархіи. Оба эти начала пустили здѣсь болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ какой либо другой странѣ Европы. Оба они, хотя въ разной степени, неблагоприятствовали распространенію науки права римскаго. Феодалы всячески старались выгнать изъ судовъ ученыхъ докторовъ съ ненавистными пандектами. Большая часть этихъ феодаловъ были «Landes Herren», а юристамъ не представлялось возможности опереться на такую же сильную центральную власть, какая находилась въ союзѣ съ ихъ собратіями во Франціи. Не было здѣсь поддержки для нихъ и въ среднемъ сословіи. Масса народа стояла въдалекѣ и была, если не враждебна, то равнодушна къ ученому праву римскому. Очень можетъ статься, что народная жизнь въ Германіи долѣе, чѣмъ гдѣ либо, хранила остатки древняго прошедшаго съ его суровыми и независимыми особенностями. Исследованія *Озенбронгена* (Deutsche Rechtsalterthümer aus der Schweiz. Сравн. Kritische Ueberschau. С. В. 1858) представляютъ нѣсколько любопытныхъ и характерныхъ фактовъ въ этомъ отношеніи. Такъ въ XIV ст., когда началась уже борьба изъ-за римскаго права между юристами и рыцарями—возникъ въ Базелѣ «Судъ *Коленбергера*» (Das Kolenbergger Gericht). Это едва ли не самое оригинальное примѣненіе германскаго начала суда равныхъ равными. Судьями здѣсь были и могли быть только чистые пролетаріи, или по-просту ищіе, которыхъ поэтически называли «дѣтьми свободы» (Freiheits-knaben, Baslerische Sackträger). Въ подсудимые были допускаемы одни лица изъ презираемыхъ слоевъ общества (фицары, бродяги, палачи, «Fahrende Weiber» и т. п.). Самый обрядъ суда, который описанъ у *Озенбронгена*, бросается въ глаза своею сурою странностію. Предполагаютъ, что подобныя суды были учреждены въ Аугсбургѣ и въ Гамбургѣ. Замѣчательно также, что до XVI столѣтія длится обычай *кроуной мести* въ Германской Швейцаріи. До конца XVII столѣтія встрѣчаются мирные договоры (Sühnverträge) убійцъ съ родственниками убитыхъ. Что касается до вліянія клерикальнаго, то оно особенно-сильно сказалось при учрежденіи университетовъ въ Германіи. Основаніе ихъ имѣетъ совсѣмъ не тотъ характеръ, какимъ отличается оно въ Италіи. Пакскія привилегіи являются непремѣннымъ условіемъ. (Ср. Eichhorn. D. R. u. St. G. 3 B. § 441.—Hugo. Lehrbuch ein civil. cursus 6 B. 187). Назначеніе ученыхъ корпорацій имѣетъ близкое отношеніе къ интересамъ церковной власти. Римская «Ecclesia Militans» нуждалась въ сильныхъ бойцахъ. Схоластическіе споры требовали услугъ ученыхъ докторовъ теологій. Отсюда объясняется, почему парижскій университетъ былъ образцомъ при учрежденіи старѣйшихъ университетовъ въ Германіи. (Сравн. Savigny. Ge-

мени»⁽¹⁾. Независимо отъ историческихъ вліяній, причины такого явленія болѣе всего заключаются въ особенномъ характерѣ германской націи, со всѣми его достоинствами и недостатками. Не разъ было замѣчано о подражательности германцевъ. «Въ самомъ существѣ нашего народнаго характера искони была какая то уступчивость, какая то особая легкость прививать къ себѣ чужое» — говоритъ *Як. Гриммъ* — «и неужели намъ никогда не суждено исцѣлиться отъ такого нравственнаго недуга?»⁽²⁾. Съ другой стороны, нельзя отрицать у германскаго племени добросовѣстности и стойкости въ работѣ умственной. Въ слѣдствіе этого является способность глубокаго и всесторонняго изученія. Но здѣсь же, какъ оборотная сторона медали, заключается возможность доводить до крайности самостоятельное, и, еще болѣе, принятое извнѣ направленіе. Давно извѣстна та истина, что кони

schichte 3 В. Превосходное объясненіе кореннаго различія въ устройствѣ университетовъ итальянскихъ и парижскаго). Что вліяніе на ны не осталось одною почетною претензіею, это не трудно предполагать, зная характеръ отношеній римской куріи къ Германіи. Еще легче увидѣть это въ программахъ преподаванія, выкопанныхъ по образцу парижскому. Даже въ Гейдельбергѣ, гдѣ по замѣчанію *Ридкина* (см. 1 т. Юр. Зап. стр. 296) весьма рано сзавалось эмпирическое направленіе въ самой схоластической диалектикѣ — и здѣсь учрежденіе факультета «свѣтскаго права» было только номинальное. Юридическія кафедры и ректорскія мѣста занимались одними канонистами. Въ 1498 году (Сравн. Вильямсн. Krit. Uebersich. 6 В. 1851) является здѣсь *первый профессоръ Пандектовъ*. Въ другихъ университетахъ происходитъ то же самое. Отсюда не слѣдуетъ, что Германія лишена была всякаго ученаго движенія за предѣлами богословія. Нѣтъ, средневѣковая литература этой страны можетъ указать на сочиненія *аббата Энгельберта*, современника *Рудольфа Габсбургскаго*, — *Лутолда ф. Бибенбурга* † 1357 г., *Вильг. ф. Оккама* † 1347 и нѣкотор. друг. Но чѣмъ заняты они? Разрѣшеніемъ вопроса объ отношеніяхъ папской власти къ императорской. Это отзывъ на споръ по поводу знаменитой теоріи *двуаъ мечей*, или двухъ властей, въ христіанскомъ мірѣ средневѣковаго періода. Педантическое направленіе ихъ въ интересахъ императорской власти служить доказательствомъ того, въ какую сторону направлены были лучшія умственные силы Германіи того времени. Здѣсь можетъ быть одна изъ тѣхъ причинъ, которая отдала для нея самостоятельныя занятія частнымъ правомъ какъ матеріаломъ юриспруденціи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Позже, когда проникло гуманическое движеніе въ Германію, на первомъ планѣ ставъ вопросъ религіозной реформы. Скоро послѣдовала за нимъ продолжительная борьба политическая. Тридцатилѣтняя война обратила отечество Цазія въ полуварварскую страну. Ужасы ея могли на долго остановить развитіе тѣхъ сѣмянъ, которыя брошены были въ умственную почву соединенными силами гуманическаго движенія, реформации и изобрѣтеніемъ книгопечатанія. (Ср. *Leibnitii Historia, Antiquitates*, Op. Омн Т. 4. Pars 2. P. 5. Здѣсь есть нѣсколько свѣтлыхъ мыслей касательно значенія реформации и гуманическаго направленія для умственнаго развитія Германіи).

(1) *Heineccii. Historia Juris Rom.* § 424.

(2) См. журналъ «Атеней», статью «*Братья Гриммы*».

бываютъ большею частію успешнымъ воспроизведеніемъ недостатковъ оригинальнаго произведенія. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Методъ итальянскихъ юристовъ-схоластиковъ быстро привился въ Германіи, подѣ влияніемъ преданій схоластической философіи и перемчивости народа. Но за то сильнѣе и послѣдовательнѣе развился онъ здѣсь, чѣмъ въ другихъ странахъ, по причинѣ умѣнья сосредоточиваться и исчерпывать до дна содержаніе известной стороны науки. Такимъ образомъ оказались возможнымъ фанатики схоластическаго метода въ Германіи до конца XVII в., быть можетъ, до первой половины XVIII столѣтія. Такимъ образомъ явились здѣсь тѣ исключительныя направленія въ образѣ теоретиковъ и практиковъ, историковъ и философовъ, германистовъ и романистовъ, которые даютъ такой оригинальный оттѣнокъ позднѣйшей исторіи нашей науки въ Германіи.

Вообще великаго терпѣнія и способности мириться съ самыми скромными результатами требуетъ изученіе жизни и дѣятельности большинства германскихъ юристовъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Утомительно слѣдить за цѣлою массою сочиненій въ родѣ: «*Racemationes Decisionum*», «*Symphoniae Utriusque Juris etc.*» Изрѣдка остановитъ вниманіе изыскателя твердый и устойчивый пунктъ, на которомъ работаетъ какой-нибудь почтенный ученый въ родѣ *Шилтера*, *Коприна*, *Гольдста* или *Линденброга*. Отъ нихъ повѣтъ духомъ болѣе трезваго философскаго или историческаго направленія. У нихъ можно еще встрѣтить живую мысль подѣ непривлекательною формою. Можно найти интересъ въ раннихъ попыткахъ критики уничтожить вѣбовья и ни чуть не маловажныя невѣрности науки (1). Но тѣмъ отраднѣе покинуть сферу суетливаго и часто безплоднаго движенія для того, чтобы взойти въ свѣтлую, разностороннюю атмосферу, гдѣ свободно и широко парилъ умъ гениальнаго *Лейбница*. Здѣсь найдемъ мы зародышъ тѣхъ началъ, которыя дали наконецъ самостоятельное значеніе Германіи въ исторіи нашей науки.

(1) Мы разумѣемъ здѣсь, между прочимъ, «*Lindenbrogii Codex legum antiquarum*, 1613», во введеніи къ котор. авторъ опровергаетъ известную ученую легенду о Лотарѣ II-мъ и Амальфійской рукописи пандектовъ, подаренной имъ пизанцамъ. А также: *Conringii, De Orig. Jur. Germ. Cap. 21.* (Ср. Hein. Hist. Jur. 582.

Слово «*парение*» не будет преувеличеннымъ обозначеніемъ ученой дѣятельности Лейбница. Иначе нельзя назвать такого направления работающей мысли, когда она мощно овладѣваетъ разнообразнымъ содержаніемъ, извлекая отовсюду жизнь и примиряя между собою враждебныя крайности. Прекрасно изобразилъ Купно-Фишеръ эту сторону въ ученой характеристикѣ Лейбница (1). «Истина для него всемірна, и нѣтъ въ ея обликѣ крайнихъ, неподолжимыхъ противорѣчій. Гдѣ только существуютъ послѣднія — въ системахъ философскихъ, религіозныхъ или политическихъ — тамъ видитъ Лейбницъ съ обѣихъ враждебныхъ сторонъ: ограниченные умы, не развитыя или потемненныя истины, которыя должны соединиться въ одно цѣлое, какъ скоро будутъ развиты, уяснены и очищены отъ заблужденія». Всѣ біографы и рецензенты великаго человѣка могли бы поставить свои имена подъ такимъ воззрѣніемъ. На самомъ дѣлѣ, болѣе или менѣе несовершенныя заявленія подобныхъ взглядовъ встрѣчаются у Фонтенелля, Бона и даже у самаго Бруккера (2). Еще будучи ребенкомъ взялся Лейбницъ за изученіе классиковъ «и скоро» — говоритъ онъ о себѣ — «началъ усвоивать мысль въ древнемъ словѣ, подобно тѣмъ, которые мало по малу загораютъ на солнцѣ, занимаясь чѣмъ нибудь подъ лучами его.» Тогда же, и весьма внимательно, прочелъ онъ схоластиковъ (3). Но чуждымъ односторонности и страдательнаго подчиненія авторитету осталось собственное его ученіе. *Проникнуться прошедшимъ и создать зачатки будущаго* (Etre chargé du passé et gros de l'avenir, по собственному его выраженію): таковъ былъ идеалъ научнаго направленія для Лейбница. Послѣ этого сдѣлается понятіе та роль, въ которой выступилъ онъ на поприще юриспруденціи. Послѣ этого не покажется преувеличеннымъ замѣчаніе, что такимъ же много-объемлющимъ и примирительнымъ умомъ явился Лейбницъ въ своемъ «Новомъ Методѣ.» Можно сказать, что онъ усвоилъ себѣ всю ли-

(1) Gesch. d. n. Philos. 2 B. SS. 1—66.

(2) Leibn. Op. Omn. TT. I. IV.

(3) Ibidem. T. IV. Jac. Bruckeri. Leibn. Vita. «Scholasticos agnoscit abundare ineptiis, sed aurum esse in illo coeno etc».

тературу науки отъ извѣстныхъ тогда отрывковъ римскихъ юристовъ до послѣдней темной диссертациі изъ фаланги современныхъ ему писателей (1). Поражается Фонтенель такою способностью работать;—удивляется, какъ могъ Лейбницъ «оказывать честь» массѣ плохихъ книгъ, которыя такъ внимательно прочитывалъ! Но литература юриспруденціи не могла подавить того, кто побуждалъ равномерныя трудности во всѣхъ почти отдѣлахъ человѣческаго знанія. «Не много людей сойдутся со мною въ характерѣ»—говорилъ онъ—«все трудное кажется мнѣ легкимъ, а все легкое труднымъ.» Вѣроятно, въ слѣдствіе такой особености Лейбницъ вышелъ, болѣе чѣмъ кто-либо, торжествующимъ изъ хитросплетеній Бальда и Бартола. Не преклонился онъ до земли передъ Донеллою и Куяціемъ. Но усвоивши ученые труды тѣхъ и другихъ, приобщилъ результаты работъ ихъ къ стройному цѣлому, въ которое сложились матеріалы юриспруденціи въ головѣ его. Спокойнымъ тономъ ведетъ онъ свою критику, одинаково-чуждую безусловнаго отрицанія и хваленія (2). Иначе не могъ судить цивилистовъ прошлаго времени тотъ, кто умѣлъ примирительно смотрѣть на различія въ ученіяхъ богослововъ, философовъ и политиковъ.

«Новый методъ» возбуждаетъ интересъ во многихъ отношеніяхъ. Такого явленія нельзя было наблюдать ни въ одной юридической литературѣ. Ни разу еще не становилась юриспруденція на такую возвышенную точку самосознанія. Въ долгій и трудный путь, которымъ шла наука до Лейбница, не было у нея такого опытнаго и разностосторонняго руководителя. Правда, являлись и прежде въ сферѣ ея умы, которые окидывали критическимъ взоромъ прошедшее, указывая при этомъ, угаданныя ими, требованія настоящаго и будущаго (имена нѣкоторыхъ изъ нихъ нашли себѣ мѣсто на предыдущихъ страницахъ настоящаго изслѣдованія). Но нужно сознаться, что кругозоръ ихъ всегда почти былъ ограниченъ. Одинъ превосходно понималъ достоин-

(1) Сравни. N. Meth. §§ 29—41, а также 51—56, и нѣк. другія.

(2) «Super Digesta Codicemque habemus grandes commentarios veterum. Bartoli, Baldi, Jasonis, Decii etc. In quorum stercore multa latent aurea sagaci ingenio eruenda etc. (N. Meth. § 62).

ства и недостатки догматики, другой—касался экзегезы, третій— исторического элемента въ методѣ и т. д. Только Лейбницъ захватилъ въ сферу своей критики догматику, экзегезу, исторію и казуистику, сопоставивши ихъ съ философскимъ началомъ въ юриспруденціи. Къ прежнимъ элементамъ науки присовокупилъ онъ новое начало и ввелъ въ ученіе свое о методѣ право естественное (*Jus Naturae*). Поступая такимъ образомъ, Лейбницъ былъ послѣдователенъ. Первымъ шагомъ его въ наукѣ, была диссертация (*De casibus perplexis in Jure*), блистательное защищеніе которой надѣлало въ свою пору не мало шуму въ мірѣ германскихъ гелертеровъ. Основною идеею этого труда, прочесть который теперь можно только, нѣкоторымъ образомъ, *ex officio*, служить положеніе: «что органическое развитіе положительнаго права, въ случаѣ недостаточности его, лучше всего можетъ быть осуществлено посредствомъ права естественнаго (философскаго)». И въ «новомъ методѣ» своемъ помѣстилъ Лейбницъ замѣчанія, гдѣ вѣрно воспроизведено и довольно-полно развито только-что указанное мнѣніе (1).

Обстоятельство это имѣетъ существенное значеніе. Оно представляется первымъ актомъ признанія права гражданства за новую силою. То было формальное узаконеніе въ методѣ положительнаго права элемента новой, абстрактной философіи. Такимъ образомъ, читая краткіе и почти забытые параграфы въ трудѣ Лейбница, наблюдаемъ мы слѣды отдаленнаго, но важнаго переворота въ наукѣ. Можно сказать, что здѣсь была рѣшена вся дальнѣйшая судьба ея въ Германіи. Философія стала въ особенно-близкое, непосредственное отношеніе къ юриспруденціи. Въ сферу послѣдней внесено было вѣчно-движущееся, вѣчно-стремящееся впередъ начало. Съ этой поры юриспруденція должна была идти особеннымъ путемъ развитія. Наука положительнаго права гражданскаго, которая такъ близко связана съ историческою дѣйствительностію, должна была переживать всѣ перипетіи мысли философской, идти влѣдъ за нею въ обычномъ

(1) Сравни. *Opera omni.* T. IV. *Dissertatio «De Casibus perplexis in Jure»* etc. §§ X, XI. *Ibidem* «N. Meth.» §§ 70, 71. — «*Corpus Juris Reconciliandi*» § 30. — Kuno Fischer. *Leibnizens Leben und Schriften.*

ея ходъ отъ сомнѣнiя и разлада къ примиренiю съ міромъ окружающихъ явленiй.

Такимъ образомъ Лейбницъ, который сталъ связующимъ звѣномъ между старыми эзегетами, догматиками и только-что явившимися рационалистами, оказался вполне вѣренъ своей программѣ. Въ этомъ случаѣ «новый методъ» дѣйствительно былъ *проникнуть прошедшимъ и указать задатки будущаго*. Интересно по ближе взглянуть на то: до какой степени отражается въ «новомъ методѣ» вліяніе прошедшаго? Гдѣ именно обозначаются въ содержанiи его зачатки будущаго? Но мы считаемъ лишнимъ, прежде изложенiя того, что занимаетъ насъ въ «новомъ методѣ», остановиться надъ взглядомъ Лейбница на методъ вообще и на значеніе римскаго права.

Въ этомъ отношенiи нужно отличать двѣ стороны въ его воззрѣнiи. Одна опредѣляетъ теоретическое, ученое; другая—практическое достоинство римскаго права, какъ кодекса законовъ дѣйствующихъ. Извѣстно, много-разъ приводимое, сравненіе римскихъ юристовъ съ геометрами у Лейбница⁽¹⁾. Замѣчанію этому посчастливилось, и оно получило значеніе ходячей мысли въ юридической литературѣ едва ли не всѣхъ европейскихъ народовъ. Но здѣсь представляется намъ только своеобразное развитіе той идеи объ объективности римскихъ юристовъ, съ которою подходилъ къ изученiю ихъ творенiй знаменитый французскій догматикъ XVI столѣтiя (см. гл. II шеола франц. Донелль). Такимъ образомъ мысль эта у Лейбница заслуживаетъ вниманiя не столько сама по себѣ, сколько по выводу изъ нея общаго представленiя его о методѣ. Римскіе юристы вызываютъ удивленіе критика потому, что ясность, опредѣленность и логическія достоинства даютъ ученiямъ ихъ почти математическую, отвлеченно-раціональную силу. «Нигдѣ»—говоритъ тамъ же Лейбницъ—«нельзя найти болѣе-обильныхъ слѣдовъ превосходно-разработаннаго естественнаго права»⁽²⁾. Отсюда можно заключить, что идеаломъ

(1) Opera Omnia T. IV. Pars III. XV «Epistola ad H. Kestnerum». PP. 267, 268.

(2) «Nec uspiam Juris Naturalis praeclare exculti uberiora vestigia deprehendas etc».

науки для Лейбница была такая юриспруденція, которая содержитъ въ себѣ возможно-большее количество началъ естественнаго права. Отсюда также слѣдуетъ, что наиболѣе *совершенный юридическій методъ есть тотъ, который ближе всего подойдетъ къ отвлеченно-логическому, доказательному (Meth. Demonstrativa) методу математиковъ.* Твердо сохранилъ это воззрѣніе Лейбницъ, и ясное развитіе его можно найти въ другомъ сочиненіи юриста-философа⁽¹⁾. Здѣсь прямо уже высказывается желаніе касательно того, какимъ слѣдуетъ быть современному методу. Исходнымъ пунктомъ для послѣдняго должны служить *«ясныя и плодотворныя опредѣленія»* (Quod lucidas fecundasque definitiones exhibeat). Задачу-же его составляютъ *выведеніе* изъ твердыхъ принциповъ, *единою неразрывною нитью (veluti filo)*, извѣстныхъ послѣдствій и *опредѣленіе* общихъ основаній (fundamenta) для нашихъ дѣйствій. При такихъ условіяхъ явится *опредѣленный методъ* (via determinata), съ помощью котораго можно будетъ дополнять пробѣлы въ наукѣ и самостоятельно разрѣшать встрѣчающіеся вопросы и затрудненія. Соединяя это съ *сравнительнымъ изложеніемъ различныхъ системъ права частнаго, и особенно римскаго (Parallela juris civilis inter homines recepti)*, можно бы значительно подвинуть юристовъ къ пользованію правомъ естественнымъ. «Ибо послѣднее—говоритъ Лейбницъ—болѣе восхваляется теперь на словахъ, чѣмъ примѣняется на практикѣ.»

Теперь постараемся указать, каково было воззрѣніе Лейбница на практическое значеніе права римскаго. Оно естественно вытекаетъ изъ рѣдкаго сочетанія глубокихъ историческихъ свѣдѣній съ философскимъ направленіемъ въ умѣ великаго ученаго. Принятіе римскаго права и вкорененіе его на почвѣ юридической жизни Германіи разсматриваетъ онъ какъ факты, которые давно совершились и произвели извѣстныя неизгладимыя послѣдствія. Свѣтлый умъ Лейбница долженъ былъ владѣть тою простою истиною, что учрежденіе, которое существовало цѣлыя столѣтія, могло держаться такъ долго единственно подъ условіемъ болѣе

(1) U. S. P. 275 etc. «Monita quaedam ad Sam. Puffendorffii Principia.

или менѣе органическаго слиянія съ извѣстными началами народной жизни. «Римское законодательство»—говорить Лейбницъ—имѣеть силу общаго права, вслѣдствіе добровольнаго принятія почти во всей Европѣ. Но практическое дѣйствіе его оканчивается тамъ, гдѣ отмѣняется оно особенными, мѣстными законами и обычаями» (1). Отсюда ясно, почему Лейбницъ считалъ невозможною и даже смѣивалъ теорію безусловныхъ «руинистовъ» въ вопросѣ о практическомъ значеніи права римскаго. «Возвращаться теперь, послѣ столькихъ перемѣнъ въ общественной и государственной жизни, къ старымъ законамъ германскимъ есть дѣло несбыточное. Въ нихъ слишкомъ много слѣдовъ варварства. Это было бы все равно, что, нашедши плоды, продолжать питаться желудями» (2).

Но какое вліяніе на разрѣшеніе этого вопроса имѣло указанное нами философское направленіе Лейбница? Допуская, въ качествѣ юридическаго *fait accompli*, значеніе римскаго права: какіе предѣлы ему находилъ Лейбницъ, кромѣ тѣхъ, которые признавалъ въ господствѣ мѣстныхъ законовъ и обычаевъ? Вотъ что говоритъ на эту тему самъ Лейбницъ, сейчасъ же послѣ вышеуказанныхъ похвалъ методу римскихъ юристовъ (3). «Сознаваясь откровенно, слѣдуетъ желать, чтобы римскій сводъ имѣлъ у насъ силу разума, или, какъ говорятъ французы, силу великаго ученаго юриста, а не закона. Пользуясь римскими законами, памятниками отечественнаго права, дѣйствующими обычаями и, прежде всего, очевидными началами справедливости, слѣдовало бы общественной власти издать кодексъ: краткій, ясный и полный по содержанію. Это будетъ лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы освѣтить и устроить право, которое помрачено и доведено до изумительной шаткости, вслѣдствіе многочисленности, темноты и несовершенства законовъ, разнообразія судовъ и разнорѣчій между учеными юристами.» Любопытно то отношеніе, въ ко-

(1) Сравни. «*Epistola ad amicum De Naevio et Emend. Jurispru. d. Rom.*» P. 231.—«*Ratio corporis I. Reconcinnandi*» P. 235.

(2) *I. Epistola ad H. Kestnerum.* P. 253.

(3) *U. S. Epist. XV ad H. Kestnerum,* P. 269.

торое желать поставить Лейбницъ свой переработанный кодексъ къ старому своду римскому. Сколько намъ кажется, Лейбницъ хотѣлъ установить между ними такую зависимость, которая можетъ существовать между историческими источниками положительнаго права и комментаріемъ, возникшимъ путемъ частію ученаго, частію официальнаго толкованія. Назначеніе переработаннаго кодекса есть чисто-практическое. Но съ изданіемъ его не уничтожаются *сила и дѣйствіе свода стараго*. «Переработанный кодексъ долженъ быть не *наслѣдникомъ* (succesor) но *спутникомъ* (comes) свода стараго», говоритъ Лейбницъ, опредѣляя взаимное ихъ отношеніе⁽¹⁾. Послѣ переработки системы законовъ дѣйствующихъ, реформа судопроизводства кажется ему дѣломъ второстепенной трудности. *Гражданскій процессъ есть одно примѣненіе логики къ разрѣшенію даннаго случая*. Вся разница заключается въ моментѣ принудительной власти, которою пользуется, въ извѣстныхъ предѣлахъ, судебное учрежденіе. Но Лейбницъ высказываетъ замѣтное нерасположеніе ученаго юриста къ скорымъ рѣшеніямъ, на основаніи *неполныхъ* источниковъ національнаго права германскаго. Съ пренебреженіемъ бросаетъ онъ въ такое судопроизводство старую французскую поговорку: «*Fol Juge, prompte sentence.*»

Вотъ все, что кажется намъ умѣстнымъ сказать касательно взглядовъ Лейбница на практическое значеніе права римскаго. Длинный и стрывочный трактатъ «*О переработкѣ свода*», а также другія сочиненія по этому вопросу, представляются только болѣе подробнымъ развитіемъ вышеприведенныхъ сжатыхъ положеній. Разсматривая ихъ, нельзя придти къ заключенію объ односторонности. Нѣтъ здѣсь тѣхъ крайностей, въ силу которыхъ

(1) Сообщая эту мысль великаго писателя, мы не находимъ однакоже въ ней обычной ясности и пракческаго достоинства. Такая норма отношеній между старымъ и новымъ кодексами кажется намъ неопредѣленною. Едвали осуществленіе ея оказало бы большую помощь противъ тѣхъ неудобствъ, отъ которыхъ страдала современная Лейбницу практика. Такой планъ лучше всего опровергается гипотетическимъ возраженіемъ: что было бы, напримѣръ, унасъ, при совмѣстной практической силѣ *полнаго собранія законовъ* и *Свода Законовъ дѣйствующихъ*? Сравненіе это—какъ большая часть сравненій—только приблизительно. Но, *mutatis mutandis*, оно можетъ отчасти объяснить замѣчаніе касательно практическихъ неудобствъ въ планѣ Лейбница.

римское право является: съ одной стороны—всеобщимъ лекарствомъ, съ другой—неизсякаемымъ источникомъ всякихъ золь юридическихъ. Лейбницъ, очевидно, не попалъ въ разрядъ многочисленныхъ «панацистовъ» и «рунистовъ» между германскими юристами. Универсальный и примирительный духъ его генія сказался и въ этомъ случаѣ. Лейбницъ съ замѣчательнымъ равновѣсіемъ сталъ на среднѣ между двумя крайними воззрѣніями. Историческій элементъ сообщилъ ему трезвый взглядъ на существующія явленія. Элементъ философскій и неразлучное съ нимъ сомнѣніе не дали ему успокоиться на почвѣ дѣйствительной. *Идею реформы*, стремленіемъ къ лучшему вѣсть отъ каждой строки въ большинствѣ юридическихъ его сочиненій. Отсюда та зависимость, въ которую ставитъ Лейбницъ римское право въ отношеніи къ прогрессивному началу права естественнаго. Отсюда та живая, привлекательная фізіономія, которую имѣютъ всѣ работы его, каково бы ни было практическое ихъ значеніе, какими бы ни оказались внѣшніе мотивы ихъ появленія. Свѣтъ генія разливался ровнымъ блескомъ на всемъ, чего касалась рука Лейбница. Темныя пятна слабыхъ сторонъ въ личности великаго человѣка только болѣе отмѣняютъ собою лучезарность умственныхъ качествъ его.

Остается теперь рассмотреть, съ предположенныхъ нами сторонъ, «новый методъ» Лейбница. Длиннота его требуетъ сокращенія. Притомъ два столѣтія (отъ 1667 г.) не даромъ пролѣтели надъ этимъ произведеніемъ. Многое отмѣчено въ немъ карандашемъ самаго строгаго цензора—времени!

Духъ реформы, который только-что видѣли мы направленнымъ къ практическимъ вопросамъ у Лейбница, глубоко входитъ въ теоретическую сферу на страницахъ «*Новаго метода.*» *Начертать идею совершенной юриспруденціи и указать науку путь къ достиженію такого качества:* вотъ цѣль, предположенная авторомъ (1). Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе составныхъ частей науки и, вмѣстѣ съ ними, элементовъ метода. Для этого сравниваетъ онъ юриспруденцію съ теологіею, находя большое сходство въ ихъ научной архитектурѣ.

(1) *In idea delineamus Jurisconsultum perfectum... et vias designemus ad perfectionem grassandi.*

кѣ. Въ обѣихъ существуютъ отдѣлы: *естественный* и *положительный*, которые опираются на двоякое основаніе: *разумъ* (Ratio) и *повелѣніе субъекта высшей власти* (въ формѣ священнаго писанія—Scriptura—и закона свѣтскаго). Отсюда въ «*совершенной*» юриспруденціи должно заключаться слѣдующее: 1) *часть дидактическая* или *положительная*. Назначеніе ея—вмѣщать въ себѣ *догму* научнаго матеріала, существующаго въ данную эпоху (Quae expresse extant et juris certi sunt). 2) *Часть историческая*. Здѣсь долженъ быть обозначенъ весь жизненный ходъ того, что составляетъ, въ данную минуту, содержаніе науки. 3) *Часть экзегетическая*, объясняющая догму въ источникахъ, и наконецъ, 4) *часть полемическая* или *казуистическая*. Последняя занимается разрѣшеніемъ *случаевъ, опущенныхъ въ законахъ*, пользуясь пособіемъ *аналогіи* и *разума*. Лейбницъ называетъ *полемическій* отдѣлъ *завѣршеніемъ* всѣхъ прочихъ частей въ наукѣ. Переводя эти опредѣленія болѣе краткими формулами, получится такое обозначеніе задачъ и содержанія юриспруденціи: 1) что именно считается положительнымъ правомъ извѣстнаго народа? 2) Какъ произошло это положительное право? Какъ раскрывается смыслъ положительнаго права въ источникахъ, или въ тѣхъ подлинныхъ формахъ, гдѣ выражалось, въ извѣстное время, его содержаніе? 4) Какъ пополнять формальные и матеріальные пробѣлы въ системѣ права положительнаго?

Что касается взаимнаго отношенія означенныхъ частей въ юриспруденціи, то Лейбницъ раздѣляетъ ихъ на *существенныя* и только *потребныя* (Requisita). Къ первымъ относить онъ *дидактику* и *полемику*; ко вторымъ—*экзегезу* и *исторію*. Обозначивши связь и зависимость составныхъ частей науки, Лейбницъ переходитъ къ подробному разсмотрѣнію каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Дидактику уподобляетъ онъ элементамъ Эвклида, считая главнымъ дѣломъ ея: извлечь изъ содержанія догмы и стройно изложить точныя опредѣленія и вѣрныя правила (Definitiones et Regulas) (1). За тѣмъ дѣлаетъ онъ пере-

(1) Систематическое изложеніе *опредѣленій* (Definitiones) называетъ онъ «Partitioes.» Такую же разработку *правилъ* (Regulae) обозначаетъ словомъ

ходъ къ *приведенію въ порядокъ матеріала догмы*, къ вопросу о *системѣ* въ области права положительнаго. Здѣсь начинается Лейбницъ свою критику. Последнюю направляетъ онъ въ двѣ стороны. Во первыхъ касается ученихъ юристовъ. Во вторыхъ разбираетъ систему въ источникахъ права римскаго. Средневѣковые юристы вовсе не думали о самостоятельной системѣ въ наукѣ положительнаго права (*Nunquam de juris arte vel per somnium cogitarunt*). Главнымъ дѣломъ для нихъ было *завалить* законъ глоссами, а судей—миѣніями (*consilii*). Изъ юристовъ-систематиковъ эпохи возрожденія указываетъ онъ на Мейера, Антонія Маттеи, Коразія, Гуго Донелла и нѣкоторыхъ другихъ, отзываясь съ особенною похвалою о систематическихъ опытахъ Вультея и Альтгүзена. Не задерживаясь на критикѣ ученыхъ трудовъ, спѣшитъ Лейбницъ къ разсмотрѣнію системы свода римскаго. Нѣтъ надобности винить однихъ истолкователей науки. Лучше поискать причины отрицательныхъ явленій въ самомъ организмѣ ея. Систематика римскихъ источниковъ имѣетъ двойное неудобство: 1) *Отсутствіе единства* въ расположеніи матеріала. Въ институтахъ различна оно отъ порядка въ дигестахъ и кодексѣ. 2) *Слабость самой идеи о системѣ*, особенно въ институтахъ, гдѣ принято было старое раздѣленіе Гая императоромъ Юстиніаномъ. Здѣсь то главнымъ образомъ сосредоточены критическія усилія Лейбница (1). Раздѣленіе матеріала на три категоріи—лицъ, вещей и исковъ—страдаетъ, по его миѣнію, *излишествомъ* (*superflua est*). Есть *лица* въ римскомъ гражданскомъ правѣ, которыя трактуются на подобіе вещей (т. е. *servi, filii familias*). А *иски* одинаково возникаютъ изъ правъ личныхъ и имуществен-

брокардики (Brocardica). Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ совѣтуетъ держаться опредѣленнаго порядка. Въ *Partitiones*—обращать главное вниманіе на то, что употребительно, не вдаваясь въ филологическія мелочи, синонимы и т. п. Касательно *брокардикъ* предлагаетъ онъ болѣе всего имѣть въ виду изложеніе тѣхъ *главнѣйшихъ правилъ*, подъ которыя могутъ быть подведены, какъ виды, всѣ остальные правила. Срав. § 11, 23—28 включительно. (*Nova Methodus etc.*).

(1) Систему дигестовъ и кодекса характеризуетъ Лейбницъ весьма рѣзкимъ и бѣглымъ заключеніемъ: «In Digestis et Codice perpetua ordinis causa est veteris juris ratio, quae tantum ad hodiernum, quantum sus ad Minervam.» (§§ 8, 10. N. Meth. d. d. J.)

ныхъ. За чѣмъ же, послѣ этого, говорить о лицахъ, вещахъ и правахъ въ особыхъ отдѣленіяхъ? Коренной недостатокъ этой системы, по мнѣнію Лейбница, заключается въ томъ, что она взята изъ основаній фактическихъ, а не юридическихъ (Non ex juris, sed facti visceribus sumpta). Лица и вещи суть факты. Отношенія власти и обязательства между лицами, по поводу вещей и дѣйствій—вотъ гдѣ моменты юридическіе. Преслѣдуя одни факты, нельзя никогда дойти до стройности въ системѣ. Многообразіе ихъ раздробитъ вниманіе и разрушитъ идею единства въ головѣ ученаго дѣятеля. Такова мораль тѣхъ подробныхъ примѣровъ, которыми старается Лейбницъ довести ad absurdum отвергаемое имъ дѣленіе (1). Въ заключеніе высказываетъ онъ такое главное положеніе: «*Будущи построена на конкретномъ основаніи, система юриспруденціи обратится къ главнымъ источникамъ научнаго безпорядка и смѣшенія.*» Дѣло системы въ наукѣ—привести данный матеріалъ ко всеобщимъ основаніямъ (Rem ad universalialia redigere).

За отдѣломъ критическимъ, слѣдуетъ часть положительная. Здѣсь выступаетъ Лейбницъ съ собственными планами объ организаціи системы въ правѣ положительномъ. *Основательный методъ* (Solida methodus) *долженъ быть извлеченъ изъ опредѣлений*, т. е. изъ понятія самаго предмета. Поэтому, понятію о методѣ юридическомъ должно предшествовать опредѣленіе сущности юриспруденціи. Высказавши эту мысль, Лейбницъ приступаетъ къ опредѣленію юриспруденціи, называя ее «наукою о дѣяніяхъ человеческихъ, на сколько они считаются справедливыми или несправедливыми» (2). Понятія *справедливаго* и *несправедливаго* очерпываются у Лейбница мѣриломъ общественнаго вреда или общественной пользы, «хотя»—замѣчаетъ онъ—«сужденіе о пользѣ составляетъ, собственно говоря, предметъ политики» (3). Сообразно тремъ отдѣльнымъ моментамъ въ сферѣ дѣйствія пользы

(1) Сравни. in Extensio N. Meth. P. 183.

(2) Jurisprudentia est scientia actionum, quatenus justae vel injustae dicuntur.

(3) N. Meth. P. 185.

Deus, genus humanum, Respublica), вся юриспруденція раздѣляется на три отдѣла: *божескую, человѣческую и гражданскую*. За тѣмъ, называя, съ другой стороны, справедливость: то просто *нравственностію* (Moralitas), то *нравственнымъ качествомъ* (Qualitas Moralis), начинается Лейбницъ разборъ этихъ понятій, который показался намъ темнымъ и схоластическимъ. Вообще все §§, посвященные этому вопросу у Лейбница въ отдѣлѣ дидактическомъ, отличаются неясностью. Основное понятіе «справедливости» какъ-то безпріютно вращается у него между двумя полюсами пользы и нравственности.

Изложивши ученіе свое о субъектѣ и объектѣ правъ, Лейбницъ останавливается на *причину, которая производитъ самыя права и обязанности въ обществахъ* (Causa Qualitatis moralis). Анализъ приводитъ его къ разложенію послѣдней на два интегральныхъ понятія. Вслѣдствіе этого, причиною всѣхъ правъ являются: *природа и человѣческое дѣйствіе* (Natura et Actio). Отсюда, наконецъ, выводитъ онъ *пять категорій*, соображеніе которыхъ въ методѣ частнаго положительнаго права можетъ способствовать систематическому распредѣленію матеріала послѣдняго. *Природа, наследство, владѣніе, договоръ и обида* (или нарушение правъ—Injuria): вотъ на чемъ должна опираться, по мнѣнію Лейбница, система положительнаго права гражданского (1).

Но дидактической отдѣлъ слабъ въ самомъ видномъ пунктѣ своемъ. Систематика положительнаго гражданского права, которую предлагаетъ Лейбницъ, не можетъ быть названа удачною. Распредѣленіе матеріала въ пяти категоріяхъ (природы, наследства, владѣнія, договора и обиды), не представляетъ собою естественно-логическаго движенія права частныхъ лицъ въ сферѣ гражданского общества. Непосредственный переходъ отъ завладѣнія вещью, никому не принадлежащею, къ наследству безъ завѣщанія и по завѣщаніямъ представляется какимъ-то скачкомъ въ системѣ. При томъ, объясненія законовъ о наследствѣ и завѣщаніяхъ лишены положительнаго, научнаго значенія. Лейб-

(1) Ibidem. P. 187.

ницъ приводитъ весь вопросъ къ метафизическому воззрѣнію на безсмертіе души. «Наслѣдованіе безъ завѣщанія возможно единственно потому, что душа родителей переходитъ къ дѣтямъ при рожденіи. Завѣщанія были бы совершенно-ничтожными безъ догмата безсмертія души»⁽¹⁾. Кромѣ того, наслѣдованіе въ имуществвахъ, которыя приобрѣтены родителями послѣ рожденія дѣтей, относитъ Лейбницъ, не высказывая основаній, къ категоріи договоровъ⁽²⁾. Далѣе, у Лейбница не видно: что дѣлать съ ученіями семейнаго права и гражданскаго процесса? Нѣтъ средствъ съ точностію опредѣлить: гдѣ настоящее мѣсто ихъ въ системѣ гражданскаго права, приведенной къ вышеуказаннымъ пяти категоріямъ? Куда, наконецъ, отнести, по справедливому замѣчанію Белима⁽³⁾, все ученіе о служебностяхъ (*servitutes*); которыя могутъ возникать изъ договоровъ, завѣщаній и естественнымъ путемъ, изъ самыхъ природныхъ свойствъ и положенія имуществъ? Такимъ образомъ, неполнота и нестройность явились въ собственной системѣ Лейбница, который порицалъ за эти недостатки систематику институтовъ и дигестовъ. Не трудно увидѣть, что, въ настоящемъ случаѣ, простота и логичность останутся на сторонѣ того, что подверглось осужденію. Замѣчательнѣе всего кажется намъ мысль Лейбница о томъ, что не фактъ, а право должно служить основой систематическаго дѣленія. Не смотря на сжатость и отрывочность изложенія, здѣсь высказано свѣтлое и глубокое воззрѣніе. Оно близко къ тѣмъ истинамъ, которыя встрѣчаются въ современной наукѣ. «Юридическія отношенія-особенно имущественныя»—говоритъ Мейеръ—«чрезвычайно-разнообразны: одно и то же право можно осуществить различнымъ образомъ и, слѣдовательно, одно и то же право можетъ породить множество разнообразныхъ отношеній, такъ, что наукѣ права нѣтъ возможности остановиться на юридическихъ отношеніяхъ, а

(1) N. Meth. § 20. «Quia mortui revera adhuc vivunt, ideo manent domini rerum, quos vero haeredes reliquerunt, concipiendi sunt ut procuratores in rem suam etc.

(2) Caeterorum successio ab intestato pertinet ad fontem pactorum etc.

(3) Vélime. Philosophie du droit. T. 1. PP. 528, 529.

она должна свести ихъ къ правамъ, въ которыхъ разнообразныя отношенія получаютъ единство и т. д. (1).

Разсмолрѣвши съ такихъ сторонъ дидактической отдѣль въ наукѣ, переходитъ Лейбницъ къ отдѣлу историческому. Здѣсь то въ-первыя высказывается въ полномъ блескѣ та ученость, которою владѣеть онъ. По общему плану трактата о методѣ, изложеніе каждаго отдѣла науки связано съ критикою, относящейся сюда, литературы. Прочитывая эти параграфы, можно безъ преувеличенія сказать, что авторъ «новаго метода» усвоилъ себѣ всю историческую литературу, отъ Геродота и Діодора Сицилійскаго до конца XVII столѣтія (2)! На первыхъ строкахъ встрѣчается здѣсь извѣстное раздѣленіе исторіи на внѣшнюю и внутреннюю. Обозрѣвая, съ свойственной ей точки зрѣнія, догму законовъ различныхъ государствъ, внутренняя исторія составляетъ существенную часть юриспруденціи. Внѣшняя исторія желательна въ качествѣ пособія (3). Юриспруденція имѣетъ уже зачатки исторической разработки своего матеріала;—но, конечно, нужно еще слишкомъ много труда, чтобы достигнуть въ этомъ отношеніи надлежащей полноты и всесторонности. Лейбницъ желаетъ историческаго уясненія положительнаго права у каждаго отдѣльнаго народа. Евреи, Египтяне, Персы и даже Скионы являются у него, въ этомъ отношеніи, возлѣ Грековъ и Римлянъ. За послѣдними слѣдуютъ Лангобарды и Готы, Венгры и Поляки, со всѣми своими національными законами и обычаями. Однимъ словомъ, въ исторической части «новаго метода», Лейбницъ выступаетъ гуманистомъ въ самомъ широкомъ значеніи. Всѣ народы, которые жили и живутъ жизнью историческою, составляютъ для него одну человѣческую республику. Все, что творитъ внутренняя сила націи, должно слѣдаться, чрезъ науку, общимъ

(1) *Мейера*. Русское Гражданское право. Стр. 7.

(2) Срав. §§ 29—41 Новаго Метода. Въ массѣ приведенныхъ тамъ именъ и сочиненій, одинъ разъ только встрѣчается оговорка: «*Nominum non recogdor, quia sine libris sum*».—Такимъ образомъ вся эта эрудиція высказалась безъ всякихъ справокъ и книжныхъ изысканій.

(3) *Historia juris externa est quae variarum rerum publicarum jura recenset. Haec adminiculum tantum est et requisitum. N. Meth. P. 191.*

достояніемъ. «Нужно особенно заботиться» — говоритъ Лейбницъ — «о собраніи публичныхъ документовъ, выходящихъ по разнымъ случаямъ. Изъ всего этого можетъ составиться изумительный запасъ свѣдѣній»⁽¹⁾. Результатъ глубокаго уваженія къ исторической личности каждаго народа, такое собраніе не должно сводиться на бесплодное удовлетвореніе ученой страсти къ курьезамъ и мелочамъ эрудиціи. По идеѣ Лейбница, подобная кропотливая работа должна быть только подготовленіемъ. Свѣтлою искрою глубокой и оригинальной мысли разрѣшаются заключительныя строки его въ параграфѣ о сущности историческаго элемента въ методѣ. «Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ, надѣемся мы, съ Божіею помощью (*Deo dante*), создать, со временемъ, зрѣлице законовъ (*Theatrum legale*). Тамъ намѣрены мы сравнительно изложить, по всѣмъ отдѣламъ науки, законы всѣхъ временъ, мѣстъ и народовъ. Относительно частной исторіи римскаго права, желательно было бы точное и обстоятельное обозначеніе въ ней всего того, что сдѣлано каждымъ трибуномъ, консуломъ, преторомъ или императоромъ. Сюда должны войти всѣ измѣненія, подъ вліяніемъ которыхъ доросло, наконецъ, положительное римское право до настоящей своей формы.» Но кромѣ такой внутренней исторіи, необходима также внѣшняя исторія въ юриспруденціи. Безъ пособія римской политической исторіи, нельзя понять гражданскаго права римскаго народа. Церковная исторія помогаетъ основательному знанію каноническаго права; средневѣковая — уясняетъ право феодальное; новѣйшая (*Nostrogum temporum Historia*) необходима для права публичнаго⁽²⁾. Что касается римской исторіи въ частности, то, по мнѣнію Лейбница, ясное и методическое изложеніе ея можетъ быть достигнуто при соображеніи двухъ важныхъ моментовъ въ судьбахъ государства. Изъ нихъ, первый представляетъ состояніе Рима республиканскаго; второй — Рима подъ властію императорскую: сначала до Константина, а потомъ отъ Константина до императора Юстиніана. Сообразно такому развитію политической

(1) N. Meth. P. 157. — Справ. о значеніи исторіи элементарнаго права.

(1) N. Meth. P. 196. Норман. к. 57. Уга.

(2) Ibidem. §§ 30—41. Юстиніанъ и Юстиніанъ. Ibidem. P. 208. Справ. о значеніи исторіи элементарнаго права.

жизни, должна быть изучаема история частного права, сначала в Римѣ, а потомъ в Византіи, подъ исключительнымъ вліяніемъ постановлений и кодекса императоровъ.

Вслѣдъ за подробнымъ разсмотрѣніемъ литературы по всѣмъ отдѣламъ внѣшней истории, вступаетъ Лейбницъ въ такъ называемое имъ море (Pelagus) экзегетической юриспруденціи. Не безъ причины, далъ великій ученый подобное названіе экзегетическому отдѣлу въ наукѣ. Цѣлые вѣка сосредоточивалась здѣсь главная рабочая сила ученыхъ дѣятелей. Экзегеза достигла на практикѣ самыхъ блестящихъ результатовъ. Съ неутомимою энергіею была она направляема во всѣ уголки науки. Но, въ противоположность такому широкому практическому примѣненію, законы экзегезы остались почти нетронутыми до Лейбница. «Правила для отысканія истиннаго смысла законовъ—ибо здѣсь заключается высшая цѣль (Potissimus Finis) экзегетической юриспруденціи:—такія правила чрезвычайно-растянуты и неясны», говоритъ Лейбницъ, заканчивая свое трудное плаваніе по морю экзегезы.

Нельзя не вѣрить истинѣ подобнаго замѣчанія. Краснорѣчиво подкрѣпляетъ его указаніе на тогдашнюю литературу герменевтики, добросовѣстно сдѣланное самимъ же Лейбницемъ. Бѣдность ея поражаетъ читателя (1). Назвавши нѣсколько ученыхъ, между которыми оказываются общезвѣстные имена Альціата и Готмана, Лейбницъ прибавляетъ: «Не безъ пользы также можно заглянуть здѣсь и въ сочиненія риторовъ». Такимъ образомъ, Лейбницу приходилось становиться здѣсь въ положеніе «піонера знанія» и пролагать дорогу къ тому, что было скрыто, или, вѣрнѣе, оставлено безъ вниманія, хозяевами науки.

Бодро вступилъ Лейбницъ въ этотъ темный отдѣлъ современной ему юриспруденціи. Яснымъ и, по нашему крайнему разумѣнію, совершенно вѣрнымъ замѣчаніемъ открываетъ онъ ученый путь свой. Экзегетическая юриспруденція есть, нѣкоторымъ образомъ, юриспруденція историческая, такъ-какъ она излагаетъ:

(1) N. Meth. P. 208. Сравн. Ibidem §§ на стр. 201.

какова была на самомъ дѣлѣ мысль законодателя»⁽¹⁾. Затѣмъ приступаетъ онъ къ обозначенію родовъ и видовъ истолкованія. Здѣсь то началась для Лейбница борьба съ трудностями. Масса матеріала обступаетъ его со всѣхъ сторонъ и видимо ослабляетъ всегдашнія стремленія его привести дробное, частное къ общему, — не стройное къ стройному (*Rem ad universalia redigere*). Но сухіе, отрывочные параграфы этого отдѣла оживляются, когда прочитывается между строками внутренняя работа того ума, который произвелъ ихъ.

Лейбницъ принимаетъ два главныхъ вида экзегетической юриспруденціи, по различію формальнаго отношенія толкованія къ тексту источниковъ. Последнее, т. е. толкованіе, можетъ имѣть мѣсто, строго придерживаясь, или же не придерживаясь подлиннаго порядка текста⁽²⁾. Отсюда толкованіе *ex textu* ведетъ къ такъ называемой у Лейбница филологіи права. Толкованіе *ad textum* производитъ комментарий.

Затѣмъ начинаются въ трактатѣ Лейбница вторичныя и третичныя подраздѣленія, гдѣ очень трудно ориентироваться. Лейбницъ анализируетъ понятіе филологіи права, разумѣя подъ нею «примененіе различныхъ наукъ къ юриспруденціи». Отсюда, по различію наукъ, филологія права подраздѣляется: на грамматику, дидактику (преимущественно въ смыслѣ систематики у Лейбница), реторику, съ поэтикою, исторією, этикополитику, логику, метафизику и наконецъ легальную физику (*Physica legalis*). Сжатыя опредѣленія и вычисленія писателей въ каждой изъ означенныхъ рубрикъ: таковъ ходъ изложенія у Лейбница и въ этомъ мѣстѣ его сочиненія. Окончивши характеристику филологіи права, переходитъ онъ къ толкованію *sensu stricto*. Тотчасъ же является у него новое подраздѣленіе, которое рѣшительно запутываетъ общую нить, когда сопоставляется съ вышеприведенными категориями. Тамъ толкованіе раздѣлялось при соображеніи моментовъ: «*ex textu*» и «*ad textum*», и получались два вида: фи-

(1) N. Meth. P. 197.—Сравн. о значеніи историч. элемента въ экзегезѣ: Lang, Beitrage zur Jur. Hermen. S. 57 flgg.

(2) Interpretatio potest ex textu vel ad textum esse.

логія права и комментарий. Здѣсь возникаютъ еще два вида: толкованіе совмѣстное (simultanea) и толкованіе одиночное (solitaria). «Толкованіе перваго рода бываетъ, когда представляется рядъ, или сумма законовъ или же, когда составляются параграфы» (1). Толкованіе втораго рода бываетъ, когда непосредственно уясняется текстъ, самъ по себѣ (Interpret. textus, cuius libet pro se). Оно оказывается «комментаріемъ», съ подраздѣленіемъ на толкованіе реальное и текстовое въ тѣснѣйшемъ смыслѣ (textualis) (2). И такъ, съ одной стороны являются: филологія и комментарий; съ другой—толкованіе совмѣстное, какъ родовое понятіе, съ подраздѣленіями,—да снова комментарий, преобразованный въ форму одиночнаго толкованія, и притомъ, въ свою очередь, какъ родовое понятіе.

Что же это такое? Какъ выйдти изъ этого лабиринта? Неужели сильный дѣятель былъ окончательно побѣжденъ схоластическими волнами моря эзегетическаго? Точно, здѣсь, по нашему мнѣнію, одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ великому писателю было труднѣе всего отрѣшиться отъ рутинны. Можно даже сознаться, что здѣсь заплатилъ онъ ей болѣе обильную дань, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ своего творенія. Но съ другой стороны, здѣсь болѣе формальной, чѣмъ матеріальной слабости. Въ сущности представится возможность указать связь съ тѣмъ, что должно быть соединено; подраздѣлить то, что не допускаетъ органическаго слиянія. Во 1-хъ) какой смыслъ имѣетъ филологія права у Лейбница, и каково отношеніе ея къ слѣдующимъ видамъ толкованія? У самого Лейбница встрѣчаемъ мы въ одномъ мѣстѣ краткую замѣтку, изъ-за которой проглядываетъ мысль, весьма существенная для нашей цѣли. Онъ говоритъ: «Филологію законовъ, оставляемъ мы какъ нѣчто предварительное въ отношеніи къ собственному толкованію» (3). Отсюда слѣдуетъ, что отдѣлъ филологіи права принимается за условный моментъ, при которомъ можетъ

(1) P. 202.

(2) PP. 206, 207.

(3) N. Meth. P. 202.

(1) N. Meth. P. 197.—Срван. о значеніи термина «эзегетика» у Лейбница, см. в «Вопросахъ философіи», т. 1, стр. 107. (2) N. Meth. P. 206, 207. (3) N. Meth. P. 202.

имѣть мѣсто самое юридическое толкованіе. «Примѣненіе различныхъ наукъ къ толкованію», что, какъ извѣстно, составляетъ содержаніе филологіи права у Лейбница, дѣлается для насъ понятнѣе. Это значитъ, что толкованіе законовъ немислимо, безъ соображенія той связи, которая существуетъ между матеріаломъ юриспруденціи и другими науками. Прослѣдить же эту связь можно только тогда, когда въ толкованіе, этотъ сильный органъ науки о правѣ, будутъ внесены такіе моменты, которые лучше всего помогутъ дѣлу ученаго анализа для юриста. Въ организмѣ права есть элементъ лексическій, потому что законъ выражается словомъ человѣческимъ. Есть тамъ элементъ историческій, потому что законъ составляетъ явленіе даннаго мѣста и времени. Есть тамъ элементъ логическій, потому, что законъ всегда почти представляется продуктомъ болѣе или менѣе ясной мысли человѣческой и т. д. Отчего же, послѣ этого, не принимать въ себя экзегезѣ, орудію науки, тѣхъ началъ, которыя могутъ лучше всего разъяснить составныя части научнаго матеріала? «Не все то, что находится въ сводѣ римскаго права, составляетъ матеріалъ чисто-юридическій. Въ священномъ писаніи не вездѣ читаются богословскіе догматы: повсюду разсѣяны тамъ зародыши другихъ знаній (*Omnium disciplinarum semina*). Такъ точно и сводъ римскаго права не есть наука, а просто-на-просто книга, гдѣ каждый можетъ находить и выбрать для себя то, что окажется идущимъ къ его цѣлямъ.» Такъ говоритъ, въ одномъ изъ своихъ трактатовъ, Лейбницъ о значеніи историческаго памятника римской юриспруденціи (1). Мысль эта даетъ возможность придти къ отвѣтамъ на вопросы, поставленные выше.

Филологія права у Лейбница есть терминъ условный и собирательный. Имъ обозначается прежде всего совокупность тѣхъ знаній, пособіе которыхъ необходимо для достиженія цѣли въ работѣ экзегетической. Сжатый терминъ этотъ и все подробное развитіе его у Лейбница могутъ служить косвеннымъ проведені-

(1) *Specimen difficultatis in Jure, sive Quaestiones Philosophicae amoeniores, ex jure collectae*. P. 69.

емъ той истины, что «настоящая экзегеза невозможна безъ элементовъ лексическаго, логическаго, философскаго, историческаго и этико-политическаго.» Вспомнимъ то, что говоритъ новѣйшій писатель о вспомогательныхъ знаніяхъ, которыя необходимы для юриста-толкователя (2). Тогда мы поймемъ причину, по которой можно было Лейбницу поставить темный параграфъ о филологіи права въ своемъ сочиненіи. Тогда поймемъ мы значеніе схоластическихъ дѣленій у Лейбница. Трудно будетъ обвинить его за то, что онъ такъ серьезно и разносторонно смотрѣлъ на дѣло экзегезы въ XVII столѣтіи.

Теперь остается разсмотрѣть, какой смыслъ имѣетъ тотъ видъ экзегезы, который названъ у Лейбница *Interpretatio simultanea*? Каково отношеніе его къ прочимъ видамъ экзегезы въ «новомъ методѣ»? Лейбницъ говоритъ, что толкованіе, обозначенное у него названіемъ «*Simultanea*», приводитъ въ порядокъ титулы, законы и книги. Посредствомъ его «представляются рядъ и сумма законовъ (*Series v. summa legum*), — составляются паратитлы.» А между тѣмъ, прямое назначеніе толкованія имѣетъ другой характеръ, иные существенные признаки. Главное дѣло его сосредоточено надъ мыслью, которая облечена въ форму рѣчи. Въ этой сферѣ предстоитъ главная работа для экзегета въ истинномъ смыслѣ слова. Растолковать чужую мысль нельзя безъ глубокаго усвоенія ея, безъ творческаго воспроизведенія въ собственномъ сознаніи. Но для этого экзегету всегда почти приходится разлагать и рѣчь, и мысль на составныя части ихъ. Анализъ есть существенное, коренное условіе экзегезы. Синтезъ является послѣдствіемъ анализа. Какъ же понять ту исключительную-систематизирующую работу, которую возлагаетъ Лейбницъ на свое толкованіе? Можетъ быть, здѣсь повторился случай изъ числа тѣхъ, о которыхъ упоминаетъ Лангъ въ своей герменевтикѣ. «Слово *Interpretatio* (*Auslegung*) — говоритъ онъ — принимаютъ иногда въ болѣе широкомъ значеніи, разумѣя подъ нимъ: ученое изслѣдованіе вообще, такъ-какъ всякая ученая работа въ правѣ

(1) Lang. Beiträge etc. S. 82.

тѣсно связана съ толкованіемъ⁽¹⁾. Далѣе, тотъ же писатель замѣчаетъ, что «*Interpretatio*» употребляють иногда въ смыслѣ «*Expositio*», при чемъ, естественно, ученая работа можетъ переходить за предѣлы объясненія мысли въ словѣ. Такимъ образомъ «*Interpretatio simultanea legum*» у Лейбница можетъ оказаться равнозначущимъ съ «*Expositio systematica legum.*» Въ такомъ случаѣ, легко будетъ понять, каково настоящее мѣсто суммъ и паратитловъ въ вопросѣ объ экзегезѣ у Лейбница⁽²⁾. Выше было сказано, что экзегеза ведетъ въ системѣ. Въ самомъ дѣлѣ, когда дѣлается ясенъ смыслъ цѣлага ряда научныхъ положеній, легче открыть органическую связь ихъ. Тогда только возможно соединять въ стройное цѣлое части однородныя и, съ другой стороны, отдѣлять разнородныя. Съ этой точки зрѣнія, является экзегеза орудіемъ систематической разработки матеріала научнаго. Съ этой точки зрѣнія, разсужденіе о суммахъ и паратитлахъ совершенно законно въ трактатѣ экзегетическомъ. Не даромъ суммы и паратитлы являются въ библиографическихъ перечняхъ трудовъ Глоссаторовъ и Куяціа.

Послѣ этого разсмотрѣнія, есть возможность придти къ заключительному выводу. Намъ кажется, что и здѣсь формальные недостатки въ изложеніи соединяются съ полнотою въ содержаніи. Лейбницъ упустилъ нить простой и правильной системы, которая была въ рукахъ его, частью по собственной винѣ, частью же по необычайной трудности дѣла. Не легко было уловить общія начала въ многообразіи частныхъ правилъ, накопившихся за долгое время разработки науки. Не легко было также освободиться отъ вліянія тѣхъ пріемовъ, которые преобладали у рамистовъ и схоластиковъ⁽³⁾. Но за то Лейбницъ соединилъ, въ нестройной формѣ своихъ отрывочныхъ параграфовъ, всѣ тѣ ма-

(1) Lang. Ubi Supr. S. 6.

(2) Не можемъ не указать здѣсь на важное для нашей цѣли опредѣленіе Паратитловъ у Лейбница: «*Paratitla sunt systema legum ad eandem materiam pertinentium ex variis titulis contractarum.*»

(3) Самъ Лейбницъ говоритъ въ заключеніе этого отдѣла, что методъ его въ разработкѣ вопроса о толкованіи приводится къ извѣстному схоластическому правилу: «*Praemitto, scindo, casumque figuro, perlego, do causas etc.*»

теріалы, изъ которыхъ могло сложиться полное ученіе объ экзегезѣ. Въ разсмотрѣнномъ нами отдѣлѣ новаго метода заключается слѣдующее: 1) обозначены необходимыя, существенныя стороны экзегезы, подѣ рубрикою филологіи права. 2) Изложены роды и виды толкованія, или экзегезы въ настоящемъ смыслѣ слова. 3) Указаны послѣдствія экзегезы и вліяніе ея на установленіе системы положительнаго права въ юриспруденціи. Наконецъ 4) всѣмъ этимъ положены основы для разработки герменевтики въ Германіи. Нестройное изложеніе новаго метода въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частяхъ его не уничтожаетъ порядка въ планѣ общаго расположенія.

Лейбницъ послѣдовательно держался правила: переходить отъ легчайшаго къ труднѣйшему. «Сейчасъ только окончено нами» — говоритъ онъ на своемъ образномъ языкѣ — «измѣреніе глубины экзегетической. Но вотъ, кажется, приблизились мы къ проливу Гибралтарскому, откуда открывается выходъ въ океанъ изъ Средиземнаго моря.» Такъ приступаетъ Лейбницъ къ отдѣлу полемической юриспруденціи въ своемъ сочиненіи.

Выше указано было, въ общихъ чертахъ, какое значеніе придавалъ онъ ей въ области права. Неисчерпаемую казалась полемика Лейбницу. И нужно сознаться, что, съ точки зрѣнія великаго ученаго, это имѣло глубокое основаніе. По общему плану идеальной юриспруденціи у Лейбница, здѣсь должна была сосредоточиться практическая сила науки. Вся сущность полемики стоитъ на одномъ важномъ вопросѣ: какими началами руководствоваться при разрѣшеніи спорныхъ случаевъ? Какъ поступать юристу, когда придется ему взяться за трудное дѣло дальнѣйшаго, органическаго развитія положительнаго права? «Жизнь», — говоритъ Лейбницъ — «ежедневно создаетъ новые случаи.» Отсюда необходимо: съ одной стороны, позаботиться объ уясненіи стараго, давно открытаго міра знанія. Съ другой — не потеряться, «когда теченіе жизненныхъ волнъ занесетъ на неизвѣстный берегъ. Лучшимъ магнитомъ для юриста въ этомъ случаѣ будетъ естественное право» (1).

(1) N. Meth. P. 211.

И такъ, естественное право—вотъ источникъ, откуда слѣдуетъ брать общія начала для разрѣшенія спорныхъ случаевъ. Но здѣсь возникаетъ передъ Лейбницемъ особенная природа положительнаго права. Его полемиическая юриспруденція стоитъ на той грани, гдѣ теорія переходитъ въ жизнь практическую. И потому естественно, со стороны юриста-философа, соображеніе дѣйствительной основы, на которой долженъ былъ онъ утвердить магнитный снарядъ своего естественнаго права. «Присмотрѣвшись ближе, окажется, что все гражданское право главнымъ образомъ есть дѣло факта. Подтверждать его слѣдуетъ историческими и фактическими доказательствами, помимо философскаго начала природы вещей.» Потому-то Лейбницъ признаетъ еще другой способъ выходить изъ затрудненія, прибѣгая къ аналогіи (*Similitudo ex jure civ. certo*). Но онъ видимо недовѣряетъ такому приему, не смотря на распространенность его въ практикѣ. По мнѣнію Лейбница, разрѣшеніе сомнѣній посредствомъ аналогіи бываетъ источникомъ великой запутанности. Сходные признаки принадлежать нерѣдко многимъ однороднымъ явленіямъ, изъ которыхъ каждое отдѣльно можетъ быть взято, почти по произволу, за единицу уподобленія (¹). А отсюда вытекаютъ важныя погрѣбности. Вслѣдствіе такихъ соображеній, Лейбницъ приходитъ къ заключенію, что вѣрнѣе обращаться къ чистому и неизмѣнному естественному праву. По его мнѣнію, есть только два случая, въ которыхъ допускаются аналогическія заключенія отъ содержанія положительнаго права. «Можно, говоритъ онъ, обращаться за руководствомъ къ сходнымъ (*similes*) законамъ, исполняя ясно-выраженную или подразумеваемую волю законодателя (*Ex verbis, vel ex mente legislatoris*). Притомъ, въ первомъ случаѣ, законодатель всегда имѣетъ средство: какъ расширить, такъ и ссузить примѣненіе аналогіи, опредѣливши сферу дѣйствія ея всѣмъ объемомъ положительнаго права, или же извѣстною его частью (*semel in universum, vel in certa materia*).» Такъ въ саксонскомъ правѣ долговременный судебный обычай утвердилъ правило: рѣшать всѣ сомнительные случаи (*in universum*),

(1) *Sunt enim plures uni similes etc.*

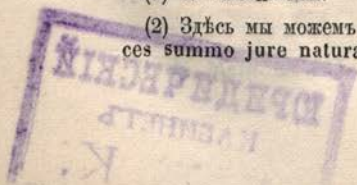

главнымъ образомъ, по аналогіи старыхъ саксонскихъ, а не римскихъ законовъ. Такъ, съ другой стороны, въ римскомъ гражданскомъ правѣ постановлено (*in certa materia*), что законы, которыми опредѣляются извѣстныя правила для лицъ мужскаго пола, имѣютъ обязательную силу для лицъ женскаго пола, до тѣхъ поръ пока не противорѣчатъ разуму или постановленію особеннаго закона. «Естественное право и наука о пользѣ государства (*Scientia pomothetica*, т. е. политика) должны быть двумя глазами, съвозъ которые слѣдуетъ постоянно глядѣть практическому юристу.» Такимъ заключеніемъ оканчиваетъ Лейбницъ мысли свои касательно основныхъ вопросовъ полемической юриспруденціи (1).

Близкое отношеніе юридико-философскихъ началъ къ методу положительнаго права у Лейбница заставили его остановиться на анализѣ понятія права естественнаго. Онъ старается сначала разобрать мнѣнія древнихъ и новыхъ писателей, а потомъ предлагаетъ свое собственное заключеніе. Цѣль его—примирить разнорѣчія и даже вывести изъ нихъ среднее мнѣніе. Потому-то видимъ мы здѣсь три момента въ понятіи права естественнаго. Развитие перваго момента, который называется у Лейбница правомъ естественнымъ въ тѣсномъ смыслѣ слова (*Jus strictum*), напоминаетъ извѣстную теорію Гоббса и отчасти Спинозы (2). «*Jus strictum*» — говоритъ Лейбницъ — «есть ни что иное какъ право войны и мира». Между двумя лицами миръ длится до перваго оскорбленія. Но между лицомъ и вещью война является постояннымъ отношеніемъ, потому что вещь не имѣетъ разума. «Съ одной стороны позволительно льву терзать человѣка, горѣ—давить его своими обломками; съ другой стороны, человѣкъ можетъ пробить гору и обуздать звѣря цѣпью.» Побѣда лица надъ вещью и плѣненіе ея (*victoria... reique captatio*) называется владѣніемъ. Отсюда возникаетъ право лица на вещь, никому не принадлежащую. Всякое нарушеніе установившагося права, всякій обманъ и личная обида даютъ право войны то-

(1) N. Meth. 212.

(2) Здѣсь мы можемъ указать на то мѣсто, гдѣ Спиноза говоритъ, что «*Piscis summo jure naturali aqua potiuntur et magni minores comedunt*».

му, кто пострадалъ отъ нихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что главнымъ закономъ естественнаго права въ тѣсномъ смыслѣ слова должно быть: не наносить никому оскорбленія (*Neminem laedere*).

Не трудно открыть, что недоконченность представляется отличительнымъ признакомъ первой ступени въ развитіи права естественнаго у Лейбница. Здѣсь слишкомъ рѣзко очерчена субъективная сторона въ сферѣ юридическихъ отношеній. Общественный строй слабо скрѣпляетъ массу атомистическихъ явленій. Каждый субъектъ права является заключеннымъ въ предѣлы своего юридическаго міра. Главное дѣло въ томъ, чтобы не мѣшали ему осуществлять свою власть въ этой частной сферѣ. Послѣ такого воззрѣнія естественъ былъ переходъ къ началу справедливости, или равномѣрности (*Aequitas s. Aequalitas*). Только съ этими началами можетъ быть достигнута гармонія, строгая пропорціональность человѣческихъ отношеній въ обществѣ, согласно понятіямъ о естественномъ правѣ у Аристотеля и Гуго Гроція (1). Будучи высшею ступеню въ развитіи права естественнаго, справедливость требуетъ однакоже исполненія права въ тѣсномъ смыслѣ слова. Сама она, съ одной стороны, дополняетъ его (гдѣ кончается *искъ*, тамъ имѣетъ еще силу требованіе справедливости). Съ другой стороны, замѣняетъ «войну» — результатъ нарушенія права *sensu stricto* — миролюбивымъ возвращеніемъ отнятаго, разборомъ чрезъ посредниковъ и т. д. Отсюда правило: «воздавать каждому то, что принадлежитъ ему» (*suum cuique tribuere*).

Но оба начала — (*Juris stricti, aequitatis*) — нуждаются въ высшей санкціи (2). Лейбницъ находитъ ее въ божественной волѣ, независимо отъ выраженія послѣдней въ религіозномъ законѣ. Подчиненіе волѣ божества, или благочестіе (*Pietas*), есть третья и высшая ступень въ развитіи естественнаго права. Въ непосредственной связи съ нею находится третій законъ естественнаго права, который выражается формулою: «жить честно» (*Honeste vivere*).

(1) N. Meth. P. 213.

(2) ... *Jus strictum et aequitas carent vinculo physico etc.*

Таковы были общія начала, подъ руководствомъ которыхъ долженъ юристъ, по мнѣнію Лейбница, развивать организмъ законовъ положительныхъ. Но понятія о естественномъ правѣ въ «новомъ методѣ» интересны болѣе всего въ историческомъ отношеніи. Они являются первымъ и, нужно сознаться въ этомъ, слабымъ очеркомъ ученія, которое гораздо полнѣе было развито въ другомъ сочиненіи многосторонняго ученаго (1). Стремленіе вывести понятіе естественнаго права изъ примиренія ученій Аристотеля, Гоббса и Г. Гроція совершенно-последовательно. Оно находитъ лучшее подтвержденіе и объясненіе въ цѣломъ философскомъ направленіи Лейбница (2).

Остальныя страницы въ отдѣлѣ полемической юриспруденціи посвящены разсужденіямъ касательно содержанія и формы различныхъ собраній «спорныхъ вопросовъ» въ области положительнаго права. Говоря о содержаніи ихъ, Лейбницъ требуетъ строгой сосредоточенности на одномъ юридическомъ, и притомъ современномъ, матеріалѣ. Съ этой точки зрѣнія направляетъ онъ свою критику противъ казуистовъ въ тогдашней юриспруденціи. Настоящее дѣло ихъ разрѣшить и занести въ свои собранія то, что представлено позднѣйшимъ развитіемъ права. Филологическія, историческія и всякія другія отступленія здѣсь неумѣстны. Нѣтъ никакой надобности пережевывать старое (*semper vetera gustare*) и вносить въ казуистику рутинные приемы комментаторовъ. Вообще, нигдѣ еще не былъ Лейбницъ такимъ строгимъ судьей, какъ на страницахъ, которыя посвящены разбору полемической юриспруденціи. Что касается до формы, то Лейбницъ предлагаетъ, между прочимъ, составить казуистическіе пандекты, куда могли бы входить и «*Causae celebres*» въ цивилистикѣ (3).

(1) *Praefatio ad Codicem Jur. Gent. Diplomaticum*.—Изложеніе ихъ на страницахъ настоящаго изслѣдованія оказалось неизбѣжнымъ въ видахъ сохраненія связи и порядка идей N. Метода.

(2) Ср. Kuno-Fischer, *Geschichte der neuer. Philosophie* 2 B. S. 125. «*Nach meinem Dafürhalten*»—sagt Leibnitz in einem Briefe an Hansch—«*muss man um richtig zu philosophiren Plato mit Aristoteles und Democrit zu verbinden wissen*».

(3) *Ponendae enim hic (in Pand. Questionum controversarum) Quaestiones illustriores, dissensionibus nobilitatae*. (N. Meth. P. 215).

Здѣсь опять проглядываетъ у него идея математическаго (демонстративнаго) метода⁽¹⁾. Съ замѣчательнымъ здравомысліемъ начертаны Лейбницемъ наставительныя правила казуистамъ. Строенъ, строго-наученъ здѣсь методъ его. Общія начала составляютъ необходимое и твердое основаніе. Главный интересъ работы долженъ быть сосредоточенъ на труднѣйшихъ вопросахъ въ области положительнаго права. Разрѣшеніе ихъ стоитъ на первой очереди для юриста. Случаи легкіе могутъ быть оставлены. Предписывается величайшая осторожность касательно ссылокъ на ученія мнѣнія (видно, что Лейбницъ хорошо понималъ тотъ вредъ, который нанесло теоріи и практикѣ неограниченное господство ученаго авторитета въ юриспруденціи)⁽²⁾. Ссылка на автора (по возможности одного) допускается только подъ условіемъ строгой критики его значенія. Глубокая основательность, ясность и самостоятельность: вотъ тѣ качества, которыя утвердительно рѣшаютъ вопросъ объ авторитетѣ писателя. «Составленіе казуистическихъ пандектовъ—говоритъ Лейбницъ—завершить собою знаніе юриспруденціи.»

Такъ законченъ очеркъ «совершенной юриспруденціи» въ новомъ методѣ. Остальные §§ его (отъ 91—100 включительно) посвящены методологическимъ замѣчаніямъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Здѣсь говорится объ объемѣ и раздѣленіи курса юридическаго, который можетъ быть пройденъ въ два года людьми обыкновенныхъ, среднихъ способностей (*Pro mediocribus ingeniis*). Люди бездарные, или, напротивъ, владѣющіе сильными способностями, должны быть изъяты изъ общаго правила. «Не слѣдуетъ—говоритъ Лейбницъ—много засиживаться надъ работою (*non debet aliquem esse assiduum et accubum*). Занимаясь не болѣе шести часовъ въ день, легко съ основательностію пройти, въ двухлѣтній срокъ, весь курсъ юриспруденціи. Порядокъ

(1) §§ 79, 90.—«*Ponantur propositiones, quantum fieri potest, universales et controversiae casusque tantum ii qui sunt dubii. Addantur rationes demonstrativae ex elementis... Elementa enim ita comparata esse debent more mathematico, ut ex iis omnes quaestiones possint decidi etc.*»

(2) Ср. N. Meth. P. 222.

его долженъ быть слѣдующій: 1) элементарныя занятія (сюда входитъ, между прочимъ, исторія), 2) экзегетическія упражненія и 3) полемика. Послѣдняя занимаетъ ровно половину цѣлаго курса юридическаго.

Лейбницъ требуетъ отъ студента правъ самостоятельнаго и ежедневнаго обдумыванія (*Ruminatio*) лекцій профессорскихъ. Затѣмъ, цѣлая треть изъ времени дневныхъ занятій должна быть посвящаема курсу историческому (1). Всеобщая исторія должна быть изучаема съ особымъ прилежаніемъ. Исторія религіозныхъ догматовъ и знаніе современныхъ политическихъ событій составляютъ дополнителныя, но существенныя части историческаго подготовленія. Послѣ такихъ работъ, можетъ быть начато прохожденіе римской исторіи (внѣшней). Затѣмъ уже слѣдуютъ: внутренняя исторія положительнаго права различныхъ государствъ, исторія церковная, средневѣковая и германская. По окончаніи двухлѣтняго курса, долженъ наступить періодъ самостоятельныхъ занятій. Собственное чтеніе, путешествія, практика и работа среди самаго разгара дѣйствительной жизни завершаютъ дѣло, начатое на скамьяхъ университетской аудиторіи (2). Такъ заканчивается знаменитый трудъ Лейбница. Послѣднее слово его стоитъ за жизнь, за могущественные интересы ея. Сюда проложилъ Лейбницъ свой идеальный путь для юриста (*viam ad perfectionem grassandi*). Въ органической связи съ дѣйствительною жизнію достигаетъ желанной полноты идеальная его юриспруденція.

Теперь ясно то значеніе, которое имѣетъ Лейбницъ въ ученой исторіи права положительнаго. «Новый методъ» его сталъ крупною мѣтою на томъ пути, которымъ входила западно-европейская юриспруденція въ Германію. Передъ учеными этой страны остановилась цѣлая масса научнаго матеріала, который накопился за долгіе годы усердной разработки во многихъ

(1) *Reliquae duae horae lectioni volitanti, maxime historicae, impendantur.*

(2) *Reliquum tempus lectioni liberae, peregrinationibus, praxi et negotiis vitae tribuendum.*

странахъ Европы. Содержаніе было богато. Но ощущался замѣтный недостатокъ въ формальной обработкѣ. Нужно было позаботиться о большей ясности ученій, объ опредѣленности основныхъ понятій, о стройномъ соединеніи тѣхъ и другихъ въ одно систематическое цѣлое. Все это принялъ на себя Лейбницъ въ своемъ сочиненіи. Въ этомъ отношеніи дѣлается онъ характернымъ представителемъ чисто-германскаго направленія въ наукѣ. Духъ системы былъ всегда особенно сроденъ его соотечественникамъ. Имъ объясняются многія явленія въ научномъ развитіи Германіи, не исключая «новаго метода» Лейбница. Гдѣ система, тамъ и методъ, какъ орудіе порядка въ наукѣ. Гдѣ методъ и система, тамъ философское, рациональное воззрѣніе, безъ котораго нельзя создать системы и выработать идеи о методѣ. Потому то, быть можетъ, открывається «новый методъ» критикою старой систематики въ наукѣ. Потому то, можетъ статься, налегаетъ съ такою силою Лейбницъ на дидактическій и полемическій отдѣлы своего сочиненія. Такимъ образомъ становится понятнѣе, почему эгзегетическій и историческій элементы отодвинуты на второй планъ у Лейбница. Во всякомъ случаѣ, «новый методъ» представляется полнымъ по содержанію, смѣлымъ и свѣтлымъ по направленію. Не маловажною заслугою было: анализировать и указать сущность историческаго, философскаго и догматическаго элементовъ въ юриспруденціи. Обо всемъ этомъ краснорѣчиво говорить «Catalogus Desideratorum», приложенный къ заключительной страницѣ новаго метода, въ качествѣ сжатаго вывода изъ содержанія послѣдняго. Въ дидактическомъ отдѣлѣ опирается Лейбницъ, съ одной стороны, на методъ древнихъ ученыхъ и мыслителей, съ другой—на Бэкона⁽¹⁾. Не забывая переработки схоластическихъ брогардрикъ, приходитъ онъ къ мысли «о новомъ кодексѣ» для Германіи. Въ отдѣлѣ историческомъ, слѣдитъ за непрерывною нитью событій отъ архаическихъ временъ до сочиненія Августа Дету и до послѣдняго листка, современнаго

(1) N. Meth. § 20. Вліяніе Бэкона явно высказывается во многихъ мѣстахъ сочиненія Лейбница. Видите всего оно въ дидактическомъ и полемическомъ отдѣлахъ новаго метода.

ему, «*Euroasi Diarii*». Такой трудный и длинный путь приводит его къ идеѣ о сравнительномъ изученіи законовъ всѣхъ временъ, мѣстъ и народовъ. Въ отдѣлѣ философскомъ, согласуеть Лейбницъ Платона, Аристотеля и Цицерона съ Гуго Гроціемъ. Для разработки естественнаго права предлагаетъ демонстративный методъ по преимуществу ⁽¹⁾. Философія права и исторія, экзегеза и герменевтика, сравнительное изученіе законодательства, кодификація, наконецъ ученая исторія (*vitae juris consultorum*) и юридическая библиографія: вотъ тѣ важнѣйшіе пункты, которыхъ коснулся Лейбницъ въ своемъ «новомъ методѣ». Отсюда видно, какова была сила преобразовательныхъ его стремленій: она не остановилась на одной формальной сторонѣ предмета, а вошла въ самую глубь его. Исторія германской юриспруденціи конца XVIII и начала XIX столѣтій озаряетъ особеннымъ свѣтомъ сжатую страницу, на которой помѣщенъ «*Catalogus Desideratorum*» Лейбница. Томазіи, Гейнекцій, Вольфъ, Эккардтъ, Гуго-Геттингскій, Тибо и Ансельмъ Фейербахъ отзовутся, съ разныхъ сторонъ, на мысли великаго юриста-философа. Ихъ трудами достигнутъ выполненія многія его желанія. Послѣ такого сближенія, вполне раскроется и подтвердится смыслъ ученаго девиза его. «*Chargé du passé et gros de l'avenir*,» можно будетъ, по началамъ строгой справедливости, поставить подъ именемъ юриста-Лейбница.

Обозрѣвая дальнѣйшую судьбу юриспруденціи въ Германіи, нужно сознаться, что время и самая сущность дѣла прежде всего приводятъ, послѣ Лейбница, къ Хр. Томазію. Жизнь этихъ двухъ людей протекла въ предѣлахъ одного періода, съ незначительною разницею немногихъ годовъ, пережитыхъ по смерти Лейбница болѣе молодымъ Томазіемъ. Какъ индивидуальныя личности, они ни мало не сходятся между собою. Ученое направленіе каждаго порознь имѣетъ въ себѣ многія черты, чисто-самостоятельныя. Но не смотря на это, Томазіи и Лейб-

(1) *Juris naturalis elementa demonstrative tradita*. Сравни *Catalogus Desideratorum* etc.

ницъ очень близки другъ къ другу въ исторіи положительной юриспруденціи.

Сынъ профессора, у котораго Лейбницъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ слушателей, Хр. Томазіи плохо ладилъ съ консервативнымъ направлениемъ отца своего. Не понималъ онъ также и примирительнаго духа въ геніальномъ ученикѣ послѣдняго. Негативно сносилъ Хр. Томазіи нравственную опеку старика, вліяніе котораго сдерживало пылкій полемическій умъ сына. Молодой ученый извѣдалъ упоеніе ученой борьбы, которая кипѣла, въ ту пору, по случаю выхода сочиненій Пуффендорфа. Съ декалогомъ въ рукахъ, громили педанты, какъ порожденіе нечестиваго ума, рациональное ученіе о законѣ естественномъ. Съ ними то сразился, на первый разъ, Хр. Томазіи и, конечно, тутъ же приобрѣлъ себѣ недруговъ. Старикъ Томазіи умеръ въ 1684 году. Не теряя дорогаго времени, завязалъ молодой ученый отчаянную борьбу съ мрачною силою тогдашней Германіи. Бодро выступилъ онъ противъ цѣлыхъ легионовъ людей, которыхъ, не стѣняясь, называлъ педантами и лицемѣрами. Исходили благочестивымъ гнѣвомъ сердца ихъ при чтеніи: «цѣмецкихъ программъ о томъ, какъ слѣдуетъ подражать французамъ», «придворной философіи» и т. п. Наконецъ чаша переполнилась. Защита брака лютеранскаго герцога съ реформатскою принцессою довела до зенита гнѣвъ ревнителей лютеранскаго правовѣрія. Поднялись лейпцигскіе богословы. Поднялись юристы, университетскіе профессора, подъ предводительствомъ Карпцовыхъ. Состоялось рѣшеніе: заключить въ тюрьму дерзкаго нововводителя. Таково было вступленіе въ ученую и практическую жизнь Христіана Томазіи. Оно оказалось весьма характернымъ началомъ всей его дѣятельности. Томазіи считалъ себя призваннымъ къ реформѣ въ юриспруденціи. Здѣсь сошелся онъ съ Лейбницемъ. Но соединяясь въ цѣли, они расходились отчасти въ средствахъ и путяхъ къ ея достиженію. Критика Томазіи относилась къ предмету своему гораздо рѣзче и отрицательнѣе, чѣмъ видно это у Лейбница. Такъ вопросъ объ отношеніи рационально-естественнаго закона къ религіозному повернулъ онъ совсѣмъ въ другую сторону и намѣревался приступить къ анализу библейской догмы, съ точки зрѣнія «*justi et*

desori»⁽¹⁾. Самому же естественному праву желалъ дать основы чисто-юридическія, въ противоположность, преобладавшему тогда, богословскому воззрѣнію⁽²⁾. Не цѣнилъ Томазіи особенно - высоко древнихъ классиковъ. Гуго приводитъ одну критическую замѣтку его, рѣзкость и дебелость которой вызвали негодованіе со стороны самыхъ рьяныхъ почитателей нововводителя⁽³⁾. Не дружелюбно смотрѣлъ Томазіи на право римское. «Въ ученіяхъ частнаго права»—говоритъ Гуго—«считалъ онъ своею обязанностью, какъ можно шире проводить начало «*non usus*» относительно права римскаго.» Ученія симпатіи его въ сферѣ положительной юриспруденціи направились въ другую сторону. Ихъ влкло къ себѣ національное право германское. Отсюда стремленіе открыть несовершенства римскаго права (*Naevi Jurisprudentiae Romanae*), употребляя средствомъ для этой цѣли исторію. Отсюда недостатокъ критическаго терпѣнія и тонкости въ экзегезѣ, воспитанной на заботливомъ изученіи права римскаго. Гуго приводитъ одинъ примѣръ толкованія юстиніановскаго текста, взятый имъ у Томазіи. Оригинальная грубость его напоминаетъ тѣ образцы экзегезы, которые представлялъ Савиньи изъ эпохи паденія ученыхъ школъ въ средневѣковой Италіи.

Одна философія вполне удовлетворяетъ Томазіи. Только философскія, рациональныя основы даютъ твердость и положительность научному знанію⁽⁴⁾. «Разумъ человѣчскій»—говоритъ онъ—«не признаетъ надъ собою иного властителя, кромѣ Бога. Невыносимо то иго, которымъ бременять его, назначая въ руко-

(1) Hugo. *Gei. Gesch.* S. 483.

(2) *Das Naturrecht wollte er... zu einer juristischen Wissenschaft machen, wenigstens auf einen der beiden Punkte, die das Juristische im Gegensatz des Theologischen, wie man es nannte, bezeichnen, auf den Zwang, sah er immer, nur freilich nicht auf den Andern, nämlich, dass dieser nur durch die Obrigkeit erfolge.* говоритъ Г. Гуго. Сравни. сжатую, но превосходную характеристику ученія Томазіи у Шталя (*Rts Philos.* 3 Aufl. S. 183 flgg.) Также Warnkönig *Rtsphilosophie.* S. 54 etc.

(3) *Wer nicht einen Narren am Homer und Virgil gefressen habe, finden müsse, dass Hofmanswaldau und Lohenstein zehnmal kluger sey etc.*

(4) «Die Philosophie billig eine Anführerin zur wahren Weisheit und ein gemeines Instrument drei hohen Facultäten seyn solle.» говорилъ Томазіи. Сравни. Friedländer. *Jur. Enc.* S. 19.

водители авторитетъ чловѣческой» (1). Мысль эта очень хорошо характеризуетъ Томазія. Свобода совѣсти и разума были главными тезисами, которые защищалъ онъ въ продолженіе всей своей жизни. Полемическое сочиненіе: «О правѣ евангелическихъ князей въ богословскихъ спорахъ» и ученый трудъ: «Основанія права естественнаго и народнаго» проводятъ, въ этомъ отношеніи, совершенно однородное воззрѣніе. Послѣ этого особенно понятно, почему Томазія сталъ въ критическое отношеніе къ теоріи и практикѣ своего времени. Мыслитель, который полагалъ на первомъ планѣ начало политической свободы въ дѣлахъ науки и совѣсти, не могъ иначе относиться къ настоящему въ своемъ отечествѣ. Не видя вокругъ себя тѣхъ элементовъ, которые считалъ необходимыми для правильной и полной жизни въ обществѣ, онъ старался создать ихъ. При такихъ обстоятельствахъ, воззрѣніе его должно было остановиться на сильномъ скептицизмѣ относительно всего, что было. Положительная сторона воззрѣнія его, естественно, обращалась ко всему, чему слѣдовало быть при новыхъ, болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Весьма выразительнымъ представляется одинъ фактъ изъ жизни Томазія. Онъ слушалъ, между прочимъ, лекціи медицины для окончательнаго убѣжденія себя въ томъ, что и здѣсь «позабыли о главномъ дѣлѣ» (2).

Таково было, въ общихъ чертахъ, направленіе Томазія. Опираясь, подобно Лейбницу, на философское основаніе, онъ обнаруживаетъ оригинальные приемы въ проведеніи и разработкѣ идей своихъ. Критика Лейбница ведетъ къ гармоническому сліянію крайностей и противорѣчій. Критика Томазія не идетъ на сдѣлки и примиреніе. Цѣль ея — установленіе началъ новыхъ. Средство — послѣдовательное отрицаніе отжившаго. Исторія у Лейбница должна «вызвать отъ прошедшаго происхожденіе настоящаго, такъ-какъ изслѣдованіе при-

(1) Erläuterung... des unlängst getahnen Vorschlags wegen der neuen Wissenschaft, etc. Halle. 1692. Сравни. Schlosser's Geschichte des XVIII. J. H. I. B. S. 602.

(2) Gel. Gesch. S. 484.

чнѣе есть лучший способъ изученія»⁽¹⁾. Исторія у Томазія—какъ мы видѣли это выше—прежде всего ищетъ въ прошедшемъ подкрѣпленій для отрицанія тѣхъ явленій настоящаго, которыя осуждены раціональнымъ его воззрѣніемъ. При общемъ философскомъ основаніи, Лейбницъ является болѣе сильнымъ въ исторіи и менѣе сильнымъ въ критикѣ. Томазія кладетъ главную мощь свою на критику, подчиняя ей исторію, и не входитъ особенно глубоко въ самобытную, положительную сторону элемента историческаго. Лейбницъ въ совершенствѣ знакомъ съ классическимъ міромъ. Постоянная цѣль его — просвѣтить настоящее всѣми средствами, которое можетъ представить умственный міръ древней, средневѣковой и новѣйшей эпохъ въ развитіи человѣчества⁽²⁾. Томазія далеко не имѣетъ такой филологической и классической учености, которая видна у Лейбница. Не довѣряя особенно-много ни прошедшему, ни настоящему, онъ ревниво старается заимствовать возможно-большее количество свѣта отъ идеала, созданнаго раціональнымъ воззрѣніемъ.

Вотъ въ чемъ расходятся между собою два замѣчательныхъ дѣятеля въ германской юриспруденціи. Лейбницъ, безспорно, преобладаетъ надъ Томазіемъ, по своей всеобъемлющей, высоко-парящей силѣ умственной. Первый—гений; второй—человѣкъ обыкновенныхъ дарованій. Томазія не идетъ такъ далеко, какъ Лейбницъ, въ своихъ ученыхъ стремленіяхъ. Кругозоръ его почти-исключительно опредѣленъ сферою близкихъ, непосредственно-окружающихъ явленій⁽³⁾. Но за то здѣсь обнаруживается у него больше сосредото-

(1) Leibniz. Opera Omn. Historia, Antiquitates. P. 53.

(2) Сравн. Ibidem. PP. 53, 72, 186, 284. Особенно интересно показалась намъ мысль о значеніи сравнительной филологіи для историческихъ изысканій о происхожденіи народовъ.

(3) Сосредоточенность Томазія доводила его не рѣдко до узкихъ воззрѣній и заключеній. Такъ напр. о математикѣ отзывался онъ, какъ о вѣрнѣйшемъ средствѣ поддаться вліянію іезуитовъ, на томъ основаніи, что отцы іезуиты были вообще хорошіе математики, и что Лейбницъ, какъ математикъ, поддерживалъ постоянныя сношенія со многими специалистами изъ ордена Лойолы. Странно встрѣчать подобныя понятія у германскаго либерала XVIII ст.; но ученая исторія изобилуетъ многими, болѣе рѣзкими, примѣрами. Духъ партій и дробленіе на кружки были давнишней язвою ученыхъ кабинетовъ и аудиторій. Взаимная ненависть и соперничество доходили не рѣдко до степени слѣпой, неудержимой страсти. Въ средніе вѣка итальянскіе юристы устраивали засады, съ кинжаломъ въ рукахъ, противъ своихъ соперниковъ. Въ эпоху возрожденія, на у-

точности и послѣдовательности, чѣмъ у Лейбница. Реформа юриспруденціи была для Томазія главнымъ дѣломъ, въ серьезномъ смыслѣ этого слова. Она не осталась для него мощною пробою молодыхъ силъ, какъ для Лейбница, который увлекаемъ былъ въ разныя стороны виѣшними условіями жизни и универсальными стремленіями собственного генія. До конца выдержана Христианомъ Томазіемъ та роль, которая принята имъ съ первыхъ шаговъ его въ наукѣ. Роль эта была не геніальнымъ «hors d'oeuvre», а добровольнымъ, нерѣдко тяжелымъ, крестомъ всей честной, трудовой, строго-академической жизни. Лейбницъ выставилъ блестящую философскую идею науки и ея метода. Томазіи взялся за работу, во имя идеи о высшемъ достоинствѣ науки и метода. Одинъ набросалъ планъ. Другой не отдѣлялъ созданія плана отъ немедленнаго его выполненія. Такимъ образомъ, усовершеншилъ онъ систематику различныхъ частей юриспруденціи; далъ самостоятельное значеніе тѣмъ изъ нихъ, которыя жили до сихъ поръ жизнью паразитовъ на вѣковомъ корнѣ пандектовъ (процессъ гражданского и уголовного права). Короче: одинъ представляетъ теоретическую, а другой—практическую сторону идеи о реформѣ юриспруденціи. Томазіи былъ ученымъ дѣятелемъ исключительно въ интересахъ своего времени и народа. Объ этомъ говорить вышеуказанное предпочтеніе его національному германскому праву. Объ этомъ говорить, наконецъ, тотъ переворотъ въ учено-литературномъ мірѣ Германіи, который связанъ былъ съ очень скромнымъ фактомъ: первымъ изданіемъ на нѣмецкомъ языкѣ ученаго юридическаго сочиненія. Смѣлость подобнаго шага можетъ быть отчасти объяснена слѣдующимъ обстоятельствомъ: современный Томазію юристъ (Ю. Г. Бемеръ † 1749) предсказывалъ близость такого времени, когда «будутъ писать по

лицахъ университетскихъ городовъ бывали кровавыя схватки между приверженцами враждующихъ профессоровъ. Позже, трагическій характеръ этихъ явленій утрачивается; мелкія страсти выступаютъ наружу безъ всякихъ мелодраматическихъ прикрасъ и даютъ обильный запасъ наблюденій тому, кто интересуется нравственною патологіею общества. Полицейское благоустройство защищаетъ отъ ударовъ тѣло ученаго недруга; но за этою чертою остается еще широкая арена, гдѣ можно безнаказанно топтать въ грязь и личность соперника, и науку, органомъ которой является онъ въ литературѣ или на кафедрѣ.

нѣмецки диссертацин и по-нѣмецки же защищать ихъ.» Предсказаніе это говорится почти тѣмъ тономъ, какимъ въ наше время высказываютъ предположенія о путешествіяхъ на аэростатахъ изъ Европы въ Америку. Самъ Лейбницъ писалъ по-французски и еще чаще по-латыни свои сочиненія. Прекрасно владѣя нѣмецкимъ языкомъ, онъ выбралъ органомъ своей мысли чужую рѣчь, которая, конечно, была понятна во всемирной «ученой республикѣ;» но, съ другой стороны, лишила его того, что называютъ обыкновенно стилемъ у писателя.

Но гдѣ же тѣ пункты, въ которыхъ Томазіи является близкимъ къ Лейбницу въ области положительной юриспруденціи? Для этого стоитъ припомнить «Catalogus desideratorum» при новомъ методѣ и сравнить съ тою систематикою юридическихъ наукъ, которая установилась подъ вліяніемъ Томазіи (1). Здѣсь увидимъ мы раздѣленіе всей области юриспруденціи на три отдѣла: теоретическій, практическій и историческій. Въ составѣ перваго отдѣла находятся: А) права—естественное и международное. В) Право положительное: а) римское, б) каноническое, с) германское. Последнее подраздѣлялось на 1) государственное, 2) уголовное, 3) ленное и 4) частное. Къ составу втораго отдѣла отнесены: гражданское и уголовное судопроизводство и собственная практика, или порядокъ дѣлопроизводства въ имперскихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Отдѣлъ историческій обнимаетъ собою: 1) внѣшнюю исторію римскихъ и германскихъ законовъ; 2) внутреннюю исторію тѣхъ же законовъ, подъ общимъ названіемъ юридическихъ древностей. Что представляется намъ въ сжатомъ выводѣ изъ всей сложной программы этой? Философскій, догматическій, или положительный, и историческій элементы служатъ здѣсь основными пунктами для подробнаго раздѣленія. Но мы видѣли, что все содержаніе многочисленныхъ параграфовъ «новаго метода» у Лейбница сводится къ тѣмъ же самымъ категоріямъ. «Праву естественному» въ настоящей программѣ соответствуетъ требованіе философіи права (и особенно «естественна-

(1) Сравни. Warnkönig. Jurist. Encyclopädie. S. 326.

го права съ демонстративнымъ изложеніемъ началъ его») въ каталогѣ Лейбница. Независимо отъ рубрикъ имперскихъ и саксонскихъ законовъ, сравнительное обозрѣніе различныхъ законодательствъ «Theatrum legale» затмѣваетъ своимъ богатымъ содержаніемъ довольно-полный отдѣлъ положительнаго права въ программѣ университета галльскаго. Наконецъ, планъ историческаго отдѣла представляется чистымъ сколкомъ съ извѣстнаго параграфа объ исторіи права въ «новомъ методѣ» Лейбница. Только практической элементъ юриспруденціи гораздо-полюше развитъ въ программѣ, выработанной подъ вліяніемъ Томазія. Отсутствие въ каталогѣ Лейбница рубрики каноническаго права оправдывается частыми упоминаніями о разработкѣ его на страницахъ «новаго метода». Весьма вѣроятно, что отдѣлъ государственнаго германскаго права включалъ Лейбницъ въ свои «институты права имперскаго» (1).

Такимъ образомъ можетъ быть оправдано замѣчаніе о близости Лейбница и Томазія въ области положительной юриспруденціи. Оба они дали рациональную, философскую основу наукъ. Оба обратились къ реформѣ юриспруденціи и затронули вопросъ о систематикѣ наукъ юридическихъ. Наконецъ, оба они, хотя въ различной степени, признавали необходимость въ наукѣ элемента историческаго. Каково бы ни было воззрѣніе Томазія на исторію права, несомнѣнно то, что онъ требовалъ разработки ея, не смотря на свое философское направленіе. Его «Органическіе недостатки (Naevi) римской юриспруденціи, выведенные изъ ея исторіи», были началомъ историко-литературнаго движенія въ германской юриспруденціи. Книга эта напечатана въ 1695 году, а въ 1718 г. появился историческій компендіумъ Томазія, изданный Гейнекциемъ (2). Оба сочиненія обнимали собою одинъ отдѣлъ внѣшней исторіи, не касаясь притомъ вопроса объ ученой обработкѣ права (3). Но съ 1695 года потянулась длинная и непрерывная нить историческихъ трудовъ Шубарта (1696), Штру-

(1) Institutiones Juris Caesarei. Сравни. Catalogus Desideratorum. 17.

(2) Сравни. Нгео. Gel. Gesch. S. 486.

(3) Delineatio Historiae Juris.

се (1718), Гобмана (1718), Бейера (1725), Брунквелля (1727), Тельмана (1736), Геллфелда (двѣ книги 1740, 1741 г.) и наконецъ Гейнекція (1740, лейденск. изд.). Последнийъ разработывалъ исторію подѣ сильнымъ вліяніемъ голландскихъ юристовъ. За нимъ непосредственно слѣдуетъ Августъ Бахъ, который обратилъ въ матеріалъ для своей знаменитой исторіи книгу Гейнекція, воспользовавшись замѣчаніями филологовъ Эрнести и Дан. Риттера. Здѣсь достигли мы одного изъ тѣхъ моментовъ исторіи германской юриспруденціи, когда въ широкій потокъ ея вливаются классическія преданія школъ французской и голландской. Соединившись съ элементами самостоятельнаго развитія, которые были вызваны Лейбницемъ и Томазіемъ, преданія эти помогли науцѣ, или теоріи, отстоять свою независимость среди враждебныхъ рядовъ практиковъ. Благодаря Лейбницу, Томазію и Гейнекцію, Августъ Бахъ и Гуго Геттингскій энергически взялись за дѣло, которое остановилось на «Manuale Juris» Якова Готтфреда. Въ слѣдствіе этого, нельзя допустить, безъ ограниченія, замѣчанія Лабулэ⁽¹⁾, будто Томазіи безусловно отвергали вліяніе исторіи въ юриспруденціи. Гораздо солиднѣе и ближе къ истинѣ мнѣнія Гуго-Геттингенскаго и Фридендера⁽²⁾.

Немедленно послѣ Лейбница, начинается сильное движеніе въ германской юриспруденціи. Самъ Томазіи, а также Гейнекцій, Бемеръ, Неттельбладтъ и друг.⁽³⁾ усердно трудились по мно-

(1) *Essai sur la vie etc. de Fr. Ch. Savigny. P. 14.* «Rompant avec les idées de l'époque, Thomasius faisait table rase pour donner à la science une base purement philosophique et pour la soustraire à la fois aux influences de l'histoire et de la théologie etc.» Намъ кажется, что Томазіи не былъ врагомъ всего историческаго. Въ противномъ случаѣ, нельзя будетъ понять его стремленія: содѣйствовать изученію права германскаго, смыслъ котораго нужно было, главнымъ образомъ, отыскивать въ прошедшемъ, въ исторіи народа. Борьба, которую велъ Томазіи, была скорѣе всего протестомъ противъ того, что считалъ онъ злоупотребленіемъ, вошедшимъ въ жизнь путемъ историческимъ. Рациональное воззрѣніе должно было преобладать при подобномъ направленіи. Съ точки зрѣнія *justi et decori*, нельзя было, конечно, внести честному уму зрѣнше многихъ историческихъ явленій того времени въ германскомъ обществѣ. Педантизмъ, ханжество, судебныя *auto-da-fe* надъ колдуньями недопускали примирительнаго воззрѣнія.

(2) *Hugo, Gel. Gesch.* «Die Geschichte empfahl er (Thomasius) dringend in allen Fächern, ohne gerade selbst viel dafür zu thun.» Сравни. *Friedländer, Jur. Enc. S. 19.*

(3) *Warnkönig, Jur. Encyclop. S. 326 flgg.*

гивъ отдѣламъ, выступая одновременно въ роли профессоровъ и писателей. Университеты въ Галле и потомъ (съ 1734) въ Геттингенѣ сдѣлались передовыми органами науки. Направленіе учено-литературныхъ работъ было главнымъ образомъ критико-полемическое. Академическая разработка науки ведена была въ формѣ компендіевъ. Въ догматикѣ появились методы *аксиоматическій* и *демонстративный*. Но присматриваясь къ ученому движению, не трудно открыть всѣ признаки переходнаго времени. Съ одной стороны, продолжалось преобладаніе школы практическихъ юристовъ, которые не шли далѣе дѣйствующихъ законовъ или судебной практики. Опираясь на застой въ политической и общественной жизни, практическіе юристы упорно держались дѣловой рутинны. Научное, теоретическое было для нихъ синонимомъ излишняго. «Въ головахъ этихъ законниковъ, замѣчаетъ Л. Г. Шлоссеръ, образовалась смѣсь самаго разнообразнаго содержания. Римскіе, каноническіе, имперскіе законы, отвѣты и мнѣнія юристовъ: все это соединили они въ одну массу; все старались примѣнить на практикѣ, не заботясь особенно о дѣйствительной сообразности нормы съ даннымъ случаемъ. Десятью законами подкрѣпляли они положенія: что судья долженъ судить на основаніи закона, что безумный лишень здраваго смысла и т. д.»⁽¹⁾. Характеристику эту дополняетъ замѣчаніе Бемера, который говорить, что практическіе юристы фанатически стояли за свои ученія, думая, будто внѣ ихъ нѣтъ мѣста для истины⁽²⁾. Съ другой стороны, опредѣлилась сама по себѣ и вступила въ близкія отношенія къ юриспруденціи философія. Наконецъ, между учеными германскими, нашлись люди, которые не забыли историческаго метода. Философскій и историческій элементы представили собою отѣнки теоретическаго направленія въ юриспруденціи. Догматизмъ, рационализмъ и историческое направленіе были сопоставлены въ сферѣ науки. Но гдѣ начало и конецъ философіи и

(3) Hugo. *Civilist. Magazin.* 1 B. S. 27. *Die Rechtswissenschaften* (1)

(4) ...*Hic (in usu et observantia fori) omne jus positum est... hic imperium forense, hic thronum legitimum, hic asylum oppressorum unicum, et extra hanc ecclesiam non esse salutem.* *Die Rechtswissenschaften* (1171) Hugo

исторіи въ методѣ? Гдѣ точки ихъ соприкосновенія и оттоленія? На такіе вопросы оставались безъ яснаго отвѣта ученые трактаты о методѣ, вмѣстѣ съ программами для систематки и преподаванія наукъ юридическихъ. Они не шли далѣе указанія тѣхъ силъ, которыя должны были управлять дальнѣйшимъ ходомъ научнаго движенія. Наукѣ предстоялъ многотрудный подвигъ приведенія разнородныхъ элементовъ въ стройное, гармоническое соотношеніе. При подобныхъ условіяхъ, полемическое направленіе было неизбѣжно. Нигдѣ не возникало такихъ разнорѣчій, какъ въ германской юриспруденціи. Нигдѣ противныя партіи не заявляли такъ рѣзко исключительныхъ своихъ притязаній

«Гдѣ начинаютъ мыслить, отдѣляясь отъ міра» — сказалъ Ансельмъ Фейербахъ — «тамъ скоро перестаютъ мыслить для міра; гдѣ начинаютъ дѣйствовать, не мысля, тамъ скоро перестаютъ мыслить съ цѣлью дѣйствовать; а гдѣ мыслить для одного процесса мысли, тамъ неизбѣжно является бредъ, вмѣсто мысли»⁽¹⁾

Оставляя въ сторонѣ массу бездарныхъ писателей, можно выбрать такихъ юристовъ, которые носятъ на себѣ болѣе положительныя признаки періода новыхъ стремленій. Неттельбладтъ, Гейнекціи и Гофакеръ имѣютъ полное право на предпочтеніе ихъ ученымъ въ родѣ Вирлинга, Гертеля и к^о ⁽²⁾. Рьяный вольфианизмъ Неттельбладта, гибкій эклектизмъ Гейнекціи и систематическое направленіе Гофакера могутъ достаточно характеризовать главные отбѣнки ученой исторіи отъ начала XVIII ст. до образованія исторической школы.

Рискуя заслужить обвиненіе въ софизмѣ, можно сказать, что отрицательныя свойства Неттельбладта составляютъ положительный интересъ для ученой исторіи. Въ самомъ дѣлѣ: Неттельбладтъ не имѣлъ самостоятельнаго направленія, но былъ усерднѣйшимъ сектаторомъ Вольфа. Поэтому, говорить о Неттельбладтѣ значитъ то-же самое, что касаться вопроса о приложеніи ме-

(1) Ans. Feuerbach. Kleine Schriften vermischten Inhalts. S. 172. II (2)

(2) Bierling: «De eruditione politica oder wie man cavalièremment studieren soll» (1708). Hertel: «Pyxis nautica navigatorientis per immensum juris pelagum» (1711) и мн. др.

тогда знаменитаго философа къ разработкѣ юриспруденціи. Въ чемъ заключаются ученныя стремленія Неттельбладта? Ввести въ юриспруденцію демонстративный, математическій методъ и, съ помощію его, систематизировать науку. Таково исключительное направленіе всей дѣятельности Неттельбладта. Въ основѣ систематическихъ ученій о различныхъ предметахъ юридическихъ полагалъ онъ опредѣленія, взятыя обыкновенно изъ законовъ положительныхъ. Опредѣленія эти служили ему источникомъ для выведенія отдѣльныхъ положеній (*uno filo rationationis*), которыя старался онъ потомъ доказывать самымъ точнымъ, математическимъ образомъ. Естественное право составляло, конечно, самое солидное доказательное основаніе. Во всякомъ случаѣ, то, что было доказано, становилось элементомъ права естественнаго, въ силу одного процесса доказательнаго. Такъ можно понять сущность демонстративнаго метода изъ той программы, которая приложена Гуго Геттингенскимъ къ его статьѣ о значеніи Неттельбладта въ ученой исторіи (1).

Не трудно увидѣть здѣсь близость съ методомъ Вольфа. «Силлогизмъ» — говоритъ Шталъ — «былъ для Вольфа единственною, верховною истиною» (2). Отсюда естественно провести силлогистическіе приемы черезъ всю область знанія. Вольфъ, также какъ Неттельбладтъ, начиналъ съ опредѣленія, которое составлялось имъ эмпирически (*Durch Erfahrung*), имѣя въ виду, чтобы форма знанія не противорѣчила предмету знанія (*Satz des Nichtwiderspruch's* у Штала или *Principium Contradictionis* у Лейбница). Затѣмъ Вольфъ выбиралъ одинъ изъ признаковъ предмета, который вошелъ уже въ опредѣленіе путемъ наблюденія. Въ этомъ нетрудномъ процессѣ отысканія признака заключалась вся сила доказательства. Тождественность предмета самому себѣ имѣла достаточное основаніе (*Principium rationis sufficientis*). Предметъ былъ доказанъ (*demonstrirt*). На понятіе о немъ налагалась, послѣ этого, печать

(1) *Civil. Magazin.* 2 B. SS. 37—48.

(2) *Rechts Philosophie.* 3 Aufl. SS. 187, 188, 189. §

непреложной философской истины⁽¹⁾. Съ такими приёмами приступилъ Вольфъ къ реформѣ юриспруденціи. Здѣсь основа его ученыхъ трудовъ, въ которыхъ старался онъ приложить демонстративный методъ къ юриспруденціи⁽²⁾. Здѣсь, наконецъ, объявленіе того, откуда явились у Неттельбладта вышеуказанные приемы въ разработкѣ науки. Но, увлеченный авторитетомъ Вольфа, клиентъ - Неттельбладтъ примыкаетъ, вмѣстѣ съ патрономъ своимъ, къ Лейбницу. Исторія Куно-Фишера⁽³⁾ и ясная критика Шталя даютъ средство убѣдиться въ зависимости Вольфа отъ Лейбница. Демонстративный методъ развился на основаніи началъ, указанныхъ авторомъ новаго метода. Вольфъ и его послѣдователи стараются излагать догму ученій и законовъ, *uno filo rationationis*, опираясь на ясныя и точныя опредѣленія, соединяя въ одно цѣлое выводы, добытые путемъ логическаго разсѣченія общихъ положеній. Вольфъ и его послѣдователи объясняютъ положительные законы съ помощью права естественнаго. Лейбницъ говоритъ то-же самое на многихъ страницахъ новаго метода и другихъ сочиненій, которыя приведены были выше. Наконецъ, стремленіе вольфианцевъ: доказывать точно и математически научныя истины въ юриспруденціи могло опереться на нѣкоторыя мысли и замѣтки въ новомъ методѣ⁽⁴⁾. Не безъ вліянія на нихъ могло быть также уподобленіе римскихъ юристовъ математикамъ, по точности и опредѣленности метода.

Каковы же были плоды дѣятельности Неттельбладта и всѣхъ вольфианцевъ въ наукѣ? Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ

(1) Шталь чрезвычайно облегчаетъ пониманіе демонстративнаго метода нѣсколькими примѣрами изъ сочиненій Вольфа. «*Sehen ist in dem Wesen eines Thieres, das Augen hat, gegründet, also eine Eigenschaft*: вотъ образецъ доказательнаго приёма у Вольфа. Справедливо замѣчаніе, что силлогизмъ этотъ совершенно тождественъ съ слѣдующимъ: «*Sehen ist die Eigenschaft eines sehenden Thieres*.» Оригиналенъ также силлогизмъ, посредствомъ котораго доказываетъ Вольфъ существованіе собственной своей личности: «*Wer sich seiner und anderer Dinge bewusst ist, der ist. Wir sind uns unserer und anderer Dinge bewusst. Also sind wir*.» Здѣсь нельзя не замѣтить стремленія доказывать самыя очевидныя истины, — стремленія, которое доведено было до крайности послѣдователями галльскаго философа.

(2) *De Jurisprudencia civili in formam demonstrativam redigenda* и мн. др.

(3) *Kuno-Fischer. Gesch. 2 B. S. 520—531.*

(4) *Sprach. N. Meth. § 90.* Отдѣлъ вазуистическій.

исторических явленіяхъ, представляются нѣсколько сторонъ для обсуждения. По общему закону, были хорошія, но были и дурныя послѣдствія отъ метода Вольфа и его послѣдователей. Философія прикрылась титуломъ «практической» и явилась помощницею юриспруденціи. Цѣлью первой было: укрѣпить, уяснить и доказать, какъ философское положеніе, то, что находилось уже въ послѣдней, въ качествѣ историческаго продукта⁽¹⁾. Матеріалъ юриспруденціи долженъ былъ очиститься, получить стройность и научную силу подъ влияніемъ философскаго сознанія. Съ этой точки зрѣнія, могло быть (и, въ извѣстной степени, на самомъ дѣлѣ было) полезнымъ влияніе вольфianскаго метода въ юриспруденціи⁽²⁾. Нельзя отрицать значенія формальной стороны въ обработкѣ науки. Съ другой стороны, нельзя остановиться на одной формѣ—пожертвовать ей содержаніемъ, внутреннимъ достоинствомъ науки. Но какъ могъ избѣжать подобнаго недостатка методъ, въ которомъ силлогизмъ былъ альфою и омегою научной истины? Въ самомъ построеніи вольфianскаго силлогизма скрывался коренной порокъ, который долженъ былъ разразиться бѣдой для гладкой архитектурки демонстративнаго метода. Доказательный снарядъ Вольфа построенъ на нетвердой опорѣ логической тавтологіи. «А есть А, потому что оно есть А.» Вотъ тотъ «Cercle vicieux» мысли, въ который насильственно вводились историческія явленія по методу Неттельбладта. Что-же удивительнаго, если, по мнѣнію Фейербаха, «доказательства вольфianцевъ оказались однимъ слабымъ сплетеніемъ понятій, которымъ не создавалось новыхъ истинъ, и не подкрѣплялись старыя истины»⁽³⁾? Понятно также, откуда взялись тѣ недостатки, о которыхъ упоминаетъ Пюттеръ въ упомянутой уже рецензіи.

Ограниченный догматизмъ былъ неизбежнымъ послѣдствіемъ вѣры въ философскую непогрѣшительность силлогизма.

(1) Сравни. Ans. Feuerbach's. Blick auf d. D. Rechtswissenschaft. Kl. Schrift. S. 159.

(2) Сравни. Pütter's Litteratur des D. St. Rts. 1. S. 444, 445 въ извлеч. у Гуро. Civil. Magazin. 2 B. S. 53, 54.

(3) Ub. Supr. E. C.

Догматическая увѣренность въ силу «дефиницій» и «демонстрацій» дѣлала вольфианцевъ равнодушными къ опыту, наблюденіямъ, исторіи, положительнымъ законамъ и всякаго рода источникамъ. Зачѣмъ было трудиться надъ грубымъ матеріаломъ, когда подъ рукою находился ясный и легкій способъ въ совершенствѣ понять и доказать, съ помощью логическаго умозаключенія, явленія дѣйствительной жизни? Что до того, если при подобномъ способѣ—«проникать въ глубь міроваго порядка силою чистаго разума»—проскользали произвольныя положенія и опредѣленія въ науку? Вольфианцы всегда добросовѣстно помѣщали какіе-нибудь признаки уясняемыхъ предметовъ въ свои дефиниціи. «Такимъ образомъ—говоритъ Гуго—все положительное находило для себя мѣсто въ естественномъ правѣ. Любой вольфианецъ взялся бы, безъ малѣйшаго затрудненія, ввести въ систему философскаго права новѣйшую французскую конституцію и даже самое государственное устройство священной римской исторіи. Слабое вліяніе разсужденій а ргіогі на развитіе послѣдняго учрежденія не могло служить препятствіемъ, коль скоро нужно было доказывать изъ чистыхъ дефиницій»⁽¹⁾. Результатомъ этого явилась система естественнаго права, составленная посредствомъ отвлеченія отъ юридическаго быта одного германскаго народа. Философское право оказалось сколкомъ съ тѣхъ учреждений, которыя существовали въ эпоху Вольфа и Неттельбладта. Разрозненные отрывки римскаго, германскаго и каноническаго правъ были внесены въ систему, въ томъ видѣ, какъ довела ихъ, до первой половины XVIII столѣтія, исторія. Результаты вѣковой работы были, такъ сказать, схвачены въ распахъ и подвергнуты логической канонизаціи. Авторитетъ философскаго принципа, набросилъ ученую завѣсу на тѣ органическіе недостатки и нестройныя соотношенія, которыя должны были неизбѣжно находиться въ системѣ, составленной изъ разнородныхъ законовъ положительныхъ.

(1) Sobald es verlangt würde im Naturrechte aus lauter Definitionen zu demonstrieren etc. (Civilist. Magazin. 2 B. S. 29).

Къ такому результату шла двадцатилѣтняя ученая дѣятельность Неттельбладта. Она была исполнена ученой борьбы съ многочисленными противниками. Поводовъ къ тому было не мало: успѣхи Неттельбладта, захватившаго для себя нѣсколько лучей изъ авреола своего учителя, собственные ученые грѣхи и недостатки метода, относительно котораго явился Неттельбладтъ самымъ жаркимъ защитникомъ. Съ горячностью ограниченного догматика, напалъ онъ на всякаго, кто осмѣливался возставать противъ демонстративнаго направленія, и прикрывался, какъ щитомъ, худо-понятымъ изрѣченіемъ Лейбница⁽¹⁾. Успѣхъ Неттельбладта былъ особенно великъ между практическими юристами. Имъ какъ нельзя болѣе пришлась по-сердцу апотеоза положительнаго матеріала въ естественномъ правѣ вольфянцевъ. Нападенія шли отъ послѣдователей теологической системы Крузія, враждебнаго ученію деиста-философа галльскаго. Во главѣ противниковъ, съ этой стороны, стояли братья Бекманы, особенно старшій (Густавъ Бернг. Бекманъ), за которымъ младшій слѣдовалъ съ вѣрностью ученаго Гораціо. Но, въ сущности дѣла, поводы къ противодѣйствію были скорѣе философскіе, чѣмъ строго-юридическіе. Съ одной стороны, Бекманъ былъ также слабъ, какъ Неттельбладтъ, въ историческомъ отдѣлѣ юриспруденціи. Съ другой—синтетическій методъ его представлялъ собою одно терминологическое измѣненіе демонстративнаго метода⁽²⁾. За то систематика Неттельбладта была гораздо стройнѣе, чѣмъ у его противника. Ученикъ Вольфа началъ предпосылать своей системѣ положительнаго права ту общую часть, которая потомъ сдѣлалась достояніемъ всѣхъ «Лербуховъ» германскихъ юристовъ, до позднѣйшаго времени. Сколько можно судить по отзывамъ Гуго, Неттельбладтъ имѣлъ особенный успѣхъ какъ преподаватель юриспруденціи. До послѣдняго времени своей жизни,

(1) *Jurisprudentiae divisio, a concreto sumpta, omnis confusionis principium est.* См. выше настоящ. главу. Разсмотрѣніе дидактич. отдѣла въ «Новомъ методѣ» Лейбница.

(2) *Hugo. Civil. Magaz. 2 B. S. 17.*

пользовался онъ вниманіемъ университетской молодежи, не смотря на многіе недостатки профессорскихъ его чтеній⁽¹⁾.

Гораздо серьезнѣе была для него борьба съ другимъ противникомъ, которымъ оказался Августъ Бахъ, авторъ знаменитой исторіи. Послѣдній твердо стоялъ на почвѣ, которая незамѣтно ускользнула изъ подъ логическихъ подмостковъ почтеннаго Неттельблакта и к^о. Августъ Бахъ былъ однимъ изъ тѣхъ ученыхъ, которые хранили преданіе объ изящной юриспруденціи. Вмѣстѣ съ Д. Риттеромъ, Эрнестомъ и Гейнекциемъ, непосредственно примыкалъ онъ къ голландской школѣ. Юристъ, воспитанный на классической экзегезѣ Нодта и Скультинга, долженъ былъ съ ужасомъ встрѣчать категорическія увѣренія въ томъ, что «нѣтъ никакой пользы наукѣ отъ изученія стараго права римскаго»⁽²⁾. Историческій тактъ подобнаго ученаго долженъ былъ возмущаться, прочитывая главы о правахъ: «до-потопномъ» и «послѣ-потопномъ», вслѣдъ за рѣзкимъ отрицаніемъ пользы отъ изученія историческаго права римскаго⁽³⁾. Еще менѣе благосклоннаго пріема могло ожидать включеніе вопроса: «О тѣлесномъ состояніи юристовъ» въ ученую исторію⁽⁴⁾.

И точно, Августъ Бахъ выступилъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ возгласамъ о реформахъ въ юриспруденціи съ точки зрѣнія Неттельблакта. Гуго признаетъ автора «исторіи римскаго права» издателемъ и даже составителемъ многихъ критическихъ статей противъ демонстративнаго метода. По всему вѣроятію, Августу Баху принадлежитъ та «безпристрастная критика», которая приложена, въ извлеченіи, къ статьѣ Гуго о Да-

(1) Несчастная страсть Неттельблакта острить на лекціяхъ вызвала сатирическіе стихи одного современнаго поэта:

«Lass dich die Mühe nicht verdrissen,
Für das, was Flaccus süßes hat,
Bey des gelehrten Nettelbladt
Schlafkörnervollem Spass zu büßen, говорилъ поэтъ, обращаясь къ слушателямъ ученаго мужа.

(2) Hugo. U. Supr. S. 30.

(3) Lehrbuch der Propedeutik. S. 72. Pars I. De Jure Antediluviano. Pars II. De Jure postdeluviano.

(4) Nettelbladt. Gel. Gesch. S. 177. De Conditione Ictorum quoad corpus.

нилъ Неттельбладтѣ (1). Критикъ нападаетъ на методъ въ сочиненіи этого ученаго (2) даже съ дидактической точки зрѣнія. По его мнѣнію, вредно для начинающаго юриста изучать краткія положенія, собранныя въ книгѣ, безъ всякаго указанія на ихъ основанія. При такомъ догматизмѣ память будетъ развиваться на счетъ силы мыслительной. Но недовольство критика особенно рѣзко выражается при разборѣ филологическихъ толкованій Неттельбладта. «Съ ихъ помощью»—говоритъ онъ—«нельзя объяснить ни одного римскаго закона.»

Такимъ образомъ, естественнымъ врагомъ вольфіанскаго метода было то направленіе, которое имѣло однимъ изъ первыхъ представителей своихъ, современнаго Неттельбладту, Гейнекція. Въ его лицѣ соединялись отбѣнки той школы юристовъ, которые названы теоретиками въ прекрасной статьѣ I. Г. Шлоссера (3). «Ученые эти»—говоритъ онъ—«шли по слѣдамъ Куяція и голландской школы, доводя не рѣдко до крайности свое критико-филологическое направленіе. Ихъ слѣдовало бы лишить названія «юристовъ»—какъ желаетъ этого противная партія—если бы представилась возможность: не будучи юристомъ, дѣлать критическія изслѣдованія надъ сводомъ законовъ положительныхъ. Теоретики старались также разработывать отдѣльныя ученія или цѣлую систему римскаго права съ помощью древностей и другихъ источниковъ.»

Но теоретикъ Гейнекцій не былъ одаренъ полемическими наклонностями и не вступалъ въ ученое ратоборство съ практиками, которые приободрились, найдя для себя опору въ послѣдователяхъ вольфіанскаго ученія. Онъ имѣлъ всѣ свойства человѣка, призваннаго къ дѣятельности въ эпоху переходную. Великій успѣхъ между современниками, за который сравниваютъ его съ Куяціемъ (4), объясняется чрезвычайною умственной гибкостью. Съ

(1) Civil. Magazin. 2 B. SS. 49—53.

(2) Systema elementare Jurisprudentiae positivae etc.

(3) Über das Studium des reinen Römischen-Rechts. Civil. Magazin. 1 B. S. 29 flgg.

(4) Laboulaye. Essai sur la vie et les doctrines de Savigny, P. 16.

равною силою откликался Гейнекцій на всѣ призывы въ современномъ ему учено-юридическомъ мірѣ. Строго говоря, у него не было исключительнаго, рѣзко-опредѣленнаго направленія. Ловко скользиль онъ между группами рьяныхъ партизановъ различныхъ школъ и сохраняль, въ отношеніи къ нимъ, подобіе ученаго нейтралитета. Вольфіанцевъ и практиковъ привлекаль онъ своимъ аксіоматическимъ методомъ. Теоретиковъ вель за собою обаяніемъ гуманической учености, почеркнутой въ сочиненіяхъ французской и голландской школы. Послѣднюю засталъ онъ въ блестящій моментъ ея, когда былъ призванъ къ занятію профессорской каедры въ Франкерѣ (въ 1724 г.), за одинъ годъ до смерти Нодта, за десять лѣтъ до смерти Скультинга и за двадцать до смерти Корн. ф. Бэнкерсгука. Но, не смотря на разносторонность направленія, умъ его не былъ одаренъ высшею творческою силою. Въ немъ до замѣчательной степени развита была способность усвоенія. Гейнекцій—мастеръ схватить чужую идею, энергически войти въ нее и ясно развить ея содержаніе въ изящной формѣ своей рѣчи.

Невольно напрашивается здѣсь сравненіе Гейнекція съ Лейбницемъ и наводитъ на мысль, которая можетъ указать взаимное отношеніе обоихъ ученыхъ въ исторіи юриспруденціи, нисколько не бросая невыгодной тѣни на перваго. Гейнекцій такъ относится къ автору «новаго метода», какъ стоитъ обыкновенно талантливый исполнитель въ отношеніи къ геніальному музыканту-композитору. Методъ «институтовъ» у Гейнекція имѣеть связь, черезъ Вольфа, съ Лейбницемъ. Его исторія и древности (римскія и германскія) идутъ по прямой линіи отъ идей «новаго метода». Такимъ образомъ въ Гейнекціѣ соединяются всѣ тѣ вліянія, которыя постепенно дѣйствовали извнѣ, или самостоятельно возникали въ германской юриспруденціи. Съ одной стороны, видны у него слѣды идей и учений: Дуарена, Балдуина, Донелла, Куяція, Нодта, Скультинга и Бэнкерсгука⁽¹⁾. Съ другой стороны обна-

(1) Сравни. Heineccii. Praefatio quam Jur. Observationum Libro IV Bynkershoekii praemisera. «...Ego tamen—говоритъ Гейнекцій—meum secutus genium alias mihi quaevisi delicias, easque in Bynkershoekii similliumque scriptis reperi etc.

руживается вліяніе вождей въ области коренной германской науки.

Для убѣжденія въ томъ, что мнѣніе это чуждо гадательныхъ основаній, можно сдѣлать нѣсколько указаній. Стоитъ, на первый разъ, раскрыть учебникъ институтовъ Гейнекція (1). Что найдемъ мы здѣсь? Начальныя страницы введенія посвящены замѣткамъ о методѣ. Украшеніемъ ихъ является длинное извлеченіе изъ сочиненія Дуарена (2). Изящною рѣчью французскаго методолога коритъ Гейнекцій комментаторовъ и практиковъ, которые гонятся за безчисленными частностями. Такіе юристы «похожи на человѣка, который сидитъ на берегу морскомъ и старается пересчитать всѣ отдѣльныя волны. Набѣгаетъ волна за волной; разбиваются онѣ другъ о друга, а тотъ терзается душою, что не можетъ узнать всего числа ихъ» и т. д. Къ чему же ведетъ это поэтическое сравненіе? «Главное основаніе всѣхъ наукъ—говоритъ Гейнекцій—заключается въ уразумѣніи принциповъ и въ стройномъ сочетаніи съ ними извѣстныхъ выводовъ» (3). Тотчасъ же за этими словами слѣдуетъ указаніе на методъ математическій, «по которому требуется сначала доказать опредѣленіе, аксіому (?) и теорему, а потомъ уже можно съ быстротою рѣшать всѣ задачи, какъ частные случаи.» Подобныхъ пріемовъ желаетъ Гейнекцій въ догматической разработкѣ права. «Когда удастся соединить пониманіе коренныхъ началъ съ основательнымъ толкованіемъ и практическимъ примѣненіемъ законовъ: тогда юриспруденція засіяетъ блестящимъ, невиданнымъ свѣтомъ» (4).

Одна эта страница представляетъ собою обильный матеріалъ для сравненій и заключеній. Не трудно угадать: гдѣ здѣсь мысли, которыя весьма близки къ ученіямъ французскихъ юристовъ. Выше было показано, какъ заботился Донелль объ усвоеніи прин-

(1) *Elementa Juris civilis secund. ordinem institutionum etc. Editio V. Göttingae. MDCCCVI.*

2) *Comment. de ratione docendi discendique juris. P. 1104.*

(3) «*Principiorum Intelligentia et Conclusionum cum iis cohaerentia etc.*»

(4) *Elem. etc. Praefatio. PP. XII, XIII.*

циповъ, положительно утверждая, что здѣсь главное дѣло науки. Французскаго догматика занималъ также вопросъ о связи между научными фактами на основаніи принциповъ. Наконецъ самъ Гейнекій приводитъ слова Дуарена: «Частности безконечны. Только тотъ можетъ быть названъ истиннымъ юристомъ, кто усвоилъ себѣ знаніе всеобщихъ началъ и теоремъ въ наукѣ.»

Не нужно особенной проицательности, чтобы открыть: какъ, вмѣстѣ съ ссылкой на стараго французскаго юриста, находятся у Гейнекія мысли, близкія къ Вольфу и Лейбницу. «Доказательства, опредѣленія, аксіомы и теоремы»: все это слишкомъ ясно напоминаетъ о вліяніи, такъ недавно разобранныхъ нами, писателей. «Ислѣдовавши сущность дѣла — говоритъ Гейнекій — приступалъ я къ извлеченію опредѣленій, стараясь, по возможности, удерживать старыя. Если же послѣднія не удовлетворяли, то составлялъ новыя. Потомъ приходилъ къ аксіомамъ, подъ которыми нужно разумѣть положенія, вытекающія изъ сущности опредѣленій. Затѣмъ обозначалъ королларіи, или добавленія, и старался всегда соединять между собою тѣ, которыя, въ свою очередь, вытекаютъ изъ однихъ и тѣхъ же аксіоматическихъ положеній. Сравнивая многія дефиниціи, составлялъ я цѣлыя ученія, подражая при этомъ геометрамъ и т. д.»⁽¹⁾

Такимъ образомъ Гейнекій кладетъ въ основаніе своего метода опредѣленія. Но, не говоря уже о Вольфѣ, Лейбницъ требуетъ того же самаго⁽²⁾. Гейнекій старается, по возможности, держаться прежнихъ опредѣленій въ наукѣ. Лейбницъ также совѣтуетъ осторожнѣе поступать съ общими понятіями, исторически возникшими въ наукѣ. Гейнекій располагаетъ систему на основаніи логической связи аксіомы съ опредѣленіемъ и королларія съ аксіомою. Вольфъ и его послѣдователи строили систему на логической связи положеній съ дефиниціями. Но всѣ они, безспорно, шли здѣсь отъ той идеи, которая высказана Лейбни-

(1) Praef P. XV.

(2) Compendium Discendorum у Лейбница. «Accurata Methodus non esse possit sine accuratis terminorum definitionibus etc. (N. Meth. P. 154.

цемъ при разборѣ сочиненія Самуила Пуффендорфа, и на которую указано было, въ свое время, на страницахъ настоящаго изслѣдованія.

Отсюда понятно, что аксіоматическій методъ Гейнекція и демонстративный методъ Вольфа, въ сущности, очень близки другъ къ другу. Разница между ними заключается въ томъ, что Гейнекцій, считая себя, подобно Вольфу и Неттельбладту, геометромъ въ догматической юриспруденціи, не покидаетъ исторической почвы въ наукѣ. Изложенію основныхъ началъ аксіоматическаго метода предпослалъ Гейнекцій замѣчаніе о необходимости изучать историческую основу римскаго права въ древностяхъ, въ стоической философіи и въ положительныхъ законахъ до-юстиніановскаго періода⁽¹⁾.

Для уясненія того, какимъ образомъ согласуется Гейнекцій историческое развитіе римскаго права съ аксіоматическою его разработкою, лучше всего непосредственно обратиться къ одному изъ его сочиненій⁽²⁾. Присмотримся къ приемамъ въ изложеніи вопроса «о свободно-рожденныхъ» (De Ingenuis). Гейнекцій идетъ отъ древняго закона XII таблицъ, на основаніи котораго *Ingenuitas* опредѣлялась свободнымъ происхожденіемъ отца. Потомъ (*Jure medio*, по выраженію автора) сдѣлалось достаточнымъ свободное состояніе отца при рожденіи дитяти, хотя бы источникомъ отцовской свободы было отпущеніе на волю (*Manumissio*). Наконецъ, новое право — говоритъ Гейнекцій — требуетъ только свободнаго состоянія матери, какимъ бы образомъ ни была пріобрѣтена эта свобода⁽³⁾. За этимъ сжатымъ изложеніемъ развитія даннаго учрежденія въ римскомъ правѣ, отъ зак. XII таблицъ до постановленій императорскихъ, приступаетъ Гейнекцій къ своему собственному опредѣленію, на основаніи положительнаго права позднѣйшаго періода. «Свободно-рожденнымъ называется тотъ, говоритъ онъ, кто рожденъ отъ свободной матери и никогда не

(1) Praefatio. P. XIII.

(2) *Elementa juris secundum ordinem Institutionum*. § 72 etc.

(3) *Qui nati matre quoque modo libera etc.*

находился въ состояніи законнаго рабства». По вопросу этотъ имѣетъ великую важность въ области права. Отсюда необходима аксіома изъ вышеуказанной дефиниціи: «свободнымъ гражданиномъ признается тотъ, кто родился отъ матери, которая была свободна, хотя одно мгновеніе (*saltim per momentum*), во время зачатія, рожденія или промежуточнаго періода беременности.» Такимъ образомъ, весь данный вопросъ въ институтахъ приведенъ къ двумъ краткимъ параграфамъ, состоящимъ изъ одного опредѣленія и одной аксіомы. Впрочемъ сухое и отрывочное изложеніе это не лишено исторической вѣрности. Матеріалъ права разсѣченъ на части, съ очевидною заботливостію о сохраненіи тѣхъ признаковъ, которыми опредѣлялась живая фізіономія юридическаго учрежденія.

Изъ всѣхъ титуловъ въ институтахъ Гейнекція, яснѣе многихъ другихъ обозначается архитектоника его метода въ титулѣ XIV, гдѣ изложено ученіе «объ опекаѣ по завѣщанію»⁽¹⁾. Въ немъ интересно и не трудно наблюдать, во всей полнотѣ его, тотъ логическій процессъ, которымъ приходитъ авторъ къ своимъ дефиниціямъ, аксіомамъ и королларіямъ. Гейнекцій, очевидно, находится здѣсь въ одномъ изъ тѣхъ положеній, когда нужно было строить собственными средствами «дефиницію» основнаго понятія. Какъ же поступаетъ онъ? Снова идетъ отъ историческаго опредѣленія завѣщательной власти въ коренномъ памятникѣ римской юриспруденціи⁽²⁾. Принимая эту норму за историческую «дефиницію», Гейнекцій выводитъ изъ нея сначала аксіому, на основаніи соображенія момента отцовской власти. Отсюда является аксіоматическое положеніе: «назначать опекуна могутъ только отецъ или восходящіе родственники съ отцовской стороны, подъ властію которыхъ состоятъ несовершеннолѣтніе дѣти.» Вслѣдъ за этимъ излагаетъ Гейнекцій собственное опредѣленіе, какъ рѣшительный научный отвѣтъ на вопросъ: что такое опека по завѣщанію? По его опредѣленію, учрежденіе это «есть опека, ко-

(1) Ubi Supr. P. 66 (§§ 172—180). Titulus XIV. Qui testamento tutores dari possunt.

(2) Pater familias uti legassit de pecunia tutelave rei suae, ita jus esto.

торая устанавливается восходящими родственниками съ отцовской стороны, силою отеческой власти и съ соблюденіемъ законныхъ формъ, надъ несовершеннолѣтними дѣтьми, имѣющими быть современемъ лицами самовластными (*sui juris futuris*).» Затѣмъ, соображеніе отдѣльных и главныхъ моментовъ въ этомъ понятіи производитъ извѣстное число аксіоматическихъ положеній. Выше приведенная «дефиниція» указываетъ: I) кто и надъ кѣмъ можетъ учреждать данный видъ опеки? II) На какомъ основаніи зиждется это учрежденіе? III) Какимъ способомъ получаетъ оно силу въ дѣйствительности? Въ отвѣтъ на эти вопросы, напоминающіе старую формулу источниковъ изобрѣтенія (*Quis? Cur? Quomodo? etc.*), являются слѣдующія аксіомы у Гейнекція: 1) Опека учреждается только восходящими родственниками въ отцовской линіи. 2) Основаніе опеки есть власть отцовская. 3) Опекунь по завѣщанію назначается надъ несовершеннолѣтними дѣтьми, которые со временемъ будутъ самостоятельными. 4) Опекунь назначается съ соблюденіемъ правилъ, предписанныхъ закономъ.

Но аксіомы эти заключаютъ въ себѣ одну положительную сторону закона объ опекѣ. А гдѣ есть указаніе сферы права для одной только категоріи лицъ, тамъ должно слѣдовать устраненіе отъ этой сферы другихъ лицъ. Какъ же быть съ такими отрицательными опредѣленіями, которыя составляютъ противоположный полюсъ скатымъ аксіомамъ? Гейнекцій помогаетъ этому затрудненію, обращаясь къ пособію королларій. Такимъ образомъ, назначеніе послѣдняго состоитъ въ томъ, чтобы служить отрицательнымъ дополненіемъ, или ограниченіемъ, положительному смыслу аксіомы. Отсюда, королларій къ первой аксіомѣ будетъ заключаться въ томъ, что «мать, восходящіе родственники материнской линіи и чужія лица не могутъ назначать опекуновъ по завѣщанію.» Королларій ко второй—что «назначеніе опеки не имѣетъ мѣста относительно дѣтей: незаконныхъ и изъятыхъ изъ подъ отеческой власти и т. д.» Всѣ дефиниціи, аксіомы и королларіи у Гейнекція приведены къ соответствующимъ постановленіямъ права положительнаго.

Вообще аксіоматическій методъ долженъ быть изъятъ отъ безусловнаго осужденія. При извѣстныхъ недостаткахъ, нѣтъ воз-

возможности отрицать въ немъ нѣкоторыя достоинства. Главнымъ изъ нихъ должно считаться, по нашему мнѣнію, то осторожное обращеніе съ историческимъ матеріаломъ въ наукѣ, на которое указано выше. Трудно будетъ открыть въ книгѣ Гейнекція одну изъ тѣхъ натяжекъ, за которыя укоряли современные ученые демонстративный методъ Неттельбладта и другихъ вольфіанцевъ (1). Затѣмъ должны быть приняты въ расчетъ ясность и стройность въ аналитическомъ процессѣ, никогда не покидающія работы Гейнекція. Книга его всегда способна дать удовлетворительное понятіе о существенныхъ сторонахъ въ каждомъ учрежденіи частнаго права римскаго. Весь матеріалъ его переведенъ въ отрывочныя, но отчетливыя опредѣленія. Вѣрность и относительная полнота состороны содержанія; легкость и изящество рѣчи состороны изложенія: вотъ качества, которыми надолго завоевано Гейнекціемъ вниманіе къ своему учебнику.

Но запредѣлами того, что сказано выше, трудно искать новыхъ достоинствъ въ аксіоматическомъ методѣ Гейнекція. Читая его книгу, невольно приходитъ въ голову мысль, что авторъ пожертвовалъ очень многимъ, ради идеи формальнаго порядка и логической стройности. Осторожное обращеніе съ аксіомами и историческія свѣдѣнія все таки оказались безсильными противъ отрицательнаго вліянія одного формальнаго принципа въ систематикѣ. Въ аксіоматической отдѣлкѣ, учрежденія положительнаго права перестали быть органами одного тѣла. Они разрознены, вычищены, перенумерованы и положены въ отполированный ящикъ съ надписью: «Элементы права гражданскаго» и проч. Это, дѣйствительно, элементы въ буквальномъ смыслѣ слова, не болѣе. Слѣды искусственной спайки проходятъ вездѣ, замѣтными слоями, но классическимъ членамъ той системы, въ которой восхищаются живою и не

(1) Въ свое время, методъ Гейнекція возбудилъ полемику, которую Гуго характеризуетъ энергическимъ, но неестнымъ эпитетомъ (Ein hässlicher Streit). Но споръ этотъ остался безъ участія самаго виновника аксіоматическаго метода. Для насъ остался неизвѣстнымъ ходъ этой полемики, по неизмѣнью источниковъ. Подъ рукою у насъ не было ни одного ученаго журнала того времени.

поддѣльною стройностію знатоки, подобныя Пухтѣ и Савиньи⁽¹⁾. Оттого-то утомляется такъ сильно вниманіе читателя надъ книгою Гейнекція, не смотря набезспорныя достоинства литературнаго изложенія. Не скоро можно достигнуть цѣлостнаго воззрѣнія на предметъ, окруженный плотною стѣною дефиницій, аксіомъ и королларіевъ. Юридическія учрежденія въ аксіоматической отдѣлкѣ можно сравнить съ контуромъ строящагося зданія, обставленнаго массою лѣсовъ и подмостоковъ. Съ паденіемъ подмостковъ и лѣсовъ возстановляется настоящая его фізіономія. При чтеніи Гейнекція невольно приходитъ вопросъ: когда же рухнутъ эти логическія подмостки, и подлинное, живое римское право явится во всей строгой и величавой красотѣ своей?

Аксиоматическій методъ кажется намъ также неудобнымъ въ дидактическомъ отношеніи. «Институты» Гейнекція, главнымъ образомъ, имѣли въ виду интересъ начинающихъ въ области знанія. Но формально-логическое разсѣченіе предмета должно было и здѣсь, какъ у Неттельблакта, вредить самостоятельности и глубинѣ мышленія. Учащемуся не зачѣмъ было вдумываться въ предметъ: онъ являлся передъ нимъ въ состояніи анатомическаго препарированія. Предметъ былъ разобранъ чужими трудами. Ученику оставалось только выучивать то, что было сдѣлано руками учителя. Такая работа оказывалась гораздо легче собственнаго труда надъ каждымъ юридическимъ учрежденіемъ, въ томъ видѣ, въ какомъ является оно, въ цѣлости, въ системѣ законовъ положительныхъ. Результаты логическаго изслѣдованія были на лицо, прежде чѣмъ начинался логическій процессъ въ головѣ учащагося. Сущность юридическаго учрежденія была окристаллизована въ дефиниціи; положительныя и отрицательныя моменты понятія о немъ заключены въ заготовленную рамку аксіомы и королларія. Оставалось успокоиться и вѣрить свою логику опытной рукѣ ученаго кормчаго. Въ резуль-

(1) Невольно припоминаются здѣсь слова Пухтѣ о томъ, каково значеніе системы въ наукѣ права римскаго: «Nur die Systematische Kenntniss des Rechts ist eine vollständige. Vor allem äusserlich... Aber auch innerlich ist jede Kenntniss allein die vollständige, weil das Recht selbst ein System ist, so dass nun wer es als solches erkennt, seine Natur vollkommen erfasst.»

татъ получалось механическое изученіе. Умъ молодого юриста принималъ опасный закалъ, съ которымъ легче всего придти къ рутинѣ и отсутствію самостоятельности.

Что же сказать послѣ этого о значеніи ученаго направленія, которое выбрало для себя главнымъ органомъ компендій Гейнекція? Черезъ всю послѣднюю половину XVIII и до первой четверти XIX столѣтія, тянется рядъ изданій, главною цѣлью которыхъ было: переработывать и перепечатывать компендій Гейнекція. Одинъ Гёпфнеръ (Höpfner) сдѣлалъ пять подобныхъ изданій отъ 1778 до 1806 года⁽¹⁾. На компендій Гейнекція стали сочинять теоретико-практическіе комментаріи. Такимъ образомъ, компендій потерялъ важнѣйшее свое достоинство: непосредственную связь съ источниками. Книга Гейнекція, безспорно, имѣла ее. Книги его ученыхъ фамулузовъ были о существованіи римскаго права, независимо отъ учебника. Не прилагали они къ своему труду надъ догмою законовъ экзегезы и самостоятельнаго, историко-критическаго изученія источниковъ. Такимъ-то путемъ сошлись, на общихъ недостаткахъ метода, германскіе юристы конца XVIII столѣтія съ юристами схоластическаго періода «писакъ и казуистовъ». И къ первымъ можно бы, по всей справедливости, примѣнить тотъ приговоръ о послѣднихъ, который заимствоваль Сартр у неизвѣстнаго писателя XV столѣтія⁽²⁾. Догматическое изученіе положительнаго права глубоко погрязло въ тотъ безжизненный формализмъ, изъ котораго извлекли науку соединенія усилія представителей исторической школы: Гуго и Савиньи.

Послѣ этого можетъ показаться страннымъ замѣчаніе, что Гейнекцій имѣеть не одну отрицательную связь съ историческою школою. А между тѣмъ это такъ. Нѣтъ ничего софистическаго въ подобномъ воззрѣніи. Выше было сказано, что у Гейнекція

(1) Послѣднимъ изданіемъ (1806 г.) пользовались мы при разработкѣ настоящаго изслѣдованія. Кромѣ Гёпфнера, Вальдекъ (Waldäc), Вольтеръ (Wollär) и Арнольдъ (Arnold) издавали компендій Гейнекція (изд. Арнольда въ 1812 году). Еще въ 1822 году, изданъ былъ трудъ Гейнекція въ Эдинбургѣ, съ примѣчаніями Бинера. (Ср. Hugo *Gei. Gesch.* S. 560).

(2) Сравн. выше, главу I настоящаго изслѣдованія.

не было рѣзкаго, исключительнаго направленія. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы у Гейнекція не существовало влеченія и способностей къ какому-нибудь одному ученому направленію. Намъ кажется, что Лабулэ совершенно-вѣрно называетъ естественнымъ призваніемъ Гейнекція историческую разработку юриспруденціи (1). Не даромъ сказалъ Гейнекцій: «слѣдуя указанію моего генія, избралъ я себя въ руководители Бэнкерсгуга и другихъ ученыхъ одного съ нимъ направленія» (2). Фактическимъ доказательствомъ этого остались такіе труды, какъ «Древности» и «Исторія». Являясь строгимъ исполнителемъ желаній Лейбница, Гейнекцій не остановился на ви́шней исторіи, но съ замѣчательнымъ успѣхомъ обработалъ древности права римскаго. Ссылаемся въ этомъ случаѣ на авторитетъ судьи, компетентность котораго едва ли кто станетъ подвергать смѣлому и самостоятельному сомнѣнію (3). Работы Скультинга имѣли самое сильное вліяніе на трудъ Гейнекція.

Вообще «Исторія римскаго права» носитъ на себя слѣды внимательнаго изученія метода французской и голландской школы. Одно помѣщеніе текста и парафразы законовъ XII т. по Якову Готофреду можетъ открыть глаза касательно ученой связи между юристами названныхъ школъ и Гейнекціемъ. Почти каждая страница его книги носитъ на себя слѣды того, что германскій ученый XVIII столѣтія обнялъ всѣ труды по историческому отдѣлу юриспруденціи, отъ начала XVI вѣка до своего времени. Удальрикъ Цазій стоитъ возлѣ Карона, Питу, Валдуина, Готомана, Буація, Юста-Линсія, Гер. Нодта, Бэнкерсгуга и мног. другихъ. Нѣтъ надобности доказывать, что исторія Гейнекція не отличается особенною стройностію. Это—ви́шняя исторія *sensu stricto*, съ обычными подробностями касательно политическихъ событій, законовъ и юридическихъ сочиненій, имѣвшихъ вліяніе на

(1) Laboulaye. Essai sur la vie et les doctrines de Fred. Chr. Savigny P. 16.

(2) См. выше настоящую главу этого изслѣдованія.

(3) Haubold. *Epicrisis quam operi Heinecciano addiderat.* «...Hoc studiorum genus optimo successu ccepit cum externa, quam vocant, juris Romani historia conjungi etc.

судьбу положительнаго права. Но, во всякомъ случаѣ, шесть периодовъ, на которые раздѣлили ее Гейнекцій, представляются усовершенствованіемъ, сравнительно съ раздѣленіемъ Тельгмана, Гельфельда, Брунквелля и другихъ писателей между Томазіемъ и Августомъ Бахомъ. Разработка весьма полнаго матеріала отличается солидностью и критическими достоинствами. Отдѣлъ объ ученыхъ юристахъ (особенно характеристики Лабона и Аттея Капитона) представляетъ довольно-стройное собраніе всѣхъ тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ составились въ наше время превосходныя страницы Пухты въ его институтахъ⁽¹⁾. Интересными также показали намъ тѣ §§ у Гейнекція, гдѣ говорить онъ о судьбѣ римскаго права и его источниковъ отъ Юстиніана до позднѣйшаго времени⁽²⁾. Проводя идею о постоянной силѣ римскаго права въ Италіи до начала школы глоссаторской, Гейнекцій останавливается на вопросѣ о знакомствѣ средневѣковыхъ юристовъ съ пандектами. По его мнѣнію, совершенно неосновательна исторія о приключеніяхъ флорентинскаго списка съ Лотаромъ II и Пизанцами. Опираясь на критику Конринга, онъ отвергаетъ это сказаніе и касается тѣхъ же самыхъ источниковъ ученаго мѣта, которые блистательно разобраны были потомъ (на основаніи изслѣдованій Гранди) у Савиньи. Гейнекцію извѣстно, что, ранѣе 1137 года, Ирнерій и Пепо учили уже римскому праву въ Болоннѣ, по свидѣтельству глоссатора Одофреда, которымъ пользовался, въ своей критической работѣ, Савиньи. Наконецъ, Гейнекцій коснулся исторіи школы глоссаторской. Разработка этого вопроса представляется у него весьма-бѣдною по содержанію. Примѣчанія Зильберрада, не отличающіеся вообще скатостью, совершенно подавляютъ здѣсь текстъ Гейнекція. При одномъ взглядѣ на эти страницы, легко понять, почему учитель Савиньи, Вейсъ, такъ сильно желалъ разработать исторію ученой школы, которая была колыбелью западно-европейской юриспруденціи.

(1) Heineccii. *Historia Juris Rom.* P. 208.

(2) *Ibidem.* PP. 572—575.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что существуетъ несомнѣнная связь между Гейнекциемъ и представителями знаменитой исторической школы въ германской юриспруденціи. Вотъ почему принимаемъ мы взглядъ Лабулэ на Гейнекцію. «Послѣдній» — говоритъ французскій ученый — «произвелъ благодѣтельное вліяніе на Германію, пробудивши въ ней вкусъ къ изученію историческому.» Въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ же вслѣдъ за Гейнекциемъ, выступили энергическіе дѣятели. Одни — Пюттеръ, Эсторъ, Энгау, Зельховъ и Мёзеръ — обратились къ изученію древностей и быта германскаго; другіе — Августъ Бахъ и Вейсъ — къ изслѣдованію историческихъ вопросовъ по праву римскому. По-видимому Вейсъ, также какъ Гейнекцій, строго держался преданій школы голландской. Вотъ слова, которыми стараются опредѣлить Лабулэ вліяніе Вейса на гениальнаго ученика своего. «Онъ (Вейсъ) пріобрѣлъ Савиньи для исторической школы XVIII столѣтія, пристрастивши его къ праву римскому, достоинства котораго всегда умѣли привлекать къ себѣ умы возвышенные. Онъ сумѣлъ заинтересовать судьбами римскаго законодательства любимаго ученика своего и предоставилъ въ его распоряженіе сокровища драгоцѣнной бібліотеки. Короче — у насъ не найдется лучшей похвалы для Вейса — его внушеніямъ обязанъ Савиньи тѣмъ, что написалъ исторію права римскаго. Вейсу обязана наука тѣмъ, что она имѣетъ Савиньи» (1).

Такимъ образомъ созрѣвали мало-по-малу элементы для реформы положительной юриспруденціи къ концу XVIII столѣтія. Слѣды новыхъ стремленій обнаружались даже у тѣхъ ученыхъ людей, которые недавно еще съ увлеченіемъ отдавались старому направленію. Интересно въ этомъ отношеніи ученое развитіе извѣстнаго систематика Гофакера. Рѣдкая и старая біографія его, написанная неизвѣстнымъ авторомъ, является прекраснымъ памятникомъ того ученаго броженія, которое вызвано было началомъ прогрессивнаго движенія въ германской юриспруденціи (2).

(1) Essai sur la vie etc. de Fr. Chr. Savigny. PP. 17, 18.

(2) Hofaker's. Leben und Character. Tübingen. 1793.

Первыя страницы біографическаго очерка представляют Гофакера въ какой то безсильной борьбѣ съ матеріаломъ положительнаго частнаго права (1). Но и тогда уже можно отличить у него направленіе систематическое. Дух XVIII вѣка обращаетъ его къ критическимъ вопросамъ о методѣ и къ рациональной системѣ положительнаго права. Гофакеръ «заботливо старается выводить отдѣльныя положенія изъ общихъ, твердо установленныхъ правилъ.» Здѣсь несомнѣнно подчиненіе его формальному догматизму, близкому къ методу вольфианцевъ. Живя въ Геттингенѣ, гдѣ работали въ то время возлѣ филолога Гейне (1729 — 1812 г.) такіе люди, какъ Августъ Шлецеръ, Шпитлеръ и Михаэлисъ, Гофакеръ особенно сблизился съ Іог. Стеф. Пюттеромъ. Знаменитый юристъ этотъ сталъ руководить учеными стремленіями молодаго доктора юриспруденціи. Гофакеръ началъ прилежно заниматься исторіею публичнаго права германскаго и сосредоточилъ свое вниманіе на средневѣковомъ періодѣ. При этомъ обнаружилъ онъ замѣчательныя достоинства въ разработкѣ древне германскихъ юридическихъ обычаевъ (2). Показаніе біографа совершенно сходится здѣсь съ тѣмъ мнѣніемъ Пухты, что ученіе Гофакера о юридическомъ обычаѣ «начинаетъ подходить къ болѣе правильному воззрѣнію» на сущность права обычнаго (3). Но, по странной силѣ рутинны, Гофакеръ остался еще подъ сильнымъ вліяніемъ противу-историческаго догматизма, лишь только коснулся любимаго своего труда: «Систематическаго изложенія началъ частнаго римскаго права» (4). «Онъ построилъ систему

(1) *Damals machte er Tabellen, drehte und wandte in der grossen Masse von Sätzen herum, um sie wenigstens überschaubarer für sich selbst zu machen etc. Ubi Supr. S. 105.*

(2) *Hofacker's Leben etc. S. 108. Im J. 1771 trat er (Hofack.) zum erstenmal im Gebiete der Rechtswissenschaft als Schriftsteller mit einer Streitschrift «De originibus et fatis successionis ex jure primogenituræ in familiis illustribus Germaniæ» auf, worinn er schon die Kunst angewandt darlegte, in Rechtssitten unseres teutschen Alterthums, die so selten auf allgemeinen Gesetzesvorschriften beruhen, aus der Sammlung und Zusammenstellung der einzelnen Daten die Principien zu entwickeln, nach welchen diese selbst entstanden waren.»*

(3) *Gewohnheitsrecht. 2 Buch. S. 176.*

(4) *Institutiones J. Rom. methodo systematica adornatae. 1773.*

гражданскаго права по образу и подобію естественнаго права, которое читалось тогда имъ въ университетѣ», говоритъ біографъ (1). Не помогли здѣсь совѣты Пюттера, который доказывалъ ему необходимость разрабатывать систему римскаго права въ подлинномъ, историческомъ его видѣ. Не помогло также чтеніе Донелла, Нодта и всей литературы голландской школы, съ которою въ-первыя познакомился тогда (около 1773 года) Гофакеръ, въ бібліотекѣ геттингенскаго университета.

Но, черезъ нѣсколько времени, самъ Гофакеръ высказываетъ о себѣ мнѣніе, что онъ не понималъ въ ту пору, когда писалъ институты, истинныхъ свойствъ великой системы римскаго законодательства. Прямо и добросовѣстно произноситъ онъ приговоръ надъ собственнымъ трудомъ своимъ. По его мнѣнію, прежній методъ разложилъ, но былъ безсиленъ соединить въ одно стройное цѣлое, такое законодательство, отдѣльныя части котораго тѣсно сплетаются другъ съ другомъ, какъ «члены единаго органическаго тѣла.» Спрашивается, откуда взялся подобный языкъ у ученаго, который былъ уже профессоромъ и писателемъ, въ ту пору, когда Гуго-Геттингенскій едва ли учился въ школѣ, а Савиньи не былъ еще жильцемъ этого міра? Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, корень такого измѣненія въ возрѣніяхъ честнаго германскаго ученаго? Показанія автора біографіи Гофакера приводятъ къ такому заключенію, что новое направленіе этого почтеннаго юриста главнымъ образомъ обусловлено было внимательнымъ изученіемъ исторической литературы вообще и сочиненій, написанныхъ въ духѣ Куяція и его школы (2). Поздно познакомился Гофакеръ съ этимъ отдѣломъ юридической литературы и, весьма вѣроятно, не могъ сразу проникнуть въ истинный духъ ея. Но серьезное мышленіе и постоянная повѣрка собственнаго ученаго развитія дали, наконецъ, полную зрѣлость тѣмъ сѣменамъ историческаго знанія, которыя посѣяны были сильною рукою Юг. Ст. Пюттера. «Исторія»—говоритъ Гофакеръ—«долж-

(1) S. 112—114.

(2) S. 119.

на быть поучительною лѣтописью гражданскаго образованія и успѣховъ культуры у различныхъ народовъ. Не зачѣмъ ей оставаться исторіею однихъ правителей государства и сухимъ перечнемъ ихъ войнъ, мирныхъ договоровъ, брачныхъ пиршествъ и т. п.). Вотъ мысль, достойная того, кто слушалъ Герена и Шледера въ аудиторіяхъ геттингенскихъ! Въ ней есть несомнѣнная близость съ идеями корифеевъ французской науки XVIII ст., о которыхъ сказано уже было, въ свое время, на страницахъ настоящаго изслѣдованія.

Биографъ Гофакера, по-видимому, держится такого мнѣнія, что болѣе-вѣрное воззрѣніе на исторію вообще помогло ему понять глубину и достоинство историческаго направленія французской школы (1). Потомъ уже, съ помощью Куяція, Гофакеръ вникнулъ въ основныя идеи различныхъ ученій римскаго права. Съ комментаріями Куяція и его послѣдователей въ рукахъ, дошелъ Гофакеръ до яснаго сознанія той связи, которая существуетъ между началами «Aequitatis» и «Stricti Juris» въ системѣ римскаго законодательства.

Послѣ такой переработки собственныхъ воззрѣній, приступилъ Гофакеръ къ систематическому труду своему надъ матеріаломъ частнаго права римскаго (2). Мнѣніе Варненита сходится съ отзывомъ биографа касательно достоинствъ этого новаго сочиненія Гофакера (3). Замѣчательно, что экзегеза признана была за необходимое пособіе при догматической разработкѣ права бывшимъ «сочинителемъ» системы положительныхъ законовъ «a priori», на подобіе отвлеченнаго права философскаго. Мало этого: Гофакеръ ясно и сильно выставляетъ себя приверженцемъ историческаго метода въ разработкѣ права положительнаго. «Юристъ—говоритъ онъ—не долженъ вносить въ римское право ни произвольныхъ

(1) Was er seine Zeitgenossen mit Vergnügen in anderen Beziehungen der Geschichte zur Rechtswissenschaft leisten sah, das fand er jetzt in seinem römischen-Rechte schon in älteren Zeiten vorzüglich von den Interpreten der Cujacischen-Schule geleistet etc.

(2) Elementa Juris Civilis Romanorum.

(3) Warnkönig. Jur. Encycl. S. 324.—Hofacker's Leben etc. S. 126, 127.

философскихъ началъ, ни особенныхъ принциповъ своей школы. Если же римскому праву слѣдуетъ удержать тотъ самобытный характеръ, который украшаетъ его, какъ прекрасное цѣлое: въ такомъ случаѣ ученому романисту нужно сдѣлаться чистымъ историкомъ и пр. (1).

Такимъ оказалось воззрѣніе Гофакера на существенныя условія метода, къ концу ученой его дѣятельности. Кажется намъ, что трудно отрицать здѣсь замѣчательную близость съ методологическимъ ученіемъ исторической школы Гуго, Эйхгорна и Савиньи. Припомнимъ, что Гофакеръ началъ свою дѣятельность съ составленія догматическихъ таблицъ, которыя очень напоминаютъ ученые приемы и «Methodus Tabellaria» Петра Рамуса и Везенбека. Значительная часть самой энергической поры въ жизни нашего систематика протекла въ работахъ и полемикахъ ради интересовъ формально-догматическаго направленія. Вѣроятно, сильна была потребность въ обновленіи метода, если честные и рьяные защитники стараго порядка обратились противъ своего ученаго кумира и бросили въ него камень отрицанія! Приходилось терять послѣднюю точку опоры поклонникамъ аксіоматическихъ и демонстративныхъ учебниковъ.

Гофакеръ умеръ въ 1793 году. Въ 1799 году умеръ юристъ, въ одномъ сочиненіи котораго было рѣзкое и правдивое прощаніе съ нѣмецкимъ компендиаризмомъ XVIII столѣтія. «Римско-германскіе компендіи» — говорилъ І. Г. Шлоссеръ (2) — «точно также не избавляютъ отъ историческаго изученія положительнаго права, какъ не освобождаетъ Фармакопей отъ знанія ботаники и химіи. Врачъ, прописывающій рецептъ изъ двадцати травъ, которыя нужно сжечь, чтобы получить золу для пациента: такой врачъ удовольствовался бы однимъ поташемъ при знаніи химіи. Такъ точно и юристъ, который основательно изучилъ, въ источникахъ, системы правъ римскаго и германскаго, объяснить двадцать особенныхъ «*uses modernos*» изъ идеи одного принципа юри-

(1) S. 120.

(2) Civil. Magazin. 1 B. S. 47.

дического. Да и что такое теперешняя римско-германская юриспруденція? Не есть ли она смѣшанный потокъ, который изливается изъ чистыхъ римскихъ и германскихъ источниковъ? и т. д.»

Но слова эти сказаны были уже въ то время, когда историческая школа подняла свое знамя въ сильной рукѣ Гуго-Геттингенскаго. Въ октябрѣ 1796 года, прибылъ въ Геттингенъ неизвѣстный студентъ правъ и внимательно прослушалъ лекціи историка Шпиттлера. Въ 1802 году, имя этого студента появилось на монографіи «О владѣніи». Монографія была написана подъ сильнымъ вліяніемъ двухъ французскихъ юристовъ — Донелла и Куація. Имя автора трактата, отъ котораго заговорила на разные тоны вся ученая Германія, было: Фридрихъ-Карлъ Савиньи. Остается сказать объ общественномъ значеніи германскихъ юристовъ въ періодъ времени, который разсмотрѣнъ былъ на предыдущихъ страницахъ, съ точки зрѣнія ученой исторіи въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Практическое значеніе юриспруденціи нисколько не ослабло въ Германіи, во второй половинѣ XVII столѣтія. Роль юристовъ не ограничилась содѣйствіемъ той революціи въ юридическомъ быту германскаго народа, которая извѣстна подъ именемъ «принятія права римскаго». Вестфальскій миръ заключилъ собою періодъ, который открылся гуманическимъ движеніемъ, въ лицѣ Эразма, Агриколы, Рейхлина и Ульриха фонъ Гуттена, а кончился крупными религіозными и политическими переворотами. Къ числу послѣднихъ принадлежали секуляризація и закрѣпленіе территоріальнаго господства многочисленныхъ владѣтелей. Патримоніальное начало выработалось въ государственное. Но политическое тѣло Германіи представило видъ сложнаго организма, гдѣ можно было найдти самыя разнообразныя формы государственныхъ союзовъ, отъ сильныхъ монархій до вольныхъ торговыхъ республикъ. Каждая часть этого нестраго, мозаичнаго тѣла жила, болѣе или менѣе самобытною, внутреннею жизнію. Политическіе и юридическіе вопросы возникали, текли своимъ чередомъ и неотступно требовали разрѣшенія въ самыхъ микроскопическихъ государствахъ. Можетъ стать, вышеозначенная дробность особенно вызывала и усложняла эти вопросы. Черезполосность

территорій, многочисленность владѣтельныхъ фамилій, запутанность родственныхъ ихъ отношеній и, въ связи съ этимъ, масса споровъ и претензій; наконецъ, разнохарактерность и противорѣчія въ юридическихъ нормахъ, опредѣлявшихъ частный бытъ подданныхъ: все это поддерживало нужду въ людяхъ, знакомыхъ съ наукою о правѣ. Юристы были необходимы. Густавъ Гуго имѣлъ основаніе не соглашаться съ тѣмъ мнѣніемъ (Шпиттлера), будто вестфальскій миръ явился послѣднею сценою, на которой играли роль доктора «*Utriusque Juris*.» Напротивъ, по мнѣнію знаменитаго геттингенскаго юриста, съ эпохи вестфальскаго мира, каждый государственный человѣкъ Германіи долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы сдѣлаться хорошимъ знатокомъ права (1).

Въ какомъ же положеніи находились тогда юристы? Германскіе юристы представляются намъ съ двухъ сторонъ: какъ профессеры и какъ бюрократы-чиновники. Вопросъ объ общественномъ значеніи ихъ принялъ въ себя нѣчто новое, чего нельзя было наблюдать во Франціи и въ Голландіи. Вездѣ можно было видѣть юриста въ званіяхъ профессора, сенатора и даже канцлера. Въ одной Германіи этого періода юристы явились «надворными-правительственными» и иными совѣтниками (*Hof—Räthe* etc.) Съ грандіозною оригинальностью возстаютъ передъ жрецами Ѡеимды вопросы изъ науки о чиновпроизводствѣ. Глубокія соображенія геральдическихъ и генеалогическихъ истинъ составляютъ общіе и крупныя интересы въ салонахъ, дикастеріяхъ и даже аудиторіяхъ безчисленныхъ резиденцій. Интересы эти волнуютъ страсти людскія въ правительственныхъ центрахъ, которые такъ ѣдко названы были Берне: столицами «величиною въ скорлупу орѣховую.» Споры о титулахъ достигаютъ объема международныхъ вопросовъ, или — по крайней мѣрѣ — замедляютъ своевременное ихъ разрѣшеніе. Такъ было, между прочимъ, въ Оснабрюкѣ и Мюнстерѣ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ рѣчь шла о правѣ: сидѣть выше или ниже на конференціяхъ, тамъ можно было увлечься боевымъ

(2) Сравни. *Rob. v. Mohl. Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften* 2 B. *Joh. Steph. Pütter. S. 427.*

огнемъ словопрениа. Позволялось даже забыть о несчастной стра-
нѣ, которая, съ понятнымъ нетерпѣнiемъ, ожидала мира, послѣ
30-лѣтнихъ убійствъ и разоренiй. Миръ былъ заключенъ. Но ско-
ро открылась новая арена для талантовъ и дѣятельности госу-
дарственныхъ людей Германiи. Въ 1670 году курфиреты присво-
ли пѣкоторымъ своимъ сановникамъ титулъ «превосходительства». Мѣра эта произвела дѣйствiе урагана въ высшихъ сферахъ Гер-
манiи. Всѣ древнiе владѣтельные роды поднялись и шумнымъ
хоромъ потребовали тѣхъ же преимуществъ и для своихъ чинов-
никовъ. Много серьезныхъ нотъ было написано и послано, съ воз-
можно-скорыми курьерами, изъ разныхъ владѣнiй. Наконецъ,
сѣздъ депутатовъ (1700) рѣшилъ дѣло въ пользу князей ке-
курфирстовъ. Последнiе остались въ двойномъ выигрышѣ, пото-
му что здѣсь же дано имъ право возводить слугъ своихъ въ до-
стоинства камергеровъ и камеръ-юнкеровъ.

Послѣ этого, казалось, можно было установиться тѣмъ прiятнымъ
отношенiямъ, которыми такъ дорожили всегда добрые герцоги,
епископы и графы священной римской имперiи. Но, видно, исто-
рическiя судьбы желали того, чтобы блестящiя привилегiи кур-
фирстовъ нарушали гармонию владѣтельнаго эдема въ герман-
скомъ отечествѣ. На этотъ разъ, причиною волненiя сдѣлалось
право курфиршескихъ посланниковъ сидѣть въ креслахъ на ков-
рѣ, гдѣ, подъ балдахиномъ, председательствовали императорскiй
уполномоченный. Завязалась упорная канцелярская борьба. Вире-
чемъ побѣда и здѣсь стала на сторонѣ мелкопомѣстныхъ владѣ-
телей. Уполномоченные ихъ получили право: ставить переднiя
пожки своихъ креселъ на оборки въ коврѣ императорскаго по-
сланника.

Такимъ образомъ получить звѣзду, ключъ и т. д. (или—какъ
говорили тогда—сдѣлаться *звѣздоспособнымъ* (Sternfähig, Kammer-
schlüssel-fähig etc.) становилось чѣмъ-то въ родѣ вопроса о жиз-
ни и смерти въ извѣстномъ монологѣ принца датскаго. И не
мудрено: съ чиновною метаморфозою открывалась широкая дверь
въ жизнь. Безъ атрибута «Sternfähig» гибли и чахли не рѣдко,
въ житейской грязи и мѣщанской духотѣ, самое сильное дарова-
нiе и энергическое стремленiе къ работѣ общественной. Замѣча-

тельно, что атмосфера эта дѣйствовала на лучшіе умы между юристами. Съ добродушно-серьезнымъ педантизмомъ толкуетъ почтенный Густавъ Гуго о профессорскихъ чинахъ, касаясь основанія галльскаго и геттингенскаго университетовъ въ краткихъ параграфахъ своей ученой исторіи (1). «Въ наше время дѣловые люди трактуются на-равнѣ съ поденщиками, если они не имѣютъ права на каммергерскій ключъ и т. п. И цѣнять ихъ и оплачиваютъ какъ поденщиковъ. Отсюда естественно, что люди, имѣющіе права по рожденію, одинаково-мало заботятся о практикѣ и о теоріи; тѣ-же, кто были на столько не догадливы, что родились на свѣтъ безъ особенныхъ отличій, стремятся изъ всѣхъ силъ захватить въ свои руки одну практику, какъ такое искусство, которое оказывается весьма пригоднымъ для ихъ карьеры поденщиковъ.» Такими словами говоритъ о положеніи практическихъ юристовъ ученый юристъ, Юг. Георгъ Шлоссеръ, во второй половинѣ XVIII столѣтія (2). «Настанетъ ли когда-нибудь такое время—спрашиваетъ онъ—«что почетъ и уваженіе будутъ доставаться у насъ по заслугамъ, безъ предварительныхъ запросовъ на счетъ дворянскаго диплома?» Въ отвѣтъ его не видно большой вѣры въ близость подобнаго времени для Германіи (3).

Какими же могли быть юристы-практики при подобныхъ условіяхъ? Уничженное положеніе не соответствовало важности практическаго вліянія юристовъ на дѣла общественныя. Надменный бранденбургскій «Юнкеръ» обдавалъ скромнаго адвоката презрѣ-

(1) *Gel. Gesch.* S. 489, 529. Въ статьѣ «Erinnerungen aus dem Leben eines practischen Civilisten» (*Civil. Magazin.* 4 B. S. 849). Г. Гуго пресерьезно дѣлаетъ замѣчаніе о томъ, что Юг. Стеф. Пюттеръ писалъ иногда малыми буквами слово: тайный (*geheimer*) въ сановномъ титулѣ своемъ. Бюрократическій педантизмъ ученаго профессора, безусловно, оказывается оригинальнымъ явленіемъ. Но общественная жизнь Германіи XVIII ст. можетъ представить много однородныхъ фактовъ, которые имѣли болѣе серьезное значеніе. Такъ, вѣдной изъ германскихъ земель, дѣловыя бумаги оставались, въ теченіи 8 лѣтъ безъ утвержденія правителя. Причиной этой остановки былъ споръ между герцогомъ и родственнымъ королемъ о томъ, кому изъ двухъ членовъ дома подписываться крупными буквами. Споръ этотъ оконченъ торжественнымъ актомъ, который извѣстенъ подъ именемъ гамбургскаго соглашенія (*Biedermann.* 65).

(2) *Civil. Magazin.* B. 1.

(3) «Wir sind indessen noch so weit von dieser Epoche» etc. *Ibidem.* S. 28, 29.

ніемъ. Но возникалъ процессъ, неблагоприятный исходъ котораго грозилъ ничтою достойному потомку рыцарей, и тотъ же презираемый адвокатъ становился оракуломъ. Ловкое, изворотливое перо его рѣшало вопросъ о жизни и смерти для гербоноснаго истца или отвѣтчика. Презрѣнный элементъ юристовъ-поденщиковъ оказывался видною общественною силою!

Послѣ этого не удивительно, если сословіе ихъ называютъ внутреннимъ бичомъ Германіи, въ бездѣтную и тяжелую для нея эпоху конца XVII и почти цѣлаго XVIII столѣтія. Чего можно ожидать отъ людей, которые остаются чѣмъ то въ родѣ отверженной касты, пользуясь на дѣлѣ сильнымъ вліяніемъ? Безкорыстіе, возвышенный патриотизмъ и стремленіе ко всеобщему благу едва-ли окажутся ихъ свойствами. Такія добродѣтели не выйдутъ изъ разряда явленій исключительныхъ. Общее правило будетъ стоять на нѣмъ уровнѣ. Грязные процессы, безсовѣстные отнятія quasi — законнымъ путемъ наслѣдственныхъ имѣній у нисходящихъ наслѣдниковъ 3-й и 4-й степени: все это становится легкимъ дѣломъ для презрѣннаго юриста-поденщика. Все это видѣли несчастные обитатели многихъ государствъ германскихъ въ XVIII столѣтіи. Правда, инициатива шла не рѣдко изъ той среды, откуда, по общимъ представленіямъ, слѣдовало бы изливаться, неизсякаемымъ ключомъ, началу справедливости. За То нѣмецкіе юристы были виртуозами въ исполненіи задачъ, указанныхъ могущественными личностями въ обществѣ. Изворотливость практическихъ головъ умѣла выжать грязно-золотой сокъ даже изъ тѣхъ новыхъ и *жснерозныхъ* идей, которыя входили въ Германію со стороны сосѣдней и передовой Франціи. Были въ Германіи государи, которые увлекались фізіократическими ученіями и писали экономическіе трактаты, частью собственными силами, частію съ помощію придворныхъ пособниковъ французскаго происхожденія. «Тайные и надворные совѣтники» различныхъ вѣдомствъ энергически составляли изъ многочисленныхъ своихъ полчищъ акціонерныя компаніи. Цѣлью ихъ было устройство различныхъ фабрикъ и заводовъ. Но современные и умные наблюдатели не говорятъ о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ этого дви-

женія (1). Мало выигрывали отъ него чиновные начальники. Еще менѣе—цѣлое населеніе. Единственнымъ и вѣрнымъ барышнемъ оказались тѣ задатки, которые взяты были у правительства остроумными составителями многочисленныхъ проектовъ о развитіи естественныхъ богатствъ страны, сообразно ученію физиократовъ.

Находились, впрочемъ, честные и твердые дѣятели междупрактическими юристами въ тогдашней Германіи. То были ученики старыхъ профессоровъ Лаутербаха, Штрика, Лейзера и Бемера, сочиненія которыхъ оставались у нихъ единственнымъ настольными книгами до глубокой старости. Ограниченны были эти люди. Недовѣрчиво смотрѣли они на все новое. Литературное движеніе, которое начало уже волновать тинистую поверхность тогдашняго общества въ Германіи, доносилось до нихъ отрывочными, неясными звуками. Но ту же недовѣрчивость, тотъ же упрямый консерватизмъ честныхъ, хотя не дальновидныхъ, умовъ обращали они противъ затѣй и выходовъ шарлатановъ-нововодителей. Подобная отсталость павлекала на нихъ, если не громы, то, во всякомъ случаѣ, невзгоду съ высоты господствующихъ слоевъ бюрократическихъ. Тамъ, на этой высотѣ, не любили самостоятельности. Добросовѣстное выполненіе своей работы оказывалось недостаточною рекомендаціею для дѣловаго юриста. Нужны были сильные родственники или вліятельные знакомые. Полезна была, по возможности частая и почтительная, переписка, мимо дѣловыхъ бумагъ, съ начальниками. Еще болѣе существенное вліяніе имѣли личныя представленія, съ заявленіемъ на словахъ пламеннаго усердія ко благу общественному. Символомъ послѣдняго бывалъ, конечно, какой-нибудь президентъ коллегіи. Не исполнявшій такихъ заповѣдей подвергалъ себя многимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ (2). Местъ оскорбленнаго бюрократическаго достоинства не затруднялась въ приисканіи средствъ къ обузданію и отрезвленію стоицизма въ немногихъ упрямыхъ жрецахъ германскаго правосудія.

(1) Civil. Magazin. 4 B. S. 77, 78.

(2) Hucco. Ubi Supr.

Возможность гоненій и мелких придирокъ была по истинѣ безграничною. Искать опоры и защиты чиновной мелкотѣ было и негдѣ и некогда. Тамъ, гдѣ требовалось пять отдѣльных декретовъ для исполненія по дѣлу о пробитіи крыши на какомъ нибудь старомъ зданіи, нечего было думать объ искѣ за личную обиду противъ вліятельнаго сановника. Двери имперскихъ судовъ оставались плотно закрытыми для бѣдныхъ просителей. Мѣстные инстанціи были запутаны сѣтями бюрократической зависимости. Вездѣ былъ произволъ. Вездѣ личное начало дерзко давило всякія проявленія духа общественнаго. «Ревнивая боязнь мелкопомѣстныхъ князей доходила до каррикатурной степени», замѣчаетъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ старой Германіи между современными учеными. Въ самомъ дѣлѣ, вопіющіе факты говорятъ почти на каждомъ шагу, который приходится дѣлать историку тогдашняго общества. Такъ, одинъ изъ князей (Oettingen-Wallerstein) принялъ за правило: никогда не утверждать приговоровъ судебныхъ и правительственныхъ инстанцій въ своихъ владѣніяхъ. Желая показать свою власть, онъ постоянно кассировалъ состоявшіяся рѣшенія. Въ результатѣ могли получиться безсмысленныя явленія. Воръ и грабитель, осужденные уголовными камерами, не должны были терять надежды на безнаказанность и даже на возысканіе убытковъ и штрафовъ съ обокраденныхъ и ограбленныхъ. Тотъ же достойный властелинъ имѣлъ, говорятъ, привычку бросать въ одну кучу безчисленные рапорты, доклады, доношенія, представленія и иные акты, которыми засыпали его десятки непосредственныхъ начальниковъ въ микроскопическихъ владѣніяхъ. Проходили годы, а нумерованныя бумаги красовались величественною пирамидою въ кабинетѣ его свѣтлости. Наконецъ князю прискучали «почтительнѣйшія» и нынѣ недоѣданія въ превосходныхъ степеняхъ о рѣшеніяхъ. Тогда выхватывался на удачу первый поавшійся пакетъ и тутъ же полагалась на немъ резолюція. Въ силу этого, происходили иногда истинно-дигеовинныя вещи въ судебной администраціи. Сохранилось показаніе современника, что по дѣлу одного арестованнаго лица состоялось *три различныхъ рѣшенія*. Въ одномъ говорилось: «повѣсить, какъ вора.» Въ другомъ: «изгнать изъ пре-

дѣловъ отечества.» Въ третьемъ: «наказать палками.» А между тѣмъ несчастный сидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, ожидая рѣшенія. Мягкосердіе полиціи дало возможность арестованному лицу уйти изъ тюрьмы прежде тройственной экзекуціи. Отечественные судьи избавлены были отъ не легкой обязанности развязывать настоящій гордіевъ узелъ юридическаго здравомыслія.

Не менѣе характерны свѣдѣнія о томъ замѣчательномъ тонѣ, который преобладалъ въ обращеніи съ подчиненными. Случалось, что почтенный чиновникъ и даже кавалеръ ордена не приходилъ, по какой-нибудь законной причинѣ, въ мѣсто своего служенія. Сейчасъ же отправлялась къ нему угроза, что, въ слѣдующій разъ, не явившійся членъ будетъ приведенъ въ присутствіе полицейскими капралами. Находили, впрочемъ, на германскихъ свѣтлостей минуты веселаго расположенія. Назначалась владѣтельная охота. Сзывались придворные и важнѣйшіе сановники. Но иногда достойныя особы эти получали милостивыя приглашенія, нѣсколько страннаго и законническаго содержанія: «быть въ такомъ-то часу—и непременно въ усахъ—между охотниками, въ свитѣ его свѣтлости.» Ясно, что людямъ, которые свято чтили пирамидальныя парики и безукоризненно-бритые подбородки à la Louis XIV приходилось, въ подобныхъ случаяхъ, прибѣгать къ искусственной выдѣлкѣ и недобросовѣстной подклейкѣ чужезаднаго украшенія.

Независимо отъ такихъ индивидуальныхъ случаевъ, матеріальное благосостояніе практическихъ юристовъ стояло далеко ниже уровня обезпеченнаго положенія. Гуго говоритъ, что жалованье, которое получалъ его отецъ, было совершенно ничтожнымъ вознагражденіемъ. Не смотря на это, маркграфъ баденскій отобралъ въ свою пользу половину того, что слѣдовало бѣдному труженнику по закону, исполненіе котораго было, сверхъ того, обезпечено предварительнымъ и яснымъ обѣщаніемъ⁽¹⁾.

Таково было положеніе практическихъ юристовъ, стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ нескончаемой лѣстницы чиновной нѣ-

(1) Несо. Ibidem. S. 68, 69.

мецкой іерархіи⁽¹⁾. Было ли лучшимъ состояніе ученыхъ представителей юриспруденціи? Едва ли нужно усиленно доказывать неизбѣжность отрицательнаго вывода и въ настоящемъ случаѣ. Презрѣніе къ профессорскому званію есть нормальное явленіе въ обществѣ, подобномъ тогдашнему германскому. Болѣе чѣмъ столѣтіемъ ближе настоящаго времени, стояло оно къ феодальнымъ воззрѣніямъ, построеннымъ на глубокомъ уваженіи къ породѣ, въ связи съ одинаково-глубокимъ презрѣніемъ къ трудовымъ слоямъ народа. Гдѣ же было взяться почету для ученыхъ труженниковъ? Даже теперь можно наблюдать въ германскомъ обществѣ рѣзкія и противоположныя крайности. И теперь: добродушная простота нравовъ и почтеніе къ наукѣ уживаются здѣсь съ проявленіями заносчиваго, каррикатурнаго чванства порокою, званіемъ, привилегіею. Легко представить себѣ, что было тамъ въ эпоху Фридриха-Вильгельма бранденбургскаго, Августовъ саксонскихъ и *tutti quanti*. Независимо отъ предположеній, можно найти въ этомъ случаѣ нѣсколько историческихъ доказательствъ. Кому неизвѣстна грустно-комическая сцена, разыгранная королевственнымъ отцомъ въ рабочей комнатѣ гениальнаго сына, учившагося предмету, который поналъ въ каталогъ запрещенныхъ знаній, по неизвѣстнымъ соображеніямъ? Если въ ней мало уваженія къ наукѣ, то гораздо менѣе—къ личности человѣка и профессора⁽²⁾.

Внутренняя жизнь университетовъ и положеніе ученыхъ членовъ ихъ сложились соотвѣтственно такому направленію владѣтелей странъ и вліятельныхъ классовъ общества. Всѣмъ и каждому извѣстны причины и обстоятельства, вызвавшія основаніе университета въ Галле. Ни для кого не ново сильное вліяніе на это

(1) Нескончаемость этой лѣстницы лучше всего доказывается слѣдующими статистическими цифрами. Книжество Лейпцигъ имѣло 50 различныхъ совѣтниковъ, 18 секретарей и 54 субальтерна при 70,000 всего населенія. Въ земляхъ курфирста архіепископа Майнскаго (161 кв. м. и 318,000 жит.) считалось 659 гражданскихъ и 1300 церковныхъ чиновниковъ. Придворные и военные чины не входятъ въ это исчисленіе. Среднимъ числомъ, на каждыя 250 душъ населенія приходилось по одному чиновнику. (Ср. Biedermann. Deutschland in 18 I. H. 1 B. S. 98, 99).

(2) Macaulay's Biographic. Essays. Frederic the great. PP. 8, 9.

дѣло Христіана Томазія. Орудіе преобразовательныхъ стремленій въ борьбѣ со старыми началами въ умственной жизни Германіи, университетъ въ Галле казался чѣмъ-то въ родѣ крайне-свободныхъ Аѳинъ для современниковъ (1). Самъ курфиреть былъ не прочь нѣсколько поумѣрить полемическую ревность о правотѣ иррин со стороны богослововъ лейпцигскихъ. Университетъ возлѣ полковыхъ казармъ показался лучшимъ средствомъ для миротворныхъ стремленій его свѣтлости (2). Какъ же управлялся этотъ ученый центръ, гдѣ, по словамъ Варнезенига, руководствующимъ началомъ былъ духъ обновленія (3)?—«По солдатски», отвѣчаетъ на этотъ вопросъ почтенный Густ. Гуго, котораго никто не можетъ укорить въ наклонности къ радикальному образу мыслей на страницахъ ученой его исторіи (4). Въ подтвержденіе этого, ярко выставляется тотъ любопытный фактъ, что профессоръ галльскаго университета Іак. Фр. Лудевигъ (Ludewig, также Ludovici † 1721) былъ уступленъ гиссенскому университету за пару рослыхъ гренадеръ отъ тамошняго правительства. Впрочемъ, профессоровъ призывали въ университеты въ возможно-большемъ количествѣ. Гонялись за знаменитостями. Помѣстили ученаго Штрика въ число первыхъ преподавателей. Отдали ему третью часть всей штатной суммы (3500 талер.), которая отнускалась на содержаніе галльскаго университета. За то съ другими профессорами крѣпко торговались и заставляли «сбавлять» съ условленнаго уже жалованья (5). «Радость о высокихъ чиновныхъ отличіяхъ» (какъ напр. должности канцлерской, которая предпочтительно доставалась профессорамъ изъ юристовъ) «потемнялась, говорить

(1) Отецъ Густава Гуго, студентъ іенскаго университета, до самой смерти своей хранилъ глубокое убжденіе въ атеизмъ и крайнее вольнодумствѣ Томазія и Гундлинга (?). Сравни замѣчанія касательно такого возрвѣія въ Германіи того времени: Laboulaye. Essai sur la vie et les doctrines de Frédéric Charles Savigny. P. 14. N-la 1.

(2) «Das Verhältniss des alten Dessauers zu der Stadt, in welcher sein Regiment lag, war der Hohenschule nicht vortheilhaft», говоритъ Г. Гуго.

(3) Jur. Encyclop. S. 325.

(4) Gel. Gesch. S. 490, 491.

(5) «...Selbst dass ein Professor von seiner Besoldung etwas abgehen musste, scheint als ganz natürlich angesehen worden zu sein etc. (Hugo. 4 S.)

Гуго, вычетами въ пользу рекрутской кассы (1).» За-частую бывало, сверхъ этого, что по цѣлымъ годамъ не платили профессорамъ жалованья. Такой судьбѣ подвергался, между прочимъ, Юстъ-Гённингъ Бёмеръ, заслуженный канцлеръ и знаменитый авторитетъ въ наукѣ. А между тѣмъ должность канцлера сопряжена была не рѣдко съ выполненіемъ тяжелыхъ обязанностей. Получалось иногда категорическое приказаніе: что онъ, канцлеръ, долженъ непремѣнно пристроить извѣстное лицо къ составу университета (Sie sollen NN absolutement schaffen). Съ другой стороны, поручали «извѣстной и доказанной мудрости» канцлера удалить того, кто оказывался неприятнымъ по какимъ-либо обстоятельствамъ (2). Съ замѣчательною быстротою и весьма часто переводились профессора изъ одного университета въ другой. Нѣтъ надобности говорить, что бюрократическіе виды не всегда соображали личныя способности и специальное подготовленіе ученыхъ дѣятелей. Послѣ всего этого не удивительно, что ученые юрпсты вдавались въ постороннія занятія. Наука по неволѣ обращалась въ «хлѣбный промыселъ» (или, какъ говорятъ нѣмцы, Brodwissenschaft). Крайность гнала не рѣдко въ эту сторону даже тѣхъ, кто былъ сначала далекъ отъ ученаго торгашества и филистерства. Усиленный гонораръ, многочисленныя частныя лекціи, доходы отъ Spruch-Collegium'a и, наконецъ, пансіонерство: вотъ что составляло тайныя и явныя желанія цѣлой толпы ученыхъ мужей во многихъ университетахъ Германіи. Духъ интриги и партій, мелкая зависть и еще болѣе мелкая борьба отравляли организмъ ученыхъ коллегій. Бывали примѣры, что писались многочисленные труды, издавались въ свѣтъ тяжелыя гелертерскія диссертациі съ цѣлью осмѣять и—какъ говорится у насъ—«унечь» своего ученаго противника. Сомнительно, чтобы отъ такого направленія могли выигрывать объективныя интересы науки! Что подобный порядокъ, или, вѣрнѣе, безпорядокъ, существо-

(1) «...Verdarben die Abgaben in die Recruten Casse früh genug die Freude daran...»

(2) «...Dies überlasse man seiner bekannten Prudenz lediglich...»

валь въ университетѣ Вольфа и Томазія, объ этомъ особенно опредѣленно говоритъ ученая исторія (1).

Замѣчательно, что геттингенскій университетъ, который основанъ былъ среди тяжкихъ политическихъ невзгодъ для Германіи, представляетъ несравненно менѣе подобныхъ отрицательныхъ явленій. Внутренняя жизнь его устроилась и начала развиваться свѣтлѣе и привольнѣе. Чиновъ здѣсь профессорамъ давали менѣе; жалованья—гораздо-болѣе. Богатыя бібліотеки и другія ученныя пособія представили сильную поддержку и прочную основу ученымъ занятіямъ. Устроитель и канцлеръ университета Мюнхгаузенъ, былъ человѣкъ дѣятельный. Онъ не выгонялъ и не переводилъ съ мѣста на мѣсто, бюрократическимъ путемъ, профессоровъ, а состоялъ съ ними въ непрерывныхъ личныхъ и письменныхъ сношеніяхъ. Особенно-сильно настаивалъ онъ на необходимости профессорскаго чтенія по руководствамъ самостоятельнымъ. За то, когда онъ, подражая Галле, хотѣлъ ввести въ Геттингенъ пансіонерство, то встрѣтилъ сопротивленіе со стороны самихъ профессоровъ (2). Сильному вліянію его въ ганноверскомъ королевствѣ обязанъ былъ успѣшнымъ ходомъ своимъ геттингенскій университетъ, не смотря ни на какія виѣшнія препятствія. «Конечно», говоритъ Гуго, «университетъ въ Геттингенѣ былъ весьма во многомъ подражаніемъ университету галльскому. Но сходство это было менѣе въ военномъ и болѣе въ юридическомъ отношеніи». Дѣло въ томъ, что здѣсь сильнѣе вѣяло свѣжимъ и болѣе благотворнымъ воздухомъ изъ Англіи, тронъ которой былъ заступленъ членами ганноверской владѣтельной фамиліи!

Вообще, знакомясь съ содержаніемъ того, что написано на всѣхъ языкахъ, не исключая нашего отечественнаго, о внутреннемъ состояніи тогдашней Германіи, трудно придти къ положительнымъ выводамъ. Правъ, совершенно правъ, Р. Ф. Моль, на-

(1) Всѣ факты, которые послужили основаніемъ этой характеристикѣ, добровольно изложены Гуго Геттингенскимъ.

(2) Gel. Gesch. S. 529.

зывая большую часть XVIII столѣтія «временемъ свинцоваго, недостойнаго, безнравственнаго и беззаконнаго деспотизма» въ Германіи (1). Уродливое соединеніе версальскихъ проказъ съ казарменнымъ произволомъ какъ нельзя болѣе оправдываютъ обиліе укориженныхъ словъ въ рѣчи знаменитаго профессора. Тогда уже вполне созрѣло то, что было посѣяно и начало развиваться гораздо ранѣе, съ половины XVII столѣтія.

Но тѣсная рама цѣлой картины всегда болѣе или менѣе искажаетъ характеръ и гармонию подробностей. Узкій и кривой путь, которымъ идетъ жизнь государства и общества, затрудняетъ и давитъ всякое самобытное развитіе. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Мелкій деспотизмъ и бюрократическая манія наложили особую печать на все сословіе ученыхъ юристовъ. Почтенные профессора германскихъ университетовъ являются нерѣдко въ качествѣ придворныхъ людей или чиновниковъ. Докторская мантія стала покрывать мундиръ гофмейстера. Ученое достоинство не находило себѣ права гражданства безъ поддержки формальнаго отличія. А велика сила окружающей среды, господствующихъ понятій. Такъ или иначе, но ими всегда опредѣляются судьба и общественное положеніе отдѣльныхъ личностей. Кто одаренъ сильною волею, въ комъ живетъ и работаетъ самобытный геній, тотъ пойдетъ, конечно, противъ теченія. Такой человекъ можетъ одержать верхъ и сберечь достоинство внутренняго своего міра. Но внѣшнія отношенія его все-таки глубоко проникнутся отрицательнымъ вліяніемъ грязнаго теченія волнъ житейскихъ.

Всѣмъ извѣстно, что были личности, сильныя талантами и волею, между германскими учеными XVII и XVIII ст. Характеръ Томазія и Вольфа, обстоятельства ихъ жизни сдѣлались общимъ умственнымъ достояніемъ образованнаго міра. Какъ устроилось общественное положеніе ихъ, подъ вліяніемъ того самостоятельнаго духа, который руководилъ ихъ дѣятельностью? Они прошли длиннымъ рядомъ мелкихъ и крупныхъ обидъ; они выдержали

(1) Rob. v. Mohl. Gech. u. Litt. der Staatswiss. 2 B. S. 435.

то, что называютъ гоненіемъ, со стороны темныхъ силъ въ обществѣ. Что встрѣтилъ въ своей жизни «честный, старый Мозеръ», какъ называетъ его Роб. ф. Моль (1)? О немъ менѣе говорятъ. Личность его скромнѣе только-что названныхъ свѣтилъ германской науки; но она вызываетъ полную симпатію и уваженіе. Трудюбиваго и глубоко-ученаго профессора удалили изъ университета франкфуртскаго. Въ числѣ причинъ, побудившихъ къ тому, было швабское произношеніе Мозера. Исполнителемъ бюрократическихъ распоряженій въ этомъ случаѣ пришлось быть Бемеру (2). Та же судьба постигла Мозера въ Тюбингенѣ, гдѣ нужно было пристроить къ мѣсту бездарнаго племянника одного вліятельнаго профессора. Убѣжденіе въ высокой честности Иог. Иакоба не помѣшало вюртембергскому герцогу продержать его нѣсколько лѣтъ въ тюремномъ заключеніи. Моль говоритъ, что Мозеру предсказывали неудачи на поприщѣ практической жизни, когда онъ былъ еще юношею. Предрекатель, вѣроятно, хорошо узналъ простую, честную и сильную натуру молодого ученаго. Но не дурно также зналъ онъ современное общество. Изъ такого суроваго матеріала, каковъ былъ видѣнъ въ Мозерѣ, конечно не могъ образоваться любимый и популярный пророкъ въ тогдашнемъ «германскомъ отечествѣ». Въ ту пору шли въ ходъ иные люди. Выдвигались впередъ юристы и ученые съ другимъ направленіемъ. Для этого нужно было забыть совѣтъ стараго юриста Удаляррика Цазія и «дать отмѣтить себя ливрейнымъ штемпелемъ». Героями дня оказались Иккштадтъ, Людевигъ (Иог. Петръ, соименникъ ученаго, переведеннаго на такихъ оригинальныхъ условіяхъ въ университетъ гиссенскій) и т. п. дѣтели. Туго говоритъ, что Людевигъ вывезъ изъ ризвикскаго конгресса (гдѣ случилось ему быть) много истинъ, остававшихся до того времени неизвѣстными почтенному профессору. Но новыя истины эти (Unerkannte Wahrheiten, какъ называетъ ихъ Туго)

(1) Die beiden Moser. S. 404.

(2) Weil Ihr sothanen Moser nach Frankfurt a. d. Oder gebracht, auch von Euch Sorge getragen worden müsse, dass Ihr ihn wieder weggeschaffet, insal-
ли въ инструкціи канцлеру Бемеру (Hugo. Gel. Gesch.).

не пошли въ прокъ на равнинахъ Бранденбургіи. Къ счастью, увлекшійся педантъ во-время осмотрѣлся, опомнился и—какъ говорятъ у насъ—прекрасно ориентировался (1). Скоро досужее и угодливое перо Людевига заскрипѣло подѣ тяжестью натянутыхъ аргументовъ, имѣвшихъ цѣлю защищать притязанія честолюбиваго господина на Силезію. Ученая и литературная дѣятельность барона Иккштадта († 1776) привлекала къ нему золотой дождь изъ Вѣны и Мюнхена. За что? «Сочиненія его по германскому государственному праву сильно нравились друзьямъ конституціонной законности и протестантамъ», отвѣчаетъ лаконическій, но правдивый Густавъ Гуго. Много подобныхъ примѣровъ можно бы было найти, по пристальнѣе порывшись въ скучныхъ и мало разработанныхъ материалахъ для ученой германской исторіи того времени! Къ сожалѣнію, продолжая анализъ, нельзя ограничиться именами авторовъ «Opuscula Miscella», «Reliquiae Manuscriptorum» и т. п. Люди, подобные Юг. Стеф. Пюттеру, подойдутъ къ категоріи ученыхъ юристовъ, купившихъ видное, и такъ называемое счастливое, положеніе въ жизни, весьма дорогою цѣною: отсутствіемъ убѣжденій. Не даромъ, говоря о немъ, произнесъ Роб. ф. Моль слово, проникнутое благороднымъ негодованіемъ (2). Холодно, безразлично смотрѣлъ великій знатокъ государственнаго германскаго права на вопіющіе скандалы въ политической жизни тогдашней Германіи. Его не занимала критика вѣковыхъ злоупотребленій и апатіи, подѣ влияніемъ которыхъ быстро шло впередъ разложеніе въ организмѣ старыхъ имперскихъ учреждений. Въ то время, когда Мозеръ сидѣлъ въ Гогентвидѣ за то, что «высоко держалъ знамя права», Пюттеръ избралъ себѣ болѣе-спокойную и прибыльную работу. «Практическая дѣятельность и рвеніе его главнымъ образомъ были направлены къ правамъ аристократическихъ фамилій», говоритъ Р. Ф. Моль въ превосходномъ своемъ критическомъ очеркѣ.

(1) «...Ward er nicht nur Professor der Geschichte und 1705 Prof. der Rechte—гов. Гуго—«Sondern auch ein höchst eifriger Vertheidiger alles dessen was seinem Hofe angenehm war etc.»

(2) «Pütter hatte keine Gesinnung.»

Но скажутъ намъ: трудно всѣмъ и каждому сдѣлаться героями своихъ убѣжденій. Притомъ Мозеръ и немногіе, подобные ему, люди, выкупаютъ собою недостатки прочей ученой братіи. Такимъ образомъ, общій осудительный приговоръ надъ германскими юристами несправедливъ и невозможенъ. Здѣсь не имѣется въ виду безразличнаго и поголовнаго осужденія. Всѣ такія заключенія большею частію результатъ недостаточнаго знакомства съ различными фазисами дѣла. Но, съ другой стороны, трудно отвергать преобладаніе отрицательныхъ явленій въ вопросѣ объ общественномъ значеніи германскихъ юристовъ. Устраняя всякія безусловныя требованія касательно героизма и самоотверженія, нельзя упускать изъ виду отсутствія обыкновенной стойкости убѣжденій и честнаго служенія общественному благу. Гдѣ нѣтъ такихъ условій въ большинствѣ дѣятелей, тамъ трудно бываетъ сдерживать укорительное слово. Ясно, что при этомъ еще съ большимъ блескомъ возстаютъ не многія имена людей, выдѣлвшихся изъ общаго и мутнаго круговорота. Они, безспорно, выкупаютъ доброе имя націи. Они доказываютъ счастливую способность ея производить сильныя, благородныя, отрадные въ исторіи человѣчества, типы. Они, вмѣстѣ съ этимъ, заставляютъ искать объясненія, а не безусловнаго осужденія отрицательныхъ явленій въ жизни даровитаго, но медленно и несчастно-развившагося народа. Разумно и утѣшительно требованіе, что «сильные талантами люди должны стоять выше своего вѣка». Но трудно вычислить, сколько разъ приходилось ему не идти далѣе «благочестиваго желанія» въ дѣйствительной жизни. Нѣтъ ничего труднѣе анализа нравственно-патологическихъ явленій. И намъ кажется, что при объясненіи ихъ всегда будутъ важны особенныя свойства даннаго мѣста и времени.

Поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ характеръ великаго германца, Лейбница. «Лейбницъ любитъ благосклонность сильныхъ земли и скорбно встрѣчаетъ потерю ея. Это легко объясняется привычкою жизни его. Рано пріобрѣлъ онъ высокія милости и за тѣмъ на-всегда почти сталъ въ зависимость отъ тѣхъ капризовъ, которые съ ними связаны». Таковъ взглядъ новѣйшаго германскаго писателя на личность Лейбни-

ца (1). Мнѣніе это кажется намъ безпристрастнымъ. Въ основѣ его легло глубокое пониманіе характера знаменитаго ученаго, усвоенное добросовѣстнымъ изученіемъ всѣхъ обстоятельствъ его жизни. Для этого достаточно заглянуть въ нѣкоторыя другія характеристики Лейбница. Въ нихъ меньше критическаго достоинства, за то много фактовъ. Последніе приводятся не рѣдко авторами съ наивностью педантовъ и риторовъ. Увлеченные процессомъ собственной рѣчи, они не вникаютъ въ смыслъ того, что краснорѣчивѣе ихъ словъ говорить само за себя (2).

Дѣйствительно, Лейбницъ любилъ «благосклонность сильныхъ людей». Съ той минуты, когда случай свелъ молодого ученаго съ аристократомъ Бойнебургомъ (3), съ тѣхъ поръ судьба гениальнаго юноши была опредѣлена. Жизнь его потекла тѣмъ гладкимъ, но скользкимъ путемъ, гдѣ лучшимъ компасомъ является *Prudentia aulica* — квинтессенція житейской мудрости. Передъ силою ея была ничтожна наука нюрнбергскихъ алхимиковъ, въ общество которыхъ такъ оригинально вошелъ Лейбницъ. Бѣдные мечтатели эти бесполезно тратили жизнь надъ исканіемъ чудесной силы, производящей золото. Последнее стекалось само-собою, со всѣхъ концовъ, изъ самыхъ бѣдныхъ уголковъ страны, въ тѣ палаты, куда ввелъ Лейбница вельможа германскій. Туда нужно было идти. Тамъ только можно было пріятно и легко собирать его. Вѣроятно, за такую заслугу передъ человѣчествомъ названъ Бойнебургъ «героемъ», со стороны благороднаго біографа. Онъ видимо радуется, что знаніе и талантъ вступаютъ на прямую дорогу къ наградамъ, съ первыхъ шаговъ великаго ученаго въ жизни.

И точно: взысканъ былъ земными почестями и милостями Готфридъ-Вильгельмъ Лейбницъ. Много страницъ въ біографическомъ трудѣ Бруккера украшены обозначеніемъ различныхъ поощреній

(1) K. Fischer. *Gesch. der neueren Philosophie*. 2 B. S. 24, 25.

(2) Мы разумѣемъ здѣсь «*Eloge de Leibnitz par Fontenelle*» и особенно: *Jacobi Bruckeri Leibnitii vita*. Они помѣщены въ 4 т. полн. собранія сочиненій Лейбница (изд. Дутенса) и послужили главнымъ руководствомъ для Лерминье, а въ недавнее время для К. Герона (*History of Jurisprudence*).

(3) *Viro summo et praeter prudentiam aulicam insigni eruditione conspicuo*, по выраженію почтеннаго педанта-біографа Бруккера.

геніальному таланту. То сопричтенъ онъ къ составу надворныхъ совѣтниковъ въ Майнцѣ; то пожалованъ такимъ же титуломъ въ Ганноверѣ. Но крупныя цифры герцогскихъ и даже имперскихъ стипендій темнѣютъ возлѣ другихъ видовъ почета, о которыхъ съ аккуратностію доведено до свѣдѣнія потомства со стороны внимательнаго и добросовѣстнаго жизнеописателя⁽¹⁾. При такихъ вѣдншихъ условіяхъ протекла почти вся жизнь великаго человѣка въ области германской науки. Смерть курфирста майнцаго и принцессы Софіи-Шарлотты, да размолвка съ ганноверскимъ меценатомъ⁽²⁾ остались едва ли не самыми черными тѣнями, которыя пронесли надъ земнымъ его поприщемъ.

Такъ награждены были геній, знаніе, ученые доблести. Слѣдуя классическимъ преданіямъ о необходимости поощрять добро и карать зло, исторія должна восхищаться столь счастливымъ ходомъ жизни ученаго труженика. Стоило бы только успокоиться на мнѣніи Брукера, который видѣлъ въ поощреніяхъ «князей и сыновъ человѣческихъ» нравственный толчекъ Лейбницу⁽³⁾. Но намъ кажется, что исторіи не слѣдуетъ остаться при такомъ оптимизмѣ. Не мудрено, что, по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, окажутся поводы перейти къ нѣскольکو-иному воззрѣнію. Вопросъ заключается въ томъ: было ли дѣйствительно нравственное начало въ подобныхъ поощреніяхъ? До какой степени система, которой держались покровители Лейбница, сберегла и поддержала самостоятельность и объективность научныхъ стремленій его? Для этого нужно было прежде всего ясное сознаніе о самостоятельномъ значеніи интересовъ науки, со стороны меценатовъ нашего ученаго. Существовало ли оно? Сомнѣваемся. «Уразумѣль славный Войнебургій, какая польза отъ такого мужа можетъ произойти для двора господина его (*Quantum emolumenti ad aulam heri sui etc.*), а потому наилучшимъ образомъ отрекомендовалъ

(1) *Domicilio aulico*—говорить онъ—*Leibnitius auctus est.*

(2) *Jac. Bruckeri. L. Vita. P. XCVII.*

(3) *Ut itaque sponte currenti calcar adderet... Ut actus gloriae stimulo Leibnitius in juvandis disciplinis eo majori contentione pergeret etc.*

его курфирсту⁽¹⁾). Что видимъ мы здѣсь? Смѣтливый придворный разцѣль выгоды своего повелителя отъ работы ученаго юноши и вызвалъ милостивое проявленіе вниманія къ генію. Онъ бѣденъ; онъ придавленъ жизнію—геніальный человекъ этотъ—а сильному имперскому князю нуженъ слуга, владѣющій перомъ. Слѣдуетъ поддержать его. Здѣсь есть своего рода логика. Здѣсь много той ловкости—или *prudenticiae aulicae*—о которой наивно, но правдиво отозвался Бруккеръ въ своемъ панегирикѣ. За то гораздо меньше здѣсь желанія сберечь генія для науки, для чистыхъ, безкорыстныхъ интересовъ ея.

Но у Лейбница было много покровителей. Очень скоро привыкъ онъ къ нимъ, и есть поводъ думать, что присканіе новаго мецената, въ случаѣ потери прежняго, составляло одну изъ важныхъ заботъ въ его жизни⁽²⁾. Не ужели всѣ они смотрѣли съ подобной точки зрѣнія на великаго и всесторонняго генія тогдашней Грманіи? Сколько намъ кажется, трудно найти у нихъ иные мотивы въ отношеніи къ Лейбницу. Его искали, за нимъ ухаживали, потому что онъ былъ полезенъ. Всеобъемлющей горлоу его доступно было многое. Яркій свѣтъ ложился на все, чего касалась мысль его. Одному давалъ онъ совѣтъ относительно лучшаго устройства горнаго дѣла; другому помогаль получить корону путемъ избранія; третьему разработываль какой-нибудь важный вопросъ права публичнаго и т. д.⁽³⁾ Вездѣ увидимъ мы, въ извѣстной степени, эксплуатацію талантовъ и зна-

(1) Скоро вошелъ честолюбивый юноша во вкусъ игры политической. Руководителемъ его былъ самъ Вейнебургъ, державшій въ рукахъ многія нити тогдашней германской дипломатіи. Лейбницъ съ жаромъ вдался во всѣ планы его и даже составилъ нѣсколько утопическій проектъ завоеванія Египта для Людовика XIV. Цѣлью этой компаніи было: отвлечь честолюбіе французскаго короля отъ Германіи. Лейбницъ имѣль случай лично излагать свои планы въ Парижѣ. Отвѣтомъ ему было: «Le temps des Croisades est passé.»

(2) Obiit. Elector Mogunt. cujus morte extincta simul fuit omnis quae hactenus succreverat spes emergendi, quin et stipendium hactenus illi solvi solitum desiit... Ut vero futurae quoque fortunae consuleret, ad Joh. Fridericum, Br. Ducem scripsit ejusque gratiam quadiu jam fruebatur imploravit etc. (Jac. Bruck. etc. P. LXXV).

(3) Fontenelle. Eloge etc.—Bruckeri. Vita etc. PP. LXIX, LXXV, EXXVI. Выраженія: «Virum sibi utilissimum in aulam suam pertrahere omnibus modis princeps laudatus conabatur» и т. п. не рѣдкоестъ на страницахъ біографіи Лейбница.

ній великаго человѣка. Въ немногихъ случаяхъ найдется полное сознание той важности, которую имѣла голова Лейбница для объективныхъ интересовъ знанія! Разбирая жизненные отношенія Лейбница, останавливаешься на мысли, что даровитая женщина лучше всѣхъ современниковъ оцѣнила гения. То была Софія-Шарлотта, урожденная ганноверская принцесса и ученица Лейбница, которая умерла прусскою королевою. Куно-Фишеръ говорить, что принцесса эта «также сильно искала и любила истину, какъ королевственный супругъ ея—великолѣпіе». Для ея сына, англійскаго короля Георга I, Лейбницъ былъ «живымъ лексикономъ», не болѣе.

Какой же выводъ изъ всего этого относительно характера Лейбница, какъ человѣка, какъ ученаго и какъ общественнаго дѣятеля? Намъ кажется, что есть основанія, по которымъ выводъ этотъ долженъ быть отчасти—отрицательнымъ. Среда, гдѣ преимущественно вращался Лейбницъ, неблагоприятствовала развитію и сохраненію истинной независимости. Отсюда вліяніе ея не можетъ быть названо вліяніемъ нравственнымъ. Здѣсь было отчего разыграться самолюбію. Властящая обстановка патроновъ должна была развить вкусъ къ широкой жизни въ ученомъ клиентѣ. Удовлетворить этотъ вкусъ можно было только съ помощью хорошихъ средствъ. Ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ источникомъ послѣднихъ являлось благоволеніе и щедрость тѣхъ же патроновъ. Отсюда—та жажда къ должностямъ и стипендіямъ въ Лейбницѣ, о которой говорить, вмѣстѣ со многими другими, Куно-Фишеръ (1). Великій мыслитель, глубокой знатокъ исторіи и государственнаго права Германіи, остался возлѣ сильныхъ земли. Пользуясь правами почетнаго жителя (*Domicilio aulico*, по выраженію Бруккера), по неволѣ приходилось иной разъ доказывать свою признательность хозяину. Отсюда литературныя произведенія, изыскивающія древность владѣтельныхъ домовъ, или права германскихъ князей на тронъ тѣхъ государствъ, гдѣ допускалось избраніе. Отсюда заботливость, по возможности, сохранить доб-

(1) К. Fischer. Gesch. etc. 2 B. S. 25.

рое расположение всѣхъ дворовъ, касаясь сложнаго вопроса, разрѣшеніе котораго могло вызвать неудовольствіе какой-нибудь сильной партіи (1). Къ чести Лейбница, нужно сознаться, что, не смотря на все это, онъ умѣлъ соглашать общее съ частнымъ. Династическіе планы не задвигали для него общихъ интересовъ страны. Есть фактическія доказательства, что идея политическаго единства и, вмѣстѣ съ нимъ, могущества Германіи ясно сознавалась Лейбницемъ. Но нужна была замѣчательная ловкость, чтобы проводить обще-германскіе виды въ брошюрахъ, которыя должны были защищать ганноверскую политику того времени! Такова была дилемма, въ которую ставили Лейбница его покровители.

Что касается ученыхъ трудовъ великаго человѣка, то изъ пера его, во всякомъ случаѣ, появлялись превосходныя вещи, полныя не одного временнаго, преходящаго значенія. Слѣдовательно наука ничего не теряла и не могла потерять отъ такой учено-литературной дѣятельности? Дѣйствительно, наука считаетъ капитальнымъ приобрѣтеніемъ почти каждое произведеніе гениальнаго писателя. Но ученая исторія должна указать при этомъ на одну слабую сторону. Это—отрывочность и случайность весьма многихъ, если не всѣхъ, трудовъ Лейбница. Такую черту видитъ Куньо-Фишеръ въ отдѣлѣ философскихъ работъ его. «Прусская королева бесѣдуетъ съ нимъ о сомнѣніяхъ Вайля касательно согласованія вѣры и разума, при этомъ случаѣ возникаетъ теодицея. Принцъ Евгений Савойскій желаетъ узнать основы, на которыхъ зиждется теодицея; при этомъ случаѣ набрасываетъ Лейбницъ свою монадологію» (2). Замѣчаніе это обращаетъ на себя вниманіе. Вѣрность его подтверждается также въ отдѣлѣ юридическихъ трудовъ всеобъемлющаго германскаго писателя. Почему, напримѣръ, издаетъ Лейбницъ свой знаменитый «Новый

(1) Сравни Fontenelle, Замѣч. касательно сомнѣній: «*Cesarini Furstenerii De Jure Suprematus etc.*» P. XXII. Всегда наивный и откровенный Бруккерьъ говоритъ слѣдующее: «*Nunquam... se auctorem illius libelli professus est, forte quod Regum Electorumque aulas quae alia sentiebant, quasque passim faventes habebat, offendere nollet etc.*»

(2) Kuno Fischer. U. S. 2 B. S. 26 etc.

(1) K. Fischer. Gesch. etc. 2 B. S. 26

Методъ и пр.? Наивный педантъ Бруккеръ откровенно излагаетъ вѣдшіе мотивы, которыми руководствовался авторъ при изданіи въ свѣтъ своего сочиненія. Оно вызвано было: не просьбами друзей, по увѣренію Лерминье (1), а желаніемъ—показать курфирсту майнцкому, чего можетъ послѣдній отъ него надѣяться. Такимъ образомъ «новый методъ» былъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, результатомъ придворной аудіенціи (2). Подобная же причина произвела ученый проектъ Лейбница о систематической переработкѣ свода римскихъ законовъ. Мысль о такой реформѣ полюбилась курфирсту, который мечталъ объ изданіи новаго кодекса. Отсюда возникло: «Ratio corporis juris reconcinandi» (3). «Новый методъ» сразу обратилъ на себя вниманіе и вызвалъ цѣлый хоръ неловкихъ похвалъ и еще болѣе неловкихъ опроверженій. Видно, что мѣткая рука сильного ученаго попала въ цѣль и расшевелила умственный застой современной науки. Но кто знаетъ: какъ долго пришлось бы ждать такого толчка отъ руки Лейбница безъ вышесказаннаго случайнаго обстоятельства. Замѣчаніе это нужно отнести и къ появленію такого капитальнаго труда, какимъ былъ «Codex J. G. Diplomaticus». Фонтенелль положительно утверждаетъ, что сюда вошли все матеріалы, которые были собраны, но оказались лишними для исторіи брауншвейгскаго дома (4). Абсолютное большинство юридическихъ трудовъ Лейбница имѣетъ форму писемъ и критическихъ замѣчаній. А между тѣмъ, чего нельзя было ожидать отъ ра ботъ подобнаго гениа, если бы имъ руководили болѣе всего объективныя цѣли и самобытные интересы науки? Мощная сила Лейбница, который и произвелъ образцовыя творенія, работая случайно и урывками (5),—мощная сила его

(1) *Introd. etc. Leibnitz, considéré comme Jurisconsulte.*

(2) *Jac. Bruckeri. Vita Leibn. etc. U. S. «Qui (Elector) ut intelligeret quid de eo (Leibn.) esset sperandum, specimen doctrinae edere constituit, quaeque de jurisprudentiae emendandae modo et ratione deque nova methodo in char-tam conjecerat... et inscribere nomini electori statuit. etc.»*

(3) Сравни. *Leibn. Op. Omn. T. IV. P. 234.*

(4) Il fit de son superflu un ample recueil, dont il donna le premier volume in folio en 1693 sous le titre C. J. G. D. (Eloge etc. P. XXIV).

(5) *Brevi scriptione*, по удачному выраженію Бруккера.

была способна сдѣлать несравненно болѣе въ юриспруденціи, какъ и во всякой другой наукѣ.

Здѣсь, кажется намъ, можетъ быть мѣсто глубокому сожалѣнію о жизненныхъ условіяхъ, окружавшихъ Лейбница. Одною энциклопедизма, который, безспорно, былъ въ природѣ великаго ученаго, недостаточно для объясненія отрывочнаго характера работъ его. Универсальное направленіе пришлось бы по плечу его гению, при болѣеи сосредоточенности на однихъ интересахъ науки. Но независимо отъ избытка научныхъ сокровищъ (1) существовали другія препятствія. Пусть скажетъ о нихъ собственное перо великаго ученаго. Куно Фишеръ помѣстилъ интересный отрывокъ изъ письма его, котораго мы не нашли въ подлинникѣ и гдѣ, между прочимъ, говорится слѣдующее: «Друзья мои побуждаютъ меня издать «науку безконечнаго», содержащую основы новаго моего анализа. Сюда же можно приобщить одну новую характеристику, надъ которою я работаю... Но всѣ эти труды, исключая историческихъ, производятся мною словно украдкою. При дворахъ ищутъ и ожидаютъ обыкновенно совѣтъ иныхъ вещей. Притомъ, по временамъ, приходится мнѣ разрабатывать вопросы по международному праву и по праву имперскихъ князей вообще и господина моего въ особенности... и т. д.» Такимъ образомъ, мы видимъ, что заказная работа отнимаетъ большую часть времени у Лейбница. Вспомнимъ, что историческій трудъ, о которомъ онъ упоминаетъ, есть исторія дома брауншвейгскаго. Гений является придворнымъ историографомъ и чиновникомъ!

Трудно видѣть и понимать такія явленія, не высказывая горячаго желанія о возможно-болѣеи рѣдкости ихъ повторенія. Благодаря подобнымъ причинамъ, гениальный человекъ какъ то умалывается, когда позднѣйшее время задаетъ себѣ вопросы объ общественномъ его значеніи. Благодаря имъ, терпятъ отчасти полнота и блескъ самой ученой его дѣятельности. Конечно, въ настоящее время, приговоръ надъ Лейбницемъ будетъ чуждъ то-

(1) *Inopem me copia facit*, говорилъ самъ Лейбницъ. — *Kuno-Fischer. Gesch. etc. 2 B. S. 27.*

го рѣзкаго и раздраженнаго тона, который долетѣлъ до насъ въ рѣчахъ его современниковъ (1). Но нѣтъ ни у кого права и возможности гасить или закрывать истину, гдѣ бы то нибыло, не взирая ни на какія послѣдствія ея обнаруженія. Теперь легче судить съ точки зрѣнія, которая такъ достойно проведена въ критическомъ воззрѣннн Куно-Фишера (2). Писатель этотъ былъ правъ, когда сказалъ, что отрицательныя стороны въ характерѣ Лейбница объясняются привычкою его жизни. Придворная и чиновная рутина вторглась даже въ независимый умственный мнръ, гдѣ великнй германецъ былъ такимъ полнымъ хозяиномъ. Тѣмъ крѣпче привязалась эта рутина къ слабымъ сторонамъ въ его личности и не оставила своей нравственной жертвы до тѣхъ поръ, пока не влила достаточнаго количества земной грязи въ ея богатое содержанне. Не нужно забывать, что грязь эта была искусно скрыта отъ Лейбница блестящими декораціями. Не многимъ изъ сыновъ земли удавалось внкнуть въ истину и предохранить себя отъ обмана въ подобннхъ случаяхъ. Можетъ статься, и старикъ Лейбницъ разглядѣлъ, наконецъ, тотъ миражъ, который увлекалъ его, и ради котораго потерялъ онъ такъ много дорогихъ часовъ своей жизни. Минуты горькаго сознанія могли приходнть къ нему послѣ тѣхъ «внушеній», которыя онъ долженъ былъ выслушивать, уже стоя у дверей гроба, отъ министра Бернсторфа (3). «Вы прекрасно сдѣлаете, милостивый государь, когда останетесь въ Ганноверѣ и начнете опять работы, вами прерванныя.» Такимъ языкомъ строгаго учителя говорили съ геніальнымъ старцемъ, передъ которымъ могли стать въ положенне школяровъ многіе ученые и дипломаты тогдашней Европы. Равнодушно встрѣтили смерть его при дворахъ и даже въ основанныхъ имъ академіяхъ. Одинъ Парижъ почтилъ память великаго ученаго плохимъ панегирикомъ (Eloge de Leibnitz par Fonte-

(1) Такъ Томазіи говорилъ, что Лейбницъ «allen Ketzermachern flattire.»

(2) K. Fischer. U. Supr. S. 24, 25. «Das Grosse in der Welt ist nie ohne das Kleine, am wenigsten in der menschlichen Individualität, und gerade in der charactervollen Eigenthümlichkeit sind die eminenten Tugenden stets von den verwandten Schwächen begleitet etc.»

(3) Ibidem. S. 65, 66.

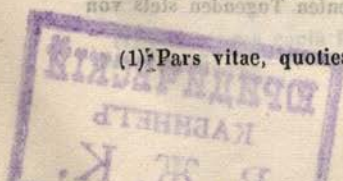

nelle). «На гробѣ Лейбница» — говоритъ К. Фишеръ — «стоитъ надпись, которая соотвѣтствуетъ его жизни (1)».

Но послѣ всего этого, невозможно отвергать поучительности самыхъ отрицательныхъ сторонъ въ жизненномъ поприщѣ Лейбница. Великое дѣло — нравственная свобода человѣка. Ее нужно беречь какъ лучшую святыню. Крупнымъ зломъ отозвучатъ въ этомъ случаѣ самыя невидныя, прямыя и косвенныя, посягательства. Простыя и давно извѣстныя истины эти должны быть твердымъ, непотрясаемымъ руководствомъ для людей во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. Счастливы тѣ общества и государства, гдѣ хранить и выполняютъ подобныя правила. Глубоко можно жалѣть о той средѣ, гдѣ мало дѣлать, гдѣ неосторожно задѣваютъ и топчутъ въ грязь свободную природу умственного и нравственного міра людей. Еще печальнѣе явленіе, когда общество умышленно растлѣваетъ лучшихъ дѣтей страны своей. Да избавитъ судьба отъ такого несчастія всѣхъ членовъ семьи человѣческой!

А между тѣмъ, въ такомъ — или почти въ такомъ — положеніи была Германія въ теченіе того періода, когда обозрѣли мы въ краткомъ очеркѣ общественное положеніе ея юристовъ. Если не было сознательнаго, систематическаго развращенія въ отношеніи къ Лейбницу, за то было систематическое гоненіе на всѣхъ тѣхъ талантливыхъ людей, у которыхъ не находилось примирительнаго направленія только-что названнаго ученаго. Выразительныя примѣры этого видѣли мы на предшествующихъ страницахъ настоящаго изслѣдованія. Можно, кажется, сказать, что страдали всѣ лучшіе люди между германскими юристами. Успѣхъ, или по-крайней мѣрѣ спокойствіе, покупались цѣною безхарактерности и уступчивости, равносильныхъ отсутствію убѣжденій. Лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ оказывалось, конечно, совершенное отсутствіе убѣжденій. За такими людьми всегда слѣдовала удача. Гордо указывая на нее суровымъ личностямъ въ родѣ Томазія, Ганса Зеккендорфа, Вольфа и Иог. Мозера, могли такіе лавреаты пристать къ ханжамъ и пустосвятамъ тогдашней Германіи. Ихъ

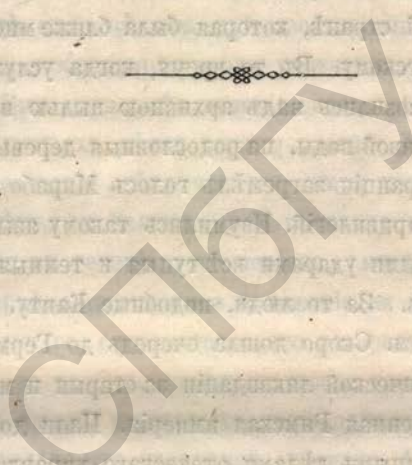
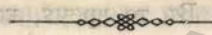
(1) Pars vitae, quoties perditur hora, perit.

охотно принимали въ фарисейскій хоръ, который твердилъ богохульственнымъ униссономъ библейскія слова: «Печетесь вы о многомъ. Мы же избрали часть, которая не отнимется отъ насъ.»

Нравственная и умственная духота стояла густымъ слоємъ въ Германіи XVIII ст. Съ половины его, едва началъ пробиваться лучъ свѣта, обѣщавшій лучшую будущность. За то въ общественной и политической сферахъ еще болѣе усилились старыя немощи, въ концѣ XVIII столѣтія. Нужна была гроза, чтобы очистить воздухъ отъ миазмовъ. Громъ не заставилъ ждать себя. Скоро началъ пугать онъ своимъ звукомъ потомковъ Арминія. Историческимъ судьбамъ угодно было накопить массу электрическихъ силъ въ той странѣ, которая была ближе многихъ другихъ къ лѣсу тевтобургскому. Въ то время, когда услужливые гелертеры германскіе возились надъ архивною пылью и крошили чернилами, вмѣсто живой воды, на родословныя деревья «именитыхъ семействъ»: во Франціи загремѣлъ голосъ Мирабо противъ аристократическихъ привилегій. Изумились такому языку,—задрожали передъ подобными ударами всѣ тупыя и темныя силы въ наукаѣ и въ обществѣ. За то люди, подобные Канту, съ участіемъ стали вслушиваться. Скоро дошла очередь до Германіи. Наступило время политической ликвидаціи за старыя и многія прегрѣшенія. Пала священная Римская имперія. Пали добрые герцоги, занятые многотрудными дѣлами отеческаго управленія. Пали съ ними вмѣстѣ и старыя юристы. Когда горизонтъ Германіи разчистился послѣ многихъ бѣдствій и волненій, явились новыя условія для политической, общественной и ученой жизни народа. Юриспруденція вышла на чистый воздухъ. Общее національное одушевленіе проникло и въ ея сферу. Обозначились свѣжіе вопросы, опредѣлились стремленія. Бойкая мысль Тибо прорѣзала, какъ стрѣла, горизонтъ науки и вызвала жизненное движеніе. Раздался спокойный, величавый голосъ Савиньи. Мысль пошла на мысль, и умственная борьба въ сферѣ юриспруденціи приняла, наконецъ, форму, до того времени невиданную въ Германіи. Вся нація съ интересомъ слѣдила за ходомъ ученой борьбы. И не мудрено: на знаменахъ борцовъ написаны были девизы, отъ которыхъ сильно бились сердца всѣхъ честныхъ патріотовъ. Дѣ-

ло шло о юридической зрѣлости народа. Приходилось рѣшать вопросъ о достоинствѣ всего прошедшаго въ юридическомъ развитіи даровитаго и многочисленнаго племени. Нужно было выбирать между своимъ законодательствомъ и кодексомъ чуждаго, ненавистнаго, только-что изгнаннаго узурпатора. Историческая и не-историческая школа открыли собою новый, блестящій періодъ въ германской юриспруденціи. Но со вступленіемъ ихъ на сцену предположенъ былъ конецъ нашему изслѣдованію.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Долгій путь совершили мы съ юристами и ихъ методами на страницахъ этого изслѣдованія. Начиная его, поставили мы нѣсколько вопросовъ (см. стр. XXIV, введене); теперь, оканчивая работу, можно дать на нихъ отвѣты въ формѣ заключительныхъ выводовъ.

Выше было сказано, что ученія школы вообще могутъ быть необходимыми и полезными явленіями (см. стр. XXIII, введене). Теперь, кажется намъ, есть основаніе отнести это замѣчаніе въ частности, къ школамъ римскаго права въ западно-европейской юриспруденціи. Ученія школы римскаго права были необходимы здѣсь въ силу неотразимаго историческаго вліянія. Связь съ древнимъ Римомъ была могущественна, не смотря ни на какія потрясенія. Есть мнѣніе, что до XIII столѣтія экономической и общественной жизнь итальянцевъ, особенно римлянъ, хранили ослабѣвшій, но не потерявшійся первообразъ свой (1). Известно также, что изъ всѣхъ обломковъ разбитаго колосса наиболѣе цѣльнымъ оказалось римское законодательство. Здѣсь сосредоточено было все могущество римскаго духа; здѣсь осѣли особенно - правильными слоями результаты главной исторической работы этого народа.

(1) Сравни. Niebuhr, Geschichte der Römischen Alterthümer, S. 16.

„Изъ всѣхъ знаній, которыми удовлетворялись умственные стремленія новыхъ народовъ, говоритъ Мэнъ⁽¹⁾, нѣтъ ни одного предмета, кромѣ естествовѣдѣнія, который бы не былъ процѣженъ (filtered) черезъ науку римскаго права.“ Въ самомъ дѣлѣ, идя вверхъ по теченію идей, авторъ открываетъ связь римскихъ ученій о контрактѣ (особенно о соотношеніи правъ и обязанностей) съ новѣйшими философскими теоріями. „Теорія общественнаго договора (Contrat social), говоритъ онъ, поднята была до такой высоты страстями политическими; но весь сокъ ея заимствованъ изъ юридическихъ умозрѣній“⁽²⁾. Кромѣ того, нравственная философія, не говоря уже о наукахъ естественнаго и международнаго права, принимаетъ въ себя цѣлыя ученія или терминологію и діалектику римскихъ юристовъ. Вліяніе римскаго права пошло еще далѣе: оно коснулось теологіи—наиболѣе независимой и даже всемогущей науки, въ средніе вѣка, на западѣ. По мнѣнію Мэна и другихъ ученыхъ⁽³⁾, римская юриспруденція сообщила особенный, практическій оттѣнокъ метафизическимъ задачамъ западныхъ теологовъ. Ихъ занимали вопросы: о природѣ и наслѣдственности грѣха, объ очищеніи, а болѣе всего—о свободѣ воли въ человѣкѣ и объ отношеніи ея къ божественному промыслу. Остроумный анализъ англійскаго ученаго указываетъ на близкую связь этихъ вопросовъ, по формѣ и содержанію, съ теоріями римскихъ юристовъ: о наказаніяхъ, объ обязательствахъ, возникающихъ изъ договоровъ и преступленій, о долгахъ, о наслѣдственности ихъ и нѣкотор. друг. „Всякій, кому извѣстны эти ученія римскаго права, говоритъ Мэнъ, навѣрное опредѣлитъ: откуда явилось родственное имъ направленіе

(1) Main, Ancient Law. London. 1861. P. 340.

(2) Ibidem. P. 308, 309.

(3) Ср. Ibidem. 356, 357.—Milman's Latin Christianity.

въ умѣ богослововъ“. Вліяніе Аристотеля и греческой метафизики въ теченіе среднихъ вѣковъ не пересилили юридическаго элемента въ западной теологіи. Въ эпоху реформаціи элементъ этотъ въ одинаковой степени обнаружился въ ученіяхъ Арминія и Кальвина.

Не безъ цѣли остановились мы на этихъ любопытныхъ сближеніяхъ, гдѣ такъ живо и наглядно представляется могущество римскаго юридическаго преданія. Они бросаютъ нѣсколько косвенныхъ лучей свѣта на далекій фактъ возрожденія римской юриспруденціи, которое такъ поэтически сравнилъ съ восточнымъ сказаніемъ о скрытомъ геніѣ часто увлекающійся, но всегда симпатичный и даровитый Герингъ (1).

Въ самомъ дѣлѣ, какъ могла замереть, въ родственной средѣ ново-европейскаго положительнаго права, та сила, которая вызвала или обуславливала живыя явленія, чрезъ многія столѣтія, въ смежныхъ и даже чуждыхъ ей областяхъ? Томасъ Аквинскій и Модестинъ, Ж. Ж. Руссо и Ульпіанъ: вотъ какія имена соединяются въ одну неразрывную цѣпь тонкою и зачастую презираемую нитью римскаго юридическаго преданія! Странною, почти парадоксальною, кажется такая поляризація римской мысли въ густыхъ слояхъ обще-европейской исторіи!

Но кто рѣшится послѣ этого сказать, что связь тѣхъ же Модестина и Ульпіана съ Ирнеріемъ, Буяціемъ, Цазіемъ, Ванверсугомъ и мн. друг. заключаетъ въ себѣ менѣе органической крѣпости, менѣе исторической необходимости? Сила, которая незамѣтно направляла въ извѣстную сторону работы гордыхъ канониковъ и которая послужила, по удивительному закону отраженія мысли, цѣлямъ новѣйшаго радикала-философа: такая сила

(1) Cp. Geist des Römischen Rechts. 1 B. S. 7.

могла одолѣть скромныхъ людей въ родѣ Бульгаруса, Мартина Гозіа и даже самаго Куяція. Простительно было первымъ двумъ подкрѣплять благоговѣйнымъ: „ita scriptum est“ различныя положенія въ римскомъ кодексѣ. Законно было для послѣдняго увлекаться до ученаго пристрастія классическомъ достоинствомъ права римскаго. Война и схоластическія мечтанія поглощали дѣятельность большинства въ средневѣковомъ обществѣ. Грубая сила и высрещенія, мертворожденныя умствованія были господствующими явленіями. А между тѣмъ умъ человѣческой нуждался въ здоровой пищѣ, въ положительномъ знаніи. Гдѣ было искать ихъ? Въ математикѣ? Но наука эта была лучше извѣстна, въ ту пору, ненавистнымъ послѣдователямъ ислама, страшнымъ пришельцамъ изъ Африки. Въ естествовѣдѣніи? Но оно путалось въ сѣтяхъ греко-арабской метафизики и жило въ подземельяхъ алхимиковъ. Въ медицинѣ? Но она тоже шла схоластическимъ путемъ за арабскими учеными, а здоровый, опытный методъ долженъ былъ вынести тѣ невзгоды и трудности, которыя нашли, гораздо позже, свое типическое выраженіе въ судьбѣ знаменитаго Везалія. Вообще можно положительно и безпристрастно сказать, что римское право было самымъ практическимъ и здоровымъ продуктомъ человѣческой мысли въ ту пору, когда европейскіе народы стали ощущать въ себѣ жажду знанія. Эпоха возрожденія, съ глубокою ненавистью къ отживавшему феодализму, съ такимъ же чувствомъ къ началу теократическому, могла только усилить умственное тяготѣніе къ обильному источнику государственныхъ и юридическихъ идей въ римскомъ кодексѣ. Сильно было убѣжденіе тѣхъ людей, которые держали въ рукахъ, въ указанныя эпохи, нить римскаго преданія. Но всякая сила требуетъ для себя дѣятельности; ей нужны орудія, нужны средства къ развитію. Ученныя школы римскаго права, какъ др-

ганъ юридической пропаганды, были необходимы при подобныхъ условіяхъ.

До сихъ поръ говорили мы о возникновеніи ученыхъ школъ съ точки зрѣнія теоретическаго, если можно такъ выразиться, кабинетнаго отношенія ихъ къ праву римскому. Но едва ли можно здѣсь ограничиться такимъ воззрѣніемъ. Гдѣ рѣчь идетъ о положительномъ правѣ, тамъ естественно возникаетъ соображеніе интересовъ практическихъ. Юридическая норма есть сила общественная по преимуществу; ей необходимъ безпрепятственный выходъ въ прирожденную сферу свою—въ міръ практической.

Намъ кажется, что и съ этой стороны ученія школы римскаго права могутъ найти для себя объясненіе и оправданіе.

Не безъ практической причины и цѣли схватились за него представители юридическаго сознанія на западѣ Европы. Изъ-за теоретическаго увлеченія ихъ проглядываетъ, въ большинствѣ случаевъ, практическое основаніе. Въ Италіи создаются муниципіи; крестовые походы вызываютъ торговлю, развиваютъ массу интересовъ экономическихъ. Ирнерій и школа его обрабатываютъ такое право, которое давало безконечно-болѣе формъ для новыхъ явленій, чѣмъ коренные законы и обычаи Остъ-Готовъ или Лонгобардовъ. Во Франціи завязывается борьба общинъ и государственныхъ интересовъ съ феодальными началами. Параллельно съ этими событіями являются юридическіе памятники въ родѣ „*Conseil de Pierre Desfontaines*“, „*Livre de la reine Blanche*“, „*Livre de Justice et de Plet*“ и т. п. Государственное начало торжествуетъ окончательную побѣду надъ феодализмомъ и теократіей. Наука римскаго права развивается блестящею школою Донелла и Куяція. Такимъ образомъ, можно сказать, что работы юристовъ, занимавшихся римскимъ правомъ, были вызваны и обусловлены одинаково-сильными требованіями теоріи и практики. Умственный и матеріальный прогрессъ европейскихъ

обществѣ имѣлъ сильнымъ двигателемъ своимъ римское юридическое преданіе. Думаемъ, что вліяніе юристовъ нигдѣ не прошло безслѣдно. Всюду принесло оно свою долю исторической пользы, не исключая самой Германіи, гдѣ—какъ извѣстно—до послѣдняго времени раздавались жалобныя и непріязненные клики германистовъ противъ романистовъ. Оставляя въ сторонѣ крайнія воззрѣнія, которыя недавно еще имѣли весьма рѣзкихъ представителей въ юридической литературѣ [1], можно придти въ настоящемъ случаѣ къ среднему и—кажется намъ—болѣе справедливному выводу.

Германское плѣмя обязано римскому праву тѣмъ же самымъ, что дало оно племени романскому. Вліяніе это вызвано было однородными причинами и направилось въ практическую жизнь сходными и близкими каналами. И здѣсь романисты помогли, на сколько это было возможно, дѣлу государственнаго соединенія. И здѣсь, какъ въ Италіи и во Франціи, легисты стали за начало политической независимости государства, въ эпоху борьбы свѣтской власти съ папою. И здѣсь городскія общины нуждались въ римскомъ правѣ для развитія экономическихъ и торговыхъ интересовъ своихъ. Ослабленіе политическаго разъединенія и сословныхъ неравенствъ были заслугою, которую признають за романистами строгіе, но честныя и знающіе судьи изъ противоположнаго лагеря (2). Встрѣчаются мнѣнія весьма солидныхъ ученыхъ, которые не отвергають вліянія римскаго права на закрѣпленіе и развитіе кореннаго стремленія германской и романской національностей до степеня ясно-сознаннаго принци-

(1) Мы разумемъ здѣсь сочиненія: Schmidt, Principieller Unterschied zwischen d. röm. und germ. Rechte. 1853. Einleitung. 1—26. Lenz, Die Geschichtliche Entstehung des Rechts etc. 1854. Сравни. стр. 82 и особ. 259.

(2) Сравни. Beseler Volks und Juristen-Recht. S. 41.

на гражданской свободы (1). Общее мѣсто, будто римское право вносило за собою отягченіе деспотизма всюду, куда ни простиралось его вліяніе, встрѣчаетъ сильныя фактическія опроверженія на новой почвѣ. „Въ Американскихъ Штатахъ, говоритъ Мэнъ (2), юриспруденція которыхъ основана на романизированномъ кодексѣ Луизианы, участь негра-невольника во многихъ отношеніяхъ сноснѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ соотвѣтственныя учрежденія сложились подъ вліяніемъ англійскаго Common-Law. Новыя изслѣдованія надъ этимъ послѣднимъ правомъ показали, что рабъ постоянно признавался здѣсь за особый видъ движимаго имущества (Chattel)“.

Но римское право провело менѣе спорныя и болѣе замѣтныя борозды на юридической почвѣ западно-европейскихъ обществъ. Переработка имущественнаго права изъ феодальнаго въ строго-вещное, съ усиленіемъ значенія движимыхъ имуществъ въ гражданскомъ оборотѣ, съ возможнымъ ограниченіемъ крѣпостныхъ отношеній и регалій; пополненіе системы права прививкою новыхъ и развитіемъ старыхъ, коренныхъ учреждений; вообще разработка экономическаго права въ видахъ разнообразныхъ интересовъ, основанныхъ на личной и имущественной свободѣ: вотъ какіе слѣды въ жизни націй оставались повсюду за школами ученыхъ романистовъ. Безграничное поле политическихъ, философскихъ, юридическихъ и экономическихъ работъ открыто теперь для европейскихъ народовъ. Изъ нихъ многіе совершили уже великіе, вполне самобытные труды на этихъ поприщахъ. Но немногіе изъ историческихъ народовъ западной Европы придумали вполне самостоятельныя и радикально-новыя формы граж-

(1) Ahrens. Juristische Encyclopädie. S. 354. Сравни. Röder. Grundgedanken und Bedeutung des Römisch. und Deutschen Rechts. S. 36—43.

(2) U. S. P. 166.

данской жизни. Гражданскія отношенія могутъ быть сведены въ нѣсколькимъ основнымъ пунктамъ, къ немногимъ „ключевымъ позиціямъ“ у всѣхъ прогрессивныхъ народовъ. „Какъ бы не мѣнялись грани, отдѣляющія одно право отъ другаго, отличнаго по объекту, говоритъ Мейеръ⁽¹⁾, можно рѣшительно сказать, что дѣленіе права по объекту на три вида будетъ существовать всегда: быть можетъ, нынѣшнія наши вещныя права замѣнятся впоследствии правами на дѣйствія, но вещныя права все-таки будутъ существовать всегда, напр. право собственности, въ какомъ бы то ни было видѣ; быть можетъ многія наши права на лицо замѣнятся со временемъ правами на дѣйствія. Но можно утверждать, что нѣкоторыя права на лицо основываются на природѣ человѣка и удержатся, пока не измѣнится радикально образъ мыслей человѣка, самое устройство его духа, напр. право родителей на лицо дѣтей.“ И такъ, гражданскій бытъ европейскихъ народовъ можетъ развиваться только въ предѣлахъ извѣстныхъ граней, установленныхъ природою общества и человѣка. Но грани эти были уже ясно указаны юридическимъ гениемъ римскаго народа. Юриспруденція ихъ оставила въ этомъ отношеніи богатый запасъ идей, провѣренныхъ опытомъ, и опытовъ, внушенныхъ свѣтлою, не рѣдко философскою и часто гуманною идеей. Истину этого можетъ доказать исторія преторскаго права отъ первой до послѣдней страницы своей. Фундаментъ западно-европейскихъ обществъ во многихъ мѣстахъ связанъ крѣпкимъ цементомъ права римскаго. Годится ли этотъ фундаментъ и долго ли простоятъ онъ, про то скажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, въ возведеніи этого фундамента приложена была сильная доля труда со стороны ученыхъ юристовъ. Здѣсь обще-историческое, исполнѣ практическое значеніе работъ и школъ ихъ.

(1) Русское гражданское право. Стр. 282.

И такъ практическая сторона въ ученыхъ школахъ римскаго права есть фактъ, который доказывается исторіею. Но есть еще одна точка зрѣнія, съ которой работы этихъ заброшенныхъ педантовъ съ латинизированными именами могутъ представлять постоянный интересъ не только для юристовъ, но и для образованныхъ людей всѣхъ временъ и націй.

Для юристовъ важно оно тѣмъ внутреннимъ процессомъ своего постепеннаго, вѣковаго созиданія, о которомъ такъ много было говорено и такъ немного сказано послѣ глубокихъ замѣчаній великаго романиста Савиньи. Трудно найти юриста, котораго бы не занялъ любопытный и единственный примѣръ правильнаго, органическаго, тысячелѣтнаго развитія самой законченной системы права въ исторіи человѣчества. Правотворящая сила римскаго народа опирается на всѣ источники, отъ которыхъ зависятъ полнота, внутреннее и вѣдшее достоинство системы юридической. Едва ли можно найти другое историческое право, которое было бы такъ богато общими началами, принципами, какъ изобиловало ими римское право, въ самую раннюю эпоху своего развитія. Едва ли представится скоро другая юриспруденція, гдѣ глубокое уваженіе юристовъ къ общимъ началамъ, къ теоретическимъ основаніямъ, будетъ до такой степени стройно и органически согласовано съ требованіями политической и общественной жизни. Не легко также достигнуть того умѣнья подчинить практическіе, адвокатскіе успѣхи интересамъ объективной истины, какъ замѣчаютъ это нѣкоторые писатели у римскихъ юристовъ. Оттого-то не потерялись послѣдніе въ заоблачномъ эфирѣ схоластическихъ умозрѣній. Оттого-то, съ другой стороны, твердо правили они рулемъ юридической мысли; когда приходилось ей выдерживать напоръ или сопротивленіе бесчисленныхъ волнъ моря житейскаго. Строгимъ, правильнымъ методомъ вели они работы свои. Методъ этотъ построенъ былъ на

простыхъ истинахъ; но въ простотѣ такой говорило само здравомысліе. Если бы римскому правовѣду пришлось наставлять юриста позднѣйшаго, онъ указалъ бы послѣднему на необходимость ясныхъ и твердыхъ понятій. По его мнѣнію, вѣроятно, нужно было бы вести всю работу отъ простаго и основнаго къ сложному и производному. Приходить къ общимъ и отвлеченнымъ положеніямъ только по внимательномъ изученіи частныхъ явленій. Не останавливаясь на одной формѣ, идти въ глубь живаго юридическаго отношенія. Пусть правило, которое будетъ управлять послѣднимъ, отразитъ на себѣ сознание юриста о томъ, что ему приходится имѣть дѣло съ закономъ для свободной воли существа, одинаково способнаго къ добру и злу. Пусть право каждаго народа остается прежде всего его собственнымъ, національнымъ правомъ; но да избавитъ его судьба отъ забвенія о правѣ другихъ народовъ. Наконецъ, гражданскій смыслъ (*ratio civilis*) можетъ создать прочное зданіе, помня и по возможности выполняя требованія естественнаго закона (*ratio naturalis*).

Въ связи съ нормальностію и историческою достовѣрностію внутренняго развитія римскаго права находится причина, по которой можетъ оно интересовать не однихъ специалистовъ. „Долголѣтняя исторія его, говоритъ Мэнъ, представляетъ, отъ начала до конца своего, послѣдовательное движеніе къ лучшему, или къ тому, что считали лучшимъ лица, имѣвшія вліяніе на измѣненіе права.“

Въ чемъ же обнаружилось то свойство римскаго права, на которое указалъ въ своемъ мнѣніи англійскій ученый.

Намъ кажется, что прогрессивность есть такое явленіе, которое замѣтно обозначается на первыхъ страницахъ въ исторіи права римскаго. Суровъ юридическій бытъ въ эпоху закона XII таблицъ. Жена, дѣти, всѣ члены семейства вкованы въ раму крѣпкаго, нерасторгаемаго союза. Рабы—вещь, которая состав-

ляютъ интегральную часть дома (Familia), подчиненнаго священной власти (majestas) отца семейства. Иностранцы являются безправными (Adversus hostes aeterna auctoritas). — Но здѣсь нѣтъ дѣленія на касты, которое до сихъ поръ тяготѣетъ, точно историческое проклятіе, въ жизни общества, бывшаго колыбелью всѣхъ европейскихъ народовъ. — Но идея римскаго брака принимаетъ въ себя нравственный элементъ (consortium omnis vitae), тогда какъ въ положительныхъ законодательствахъ и въ утопіяхъ древней Греціи бракъ разсматривается съ точки зрѣнія размноженія благородной расы по преимуществу. Римляки никогда не были такими безличными существами, какъ женщины свободныхъ Афинъ, гдѣ жизнь ихъ возвышалась надъ уровнемъ ничтожества, быть можетъ, только тогда, когда входили онѣ въ роль Фринъ и Аспазій. Самые древніе законодатели окружали почетомъ римскую матрону внѣ домашняго очага, гдѣ владовала надъ нею безусловная воля агната⁽¹⁾. — Однако-во-сурово было рабство на востокѣ, въ Греціи и въ Римѣ. Но не одинаково-часты были выходы изъ неволи; не равно было положеніе отпущениковъ въ Греціи и въ Римѣ. „Рабство — говорятъ римскіе юристы въ пандектахъ — есть своего рода смерть для человѣка; напротивъ, свобода составляетъ неоцѣненное благо; ничего нельзя предпочесть ему, и потому, въ случаѣ сомнѣній о законной силѣ освободительнаго акта, слѣдуетъ рѣшать дѣло въ пользу свободы.“ И еще: „Нужно считать свободнорожденнымъ того отпущеника, который опирается на судебное рѣшеніе, потому что судебное рѣшеніе есть истина“⁽²⁾. Въ де-

(1) Laurent. Histoire du droit des gens. T. 3. P. 292.

(2) Сравни. Dubois-Guchan. Tacite et son siècle etc. P. 316. Заботливое стремленіе обезпечить свободу человѣческой личности объясняетъ нѣсколько изворталивое построеніе втораго изъ приведенныхъ нами положеній. Любопытнѣе обличеніе его, по духу и направленію, съ тою статьею отечественнаго нашего евода, гдѣ свобода отъ крѣпостной зависимости, полученная въ силу однажды

моративескихъ Аѳинахъ смотрѣли на безправнаго отпущенника также гордо и презрительно, какъ глядятъ теперь въ Америкѣ на свободнаго, но цвѣтно-кожаго человѣка. Въ аристократическомъ Римѣ отпущенникъ получалъ, при извѣстныхъ условіяхъ, право гражданства. — Наконецъ, въ самую отдаленную эпоху, не было здѣсь ни того непобѣдимаго отчужденія, ни того глубокаго презрѣнія въ отношеніи иностранцевъ, какъ замѣчается это у другихъ историческихъ народовъ древняго міра. „Вѣчная вражда“ противъ чужеземцевъ въ законѣ XII таблицъ замѣняется такою юридическою формулою, гдѣ находится мѣсто для дружественныхъ отношеній и договоровъ (1). — Образованному греческому писателю, историку Діонисію Галикарнасскому, суровый и деспотическій, по нашимъ понятіямъ, Римъ казался „всемирнымъ и филантропическимъ городомъ“ (2). Многознаменательное и интересное явленіе! Видно здѣсь на самомъ дѣлѣ привольяе было дышать, чѣмъ въ другихъ античныхъ обществахъ, всякому пришельцу; безъ различія національности, а отвергать въ такомъ явленіи положительный успѣхъ для человѣчества можетъ одно систематическое пристрастіе. „Греки видѣли въ цѣломъ свѣтѣ одну Грецію, въ Греціи — Ахаію, въ Ахаіи — Аѳины,“ говоритъ Дюбуа-Гюшанъ (3). „Самыя Аѳины, казалось, существовали только въ нѣкоторыхъ частяхъ и семействахъ города. Александръ, который открылъ Грекамъ міръ, былъ для нихъ македонянинъ, варваръ, не болѣе. Но въ римскомъ духѣ жило симпатичное и широкое начало, которое было необходимо для управленія міромъ.“

состоявшаго рѣшенія, не можетъ быть потеряна, не смотря ни на какіе легальные пробѣлы въ актахъ, на которыхъ основанъ былъ приговоръ объ освобожденіи.

(1) Мы разумѣемъ здѣсь извѣстный законъ: «Si cum gente aliqua etc.»

(2) Laurent, 3 V. P. 275.

(3) Dubois-Guchan, U. S. P. 300.

Всякій, кому извѣстна римская исторія, вполне согласится, что юриспруденція играла самую видную роль въ сообщеніи такого направленія гражданственности своего народа. Никто не дѣлилъ такъ высоко рациональныхъ началъ и общихъ законовъ, управлявшихъ сходными явлениями юридической жизни у различныхъ народовъ, какъ римскіе юристы. Потому римское право не замерло въ одной неподвижной формѣ, подобно многимъ другимъ законодательствамъ древняго міра, не смотря на то, что и въ Римѣ обычай (*mos majorum*) былъ великою консервативною силою, которая, казалось, могла бы остановить движеніе. Здѣсь великая заслуга римскихъ юристовъ предъ человечествомъ.

„Въ лѣтописяхъ римскаго права—говоритъ Мэнъ⁽¹⁾—имѣемъ мы самую полную исторію распада архайческой системы и образованія новыхъ юридическихъ учреждений.“ Въ любопытномъ процессѣ этомъ замѣчаетъ Мэнъ одно преобладающее явленіе. Семейная и родовая зависимость постепенно слабѣетъ, а взамѣнъ ея выступаетъ начало автономическихъ, лично-обязательныхъ отношеній. „Вездѣ отдѣльное лицо заступаетъ мѣсто семейства и становится общественною единицею, которая берется въ соображеніе закономъ.“ — „Не трудно замѣтить—продолжаетъ ученый авторъ—что именно составляетъ ту связь между человекомъ и человекомъ, которая замѣняетъ собою мало-по-малу древнюю систему правъ и обязанностей, коренящихся на почвѣ строго-семейнаго начала. Это звѣно есть договоръ (контрактъ). Такимъ образомъ, отираясь отъ того предѣла въ исторіи человечества, гдѣ всѣ отношенія сведены къ понятію семейства, мы подвигаемся къ такому порядку, гдѣ всѣ юридическія отношенія возникаютъ изъ свободнаго соглашенія отдѣльныхъ лицъ.“

(1) Main. U. S. P. 168 etc.

Таково историко-философское значеніе внутренняго процесса, который пережить былъ римскимъ правомъ въ тысячелѣтній періодъ его существованія. Исторія правъ: личной власти, правъ имущественныхъ и обязательствъ создается подѣ вліяніемъ двухъ коренныхъ идей: освобожденія и уравненія гражданской личности въ обществѣ. Въ исходномъ пунктѣ римской юриспруденціи стоятъ такія учрежденія, какъ искусственная организація семейства (Agnatio), привилегированная собственность (Ex jure Quiritium) и, стѣспительная для правильнаго экономическаго оборота, классификація имуществъ (Res Mancipi et nec Mancipi). Договоръ существуетъ; но въ немъ преобладаетъ суровая формалистика ституляціи (spondes-spondeo). Право убивать и продавать дѣтей,—неограниченная опека надъ совершеннолѣтними женщинами были логическими послѣдствіями вышеуказанныхъ учрежденій. Въ концѣ юридическаго развитія римлянъ удержался только одинъ старый принципъ отцовской власти, ограниченный понятіемъ естественнаго родства (cognatio) и положительными законами. Опека надъ женщинами была вычеркнута изъ кодекса подѣ вліяніемъ юристовъ, которые отвергали разумное основаніе въ такомъ учрежденіи для существъ, способныхъ быть супругами римскаго гражданина (1). Вліяніе преторовъ и ловкое изобрѣтеніе бонитарной собственности подкпало искусственную классификацію имуществъ вмѣстѣ съ древнимъ вещнымъ правомъ квинитовъ. Въ систему договоровъ вошло ученіе о свободной волѣ участвующихъ сторонъ, независимо отъ совершенія архаическихъ обрядовъ. Далекі между собою во

(1) Gai. «Feminas vero perfectae aetatis in tutela esse, fere nulla pretiosa ratio suasisse videtur.» Сравни. Laurent. U. S. P. 296. Dubois-Guchan (U. S. P. 319) приводитъ опредѣленіе женщины въ Дигестахъ по Ульпіану и совершенно справедливо отказывается передать цѣломудренную энергію выраженія: «virgo viripotens» у великаго юриста.

времени крайнія точки этого сравненія; но не менѣе далеки другъ отъ друга соотвѣтствующія имъ учрежденія и понятія. Прогрессивность науки и положительнаго права, прошедшихъ путь между такими полюсами мысли, есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Значенія этого факта не ослабляетъ и то обстоятельство, что горизонтъ прогрессивныхъ идей и учрежденій главнымъ образомъ опредѣленъ былъ понятіемъ римскаго гражданина. Для успѣховъ челоуѣчества важно и то, что идеи эти могли вкорениться и получили практическую силу на ограниченномъ поприщѣ. Всякое развитіе начинается отъ зародыша. Людямъ всѣхъ вѣковъ и народовъ приходилось отправляться отъ малыхъ величинъ и достигать взрощенія послѣднихъ цѣною долгихъ усилій, жертвъ и страданій. Вездѣ эксплуатація челоуѣка челоуѣкомъ имѣла значеніе господствующаго явленія. Вездѣ были рѣдки исключенія изъ этого печальнаго правила. Давно-ли разсились по лицу христіанской Европы яростныя рѣчи защитниковъ крѣпостнаго права? Давно-ли въ доводахъ этихъ партизановъ неволи слышались понятія, близкія къ тѣмъ, которыя заклеимены сатириками античнаго эгоизма и языческаго своекорыстія? Не приходится челоуѣку XIX столѣтія читать съ фарисейскимъ самодовольствіемъ сарказмы Ювенала (о *demens! ita servus homo est?*) Оглядѣвшись вокругъ себя, онъ легко отыщетъ рѣзкіе и часто возмутительные слѣды того архаическаго быта, въ который брошенъ былъ первый камень римскою юридическою мыслию. Въ то время, когда римскія матроны распинали, по пустому капризу (*sit pro ratione voluntas*) рабовъ своихъ: жалкихъ людей этихъ защищали, вездѣ гдѣ могли, императорскіе чиновники и юристы⁽¹⁾. А сколько найдется теперь

(1) См. Laurent. 3 V. P. 304 ссылку на Walter's Geschichte des Römischen Rechts. Сравни у Dubois-Guchan'a извлеченія изъ пандектовъ: опредѣленіе раб-

образованныхъ легистовъ въ демократической Америкѣ, которые будутъ всѣми силами возставать противъ примѣненія основнаго начала согласительныхъ договоровъ къ отношеніямъ черныхъ невольниковъ и плантаторовъ? Очень можетъ быть, что римское учрежденіе „*Emphytheusis*“ не показалось бы особенно отстадымъ въ сравненіи съ теперешнимъ состояніемъ американскаго права на трудъ негритянскій.

Всѣ эти соображенія даютъ нѣкоторое право заключать о возможности интереса въ изученіи римскаго права для каждаго образованнаго человѣка, хотя-бы и не юриста.

Извѣстно то воззрѣніе, которымъ опредѣляется теперь отношеніе государства къ личности каждаго гражданина. Разнообразныя вліянія совершенно измѣнили теорію построенія государственной пирамиды. Личность человѣка, которая задавлена была фундаментомъ политическаго зданія, стоитъ теперь неприкосновенно. Обезпечить свободное и всестороннее развитіе лица въ обществѣ сдѣлалось первымъ словомъ въ наукѣ, главнымъ дѣломъ въ политической практикѣ. Гдѣ и откуда взялись эти стремленія? Указывая на нихъ, говоря о всемірно-исторической роли германскихъ народовъ и христіанства, не нужно забывать связи послѣднихъ съ тѣми явленіями, которыя опередили ихъ во времени. Римъ достигъ въ своей цивилизаціи освобожденія гражданина отъ архаическихъ цѣпей, которыми опутано было его развитіе. Римъ разсыпалъ обильною рукою права полнаго гражданства, по лицу всего извѣстнаго тогда свѣта. А кто говоритъ о римскомъ гражданствѣ, тотъ долженъ помнить о со-

ства (стр. 313) и гуманныя постановленія объ имуществѣ преступниковъ, объ отерочкѣ наказанія для беременныхъ преступницъ и о свободѣ дѣтей, рожденныхъ такими женщинами (стр. 316, 317). Извлеченія эти очень любопытны, они сильно отражаютъ обвиненія въ безусловной жестокости всего римскаго, не исключая юриспруденціи.

ответственномъ ему понятіи полнѣйшей автономіи въ сферѣ частныхъ отношеній. Трудно опредѣлить, на сколько именно помогла развитію и вкорененію новаго политическаго порядка эта идея о полноправномъ гражданствѣ въ государствѣ. Но не легко также доказать, что нравственная сила римскаго преданія о достоинствѣ гражданина не имѣла ни какого вліянія на развитіе автономическихъ стремленій иного рода, въ ново-европейскомъ государствѣ. Феодалные бароны приобрѣли себѣ славу самыхъ энергическихъ представителей личной свободы, въ противоположность подавляющей централизаціи древняго государственнаго порядка. Но тѣ-же самые бароны горделиво украшали себя титулами „патриціевъ“ на всѣхъ актахъ и грамотахъ, гдѣ нужна была ихъ подпись. Видно, доблестные защитники личнаго начала не слѣдовали безусловному осужденію всего, что шло отъ римскаго Назарета. И точно, не одну эпоху Нероновъ и Калигулъ переживали ветхія стѣны Капитолія. Не одну семейную и экономическую автономію осуществляли граждане Рима. На форумѣ и съ кафедръ сенатскихъ ораторовъ слышались не однѣ рабскія, подобострастныя рѣчи. Древній Римъ оставилъ еще инныя преданія позднѣйшему человечеству; и нельзя сказать, чтобы послѣднее не пользовалось ими—часто не входя глубоко въ смыслъ ихъ—на различныхъ ступеняхъ своего развитія. По силѣ историческихъ судебъ, извѣстное положеніе римскаго юриста Ульпіана (*omnes homines natura aequales sunt*) стоитъ въ заголовкѣ средневѣковой грамоты, гдѣ король (Louis Hutin) отпускалъ на волю рабовъ своихъ,—въ американской деклараціи 1774 и на многихъ актахъ учредительнаго собранія 1789 года⁽¹⁾. Неужели во всемъ этомъ царствовали одинъ слѣпой слу-

(1) Сравни. Laferrière, Hist. des Principes etc. de la Révol. Française. P. 18, 124 и слѣд.

чай, и не было ни малѣйшей доли того, что называется преемственной связью идей между различными человѣческими поколѣніями? Вотъ вопросъ, въ сжатой формѣ котораго выражается живой интересъ римскаго права для образованныхъ людей вообще, безъ различія специалистовъ отъ не-специалистовъ.

Ради всего этого, да позволено будетъ не осуждать за бесплодную работу все тѣ школы юристовъ, которыя слѣдуютъ одною непрерывною нитью отъ среднихъ вѣковъ до конца XVIII столѣтія. Думаемъ, что связь между ними по методу достаточно полно указана на страницахъ настоящаго изслѣдованія. Экзегеза глоссаторовъ идетъ въ разработкѣ права до самаго Савиньи. Есть основаніе утверждать, что каждая предшествующая школа подготавливаетъ и обусловливаетъ появленіе и развитіе школы позднѣйшей. Школа глоссаторская обращается къ римскому праву подъ вліяніемъ неудержимаго, почти инстинктивнаго влеченія. Ясно, что при такомъ отношеніи къ матеріалу знанія возможна только догматическая разработка послѣдняго. Узнать волю и мысль законодателя, въ буквѣ даннаго имъ правила: такова конечная цѣль экзегезы. Но дѣло въ томъ, что экзегеза глоссаторовъ направлена была къ историческому матеріалу. Догматическіе приемы приложены были къ такому праву, котораго нельзя было, собственно говоря, узнать, не присмотрѣвшись къ процессу его развитія. Такимъ образомъ, самые первые шаги европейской юриспруденціи направили ее по такой дорогѣ, гдѣ не возможно было идти впередъ, не освѣщая своего пути историческимъ изученіемъ. Паденіе трезваго глоссаторскаго метода, злоупотребленія и ученое безплодіе въ школахъ „писакъ и схоластиковъ“ были необходимыми явленіями. Школа эта развилась въ организмъ научномъ, какъ развиваются болѣзни въ организмъ тѣлесномъ. Неправильная діететика, легкомысленное и невѣжественное обращеніе съ существенными, нормальными условіями

жизни влекутъ за собою наказаніе въ страданіи. Неразумное и ложное отношеніе къ жизненнымъ условіямъ науки вызываетъ ту сухотку мысли, ту потерю научной зрѣлости, которыя можно наблюдать въ исторіи юриспруденціи отъ половины XIII до начала XVI столѣтія. „Нельзя было изучать положительнаго права, не зная исторіи и слѣдовательно не понимая духа того народа, который произвелъ его:“ такъ говоритъ голосъ ученой немезиды, вполне понятный для историка юриспруденціи въ XIX столѣтіи.

Отсюда слѣдуетъ, что въ результатѣ оказалось какъ положительное, такъ и отрицательное вліяніе средневѣковыхъ юристовъ на школы послѣдующія. Положительнымъ результатомъ было построеніе пріемовъ догматическихъ; отрицательнымъ — отсутствіе историческаго элемента въ методѣ. Крайнее развитіе послѣдней стороны въ юриспруденціи вызвало противъ себя реакцію, которая почерпнула богатый запасъ силъ въ гуманическомъ движеніи, обновившемъ всю Европу. Но представители реформаціоннаго направленія въ наукѣ избрали для себя среднюю дорогу. Методъ Альціата, Цазія и Куяція, былъ, строго говоря, ученымъ компромиссомъ. Реформаторы метода сохранили корень, посаженный глоссаторами, и ограничились одною прививкою къ нему элемента историко-филологическаго. Экзегеза XVI столѣтія является особеннымъ видомъ одного и того же родового понятія Глоссы въ тѣсномъ смыслѣ слова соотвѣтствуетъ комментарий. Этимологическій и логическій элементы остались, по прежнему, опорой для критики текста; но въ методѣ произошло соображеніе духа и характера народа, который создалъ положительное право, на сколько можно было узнать ихъ изъ классической литературы и древностей. Въ методѣ оказалось направленіе историческое. Какое было это послѣднее—на то указано въ предшествующихъ главахъ настоящаго изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что даже от-

рицательная сторона въ методѣ прежнихъ школъ вызвала новую, положительную сторону въ школъ послѣдующей. Вспомнимъ то, что сказано было о связи представителей гуманическаго направленія съ прежними школами. Вспомнимъ отзывъ Куяція о лучшихъ изъ глоссаторовъ. Во всемъ этомъ будетъ наглядное доказательство той преемственности, которая существуетъ между двумя школами, хотя солидарность эта болѣе всего видна изъ цѣлаго учебнаго направленія.

Предыдущее изложеніе указало то отношеніе, въ которомъ находились между собою французская и голландская школы. вмѣстѣ съ учеными представителями послѣдней, экзегеза, въ формѣ комментарія, догматика, въ формѣ систематическаго компендія, достигли послѣдняго своего выраженія. Голландскіе ученые были классическими юристами въ самомъ точномъ смыслѣ слова. Въ исторіи ихъ—менѣе практической связи съ народомъ, чѣмъ въ другихъ школахъ западной Европы. Голландская ученость есть послѣднее и роскошное проявленіе гуманическаго, но строго-кабинетнаго отношенія къ праву римскому. Ясно, что отсюда еще сильнѣе обозначается преемственная, теоретическая связь ихъ съ прежними школами. Винній соединяется чрезъ Донелла съ систематикомъ Пладентиномъ. Бэнкерсгукъ, Нодтъ и Скюльтингъ примыкають, чрезъ Куяція, къ Аккурсію, котораго послѣдній, по собственному его выраженію, предпочиталъ многимъ юристамъ. Но выше было указано, что тѣ-же Бэнкерсгукъ, Нодтъ, Донеллъ и Куяцій явились образователями Гейнекція, Гофакера, Вейса, и наконецъ Савиньи.

Такъ замѣтно идетъ нить юридическаго преданія отъ средне-вѣковой Болоньи до современныхъ намъ Марбурга и Геттингена. Германская юриспруденція явилась эклектической наукою въ томъ смыслѣ, что приняла въ себя трудовые результаты всѣхъ школъ, которыя предупредили учено-юридическое развитіе въ отечествѣ

Лейбница и Савиньи. Разборъ произведенія старѣшаго ученаго въ этомъ блестящемъ дуумвиратѣ имѣлъ въ виду показать, что авторъ новаго метода является самымъ вѣрнымъ, типическимъ выраженіемъ той исторической роли, которая выпала на долю германской юриспруденціи. Обремененная долгемъ прошедшимъ, наука эта начала работать для будущаго, точно по девизу великаго юриста-философа Лейбница (*Chargé du passé et gros de l'avenir*, см. выше подробное изложеніе о Лейбницѣ).

Въ самомъ дѣлѣ, судьбы научнаго развитія словно избрали Германію мѣстомъ дѣйствія для расчетовъ съ прошедшимъ и для точнѣйшаго опредѣленія новаго направленія. Выше было указано движеніе метода — какъ пульса науки — въ германской юриспруденціи. Въ процессѣ этомъ наглядно представляется тяжелое положеніе мысли, которая не знаетъ, какъ найти ей равновѣсіе среди разнообразныхъ теченій въ морѣ науки. Рациональная философія, старый экзегетическій методъ, болѣе-опредѣленное римско-историческое и наконецъ національное направленіе; все это выступило на сцену. Не удивительно послѣ этого видѣть крайнія направленія и наблюдать ожесточенную борьбу (*hässlicher Streit*, по вышериведенному выраженію почтеннаго Гуго Геттингенскаго). Массы усердныхъ, но мало талантливыхъ людей на ученыхъ постахъ, увеличивали затрудненіе. У гениальнаго Лейбница находятся еще даровитые сторонники въ родѣ Вольфа, Гейнекція и Баха. Но у послѣднихъ являются уже ученые фамулусы въ родѣ Неттельбладта и иной братіи, занимавшейся экзегезой надъ компендіями своихъ учителей. Но какъ ни хаотиченъ этотъ хоръ, а въ немъ явственно звучать двѣ враждебныя струны, которыя служатъ камертономъ для многочисленныхъ крикуновъ въ наукѣ. Что такое поклонники „демонстраціи“ и „аксіомы“? Что такое Неттельбладтъ, Бирлингъ, Гертель и проч. съ одной стороны? Что такое послѣдователи Баха — съ другой?

Какая идея скрывается под знаменемъ „теоретиковъ и практиковъ“?—Практики сливаются съ вольфианцемъ Неттельблаттомъ и потому представляютъ, всё вмѣстѣ, формально-логическій элементъ. Они берутъ результаты грубо-эмпирическаго метода и спаиваютъ ихъ хрупкимъ составомъ своего силлогизма. Короче: люди эти служатъ органами отвлеченнаго, рациональнаго направленія.—Теоретики—какъ мы видѣли это у Шлоссора, Гуго и Варкенига—защищаютъ приемы историко-критическаго метода. Во главѣ ихъ—Бахъ, который пишетъ извѣстную въ ученомъ мѣрѣ исторію. И такъ, въ лицѣ этой партіи, наблюдаемъ мы нѣкоторымъ образомъ, представителей метода историческаго.

Долго шла такая невидная борьба. Пластическое выраженіе ее представляется въ характеристикѣ Гофакера. Наконецъ созрѣли, подъ влияніемъ блестящей теоріи Канта, всё плоды отъ того разлада, сѣмя котораго давно уже брошено было, по мнѣнію Шталя, въ умственную среду Германіи⁽¹⁾. Съ одной стороны, естественно развилось убѣжденіе, что нѣтъ иного права, въ противоположность абсолютному, философскому, крожъ буквы въ нормѣ, изданной законодателемъ. Такая норма была ближе всего къ практикамъ и эмпирикамъ. Возлѣ подобнаго воззрѣнія очень уютно помѣстилось фейербаховское: „что принадлежитъ исторіи, то умерло для жизни“⁽²⁾. Но также естественно было, съ другой стороны, громко поднять свой голосъ тому направленію, которое давно уже слѣдило, съ экзегетическимъ анализомъ въ рукахъ, за

(1) Stahl. Philos. des Rechts. S. 78, 79 etc. Die Reformation abstrahirt völlig von der Weltgeschichte. Sie beschäftigt sich überall nur mit der ethischen Regel, dem Gebot, das allein ist ihr das Göttliche; dagegen die ganze Wirklichkeit und Geschichte gewährt ihr gar kein ethisch bestimmendes Moment... In ähnlicher Weise hat es die Wissenschaft (Ethik und Politik) bloss mit der (absoluten) Regel zu thun... Dieser Zug characterisirt die wissenschaftliche Epoche von Melancthon bis Kant.

(2) Feuerbach. Kleine Schriften. S. 143. Was der Geschichte angehört, ist schon dem Leben abgestorben.

историческимъ процессомъ въ образованіи знаменитѣйшаго изъ положительныхъ законодательствъ. Ученые эти, давно уже знали, благодаря Альціату, Куяцію, Готофредамъ и другимъ, какъ шло римское право, отъ закона XII таблицъ до Юстиніана. Имъ извѣстно было, что не одинъ указъ (*constitutio*), а также и прецеденты, вмѣстѣ съ учеными юристами, имѣли вліяніе на построеніе положительнаго права. Наконецъ они могли имѣть въ виду и такое положеніе въ дигестахъ: „ненарушимый обычай есть особенный видъ закона; но такъ какъ основаніемъ закона служитъ согласіе народа, то не важное дѣло: будетъ ли написано то, о чемъ повелѣваютъ; можно довольствоваться однимъ исполненіемъ на практикѣ“⁽¹⁾. Ясно, что изъ такихъ источниковъ былъ естественъ и логиченъ переходъ къ новому воззрѣнію на положительное право, какъ продуктъ юридическаго сознанія народа; — подъ такими вліяніями легко могло развиться ученіе о важности обычая и науки въ развитіи положительнаго права. Короче: результатомъ всего этого могла явиться и дѣйствительно явилась чисто-историческая школа Гуго, Эйхгорна, Пухты и Савиньи. Такъ понимаемъ мы ту связь, которая существуетъ между разобранными школами отъ Глоссаторовъ до конца XVIII и начала XIX столѣтій. Трудно отрицать, что школа Савиньи сдѣлалась возможною, главнымъ образомъ, благодаря экзегезѣ отъ Ирнерія до Гейнекція. Но работами Гаубольда, Шпангенберга, Дирксена, Бекинга, Клоссія, Геймбаха и друг., школа эта показала, что могутъ еще дѣлать приемы старыхъ школъ для интересовъ современной науки.

Таковы методологическія соотношенія между разобранными школами. Что-же можно вывести изъ разбросанныхъ замѣтокъ объ

(1) Dubois-Guchan. U. S. P. 314.

общественномъ положеніи юристовъ? Всѣ данныя, которыя извлекаются въ этомъ случаѣ на синтетическій судъ разума, можно привести къ одному главному выводу. Общественное положеніе (или—вѣрнѣе—значеніе) юристовъ вездѣ находится въ самомъ близкомъ отношеніи къ вопросу о гражданской и политической развитости народа. Зная одно, можно опредѣлить другое съ большею или меньшею вѣрностію. Явленіе это основано на двухъ простыхъ истинахъ. Во 1-хъ) юриспруденція есть наука практическая. Во 2-хъ) юристы по самому существу своему, являются вездѣ въ роли подчиненныхъ органовъ власти политической. Съ тѣхъ поръ, какъ феодалъ согнанъ былъ съ судейскаго кресла въ замкъ своемъ, съ тѣхъ поръ какъ отправленіе правосудія сдѣлалось чисто-государственною функціею: юристы стали на пьедесталѣ Фемиды въ каждомъ обществѣ и до сихъ поръ еще не сходили съ него.

Много разъ приходилось намъ указывать, на страницахъ настоящаго изслѣдованія, какъ тѣсно связаны на самомъ дѣлѣ теорія съ практикою въ юриспруденціи. Въ жизненномъ круговоротѣ сглаживаются эти отличія. Судья можетъ рѣшать дѣло, по аналогіи, руководствуясь ученымъ мнѣніемъ. Профессоръ имѣетъ право вносить въ науку общій выводъ, на основаніи строгаго анализа судебныхъ прецедентовъ. „Одна рука Фемиды поддерживаетъ другую,“ позволяемъ мы себѣ сказать, въ настоящемъ случаѣ, словами добраго стараго времени.

Въ самомъ дѣлѣ: то-же самое скажетъ исторія. Гдѣ дурно устроилось общественное значеніе юристовъ? Тамъ, гдѣ—продолжая наше уподобленіе—нельзя было одной рукѣ Фемиды поддерживать другую руку въ юриспруденціи. Неизбѣжнымъ результатомъ такого отношенія было, всегда и вездѣ, сходное явленіе. Одна рука—практика—грязнѣла и покрывалась язвами отъ одинокой, безпомощной возни съ тиною житейскою. Другая рука—

теорія—блѣднѣла, желтѣла, сохла и покрывалась пылью отъ неестественной работы между однѣми книжными полками. Тяжело и бесплодно питаться однимъ отвлеченнымъ созерцаемъ идеала правды, не имѣя подъ рукою средствъ приблизиться къ осуществленію его въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ. Трудно и опасно быть органомъ могущественной силы, не имѣя возможности опереться на возвышенную идею правды и на укрѣпляющее еознаніе нравственнаго долга въ отношеніи къ цѣлому народу и обществу. А между тѣмъ одна наука въ состояніи дать все эти опоры человѣку-практику. Свято храня идею правды въ душѣ, юристъ тверже будетъ бороться съ безчисленными трудностями на аренѣ практической; не споткнется онъ такъ скоро объ копейку утилитарности, имѣющей свою законную и полезную роль въ политической и общественной дѣятельности. Какъ велики искушенія, какъ часты случаи паденія: про то можетъ сказать исторія каждаго общества. Служба Маммону легче, чѣмъ служба богу правды и истины. Первый больше всего стоитъ за силу во всѣхъ видахъ ея. Второй—за слабыхъ и неимущихъ въ этомъ мѣрѣ.

И такъ, близкая связь съ народомъ, энергическое и честное стремленіе сдѣлаться полезною рабочею силою въ обществѣ: вотъ личныя условія, которыя даютъ юристу надежду и право на замѣтное положеніе. Но не достаточно одного усердія и сознанія обязанностей въ отношеніи къ той средѣ, куда судьба бросаетъ юриста. Нужно, чтобы обстановка жизни въ данномъ обществѣ не подкапывала всей массы коренныхъ и существенныхъ условій. Не должно забывать того, что юристы составляютъ—какъ бы ни много значили они—сравнительно не важную и подчиненную частицу общества. Историческія, сложныя вліянія, часто съ неудержимою силою, опредѣляютъ судьбы народа. Юристы, сами не замѣчая того, увлекаются въ одну и ту-же сторону съ громад-

нымъ тѣломъ цѣлаго общества. Государственный строй послѣдняго никогда не опредѣлялся въ исторіи по однимъ предписаніямъ науки о правѣ. Роль ея въ этомъ дѣлѣ всегда была, по крайней мѣрѣ, второстепенною. Напряженность и борьба людскихъ страстей, матеріальные интересы, — событія, которыя возникаютъ и разражаются не рѣдко съ быстротою и силою урагана надъ обществомъ, — наконецъ упругая и самобытная природа національнаго духа: все это служитъ, въ разныя времена, въ различныхъ сочетаніяхъ, двигателемъ исторической жизни. Слишкомъ смѣло было-бы предполагать, что незначительный корпоративный вѣсъ юристовъ рѣшаетъ, подобно мнѣнію президента коллегіи, вопросъ объ устойчивости или не устойчивости, о томъ или другомъ направленіи въ жизни политическаго тѣла.

Замѣтки и частные факты, разсѣянные на предыдущихъ страницахъ, могутъ представить въ этомъ случаѣ нѣсколько историческихъ доказательствъ. Почему могли имѣть сильное вліяніе — и дѣйствительно имѣли его — французскіе юристы? Потому — слѣдуетъ отвѣчать на подобный вопросъ — что они работали въ связи съ потребностями и стремленіями своего общества и народа. Почему, съ другой стороны, не имѣли такого вліянія германскіе юристы? Опять-таки потому, что они, менѣе чѣмъ во Франціи, сходились съ обществомъ и народомъ. Въ первой странѣ юристы были болѣе общественною, а во второй — болѣе бюрократическою силою. Французскіе юристы родились, закалились и наконецъ пали, какъ независимое сословіе, въ борьбѣ общественной. Германскіе юристы произошли на свѣтъ Божій въ канцеляріи максимиліановскаго камеръ-герихта; боролись они главнымъ образомъ съ техническими и бюрократическими трудностями; работали усердно, но не падали съ такой высоты, какъ французскіе ихъ собратія, по той простой причинѣ, что никогда на нее не веходили. Въмѣсто всего этого, покойно уснули добрые гелертеры

на уютныхъ креслахъ многообразныхъ канцелярій и дикастерій. Геніи убажены были титулами гофъ-ратовъ. Особенно-безпокойные подвергались временному лишенію свободы. Самую ядовитую долю въ страданіяхъ немногихъ буйныхъ „монадъ“ была масса гоненій, мелкихъ обидъ и презрѣній со стороны большинства въ обществѣ. Тяжело и грустно-смѣшно разыгрывать роль непризнаннаго пророка посреди не далекихъ, самодовольныхъ и мѣщанственныхъ филистеровъ. Трагическая роль должна переходить въ „низкую комедію,“ отнимая у гонимой жертвы послѣднее—печальное, но часто спасительное—утѣшеніе: отплатить за неправду словомъ, облитымъ сердечною горечью и тоскою о достоинствѣ человѣка и гражданина.

Таковъ тотъ общій выводъ, который можно сдѣлать по послѣднему изъ заданныхъ нами, при началѣ изслѣдованія, вопросовъ. Какъ слуга и экзепонтъ разумныхъ и правомѣрныхъ стремленій общества, юристъ можетъ быть полезенъ и даже необходимъ, именно потому, что ему удобнѣе всего положить самую крупную и наилучше вычеканенную лепту правды въ кассу народной жизни. При милліонахъ индивидуальныхъ стремленій, благотворною является роль тѣхъ, кто честно вынесетъ къ народу сильное и искреннее слово свое о томъ, что нужно воздавать каждому изъ многихъ людей въ отдѣльности. Но горе обществу, гдѣ юристъ является слугою грубой силы, каковы бы ни были природа и форма послѣдней! Горе юристамъ, которые забудутъ, или станутъ фарисейски произносить, слово справедливости! Подобные правовѣды окажутся такими же ничтожными и вредными дѣятелями на аренахъ гражданской и политической, какими бывають солдаты, идущіе на бой съ врагомъ безъ оружія.—Такъ, говорятъ, смотрѣлъ на значеніе юриста нашъ русскій ученый, покойный профессоръ Мейеръ, имя котораго, не разъ и съ уваженіемъ, приводимо было на страницахъ настоящаго изслѣдованія. Дума-

емъ, что въ иластической простотѣ этихъ словъ заключается сильная истина, которую будетъ закрѣлено личное наше мнѣніе.

Но позволяемъ себѣ предполагать, что не маловажнымъ закрѣпленіемъ его можетъ служить великій историческій примѣръ римской юриспруденціи. Передъ этою послѣднею блѣднѣеть, въ настоящемъ случаѣ, все что прожито позднѣйшими націями. Здѣсь, у римлянъ, видимъ мы юристовъ, которые открыто, публично учатъ праву, объясняя его на форумѣ передъ толпой народа и, жадныхъ къ каждому слову ихъ, молодыхъ адептовъ науки. Не тѣсны стѣны рабочей комнаты, не одинокая лампа современнаго ученаго, а вѣковой капитолій и волны симпатизирующаго южнаго населенія окружали юриста. Не одно безцѣльное, мимолетное любопытство выражалось на мужественныхъ лицахъ въ толпѣ римской. Внимательными и строго-требовательными судьями общественныхъ своихъ дѣятелей были потомки квиритовъ. Каждый юристъ долженъ былъ владѣть, не зависимо отъ знаній, ораторскимъ даромъ ясной и сильной рѣчи. „Слушатели и даже просто-любопытные, толпа которыхъ волнуется кругомъ, непременно хотять слышать блестящую дикцію“ — говоритъ Тацитъ (1). Но тутъ-же стоялъ официальный судья, который имѣлъ власть остановить и направить рѣчь, покидавшую прямое и свѣтлое свое теченіе. „Онъ (практически судья) быстрѣе рѣчи“ — замѣчаетъ все тотъ-же знаменитый свидѣтель давно прошедшихъ спенъ этихъ. „Если убѣдительность доводовъ, если яркость мысли, блескъ и прелесть описанія не увлекають судьи: ораторъ становится ему въ тягость.“ За то велика была награда счастливица, умѣннаго удовлетворить требованіямъ строгихъ специалистовъ и прирожденному юридическому смыслу наро-

(1) Dubois-Guchan. U. S. P. 297, 298.—Сравни. Main. U. S. P. 36, 37.

да. „Вотъ идетъ онъ“ — говорить о любимомъ юристѣ-ораторѣ Тацитѣ: „Сколько тогъ сопровождаютъ его! Какое торжество въ народѣ! Какое уваженіе къ нему въ преторіи! Какое счастье, когда встаетъ онъ и начинаетъ говорить при всеобщемъ молчаніи и напряженномъ вниманіи толпы, которая окружаетъ его и повинуется своему оратору.“

Таковы картины изъ быта стараго Рима. Яркими и неувядающими красками выступаютъ на нихъ великія начала гласности, публичности и свободы слова въ юридической жизни. Сама собою высказывается изъ-за всѣхъ этихъ подробностей истина: вотъ гдѣ обильный родникъ силы римскаго народа; вотъ гдѣ разгадка великаго и полезнаго значенія, въ общественной средѣ его, отечественныхъ юристовъ!

Но энергическимъ токомъ всплываетъ особенное, горячее чувство на душѣ русскаго юриста, когда затрогиваетъ онъ, въ одинокихъ академическихъ работахъ своихъ, величественныя сцены изъ далекаго и, до послѣдняго времени, чуждаго намъ прошедшаго. Чувство это набѣгаетъ на мысль, а мысль говоритъ самой себѣ: пусть не умирающія начала эти какъ можно глубже войдутъ въ жизнь нашего народа, служеніе которому въ интересахъ истиннаго блага его сдѣлается тогда—при гласности, публичности и свободѣ правдиваго слова—осязательнымъ, полнымъ, неизмѣннымъ назначеніемъ будущаго, болѣе счастливаго, поколѣнія истинно-русскихъ юристовъ!

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	Напечатано.	Читай.
XI	въ ремарк. 2 снизу	gegeben	gegeben
XIX	въ ремарк. 1 снизу	Biographie	Biographie
XXIII	— 2 —	Kuno. Fischer-	Kuno-Fischer.
5	— 6 —	говоришь	говорить
19	въ текстѣ 9 сверху	религіозной	религіозной
24	— 3 —	самимъ	самимъ
—	— 3 снизу	Максимилія	Максимиліана
31	— 5 сверху	слово «и» совершенно лишнее.	
38	въ ремарк. неправильно названа 1-я ремарка 3-ю и 2-я 1-ю.		
56	въ текстѣ 13 сверху	внутренней	внутренней
62	— 6 снизу	и Доматѣ	о Доматѣ
65	— 6 сверху	дѣлано	сдѣлано
94	— 7 снизу	припомнить	припомнимъ.
96	—	перепутанъ порядокъ ремарокъ.	
135	въ ремарк. перепутанъ порядокъ цифръ.		
161	въ текстѣ 6 сверху	датемиковъ	математиковъ
248	въ ремарк. 3 снизу	Main	Maine
262	въ текстѣ 5 сверху	Emphytheusis	Emphyteusis
268	— 7 —	Шлоссера	Шлоссера
270	— 7 —	вѣрносвію	вѣрностію
273	— 7 снизу	справедливости	справедливость